

Игорь БАБАЕВ

НАСЛЕДИЕ

Книга четвертая

НАХАМЬЁ и ХАВО

Игорь БАБАЕВ

НАСЛЕДИЕ

Книга четвертая

НАХАМЬЁ и ХАВО

Москва

2016

Дорогой мой, любимый и родной дедушка Нахамьё! Так быстро пролетели годы, но в памяти моей с самых малых лет ты всегда со мной! Именно ты и никто другой из всего рода Бабаевых наполнял мое сердце теплом и добротой. Никто не обладал таким большим и любящим сердцем! И никто не мог так, как ты, окружить заботой и нежностью своих родных – меня, моих братьев и сестру... А нам, детям, так это было необходимо именно в то тяжелое время, когда любви так не хватало!

А с какой радостью ты находил время для внуков, когда мы подходили со своими вопросами и просьбами! Ты всегда встречал нас с добрым сердцем. И это навсегда останется со мной!

И уже через меня твоя любовь течет дальше – к моим сыновьям и дочери – Сереже, Жене и Сонечке. Я передаю то тепло, которым ты заполнил мое сердце, как самое большое богатство и ценность своим потомкам.

Нас, четверых беспомощных детей, в очень раннем возрасте оторвали от матери... Но в народе говорят: «Не та мать, что родила, а та мать, что воспитала!»

Отдавая все свое здоровье, вкладывая душу и сердце, благодаря огромным волевым качествам и безумной любви к сыну Хаво, наша бабушка, стала для нас Мамой. Она приняла нас в тяжелейшее послевоенное время и, несмотря на преклонный возраст, вложила в нас свои лучшие качества – сильнейшую волю, твердость характера и бесконечную любовь к тем, кого любишь. Спасибо, Мама!

Игорь Бабаев

I

Я вышел на улицу. Огляделся. От увиденного у Анатолия Георгиевича кружилась голова. «В гостях у сказки» – так это можно было назвать. Главное, хотелось все осмыслить.

Подошел к краю тротуара, вытянул руку. Остановилось такси. И только тут задумался: «А куда мне нужно ехать?»

В круговороте событий я совсем позабыл о делах насущных – о путевке для Лиды и Сережи. Позвонить было неоткуда. Оставалось ехать прямо в «Четверку», Четвертое управление Минздрава, к всемогущему Вакулину, и решить на месте. Не совсем корректно, зато наверняка.

Я уселся на заднее сиденье.

В душе закипало радостное нетерпение – оно теплой волной растекалось по телу, проникая прямо в сердце, преисполненное надежд на будущее. Это были уже не мечты. Это были реально открывшиеся возможности. Наступит

день, когда Тарада потянет нас за собой! Он так просто с нами не расстанется! Год, полтора – и точно что-нибудь произойдет. Один в поле не воин.

– Так куда ехать? – вернул меня к действительности голос шофера.

Я назвал адрес. Машина плавно тронулась.

Я приоткрыл окно. Ветер растрепал волосы. Несмотря на то, что было еще светло, кое-где уже зажглись неоновые огни вывесок, словно пытаюсь предупредить наступление ночи. Они манили загадочным бриллиантовым светом, словно были отсветом того пути, который был мне явлен у Тарады.

Чему же я на самом деле был свидетелем? Мираж или реальность, приоткрывшая мне свои тайны? Вот что нужно понять! Чужая сказка или путь для меня и моих близких?!

«Всегда нужны свои люди...» – вспыхнула в мозгу фраза Тарады. А «свои» – это для него кто? Это же мы со Славой и есть!

– Приехали, – буркнул водитель, притормаживая у подъезда типичного здания советской постройки.

Я даже не заметил, как мы добрались. Расплатился и, не дожидаясь сдачи, выскочил из машины. В душе все пело и плясало. Несмотря на вечер пятницы в здании «Четверки» еще кипела жизнь. Меня даже не волновало, что я приехал без звонка. Лишь бы только он был на месте. Сейчас мне казалось, что передо мной открыты все двери.

Пустынная улица за окнами, благоговейная тишина в коридорах – люди, здесь работающие, явно чувствовали собственную значимость.

Я бегом взлетел на третий этаж.

В приемной Вакулина посетителей не было. Задумчивая секретарша сидела тихо, как мышка, и красила ногти

с таким видом, будто решала уравнения высшей математики.

– Здравствуйте, – громко поздоровался я.

Она вздрогнула, подняла на меня испуганные, кроткие, словно у ангела, глаза.

– Доложите Александру Александровичу, что к нему Бабаев, – решительно произнес я.

Секретарша смутилась, испуганно кивнула и исчезла за массивными дверями кабинета.

Не прошло и несколько секунд, как дверь распахнулась и в проеме возникла огромная фигура Вакулина.

– Игорь! Как? Вот так, без звонка? – Он радостно протянул мне руку.

Сан Саныч Вакулин, первый заместитель начальника «Четверки» Минздрава СССР, буквально сгорал на работе. Распределение путевок было его коньком. Номенклатура всех уровней одолевала его тысячами звонков со всего Советского Союза. У любого другого это вызвало бы космический ужас или завышенную самооценку, но Сан Саныч оставался человеком, который умел чувствовать под собой землю.

С ним меня познакомил отец, когда я, ломаный-переломанный после аварии, нуждался в реабилитации. Вакулин буквально поставил меня на ноги, и я был ему за это очень благодарен.

Он заулыбался, расставил широко руки, словно собираясь заграбастать в свои объятия вместе со мной сразу полмира. Голос его был зычен настолько, что оставалось впечатление, будто в его грудь был вживлен орган.

Я столь же радушно раскинул в ответ руки, как бы говоря: вот он я, весь, какой есть; срочно вызвали в Москву, ни секунду продыху, а не повидаться – не мог...

– Ну и правильно, что без звонка! – загудел Вакулин. – Проходи! – Голос его изменился. Появились усталые нотки,

свидетельствующие о том, что вечер пятницы дает о себе знать. Он легонько подтолкнул меня в спину, словно я был бильярдный шар, который следовало закинуть в лузу.

– Света, два чая нам сооруди, – бросил он секретарше.

Я устроился в огромном кожаном кресле, Вакулин сел напротив.

– Ну, рассказывай... Как себя чувствуешь, старые раны не ноют?

Он, казалось, был совершенно искренне рад моему приходу, хотя, быть может, я его отрывал от важных дел.

– Нет, – усмехнулся я. – Спасибо. Все течет, все меняется. Скоро уже и забуду о том ужасе, что со мной приключился... Здоров как бык!

Я рассмеялся.

– Ну, бык для директора мясокомбината – то, что надо, образец! – заразительно расхохотался Вакулин и подмигнул мне. – Да... Собирали мы тебя тогда по частям. – Он задумался, поскреб подбородок, заговорщически обернулся на плотно прикрытую дверь и наклонился ко мне поближе. – Ну, а как дела вообще? Каждый день за завтраком жена не устает тебе поклоны передавать... Говорит, такой колбасы отродясь ни у кого не ела.

Я махнул рукой, мол, что за ерунда.

– У нас все в порядке. Ко мне подходили ваши люди, передавали просьбу, вроде как все решилось.

– Да, Игорь, спасибо, все в полном ажуре. У нас, сам понимаешь, поддержка хорошая. Но в тот раз заезд был ну просто уникальный. Все как на подбор – министры, замы, семьи... Сам понимаешь, здесь особый подход нужен. Так что твоя поддержка как нельзя кстати. А ты что, в этом году не собираешься никуда? – вдруг спросил он подозрительно.

– Да я, собственно, по этому поводу и пришел. Хочу через десять дней семью в санаторий матери и ребенка в Архипо-Осиповке отправить.

Лицо Вакулина изменилось.

– Через сколько? – он смутился, – Архипо-Осиповка... Ты б хоть предупредил меня на недельку раньше... Архипо-Осиповка!!!

Он стал похож на озадаченного крупье казино, у которого вдруг кончились фишки. Хмыкнул что-то, задумавшись.

– Самый разгар отпусков! Да-а! – Вакулин всей пятерней смял лицо, изображая тяжелый мыслительный процесс. – Умеете вы задачи поставить, Игорь Алексеевич, да-а...

Он легонько стукнул ладонью по столу, словно отгоняя муху.

Дворец в Архипо-Осиповке был единственным в СССР детским санаторием, построенным на берегу моря. И конечно, желающих попасть в него было не счесть.

– Ладно... – Вакулин хитро посмотрел куда-то мне за спину, дотронулся до локтя, мол, «а вот послушай, что я тебе скажу?», но ничего не сказал, а стал ждать, какотреагирую я.

– Ну, извините... Сами понимаете... – развел я руками. – Москва свалилась, как всегда, внезапно, продохнуть некогда. Понимаю, что не вовремя, но вот не получилось раньше.

Бесшумно вошла секретарша, неся на подносе чай в серебряных подстаканниках. Вакулин благосклонно взглянул на нее, мазнув взглядом чуть ниже талии.

– Света, вызови мне отдел реализации путевок.

Света кивнула и исчезла.

Буквально через пять минут на пороге появилась начальница отдела реализации – блондинка невероятного роста и с весьма выразительными формами – с «буферами», чуть ли не вдвое пышнее Светиных.

«По каким критериям он их подбирает?» – мелькнула у меня мысль. Вакулин заметил мой взгляд. Залился сме-

хом. Махнул Марии (так звали барышню), мол, ничего-ничего, не тушуйся.

Лицо его стало до крайности серьезным.

– Маша, подними срочно Архипо-Осиповку. Что там у нас с заполняемостью? Мне места нужны. Два номера. Самых лучших.

– Жена с сестрой и дети, – прошептал я.

– Два номера, – эхом повторил Вакулин.

Маша деловито кивнула.

– Хорошо, Александр Александрович.

Вакулин бросил взгляд в сторону закрывшейся за ней двери:

– Аристократка секса! Все может! И то, чего не может – научиться и сделает. Понимаешь, о чем я!? – И он захохотал, довольный своим мужским намеком.

Я рассмеялся в ответ коротким звучным смешком охотника, который с полуслова понимает другого, как только речь заходит о добыче.

– Ну ладно, – вздохнул Вакулин, – сейчас будем думать, как тебя пристроить. Август, как в песне поется, «месяц легкий», а у нас все наоборот. Добро, люди бы в отпуск в декабре летали. Вот, пожалуйста... Вся страна в снегах, лети куча хочешь, да? – и он снова рассмеялся собственной шутке. – Снег растопил, чем тебе не море теплое?! – И он зашелся в радостном хохоте.

Я подумал, что он никогда не бывал там, где по-настоящему холодно.

– Ну, ладно, хватит, – оборвал сам себя Вакулин; лицо его стало грустным, будто он собрался поведать мне страшную тайну. – Для особых людей мы постараемся придумать что-то особенное.

Он открыл какие-то ведомости и стал внимательно изучать их, явно демонстрируя мне, как тяжело ему решить

задачу, которую я ему задал. Словно сделай он один непродуманный ход – и все пойдет прахом.

Раздался гул селектора, казалось бы с другой планеты, а следом и четкий деловой голос Маши:

– Александр Александрович, с двадцатого августа по одиннадцатое сентября есть окно.

– Вот видишь!? – щелкнул пальцами Вакулин... – Получилось! – Он артистично демонстрировал мне, как тяжело он решает мой вопрос. На самом деле я знал, что в этом деле для него нет трудностей.

– А пораньше что? – спросил он с затаенной надеждой, как игрок, который ждет второго козырного туза подряд.

– Раньше все забито. Есть только ваши резервы...

– Ту-ту-ту, – замахал руками Вакулин, словно отгоняя от себя тучу мух. – Туда даже не смотри. – Он обернулся ко мне с неловкой улыбкой, как человек, которого застали раздетым в чужом доме. Смущенно развел руками. – Цековский лимит, сам понимаешь... Ты даже не представляешь, какую конфетку мы сделали в Архипо-Осиповке! Ты думаешь, почему туда все рвутся? Это... – он не нашелся, с чем сравнить, – что-то с чем-то.

Я пожал плечами. Мол, чего объяснять?

Он с благодарностью накрыл своей ладонью мою.

– Спасибо тебе, Игорь. С двадцатого на двадцать один день – устроит?

Я утвердительно кивнул.

– Маша, закрывай это окно под Бабаева, – крикнул Вакулин радостно. – Целиком! – И выключил звук. – Ну, я же тебе говорил! – Он посмотрел на меня так, как будто мы вместе с ним одержали победу в тяжелом бою, почесал за ухом и задумчиво произнес: – Так ты – везунчик.

Он говорил это абсолютно серьезно.

– Не было ведь мест. Я-то знаю. Там у нас главный врач Почтаренко только вчера расклад прислал. Кстати,

я ему позвоню, предупрежу, что ты заедешь. И тебе его координаты дам, чтобы ты не волновался.

– Да, было бы неплохо, – признался я. – Иногда нужно самому поддержать, проконтролировать.

Вакулин снова нажал кнопку селектора:

– Света, Игорю Алексеевичу дай координаты Почтаренко и позвони ему, предупреди о заезде. Скажи, что лично от меня.

– Будет исполнено.

Вакулин, откинувшись на спинку кресла, достал сигарету, закурил. Он втягивал в себя дым точно ювелир, боявшийся допустить малейшую оплошность.

Заговорил о семье. Говорил красиво, внятно, четко выговаривая окончания слов, словно там, притаились какие-то самородки, которые он должен был собрать одними губами. При этом выражение его лица беспрестанно менялось, как в калейдоскопе, так что не поймешь, о чем он на самом деле думает: то ли и вправду радостен, каким хочет казаться, то ли безумно устал.

Он вдруг замолчал, подсел поближе и положил руку мне на плечо.

– Ну что, Игорь! Жизнь удалась? – И сам же согласно закивал, словно чемпион мира, одержавший победу в тяжелойшей шахматной битве. – В следующий раз заранее предупреждай насчет своих желаний. А то может случиться, что они не будут исполнены. Я же не бог! Я тоже ограничен в возможностях. Не ставь меня в сложное положение.

Он сделал ударение на слове «сложное».

– Да я все понимаю, Сан Саныч...

– Ну и лады. Как отец?

– Да вот, собираюсь сейчас к нему. Давно не виделись.

– Передавай привет от меня обязательно.

– Хорошо. Ну что ж, я пойду, – я встал, – время уже поджимает.

– Давай-давай. Молодец, что зашел! – Он крепко пожал мне руку на прощание, словно это рукопожатие было еще одной наградой – дополнительной – за то, что я к нему заехал, и добавил: – Свои же люди, надо чаще видеться. Кстати, отец твой тоже редко звонит, мог бы и почаще. Передай ему это. Если надо – любую проблему решим.

Мы простились.

II

Сумерки уже успели сгуститься, так что весь мир казался немного призрачным, даже силуэты домов выглядели хрупкими, словно из картона: ткни – и повалятся.

Я немного постоял на ступенях здания, вдохнул полной грудью воздух. Все складывалось удачно. На небе появился молодой месяц. Чья могучая воля держит этот хрупкий мир в узде, наполняя его смыслом и очарованием? Мысль мелькнула как тень, даже не успев оформиться в слова.

Настроение было боевым.

Прохладный ветерок подул мне в лицо как бы отвечая: «Все так и есть. Давай, не тормози, действуй».

Я заторопился к отцу. Слишком много новостей, слишком много событий, о которых нужно ему рассказать.

До улицы Новаторов я домчался за считанные минуты. Трафик в Москве еще не отличался напряженностью.

Меня ждали. Валя уже накрыла стол, отец сразу достал бутылочку «Кубанской», разлил по стопкам.

– Ну, что ты в Москве позабыл? – начал он вместо приветствия, крепко прижимая меня к себе. – Звонишь в последнюю минуту. – В голосе его слышалась затаенная радость. – Ух, какой крепкий.

Я приобнял его.

Незримая теплота, всегда существовавшая между нами, вдруг цементом сплотила нас. Возможности, харизма и советы отца всегда были моим крепким фундаментом.

– Да, пап, дела... Мне ли тебе рассказывать. Кручусь-верчусь. Всем помоги, достань то, достань это. Надоело.

Отец с любопытством посмотрел на меня.

– Надоело? – усмехнулся он. – Скажешь тоже! В этой беготне наша сила. Ты думаешь, я просто так сижу? Каждую минуту звонят: одному то надо, другому – это. Вот это, Игорек, беготня. Но ко всему привыкаешь. И даже жить без этого не можешь, – и он азартно рассмеялся, хлопнув по столу ладонью точно игрок, который вдруг угадал ход мыслей своего оппонента.

Он быстро разлил еще по стопке, словно торопя удачу, пока она с нами:

– Давай за тебя со Славой! За ваши успехи!

Мы одновременно рассмеялись. Отец отправил в рот горстку соленой капустки, захрустел... У него был редкостный талант любой стол, каким бы щедрым или скромным он ни был, делать невероятно вкусным. То, как он умел преподнести гостю блюдо, смакуя его и распробывая, было всегда сродни кулинарному спектаклю. Даже у стоящего на пороге смерти неврастеника он способен был пробудить тягу к жизни жестом, которым подносил ко рту огурчик, хрустом, с которым его надкусывал, и блеском, что при этом зажигался в его глазах.

Я восхищенно смотрел на отца. Он же посматривал на меня с любопытством, но не торопил. Ждал, когда сам

начну рассказывать. А я, словно вступив в некую игру, все оттягивал удовольствие.

– Да, чуть не забыл. Тебе привет от Вакулина.

– Был у него? – спросил отец с наигранным удивлением, словно радист, услышавший в эфире ожидаемый звуковой сигнал. В него как будто был вживлен радар, который заранее подсказывал ему, где и куда я еду, с кем именно из его друзей встречаюсь.

– Да, Лида с ребенком и Ларисой хотят поехать в Архипо-Осиповку. Надо было решить этот вопрос.

– Полагаю, решил?

Я промывчал, утвердительно кивнув. Рыбец за столом был как в нашем детстве, точно только сейчас привезли из Каспияска.

– Пап, где ты это берешь в Москве? – удивленно спросил я.

Отец довольно закивал головой: мол, свои места есть, ешь, нахваливай, а где беру – не скажу.

Я принялся уплетать. Повисло молчание. Отец вопросительно посмотрел на меня.

– И это все?

Я загадочно улыбнулся, давая его любопытству разгореться. Потом медленно, растягивая удовольствие, добавил:

– Заскочил после Та-ра-ды.

Отец на секунду замер, как боксер, пропустивший удар от недооцененного противника, а потом как ни в чем не бывало спросил:

– Так ты и с Анатолием встречался? – В глазах его заплясали искры то ли удивления, то ли любопытства и удовольствия от хорошей игры, в которую я его втянул.

Я кивнул.

Отец отложил вилку в сторону.

– Я с ним после перевода еще не встречался, – он говорил медленнее, чем обычно, словно взвешивая на весах

каждое слово и оценивая смысл того, что они означают, о чем свидетельствуют. – А ты уже побывал. На службу заезжал?

– Нет, он дома принял, – как можно сдержаннее ответил я.

Отца как будто током ударило, но он подавил свое изумление, сдержался.

– В Филях?

– Именно.

Мы были похожи на двух игроков с краплеными картами в рукавах, каждый из которых уверен, что он точно знает, какую карту выбросит другой.

– Наслышан про те домики, – проронил отец скептически, мол, ничего особенного, больше разговоров.

– Слышать – это одно, пап. Другое дело – видеть.

– И что же ты видел? – В глазах отца я заметил нетерпение.

– Ну, инструктор ЦК партии понятно, как живет. Например, Сильченко – важный гусь, ничего не скажешь.

– Причем здесь Сильченко? – Отец удивленно посмотрел на меня. – У Сильченко хорошая квартира.

– Но потеряться нельзя. А у Тарады можно! – произнес я с напором. Сила эта вдруг сама вылетела из меня, вместе со словами, как пробка шампанского. Я вскочил. – Пап, послушай... – Мое нетерпение проскочило между нами вольтовой дугой. – Я тебе отвечаю – ослепнуть можно. Везде хрусталь, люстры... Там даже Боднев не ночевал с его цацками. – Я замолчал, словно игрок, который выложил все козыри и теперь ждет ответного хода противника. Но отец молчал. – У него все по-другому. Понимаешь? А размеры?! Это на стадион больше смахивает.

Отец внимательно посмотрел на меня, в его глазах промелькнуло недоверие – а не ввожу ли я его в заблуждение?

– Прямо-таки хоромы?

– Я таких еще не видел.

– Да ты успокойся, садись, – охладил он мой пыл. – По порядку расскажи.

Отец слушал меня внимательно, словно я передавал ему шифrogramму, от правильного декодирования которой зависела наша с ним судьба. Я не упустил ни одной детали – с того момента, как Тарада распахнул передо мной дверь. Даже то, во что он был одет.

– И сказал, что впереди у нас большие дела, – закончил я. – При этом он всего лишь заместитель министра, а квартира – как у члена Политбюро! Это же факт, папа! – Я вопросительно уставился на отца.

– Дела! – произнес тот с некоторой растерянностью, как если бы мой рассказ подействовал на него как ушат холодной воды.

Я не понял этой его реакции.

– А ты сам что по этому поводу думаешь? – спросил он примирительно.

– Тут к гадалке не ходи. Нашим Анатолием Георгиевичем кто-то движет. Без «руки» такое получить невозможно!

Отец опрокинул рюмку. Когда решения не было, надо было выпить. Он смотрел то на меня, то на рыбец, словно взвешивая, что предпочтительнее: вкусная еда или тайна Тарады, которая вдруг стала приоткрывать перед нами свои двери.

Он почесал затылок.

– Я думаю, ты прав, Игорек! Его перевод из Краснодара... – Отец задумался. – Это неспроста.

– А я о чем?! У Тарады есть реальная перспектива сесть в кресло министра. И он это чувствует. Антонов-то – почти пенсионер, сам рассуди, его скоро выпрут на заслуженный отдых, и тогда – дорога перед Анатолием Георгиевичем открыта. Весь вопрос – кто еще претендент.

За Тарадой стоит кто-то поважнее. Вот тут вопрос. Насколько этот кто-то готов за него похлопотать. Он к этому может быть уже и готовится.

Отец покивал головой.

– Ты давай, ешь, – вдруг сказал он раздраженно, заметив, что мы совсем позабыли про еду.

– Пап, ты представляешь, он – министр! Это же... – Я попытался передать мой восторг отцу. Потом не удержался и, чуть понизив голос, произнес. – Про нас он не забудет точно. Ему же нужны свои...

Отец перебил меня.

– Не забегай вперед.

Я закусил губу.

– Он же сам говорил.

– Что он говорил? – Угадав мой намек, с напором воскликнул отец. – Друзья? Это хорошо для застолья. А для карьеры... У каждого друга есть другой – не очень друг. – Отец пытливо посмотрел на меня. – Понимаешь? И Толя – не пряник. Всем мил не будешь. И его покровитель тоже. На каждую щуку своя акула найдется.

Отец нахмурился и принялся сердито уплетать мясо, иногда поглядывая на меня, мол, сам не понимаешь?

– Ты о чем, пап? – удивился я. – Ты же сам говорил, что все утихло.

– Утихло тогда. Ты что, не в крае живешь? Глаза имеешь? Людей потихоньку забирают. Гена Бровин говорит, что прокуратура Найденова просто так не забудет. А я его чутью доверяю. Утихло, не утихло – не важно! Не только край – страну трясет. Будь это десять лет назад, да что десять, пять лет, я бы здесь с тобой лезгинку сейчас плясал. Думаешь, я не понимаю, кто стоит за Анатолием, за Медуновым? – Отец не договорил, оборвал сам себя на полуслове. – Понимаю. Только Леня уже не тот,

что раньше, Игорь. Раньше Медунов все мог через него решать, а теперь можно и в ящик сыграть.

Я оторопел.

Отец подцепил буженинку и медленно, словно в ее разжевывании сейчас заключался весь смысл жизни, произнес:

– Леонид Ильич совсем плох. В Кремль ездит через день. Время работы сократилось до трех часов в сутки.

– Да ну?

– Бровин врать не будет. И то, что Толя оказался в Москве – это, конечно, счастье для всех нас. Но, прежде всего, это счастье для него самого. Его выдернули из кубанской мясорубки! Понял? Будем надеяться, что это так. И если его таинственный покровитель в самом деле такой могущественный, тогда ему действительно бояться нечего.

Отец с хрустом откусил огурчик, пристально посмотрел на меня, словно говоря: «Сынок, на что бы ты ни надеялся, никогда не надейся на это до конца».

– Надо смотреть в корень, – в голосе отца я уловил тревогу. – Тут позвонил одному товарищу, нужно было вопрос решить, так жена сказала – арестовали. Да куда там далеко ходить! Стас сидит, Артамонов сидит. Ты же их знаешь! Уже столько народа пересажали – с ума сойти. Можно подумать, что в крае кругом преступники! Так что квартира – квартирой, а Тараду увели в Москву вовремя, это факт.

– Увели? – передо мной вдруг стала открываться другая картина.

– Ну не сам же он ушел?! Его спасали.

Чем больше говорил отец, тем больше от моего счастливого восторга оставались только тлеющие головешки. Я попробовал найти контраргумент.

– Тарада знает не меньше твоего, что происходит на Кубани. И он абсолютно спокоен. Клянусь.

– Дай-то Бог, Игорек! Дай Бог! – В глазах отца я прочитал заботу, искреннюю, неподдельную, обо мне, о Славе... – Дай Бог, чтобы у вас все было хорошо.

Он не договорил, опорожнил стопку и звонко припечатал ее к столу, словно ставя точку.

– А знаешь что? – Он вдруг засмеялся, стал прежним балагуром и весельчаком, хитро посмотрел на меня.

Потом потянулся к трубке и стал набирать чей-то номер. Его палец напоминал копье, которым он пытался проткнуть диск аппарата, губы что-то беззвучно шептали.

– Пап, ты молишься, что ли? – со смехом спросил я.

Отец поднял указательный палец, желая прервать мою сентенцию, а потом вдруг закричал на всю квартиру:

– Ну что, не ожидал, что я тебя достану?!

От громогласного баса отца зазвенела хрустальная люстра. Он немного отодвинул трубку от уха и я расслышал голос Тарады.

– Леша, ты!?

– А кто же еще? – Голос отца гремел как сто тысяч труб.

Он раскатисто смеялся, сыпал какими-то прибаутками, успевая расставлять в разговоре только ему одному понятные капканы и ловушки, так что собеседник даже не догадывался, о чем на самом деле его спрашивают. Отец спрашивал, отвечал и вел разговор только по одному ему ведомому пути.

– Значит, в Москву перебрался, а носа не кажешь!? Старыми друзьями брезгуешь? – Он снова засмеялся, но уже тише, уважительней, словно увидел зияющую брешь между ним и собеседником. – Нехорошо, дорогой. С тебя штрафная.

В трубке что-то затрещало, отец возразил, потом с чем-то согласился.

– А что такое? – Он снова притворно удивился. – Нет, брат, так не пойдет. Такое назначение не каждый день случается! Давай, собирайся. Место – как всегда, ты знаешь! Тем более, завтра суббота.

Отец попрощался, положил трубку, откинулся в кресле. Победно взглянул на меня. Ну что, видел, как надо!

– Завтра я с ним встречаюсь. И все выясню, что там да как с нашим Анатолием.

От его сомнения не осталось и следа. Теперь он был главный. И мяч был на его стороне. Отец вдруг неожиданно рассмеялся.

– А то давай к нам присоединяйся.

– Пап, ты что? Мне завтра уже возвращаться пора.

– Ну, нужно – так нужно, – загадочно протянул отец. – Значит, встретимся с Толей нашей компанией. Янушкина подтяну. Он сейчас здесь. И Кузьмича. Этого будет достаточно. Вдвоем не надо. А вчетвером – самое то. Языки еще не так расплетутся. Я потом расскажу тебе, что там да как.

Мы пошли укладываться спать.

Несмотря на усталость, я чувствовал себя возбужденным, долго ворочался. Сон странным образом ускользал от меня. В голову лезли различные вопросы, поставленные отцом. Так ли на самом деле устойчиво положение Тарады? Кто за ним стоит? И что будет в зависимости от этого со мной и со Славой?

На сером московском небе высыпали редкие звезды. Косматая комета пронеслась по небу. Конопушки звезд усеяли все видимое пространство черной, как цыганский платок, ночи.

III

Проснулся я ни свет ни заря. Быстро собрался. Отец проводил меня до двери, мы тепло обнялись на прощание. Такси уже ждало у подъезда.

Всю дорогу до Минвод меня не покидало приподнятое ощущение чего-то значительного, торжественного, нового, что поджидало меня впереди.

В аэропорту встретил водитель.

– Куда едем, Игорь Алексеевич?

– На комбинат.

Машина плавно тронулась. Я смотрел в окно, но думал не о том, что видел.

– Интересно, как у них сегодня пройдет встреча?

– Вы о чем, Игорь Алексеевич? – обернулся ко мне водитель.

Я только сейчас сообразил, что спросил это вслух.

– Да так, ничего, – буркнул я.

В голове продолжали крутиться мысли, тяжелые, как жернова. Чудес не бывает. Если с Тарадой все произошло так, значит, кому-то это надо было.

Я вдруг сообразил, что сказал водителю ерунду. При чем здесь комбинат? Мне же надо домой. Черт, до какой степени из головы не выходит работа!

– Алексей, поворачивай домой.

– Понял, Игорь Алексеевич.

Я поднялся на третий этаж. Открыл своим ключом дверь, стараясь не шуметь, Сережа мог спать. Честно говоря, я любил моменты, когда заставал их безмятежно спящими вместе, словно одно целое, видящими свои волшебные сны.

Еще в прихожей я услышал Лидин голос.

– Сколько у тебя пальцев на руке?

Я скинул ботинки. На цыпочках прошел к спальне, приоткрыл дверь.

Лида сидела перед нашим малышом на коленках и держала перед ним раскрытую ладонь.

Малыш задумался, нахмурил лобик. Потом посмотрел ясными глазенками на маму.

– Два! – улыбнулся он.

– Как два!? – притворно изумилась Лида, – Давай считать!

Она взяла детскую ладошку в свою и начала загибать Сережины пальчики.

– Один, два, три, четыре, пять...

– Сколько всего?

– Пять! – воскликнул радостно малыш.

– Пять! А на другой ручке сколько пальчиков?

Сережа задумался.

– Три!

– Давай снова считать!

Ребенок посмотрел на нее внимательно, как бы спрашивая: «Мама, это игра, или ты думаешь, что я ничего не понимаю?»

Мудрость в его взгляде в этот момент была завораживающей.

– Ну, вдруг у тебя на этой ручке больше пальчиков, – пошутила Лида.

Сережа рассмеялся.

– Один, два, три, – начала считать Лида, сделала паузу.
– Что дальше?

– Четыре, пять, – подхватил Сережа.

– Правильно, умница!

Лидино лицо светилось от счастья.

Я появился в проеме двери.

– Игорь! – воскликнула Лида.

Увидев меня Сережа завопил, соскочил с дивана и бросился навстречу. Я подхватил комок счастья на руки, подбросил в воздух!

– Это кто тут папу встречает?!

Сережа закричал от радости.

– Богатырь! Богатырь! Три дня не видел, а как вырос?!

Он вцепился мне в волосы своими ручонками и стал раскачивать мою голову.

– В следующий раз ты меня на руки поднимешь? Договорились!?

Я заглянул в его большие, с Лидиными ресницами, глаза, поцеловал в носик, такой крошечный и сладкий. Вгляделся. Временами я с удивлением угадывал в его лице черты Турунж и воспринимал это как чудо природы.

Ребенок обхватил руками мою шею. Я потряс его, отцепил его ручонки и подбросил вверх.

Прихожую огласил крик радости, вопль счастливого детства.

– Что, соскучился, сынуля?!

Мы кричали оба, в два голоса, и не могли остановиться. Если бы на свете существовал измеритель счастья, он, наверное бы, зашкалил в этот момент.

Я прижал его к себе – крепко, как только мог. От Сережиных волос исходил аромат чего-то сладкого и молочного. Ликуя, мы с сыном, уставились друг на дружку как два заговорщика, наконец-то улучивших момент, чтобы обменяться важной информацией. Я уперся своим лбом в его чистый детский лобик.

– Му-у-у, кого я сейчас забодаю?

Сережа раскрыл рот, зашелся в восторге от игры, которую ему устроил папа. Смех его был словно звон драгоценных камушков, которыми опытный огранщик трясет в бархатном красном мешочке перед покупателями.

Я смотрел на нашего ребенка и видел свои и Лидины черты... Потом мелькали еле уловимые черты его деда Алексея, наших с Лидой предков – и тех, которых я застал, и тех, о существовании которых был только наслышан.

Как же загадочно устроен мир!

В черных глазках Сережи скакали искорки, он готов был играть со мной до бесконечности, но на это у меня не было времени.

Я осторожно поставил его на пол.

Лицо Лиды светилось счастьем.

– Игорь, Сережа научился считать. Вот послушай.

Она села на карточки перед ребенком.

– Сереженька, сколько у тебя пальчиков на руке? – спросила Лида, глядя по его ладошке пальцем.

– Три! – радостно сообщил Сережа. Его забавляла сама возможность так общаться с мамой и папой.

– Где же три, давай считать? – воскликнула Лида.

Я склонился на коленях перед ними и застыл. Потом поцеловал их по очереди в лоб.

– Умница. А кто подарки заслужил?

Сережа серьезно посмотрел на меня.

– Я.

Я полез за подарками.

– А ну-ка, не подглядывай. Давай, угадай, что я тебе привез!

Малыш закрыл лицо ладошками, замер в предвкушении восторга. Я приложил к его груди огромный сверток, в который была упакована коробка, он обхватил его обеими ручонками, открыл глаза и замер от восторга.

Ему даже не хотелось разворачивать сверток, настолько важно было просто ощущение подарка, таящего в себе неизвестность, тайну, которая через мгновение воплотится в нечто конкретное, явит себя воочию. И самый сладостный момент – этот, который нельзя выразить.

Он был в том прекрасном возрасте, когда язык является еще частью волшебного мира, границы которого каждый день расширяют новые слова, и ты, потрясенный ощущением открывающейся бесконечности, внимаешь ему в космическом восторге.

Сережа все стоял с коробкой в руках, не в силах решиться ее раскрыть.

– Ну давай, посмотри, что там! – сказал я ему.

Он стал в нетерпении разрывать упаковку, торопясь поскорее добраться до сокрытого чуда, торопливо что-то лепеча, сорвал обертку, открыл крышку и – замер.

В коробке лежала огромная, невероятная красная машина, за рулем которой сидел гонщик. Весь в белом, в каске.

Сережа с восторгом смотрел то на машинку, то на меня. Нежность и что-то более глубокое, более волнующее, переполняли меня – это было чудо любви, восторг, который питал моего наследника, мою кровиночку.

Он закричал, победно поднял машинку над головой, стал прыгать от радости, а потом помчался в свою комнату

и тут же вернулся, катя машинку по полу, и глаза его светились восторгом – словно он сам был тем белым гонщиком, что сидел внутри.

Лида замерла, наблюдая, как он играет в восторге. Замер и я, обогащенный этой целомудренной детской радостью, которая передалась и нам, взрослым.

В этот момент мне показалось, что я близок к постижению смысла мира, его сути и предназначения: дари другим, дари любимым, друзьям, товарищам, всем, знакомым и незнакомым, и тогда тебе откроется тайна мироздания.

Я посмотрел на Лиду. Она стояла счастливая, женственная, юная, притягательная. Лицо ее дышало спокойствием. Я поймал себя на мысли, что она никогда, даже когда приезжаю неожиданно, не выглядит усталой. Как будто знает, когда я буду – и специально готовится.

Лида задумчиво переводила взгляд с меня на сына и улыбалась... Ее улыбка, таинственная и соблазнительная, наполняла меня некоей мудростью. Может быть оттого, что рядом со мной она чувствовала себя абсолютно защищенной.

Она нежно дотронулась до моей руки, и по моей коже пробежали мурашки, словно мы были молодоженами.

Живительная энергия взорвалась в моей крови чувством нежности и желания, могучего, первородного, против которого я никогда не мог устоять. Я знал, что пока этот волшебный механизм действует – я могу быть на коне, выносить любые нагрузки.

Усталость перестала злить. Я, как мудрый змей, сбросил свои тревоги, как кожу, прочь. И в сердце моем разливалось море нежности.

– Ты прекрасна, – прошептал я.

Она улыбнулась.

– Ты всегда так говоришь.

– Но правда от этого не перестает быть правдой.

– Сегодня ты какой-то загадочный. Что-то случилось?
Я нерешительно посмотрел на нее, словно не зная, с чего начать. Махнул рукой.

– Я договорился. Вчера. Поедете в санаторий «Четверки». Прямоком в Архипо-Осиповку.

– В Архипо-Осиповку? – Интонации в ее голосе разделились между непониманием и ощущением радости.

– Да, в самое лучшее место в мире, – воскликнул я. – Для спецконтингента.

Зрачки ее вспыхнули от радости.

– Когда?

– На днях и поедете. Отправлю на служебной. Развешься.

– А Лариса?

– Соседний номер.

– Игорь, ты – гений! – Лида бросилась мне на шею.

Волна восторга поднялась у меня под сердцем и разлилась по всему телу. Как я любил эти минуты нежности! Я прижал Лиду к себе. Сильно, еще сильнее. Вот теперь я чувствовал, что такое жизнь, как она зарождается, словно подземный огонь, просыпающийся в толщах древних скал и извергающийся лавой, сметающей на своем пути все преграды.

– Да, гений ... – прошептал я, целуя ее в мочку уха, –я вас там навещать буду. Проверю, как и что. Не успеете без меня соскучиться.

– Ой! – Лида недоверчиво посмотрела на меня. – Ты обманываешь. Потом опять скажешь – работа!

– Скажу, – согласился я. – Но если получится, точно выберусь. Архипо-Осиповка это же не край света. Поеду в Сочи – заеду к вам.

– Ты Ларису сколько не видел? – спросила она, словно этот аргумент мог подтолкнуть меня к принятию решения.

– Проведем хоть пару днейков вместе!

– Лидуся, как получится.

Я неопределенно кивнул.

– Нет, ты пообещай! – Лидочка требовала конкретного ответа. – Приедешь или нет? – Дух ее отца разыграл в ней.

Я, притворно сдаваясь, поднял вверх руки.

– Обещаю!

– Иди, мой руки. У меня все готово.

Лида пошла на кухню. Я отправился следом. Она поколдовала у плиты и поставила передо мной полную тарелку. В прозрачной глубине плавно покачивались золотистые кольца лука, три распаренных, нежных куска мяса так и просились в рот, словно провоцируя мое чувство голода на великие подвиги.

Я зачерпнул ложку, пригубил. Горячее, как я люблю. Ингарпол был божественный.

Я удовлетворенно закивал, зачмокал.

– Там в Архипо-Осиповке цековский санаторий, – пробормотал я с полным ртом, – все должно быть хорошо. Скажи Ларисе, что двадцатого числа заезд. Девятнадцатого пусть с детьми будет у нас. Если Илья не сможет – я пошлю за ней свою машину.

Лида всплеснула руками.

– Ты прямо фокусник. – Лицо ее приняло деловитое выражение. – Сереже это как раз сейчас не помешает. Ты представляешь, лето, а его где-то продуло...

– Ты мне не говорила.

– Чего говорить!? Детские радости. Их каждый день знаешь сколько? Всех на пересчитаешь... Ему на теплом песке самое то прогреться. Ничего серьезного. Я к доктору ходила. Просто кашляет. Значит, я правильно поняла, что ты к нам не приедешь? – Лида неожиданно сменила тему разговора.

Она меня провоцировала, пробовала взять на испуг – это была хитрая женская тактика, проверенная тысячами и многими поколениями горских женщин.

– Лида, ты меня хочешь взять на абордаж.

– Поехали сразу, – лукаво улыбнулась она.

– На меня нет места в машине, – развел я руками. – Вас с Ларисой двое, водитель, плюс трое детей. Куда меня деть, в багажник? А что? Это ничего! Директора мясокомбината везут в багажнике.

– Вот вечно ты шутишь... – Лида поджала губы.

– Ну что, Лидочка, в самом деле? Перестань!

Меня осенило.

– Там рядом наш заводской лагерь. Мне туда надо по делам. Оттуда могу сразу к вам. Так ведь? – Я даже сам обрадовался, как все просто выходило. – Вот и отдохну немного. Ну как?

Лида недоверчиво посмотрела на меня, словно не зная, как это расценить: как уловку с моей стороны или как надежду. Потом кивнула.

И тут же мысли ее улетели куда-то далеко – в ту область, где жили страхи и опасения.

– Ты к отцу заезжал? – спросила она меня вдруг озабоченно.

– Заезжал, а что такое?

– Да нет, ничего. Просто давно от тебя ничего о нем не слышала. Как он там?

– Привет тебе от него.

– Спасибо! Как Валя? Все у них нормально?

– Ай, – я махнул рукой, – бегают, обслуживают. Что она еще умеет?

– Не говори так. Каждый зарабатывает свой хлеб как может. Это же любовь! – иронично протянула Лида.

Про чувства Вали к отцу мы в семье все понимали очень хорошо.

– Да, уж... – я махнул рукой, не желая обсуждать эту тему.

Лида посмотрела на меня с удивлением.

– Игорь?!

– Что?

Во взгляде ее читалось подозрение.

– Я ведь вижу.

– Что?

– Ты чего-то не договариваешь. Что еще случилось?

Сережа сидел на полу у моих ног, играя с машинками.

Я наклонился к нему

– Малыш, в твоей комнате тебя ждет еще один сюрприз! Сбегай, посмотри!

Сережа с доверчивостью, свойственной только детству, обратив ко мне светящееся восторгом личико, тут же помчался в детскую.

Мы остались вдвоем.

В глазах Лиды читалось нетерпеливое любопытство: «Ну, говори, не томи».

Я улыбнулся.

– Давай сначала доем, пока все горячее. Хорошо?

– Нет, нет, говори, – Лида подставила стул, уселась рядом, внимательно смотря на меня.

Я продолжал есть.

– Ну, как знаешь! – Лида обиженно повернулась к плите.

– А с чего ты решила, что что-то случилось?

Она обернулась, снисходительно улыбнулась и ничего не ответила.

Ее интуиция действовала всегда безотказно, словно мы были связаны друг с другом пуповиной. Сейчас меня это особенно удивило.

Она стала накладывать чуду. Я, даже не видя, понял это по аромату, разлившемуся в воздухе. Я обожал эти кулинарные сюрпризы.

– Ух ты, а меня ждет дополнительный приз?!

Движения Лиды были плавными, грациозными, я любовался ею, словно мне раскрывалась необъяснимая загадка природы под названием «красота женщины».

Лида оглянулась, как будто прочла мои мысли, улыбнулась молча, стала нарезать хлеб. Я смотрел, как она держит нож, как хлебная мякоть поддается давлению ее руки, делясь на тонкие ломтики. Вот так же, как этот хлеб, и душа мужчины поддается любящему женскому сердцу.

В какой-то момент я не выдержал, накрыл своей ладонью ее руку, чтобы она на секунду остановилась.

– Лидочка! Ты не представляешь, где я был!

Лида перестала резать хлеб.

– Не представляю!

– Меня пригласил Тарада. К себе домой.

Лидины зрачки на секунду загорелись и тут же вновь погасли. Она ожидала услышать другое, но раз я об этом заговорил, значит, это было действительно интересно.

– Тебе большой привет.

Лида сдержанно кивнула. Это еще только прелюдия. Ради «привета» не стоило и затевать весь этот спектакль. Она поставила передо мной чудо, чтобы я мог насладиться ароматом.

– Выше всякой похвалы.

Лида отложила в сторону прихватки и рассмеялась.

– Надеюсь, от Тарады, а не от ингарпола. Ну, не томи, рассказывай.

– Ладно, – я подцепил мясо, да так и забыл поднести его ко рту... – Ему такую квартиру выдали, закачаешься. Я уж не знаю, как это назвать: дворец падишаха или мавзоль.

Лида рассмеялась.

– В Филях. Такое даже представить себе невозможно.

Лида наморщила лоб, пытаясь понять, что меня так там потрясло. Для нее это не было ни интригой, ни тайной.

На плите что-то заскворчало, Лида бросилась к огню, уменьшила и застыла снова подле меня, вся – внимание.

Я проглотил кусок мяса.

– М-м-м, – сделал маленькую паузу, еще откусил...

– Ты так и не договоришь?

– Перестань вкусно готовить, тогда услышишь мой рассказ.

– Ну не томи.

– Квартира – это отдельная песня. Та, что была на Красной, по сравнению с этой – просто сарай. Я отцу уже рассказал. Встретил меня, как родного. Счастливый, довольный.

Лидины брови удивленно взметнулись:

– Трудно представить.

– Не представишь, пока сама не увидишь. Это квартира для министра. А он зам.

– Не поняла? – Лида забыла про прихватки, которые чуть не опустила мне в суп.

– Его взлет – загадка. Тут у него, похоже, были проблемы, я тебе не рассказывал. А там он – просто кум королю. В чем дело? Даже отец удивлен. Тут серьезная спина нужна.

Лида слушала не перебивая, пытаясь понять нюансы.

– В каком смысле спина?

– За ним кто-то стоит. Иначе так не взлетишь. Одного хрусталя – на тысячу.

Лида улыбнулась, я прямо услышал ее слова: «Как будто у твоего отца меньше». Но вслух она произнесла:

– Твой отец всегда говорил, что Тарада птица высокого полета.

– Папа говорил, но так взлететь, знаешь ли, своих крыльев точно не хватит. Понимаешь, – воодушевленно продолжил я, – это только начало.

– Для кого?

Лида словно прочла мои мысли. Я внимательно посмотрел на нее. Угадала или нет? Осторожно отрезал ломтик мяса. Надкусил.

– Тарада на этом не остановится. Я думаю, мы как-нибудь вместе к нему зайдем. Он приглашал.

Лида задумчиво кивнула.

– Было бы здорово в Москву съездить, – произнесла она.

– Что? – я чуть не поперхнулся.

– Тебе – в Москву... – словно бы и не мне, эхом повторила Лида.

Я не успел ответить...

На кухню влетел Сережа.

– Папа! Папа!

Запрыгнул ко мне на колени.

– Смотри!

Он протянул мне новую машинку, начал катать ее по столу. Юркая игрушка лихо мчалась по улице, нарисованной детским воображением между расставленной по столу посудой.

Я засмеялся. Какой же он был чудесный – наш малыш. Как умел заставить меня позабыть обо всем: о невзгодах, об обольщениях, о тщетности бытия... Если это и есть счастье, то я им обладал.

Сережа уронил игрушку на пол, бросился за ней.

– Игорь! – крикнула Лида.

Я еле успел его подхватить. Поцеловал в лобик.

– Ну, хватит. Хватит баловаться. Не мешай папе есть, – Лида взяла сына на руки и нежно обняла. – Пойди поиграй в свою комнату.

Сережа начал упираться.

– Да оставь ты его, Лидочка. Он со мной поиграть хочет.

– Хватит. Наигрался. Чуть не упал.

Когда дело касалось ребенка, Лиду было не переубедить.

Сережа, уже вовсю пыхтя, возил машинку по полу.

Я смотрел, как он, позабыв обо всем, предается своим детским забавам. По каким дорогам мчится сейчас его машинка? В каких сказочных гонках он участвует? Что за великая сила детская фантазия! Ребенок легко и упоительно верит во что угодно. А я? Во что могу поверить я? Какая сила движет мной?

– Как он ест? – спросил я у Лиды.

– Все хорошо, на аппетит мы не жалуемся.

Лида провела по головке малыша ладонью, поцеловала в темечко. Сережа забыл про машинку, прижался к маме.

Боже мой!!!

Каким же теплом веяло от них! Сколько нежности и любви они приносили в мой дом, в наш дом.

Я серьезно посмотрел на Лиду. Она почувствовала мой взгляд. Кротко улыбнулась, не переставая гладить Сережу.

— Знаешь, как мы едим? Я ему говорю «Давай за папу», и он начинает есть за папу. За бабушку – упрямится. А за папу – готов на все.

В груди у меня защемило. Я наклонился, взъерошил его волосы. Поцеловал.

– Лидочка... – Я не договорил.

Лида подхватила Сережу на руки. Тот начал вопить, сопротивляться.

– Спать пора! – строго произнесла Лида. – Днем никак не уложишь. Вечером с папой еще поиграешь.

Я улыбнулся.

– Ты видишь, как он скучает, – обернулась она ко мне.

– Ладно, скажи папе «пока-пока» и идем спать.

Сережа улыбнулся, показав все свои зубы.

Я поцеловал его ручку. Затем привстал и поцеловал Лиду нежно-нежно.

Ощущение, что у жизни есть, что мне предложить из того, что она предлагает лишь весьма немногим, вдруг наполнило мое «Я» совершенно невероятным ощущени-

ем силы. Захотелось поднять Лиду на руки, закружить по комнате и полететь. И тут же на смену восторгу пришло ощущение беспокойства.

Лида, что-то шепча на ухо Сереже, начала его укачивать. Тот тихо склонил голову ей на плечо, постепенно засыпая.

Лида поднесла палец к губам, мол, говори тише.

Я посмотрел на Сережу. Он спал. Во сне веки его подрагивали, словно он продолжал видеть сказочные миры, которые открывались ему в путешествии на волшебной машине. Лида унесла его в кровать.

Мне пора было отправляться на комбинат.

IV

Ввечерней Москве только-только начинала пробуждаться другая жизнь. Центральные рестораны распахивали гостеприимно двери для деловой публики.

Лабухи настраивали свои инструменты, собираясь поддать жару. Посетители настраивались на веселое и увлекательное времяпрепровождение. Но в ресторане Дома композиторов стояла тишина. Здесь, в отличие от других мест, лабухи не выступали. Здесь встречались и разговаривали серьезные деловые люди, которым не хотелось повышать голоса, желая быть услышанными.

За столом в небольшом зальчике, примыкающем к закрытому кабинету для особых гостей, в полном одиночестве сидел отец.

Его профиль четко выделялся на фоне серого панно, изображающего пастушку в окружении преследующих ее сатиров.

Отец что-то напевал, в нетерпении барабанил пальцами по столу и время от времени посматривал на часы. Его голос глушили толстые ковры, которыми был застлан пол.

Вдалеке маячил директор ресторана – Эдуард. Отец изредка пересекался с ним взглядом и с полуулыбкой отрицательно качал головой: «Мол, ждем еще».

Он приехал в ресторан немного заранее, чтобы убедиться в том, что все будет так, как нужно, сделал заказ и сел за столик в ожидании.

Эдуарду были даны самые простые, но емкие инструкции: «Будут только те, при ком можно спокойно говорить». Это означало, что никто мешать не должен. Даже официантки – подошли, поставили и ушли.

Указания отца здесь исполнялись неукоснительно. Эдуард с расспросами не лез, понимал, что отец немного на взводе.

Эдуард знал практически каждого из своих постоянных клиентов по имени-отчеству и лично встречал каждого.

Вот и сегодня он первым бросился навстречу солидному мужчине с седой шевелюрой, стоило тому только появиться на пороге зала.

Это был Михаил Кузьмич Сильченко.

Алексей словно спиной почувствовал, что по его душу пожаловали, и обернулся.

Едва уловимая тень улыбки скользнула по властному лицу инструктора ЦК. Он чуть ускорил шаг, словно в знак признательности, подошел, приобнял поднявшегося ему навстречу Алексея.

– Кузьмич, дорогой, наконец-то, – поздоровался Алексей.

Взгляд его светился.

– Хорошо выглядишь, – улыбнулся Сильченко. – Давно не виделись.

– Скучаешь? – подначил отец.

– По тебе как не соскучиться?! – парировал Сильченко совершенно серьезно.

Алексей пододвинул ему стул. Сильченко грузно уселся, всем своим видом демонстрируя, как сильно устал. Издали он казался довольно моложавым, но вблизи сразу становилось видно, что это глубоко усталый от бесконечных перегрузок на службе человек. Глубокие, не по возрасту, морщины избороздили его лицо, но не старили. Воля и власть придавали ему силу и, следовательно, энергию, которая все искупала.

– Ну как живешь, Алексей Наумович?

– Служим – не тужим! – улыбнулся Алексей.

– Ну вот Толя подъедет и узнаем, правду ты говоришь или нет, – тонко пошутил Кузьмич.

Отец расхохотался:

– А меня водка не берет, Михаил Кузьмич.

Кузьмич тепло положил свою ладонь на ладонь Алексея.

– Шучу, шучу, Алексей Наумович!

Он помолчал. Огляделся.

– Хорошо здесь.

– Да, тихо, можно поговорить.

– Ой ли? Говорить тоже надо осторожно.

Алексей рассмеялся.

– Ты это о чем?

– Я о вечном. Лучше соблюдать субординацию даже со старыми друзьями-товарищами.

– Да-да, неровен час взлетят повыше, не дотянемся руку пожать, – подхватил отец и многозначительно улыбнулся.

Сильченко на шутку не отреагировал. Кивнул в ответ, но было видно, что мыслями он сейчас не здесь. Отец не стал допытываться, что да как, и заговорил на отвлече-

ченные темы, довольствуясь односложными ответами собеседника.

Он заполнял паузы загадочной улыбкой, механически разглаживая широкими ладонями белоснежную скатерть, словно это было важное и безотлагательное дело или упражнение на медитацию, потом вдруг прекращал это бессмысленное с точки зрения постороннего наблюдателя занятие и продолжал разговор.

– Скажи, а как так вышло, что Тарада сел в это кресло?

Он спросил тихо, но неожиданно, так что Сильченко вздрогнул и осмотрелся по сторонам, точно желая убедиться, что их никто не слышит.

Потом пожал плечами, словно ему стало зябко, интригуяще посмотрел отцу прямо в глаза и как бы невзначай, как резидент, передающий секретную информацию, опустив глаза столь же тихо ответил:

– Бумаги на него пришли.

Отец перестал теребить скатерть.

– Разве это был не ты? Инициатором?

– Нет. Меня не спрашивали, – невыразительным тоном ответил Кузьмич.

Отец удивленно поднял брови. «Как так? – говорил его взгляд. – Или темнишь? Я ведь все равно узнаю правду».

Сильченко как будто это расслышал, оторвал взгляд от скатерти, которая тоже вдруг стала объектом его пристального внимания, и, обернувшись к отцу, тихо, с улыбкой добавил:

– Знаешь, Леша, это назначение еще выше принималось. Негоже совать нос не в свои дела. Поступило личное дело Анатолия Георгиевича – вот и будь любезен, рассмотри. Кандидатура на должность заместителя министра. Характеристика. Рекомендации. И все, что в таких случаях полагается. Я, как инструктор, должен был только поставить свою визу.

– Ну, ну, не прибедняйся, Михаил Кузьмич, – лукаво улыбнулся отец.

Кузьмич ничего не ответил. Отец провел по лицу ладонями, словно разглаживая его как после бессонной ночи. За столом повисла напряженная пауза.

– Понятно, выходит человек-невидимка за Анатолия Георгиевича хлопотал, – медленно проговорил отец.

– Выходит, – совершенно серьезно согласился Сильченко.

Разговор сам собой повис в воздухе. Друзья молчали. Воспользовавшись паузой, к столику подскочил директор ресторана:

– Что-нибудь желаете?

Отец отрицательно покачал головой.

Эдуард во главе сонма официанток стоял на почтительном расстоянии, зорко, как ястреб, наблюдая за своими важными посетителями. Эти двое ждали кого-то еще и в отдельный кабинет не проходили. Эдуард ждал сигнала. Но Алексей знаков не подавал. Значит, время не пришло.

– Да, Игорь тут на днях у Анатолия был на квартире, – отец вдруг сделал вид, что только сейчас это вспомнил. – Говорит, очень достойно устроился Толя.

– Не сомневаюсь, – никак не выразив интерес к информации парировал Сильченко.

– Да что там достойно, – продолжал Алексей настойчиво. – Лучше министра. Интересно, да?

– Это все логично, – сухо отрезал Сильченко.

Отец понял, что эта тема – табу, и информацией от Кузьмича не разживешься. Он потянулся к «Боржоми», плеснул себе в бокал и подозвал Эдуарда.

– Принеси еще «боржомчику», в горле пересохло.

Алексея начала раздражать атмосфера таинственности и недомолвок, исходящая от Сильченко.

– Дела-а! – протянул он, пытаясь разрядить ситуацию.

Сильченко молчал. Алексей обернулся, уже начиная порядком скучать и не зная, что делать, и тут увидел входящего в зал Николая Петровича Янушкина.

– Ну, слава Богу, – закричал он входящему, стремительно вскочил и пошел навстречу другу-ректору.

«Хоть один человек без дури», – пробормотал он себе под нос.

– Хо-хо, кого я вижу! Николай Петрович! – приветствовал он его.

– А! Лешенька! Как я рад тебя видеть! – Янушкин распахнул объятия. Был он сама мягкость. Я никогда не встречал мужика с такой потрясающей мягкостью, граничащей с женственностью.

Они сошлись точно посередине зала, застыли, обнимаясь и здороваясь.

Янушкин казался немного навеселе. Румяный, как Дед Мороз, теплый, огромный, мягкий и в то же время чуткий, все понимающий, словно осколок старой России.

– Как всегда не унываешь!

– Ну, должен же хоть кто-то вносить радость в наши серые будни, Алексей Наумович! Тем более – сегодня, в выходной.

Алексей покачал пальцем перед носом Янушкина.

– Сегодня – шаббат. И то, что я тут – это хуже работы!

Двое мужчин дружно расхохотались. Они понимали друг друга с полуслова, и вряд ли было что-то, что могло связывать их сильнее, чем это умение говорить на одном языке.

– Ну, пойдем, – Алексей увлек Николая Петровича к столу, – а то Кузьмич меня сейчас добьет своим занудством.

Он сказал это нарочито громко, чтобы Кузьмич не мог даже мысли допустить, что за его спиной его друзья о нем судачат – все должно было походиться на дружескую шутку.

Она подошли к столику. Кузьмич привстал, здороваясь с Янушкиным.

– Давай, садись, – распорядился Алексей. – Осталось только Толю дожидаться.

– А что, опаздывает? – удивился Янушкин. – На него не похоже.

– Не опаздывает, – иронично посмотрел на Кузьмича отец, – а задерживается.

Кузьмич сделал вид, что не понимает шуток Алексея.

– Раз задерживается, тогда можно и сесть, – вынес вердикт ректор и плюхнулся на плюшевый стул. Тот жалобно заскрипел. Янушкин, любивший сытно поесть, похлопал себя по животику. – Подводит, – сказал он выразительно и, заметив, что ни одна бутылка за столом еще не почата, с изумлением поднял глаза на Алексея. – Ты изменяешь своим традициям, шеф?

– Это меня Кузьмич проинструктировал, – отец высоко поднял вверх руку с вытянутым пальцем. – Мол, негоже сегодня вперед самого замминистра рюмку поднимать. А Михаилу Кузьмичу надо верить, – с лукавой улыбкой подмигнул он.

Кузьмич слушал, как над ним подтрунивают друзья, совершенно невозмутимо, словно это его нисколько не задевало. Да и шутки были совершенно безобидные, привычные в этой компании мужчин, привыкших знать во всем меру. Было только одно небольшое «но». Кузьмич делал вид, что знает в этой компании об Анатолии чуть больше других. И отца это слегка настораживало.

– Ну, ладно, – произнес наконец Сильченко, и шутки по его поводу сразу стихли.

Опять повисла пауза. Даже Алексей не старался ее прервать. Он задумался о чем-то, Николай Петрович сидел с невозмутимым выражением на лице, вроде бы все уже все сказали и говорить больше было не о чем.

К столику подбежал Эдуард. Вопросительно посмотрел на отца. Тот молча покачал головой. Эдуард исчез. Янушкин провел пальцем по хрустальному графину с соком, словно пробуя извлечь из него какой-то звук. Стекло издало тихий звон.

Янушкин усмехнулся.

– Ты, я смотрю, всегда в форме? – сказал он, обращаясь к Алексею.

– Вовремя бензином заливаюсь, – пошутил отец, кивая на «Боржоми», который поднесла официантка.

Николай Петрович тяжело вздохнул. Поморщился.

Отец с удивлением посмотрел на него:

– Трезвенник-язвенник?

– Ну, помаленьку, иногда почки прихватит. Знаешь как говорят, раз что-то болит, значит живой. Если следовать этой логике, то я вполне жив, – слегка кривясь, признался Янушкин и рассмеялся.

– Леш, ну а у тебя как дела? Что главк? Катится?

Отец хохотнул.

– Самоходом. Но рассказывать все детали не стану. До утра не закончим. – Он посмотрел на часы, словно тревожась опозданием Анатолия, но вслух произнес: – Шьем-трем...

– Как дети?

– Все по-прежнему. Слава в Тихорецке, Игорь в Армавире. Вчера только от меня уехал.

– К себе?

– А куда еще? В главк приезжал, сделал дела и уехал.

Янушкин одобрительно покачал головой.

– Хорошие у тебя сыновья. Что надо. Давно я Игоря не видел. Ты у нас сколько раз дедом стал?

– Да пока один, – усмехнулся Алексей.

– Счастливый человек! – радостно воскликнул Николай Петрович.

Все потупились, повисло тягостное молчание, в ожидании того, когда же наконец кто-нибудь вырулит на нужную тему.

И тут за их спинами раздалось громогласное:

– Что это за уныние? А?

Все как по команде обернулись.

К компании через весь зал, широко улыбаясь и с раскрытыми для объятий руками, шел Тарада. Улыбка его была ослепительна, словно он только что сошел с заграничного плаката о прекрасной жизни.

Вокруг сразу забегали официантки, тихое до этого мероприятие моментально оживилось – друзья радушно хлопали друг друга по спинам, обменивались рукопожатиями, обнимались.

– Ну, ты не изменился... – заулыбался Янушкин.

– А вот седина, седина прибавилась! – согласно кивая, улыбнулся Тарада и прикоснулся к волосам, показывая, где именно она появилась.

Между ними не было и следа натянутости или подбострастия. Друзья вели себя легко и непринужденно, как будто Тарада принес с собой то, что он один только и мог сюда привнести – радость и энергию.

– Так, друзья, я не с пустыми руками, – поднял указательный палец Тарада, призывая к вниманию и одновременно кивком подзывая официантку. – Собрал кое-что вам еще из кубанских запасов. Такое в магазинах не купишь. Вот. – Он как фокусник достал из портфеля одну за другой несколько бутылок и выставил в ряд перед собой на столе, как почетную гвардию в карауле.

Отец с первого взгляда по этикеткам оценил качество вин. Официантка подлетела, почтительно замерла, ожидая указаний.

– Забери и подай, как надо, – приказал Тарада. – Лешенька, – он глазами указал на самую крайнюю бутылку, – а это твоя любимая!

– Вижу, вижу, – раскатисто рассмеялся отец, хлопнул Толю по плечу. – Не забыл.

– Думаешь, я не помню, как мы с тобой припечатали три таких «Васпуракана»!

– А это те же?

– Если не ошибаюсь, твои были десятилетки. А эта, – Тарада, изображая превосходство, весело прищурился и торжественно произнес, – восемнадцатилетней выдержки...

Алексей согласно закивал.

– Знаю, знаю... – Он вспомнил, что видел такую же бутылку у Боднева, тот хвастался, что припас для Толи в подарок.

– Эх, ну ты, Толя, держишь марку. Да только я помню откуда эта бутылочка, – усмехнулся Алексей.

Тарада недоуменно посмотрел на отца, мол, это ты к чему? И не получив ответа, продолжил с лукавой простотой.

– Так кого мы ждем?

– Так, – отец сделал знак Эдуарду, – пошли в кабинет.

Эдуард подлетел тут же, радушно, словно старым знакомым, протянул каждому руку, здороваясь по второму разу, а затем широким жестом пригласил следовать за собой и настезь, точно перед коронованными особами, распахнул обе створки массивной двери, пропуская друзей вперед и радостно улыбаясь.

Четверо мужчин вошли в святая святых директора ресторана Дома композиторов – кабинета, предназначенного для особых гостей.

Друзья расселись за столом, и официантки бесшумно и торжественно раскрыли перед каждым меню.

– Ну, давайте, что ли, мужики, закусим. А то сейчас скулеж кишок начнется. Никакой музыкой не заглушишь, – скомандовал отец.

– Да вроде здесь нет музыки, – сухо заметил Сильченко.

– Знаю, Михаил Кузьмич, я ведь ее и убрал отсюда, – добродушно отозвался отец, как будто не заметив какого-то странного и даже неуместного раздражения Кузьмича. Сейчас это его не волновало.

Официантки разлили по стопкам. Отец поднял рюмку:

– Ну, за дело чрезвычайной важности!

– Лешенька, твое дело чрезвычайной важности мы все знаем, – пропел Тарада и три раза стукнул ножиком по ножке своего хрустального фужера.

Раздался мелодичный звон. Все приосанились.

– Только прошу, не нужно никакого официоза! – умоляюще попросил Тарада. – Я его уже перекушал. Если хотите пощадить мои уши...

– Я проинструктирован, так-что не обессудь, – хитро заметил отец, кивнув в сторону Сильченко.

– А что такое? – притворно удивился Тарада.

– А то, что без тебя нам пить запретили. Да, да! Чтоб субординацию не нарушить, – и отец громко захохотал, словно говоря: «Что, Кузьмич, скушал!»

Тарада усмехнулся, поставил стопарь на место, взял четвертину желтого астраханского помидора и стал на него ложкой накладывать белужью икру.

– Вот это дело, – пробормотал он, отправляя свое гастрономическое изобретение в рот. – Точно, как у нас на Кубани.

Отец слушал с улыбкой.

– Скучаешь, Толя? – спросил он тихо.

– Еще не успел! – усмехнулся Тарада.

– Ну, давай, за твое умение! – откликнулся отец.

– Есть? – чуть не подавился от смеха Тарада.

– Нет! Быть нужным людям! – серьезно ответил отец.

– Да, Михаил Кузьмич хотел эту мысль развернуть! – и он

озорно посмотрел на инструктора ЦК, стуча по графину серебряной вилкой.

Отец уже взял на себя функции тамады и предоставил первое слово самому старшему товарищу.

Сильченко прокашлялся. Задумчиво протер очки.

– Мы, Анатолий Георгиевич, без тебя тут немного про тебя говорили... – Кузьмич кинул выразительный взгляд на отца. Тот заранее начал кивать головой. – Перебивали тебе кости, – с усмешкой добавил Кузьмич. – Я сказал Алексею, что, когда мне поступило твое дело, я ни секунды не сомневаясь, одобрил представление. У меня вопросов к тебе нет, не было и не будет. Леша правильно сказал: ты – нужен. Не только родным, близким, друзьям. Ты нужен партии. И это главное. Нужна твоя энергия! – Он говорил четко, не в силах избавиться от въевшейся в кровь привычки ссылаться на власть. – Твой энтузиазм! Твоя воля к победе. И поэтому, когда меня спросили насчет тебя, я ответил: «Это наидостоинейший человек».

Тарада даже замер, как бы верил всему, что говорил сейчас Кузьмич, и тень восторга легла на его лицо. Он приложил обе руки к груди, будто собираясь вырвать свое сердце и вручить его Кузьмичу.

– Не благодари. Это моя работа, – остановил его Кузьмич, по-своему истолковав восторг друга. – Наша задача – поддерживать самых лучших. Ну, а как уж это у меня получается, судить не мне. За тебя, Анатолий. За твое назначение. За то, что ты умеешь быть нужным стране, партии, народу!

Кузьмич поднялся. Кряхтя, поднялись все остальные, звонко чокнулись и стали обниматься, обмениваясь какими-то важными для каждого из них словами.

– Все, что произошло с тобой, совершенно не удивительно, – продолжил Кузьмич.

– Да, похоже, мы еще не вышли в тираж, – хохотнул Тарада.

– Поздравляю, – тепло произнес отец. – Между прочим, на нас твои успехи тоже распространяются.

Тарада смущенно хмыкнул.

– У тебя, Анатолий Георгиевич, огромный авторитет, – снова вставил Сильченко, – огромный вес, который партия ценит. Прими мои поздравления! За тебя, Анатолий Георгиевич!

Тарада польщенно кивал и кивал, глаза его светились блеском счастья.

Отец наколот на вилку нежнейшую тихоокеанскую слабосоленую селедочку.

– А ведь ты еще не понял, Леша! – загадочно произнес Тарада. Отец изумлено посмотрел на него. – Мы теперь все в Москве! – и Тарада, как сорванец, залился смехом.

– А я вот почти сорок лет назад сидел в это время в сыром окопе, – неожиданно вставил Николай Петрович, – и делил со своим другом тощую шинельку, мечтая о куске хлеба. – Он положил селедочку на ломтик свежайшего бородинского хлеба. – Почему я об этом сейчас вспомнил? Да потому что вот сижу я теперь за таким роскошным столом со своими друзьями-товарищами и понять не могу – как это так случилось, что я от простого солдатика до ректора института дорос? Наверное, и друг наш Анатолий тоже не в силах объяснить, как это он так: из Краснодара – да в Москву?! Но, видимо, есть такие вещи, которые в объяснении не нуждаются. – И ректор глубокомысленно улыбнулся, поднимая бокал.

Отец захохотал громко и заразительно, мол, поддел, поддел влиятельного друга-министра.

Николай Петрович благодарно закивал головой, довольный, что его тост понравился.

– Как вы, однако, вернуть умеете, дорогой Николай Петрович, – начал Тарада. – Ведь договорились же – о назначении ни слова. Из этого вытекает, братцы, необходимость определенных действий, – он до краев наполнил свой бокал коньяком. – Поверьте уж, я не чудовище какое-то, не бездушная государственная машина, – он тепло похлопал Николая Петровича по плечу. – Вот надоест мне вся ваша московская суета, в один день вернусь на Кубань, надышусь свежим воздухом...

– Как соберешься, не забудь меня позвать, – иронично заметил отец.

Мужчины чувствовали себя в своей тарелке и тепло подтрунивали друг над другом.

Янушкин пьяно икнул и продолжил:

– А ведь я не закончил, друзья. Знаешь, что я тогда в окопе чувствовал? – обернулся он к Алексею. Тот вопросительно посмотрел: мол, говори. – Надежду. Безграничную надежду на то, что вернусь с той бойни живой. Вот прямо как сейчас. Потому и вспомнил свои фронтовые будни.

Янушкин опрокинул стопку. Кузьмич согласно покивал головой.

– А причем здесь надежда? Я не понял, – спросил Тарада наивно.

Он переводил глаза то на Кузьмича, то на Алексея. Те в ответ многозначительно улыбались. Николай Петрович добродушно покачал головой и заметил:

– Вы, может быть, Анатолий Георгиевич, и недавно с Кубани, но все же времени прошло уже достаточно.

Отец усмехнулся. Мол, интересный заход, продолжай.

– Да просто обидно, что ваш край, такой хлебосольный, в покое оставить не могут.

Янушкин многозначительно посмотрел на Тараду.

Тот неожиданно поморщился, как от зубной боли, многозначительно вздохнул и развел руками, мол, ну зачем об этом сейчас, не мы же решаем.

– Мужики-то все хорошие. Многих лично знаю, – продолжал Янушкин, не замечая, что Тараде неприятно об этом говорить, – а скольким работать нормально не дали?

– Ну, надеюсь, все это переживут, – заметил вскользь Тарада, не желая продолжать эту тему.

– Это неправильно, – бросил негромко Кузьмич.

– Что неправильно? – брови Тарады удивленно полезли вверх.

Но Кузьмич ничего пояснять не стал.

– Как говорится, минуй нас Бог, а мы уж в долгу не останемся, отблагодарим. – Тарада, усмехнулся, поднял рюмку. – Николай Петрович, спасибо за слова! Давай за тебя! Поверь, не все так плохо! – Тарада, словно вдруг захмелев, понизил голос и наклонился к центру стола, так что и все остальные невольно наклонились вслед за ним, чтобы слышать, что он будет говорить. Так они и застыли, как заговорщики, немного комично. – Я хотел сказать, что у нас на Кубани люди только и говорят, что того посадили, этого забрали. А я хочу вам сказать, что если ты, Николай Петрович, поедешь за Урал, услышишь то же самое. Так сейчас по всей стране. Люди, специально обученные, проверяют, вынюхивают, ищут и, конечно, находят. Ну, вот ты в Москве живешь, тебе тут и наговорили всякого. Съездил бы на Дальний Восток или даже на Камчатку – услышал бы то же самое. – Тарада говорил тихо, но внятно и весомо, улыбка не сходила с его губ. – Просто товарищам не повезло. Но не все так страшно. Переживем... – Он поднял вверх фужер с «Боржоми», одним махом опрокинул, обратил внимание на вилку, что держал в руках... – Ты смотри, неужели серебряная? Поверить не могу.

Алексей утвердительно кивнул в ответ:

– Положение обязывает. Что можем, то можем, Анатолий Георгиевич.

– Как твои ребята? – спросил Тарада.

– Работают. Все нормально!

– Игорь недавно ко мне заходил. Я ему очень благодарен. Помог с переездом.

– Я знаю, Толя. Учти, будешь отмечать новоселье, с меня подарок.

– Да уж, да уж... Ольга моя скучает иногда по нашей Красной, а мне и в Филях не плохо, – Тарада залился высоким заразительным смехом.

– Ну, тогда мой подарок тебе придется по душе, – загадочно произнес Алексей.

– Это очень приятно, что они не забывают. Я владею ситуацией. – Тут же откликнулся Анатолий Георгиевич и благодарно посмотрел на отца.

Отец согласно закивал.

– Да, было время, без докладов не обходилось... – Тарада широким жестом отставил тарелку в сторону и тяжело, по-театральному, вздохнул. – Леш, – сказал он, смотря куда-то вдаль, – давно мы вот так не встречались. Последний раз у Артамонова...

– Да, Толя.... Помню, помню... Умеешь затронуть струны.

– Спасибо, что собрал нас, – откликнулся Тарада. – Тут у меня совещание на носу, после него вздохнем свободнее, выберем время, отметим новоселье.

– Это у какого Артамонова? – неожиданно поднял голову Янушкин. – Которого посадили?

За столом повисла неловкая пауза. Тарада усмехнулся, потом пожал плечами, как бы говоря, не будем об этом.

– Я, друзья, так вам скажу... – Он снова себе налил. – Всякое можно говорить про нашу Родину. Всякое в ней

было и, наверняка, будет. Мы такие, какие есть. И нас уже не переделать. Одно заметить хочу. – Он вдруг густо покраснел. – Я знаю точно, мы и не такое выносили и дальше выносить будем. А если что – так мы знаем, что делать!

Голос Тарады звучал властно, мощно.

Он опрокинул стопку и, не оглядываясь ни на кого, встал и пошел к выходу. Все оторопели. И только дойдя до середины, Тарада вдруг остановился, обернулся лукаво к потерявшим дар речи друзьям и во все горло расхохотался.

– Что? Поверили, что я ушел! А-ха-ха!

– Такие как ты – не уходят, – совершенно серьезно заметил Сильченко.

А Тарада быстро, чуть ли не бегом вернулся к столу и залился длинным, переливчатым и радостным смехом.

– Даже, Алексей, и тот повелся? – давясь от хохота, стучал ладонью по столу Тарада. – Да меня скорей вынесут, чем я уйду. А-ха-ха!

Алексей пожал плечами:

– Да уж, напугал, Толя...

– Но я же вижу! Вижу! Поверил. – Тарада стукнул ребром ладони по столу, как будто что-то отрезая, налил себе полный стакан водки и залпом опрокинул. – Я так скажу, главное – знать, куда ветер дует, и идти к тому, к кому следует.

Алексей вспомнил собственную загадочную фразу про человека-невидимку Тарады. «Вот будет сенсация, – весело подумал он, – если Анатолий Георгиевич еще дальше двинет...»

– А что, Анатолий Георгиевич, – он поднял рюмку, – может не будем останавливаться на достигнутом?

– Правильная мысль, – согласился Кузьмич, поднимая бокал. – За то, чтобы не останавливаться на достигнутом. Мы ведь на своем посту –кто? Мы – трудовые пчелы, на которых все и держится.

Это туманное «мы» и «пчелы» вызвало новый прилив смеха у всей компании.

– Главное, соответствовать общей линии, – туманно обобщил Янушкин.

– А это хитрая азбука, Николай Петрович, – тут же отозвался Тарада, – соответствовать общей линии. Ее еще найти нужно.

К ним подошла официантка.

– Вот женщина! С «линиями» у нее все понятно! Тут и гадать не надо. А у ... – он хотел сказать «партии» и осекся. Странная шутка получалась про линию и партию.

– Главное, я считаю, доверие, – поспешил на помощь Кузьмич, – сначала к себе, чтобы самому себе не врать, потом к друзьям, ну и потом уже – к начальству.

– А вот это – правильно! – загудел Тарада. – Доверие – это основа, – закивал он.

– Да – основа, – эхом отозвался Янушкин.

– Именно, – добавил Кузьмич, – мы прежде всего – кто? Мы ведь не просто управленцы. Мы те, кто доверяем тем, кто нам доверился. – Алексей наморщил лоб, пытаясь вникнуть в заковыристую тираду, что завернул Кузьмич. – Если бы мы не очень доверяли начальству, то как им – нам довериться? Вот где парадокс! – лукаво продолжил Кузьмич. – Вот за это доверие я и хочу выпить.

– Иметь свой взгляд на то, что не прописано законом, это главное, – неожиданно добавил отец.

Тарада кивнул. Многозначительно посмотрел на Алексея, словно говоря «Ну, ты молодец!»

Теперь всем было видно, как ему хорошо. Он так и светился радостью и довольством, и не нужно было быть психологом, чтобы понимать, насколько он доволен жизнью.

Тарада наклонился к Алексею, накрыл своей широкой ладонью его ладонь и тихо произнес:

– Леш, что бы там в крае ни было, за ребят можешь не волноваться. Все утихнет. Поверь мне, – взгляд Анатолия стал очень серьезным. – Скажу прямо – штормило, но все прошло. Жизнь только начинается, Леша, давай напьемся, как в старые годы? – Тарада довольно откинулся на стуле.

– Я и в старые годы никогда не напивался, а сейчас и подавно, – ответил Алексей, усмехаясь.

– Понимаю, что ты хочешь сказать, – заметил захмелевший Янушкин. – А я вот уже удар не держу. Совсем стал размазней, Леша, старый сентиментальный кисель... Ты знаешь, недавно влюбился... Она чудо, поверь мне, никогда у меня не было такой женщины. Что-то особенное, Леша.

– Николай Петрович! Мы вас не узнаем, – воскликнул Тарада. – За это же надо выпить!

– Ладно. – Николай Петрович положил на ладонь Тарады свою белую холеную аристократическую руку с пятнышками пигментации, мол, оставим эту тему.

«У меня вот до сих пор эта пигментация не появилась», – со странным удовлетворением подумал Михаил Кузьмич.

– Леша, ты знаешь, сколько действующих ректоров осталось на посту из моего поколения? – в смущении попытался Янушкин сменить тему.

Отец пожал плечами.

– Совсем немного, – добавил тот гордо.

– За это, Николай Петрович, мы вас и ценим, – засмеялся Тарада и принялся по очереди благодарить каждого. – Друзья, это так важно. Спасибо, что вы собрались поздравить меня. А ты, Леша, вдвойне молодец, что устроил...

И как-то вдруг стало понятно, что уже все друг другу сказано и пора и честь знать.

– Давайте на посошок, – предложил Алексей.

– Ну, давай, – пьяно отозвались все хором.

Первым поднялся Сильченко, пытаюсь казаться самым трезвым. Потом Янушкин. Наконец – Тарада.

Стали долго прощаться, трясти друг другу руки, похлопывать по спинам, и все не расходились, травя последние недорасказанные анекдоты.

Расставались все чрезвычайно довольные друг другом – словно заново и на новой основе склеили свои отношения, и хотя за окном была ночь, в душе каждого из них светило солнце.

Небо затянули облака, звезд почти не было видно. Но воздух казался свежим, как будто его только что распылили из баллончиков с освежителем.

И на улице Тарада продолжал непринужденно сыпать шутками, Янушкин и Сильченко, скорее по партийной привычке, нежели из добрых побуждений, дежурно клялись друг другу в дружбе. И вся изрядно подвыпившая компания словно раскачивалась на волнах, вздыбливаемых Бахусом под мерцание рубиновых звезд Кремля. Ночная Москва казалась зловещей и загадочной.

V

Я проснулся рано, с тяжелой головой, словно после кошмарных снов. Из кухни доносилось позвякивание тарелок – Лида готовила мне волшебный завтрак по рецептам Анны Григорьевны.

Я улыбнулся. Под такой аккомпанемент аппетит просыпается со скоростью цепной реакции.

Я вышел на кухню. Лида выглядела слегка озабоченной.

– Подгорело что-то? – спросил я в шутку.

Она отмахнулась:

– Игорь, ну что ты право?

– Лидуся, что случилось?

Она попыталась перевернуть лепешку на сковороде, но та шлепнулась на пол, Лида чертыхнулась, бросилась протирать.

– Да что случилось-то? – воскликнул я, ничего не понимая. – С Ларисой что не так? С мамой?

– Ох, Игорь! – Лида испуганно всплеснула руками. – Не дай Бог!

– А что тогда?

– Да ничего. Вот поверь, ни-че-го, – отчеканила она по слогам. – Ларе я уже позвонила. Сказала, чтобы собирала чемоданы.

– Тогда в чем дело?

– Ах, Игорь, сейчас не до этого!

– Нет, – я встал между Лидой и плитой, – будь добра скажи, что не так?

– Да все так! И вообще, – в сердцах воскликнула она, – к нашему отдыху это не относится. Просто – вот! Нашло что-то! – Лида обвела кухню рукой, словно говоря: «Куда от этого денешься?», – Не всю же жизнь мне стоять у плиты?

– Я не понял, Лидочка, ты о чем?

– Я о своем будущем!

– Какое будущее? – искренне не понял я. – Сережа что ли простыл?

– Игорь, очнись. Я про свое будущее. В прямом смысле. Я не хочу все время стоять у плиты, как моя мать. Не хочу.

– А чего ты хочешь?

– Я хочу перспективы. Образования.

– Но ведь ты учишься.

– Учусь. – Лида ловко перевернула запеченный с луком и говядиной треугольник из теста на другую сторону и страдальчески посмотрела на меня. – А потом что? У всех перспективы... А у меня что? Ты думаешь, я мечтаю всю жизнь стоять у плиты или работать где-нибудь бухгалтером? Я хочу учиться дальше.

– Ты имеешь в виду аспирантуру? – оторопело переспросил я.

– Ну да, – воскликнула Лида. – А что тут такого? Или женщина не может учиться в аспирантуре? ! Я хочу поступить в аспирантуру. Стать кандидатом наук. Чтобы у меня были образование, карьера... Не мне тебе объяснять.

Я был с этим согласен.

– И мысли у меня никогда не было, чтобы ты была домохозяйкой.

Я вдруг почему-то вспомнил, как плясал с Анной Григорьевной на первой неудавшейся защите своей диссертации.

– И из-за этого весь сыр-бор? – миролюбиво спросил я.

Лида с надеждой посмотрела на меня детским и испуганным взглядом мультяшного олененка, который спрашивает: «Ты на меня не сердишься?»

Я обнял Лиду.

– Ну ты чего? Сказала бы просто. Это же понятно. И здорово.

– Правда? Ты не против? А как же Сережа?

– Но ведь есть и заочная аспирантура, – улыбнулся я. – Главное, это твое желание. Что-нибудь придумаю, Лидусь, не волнуйся. Ничего невозможного тут нет.

Я начал ходить по кухне, размышляя вслух.

– Надо просто понять, какая специализация, какая тема, кто научный руководитель – и все. У нас есть Янушкин. Проконсультируюсь с ним. Уверен, он поможет.

Лида вся расцвела.

– Правда?

– Ну а что здесь такого?

Она бросилась мне на шею, поцеловала.

– Давай завтракать, – произнесла она счастливо. – У меня все уже готово.

Она поставила передо мной невероятно вкусные пирожки с луком и мясом.

– Ну вот, – сказал я наигранно грустно, – станешь ученой дамой, кто мне будет готовить такие вкусности? Умрет Игорь Бабаев, твой муж, от голодной смерти.

Мы расхохотались.

Я уже слегка опаздывал. Внизу давно дожидался водитель.

Лида умолила ее немного подождать. Ей с Сережей надо было в поликлинику.

Мы втроем выскочили на улицу. Стояла жара. Пожелтевшие деревья уже начали ронять листву. Пожухшая трава жалко подрагивала на сером асфальте.

Мне стало почему-то грустно и немного тоскливо. «А может, наплевать на все? – мелькнула шальная мысль. – Рвануть с Лидой и Сержей к морю, закинуть ногу за ногу – и смотреть в небо».

Я рассмеялся своим, мыслям. Задрал голову. На небе не было ни облачка.

– Ты чего? – спросила Лида удивленно.

– Да так, подумал, что хорошо было бы с тобой куда-нибудь сбежать от всей этой суеты. И побыть хотя бы два денька вместе.

– Игорь, я тебя только об этом и прошу. Это было бы здорово.

– Возможно, ты и права, – произнес я мечтательно, распахивая перед Лидой дверь машины.

– Сначала в детскую поликлинику, а потом – на комбинат, – велел я водителю.

В воздухе чувствовалась духота, но со стороны пруда тянуло свежестью.

Солнце плавало стекла верхних этажей, сливая вниз свой лихорадочный блеск. Я уселся на переднее сиденье – приступ меланхолии прошел. Я вновь почувствовал прилив адреналина, будто там, на работе, меня поджидал какой-то сюрприз.

Машина притормозила у поликлиники. Я чмокнул Сережу в щеку, обнял Лидочку, дождался, пока они вошли в здание поликлиники, и велел трогать.

Привычная суэта комбината притупляла все чувства, кроме одного – желания выжать из всех все по максимуму, добиться выполнения плана, истребить напрочь вечную надежду на авось.

Утренний обход – словно привычная инъекция адреналина. Взрыв негодования от нерадивых исполнителей.

И все время – стресс за стрессом. Проходил цех за цехом, выслушивал доклады.

– Игорь Алексеевич, тут просили на убой принять тысячу голов, а у нас все резервы по мощностям исчерпаны. Что делать – не знаем, – задал вопрос Тимофеев.

– Что значит «исчерпаны»? – взорвался я.

– И так в две смены работаем, – попытался оправдаться Тимофеев.

– Так введите третью! В чем вопрос?

Тут встрял начальник холодильного цеха:

– А передерживать где? Все под завязку забито.

– Предложите перегнать в колбасу – может такой вариант их устроит.

– Попробуем...

– Что там со стройкой?

Я потащил всех в сторону строящегося спорткомплекса. Это была моя мечта, цель и головная боль.

Жуков, который вместе с Тимофеевым отвечал за строительство, сухо и не показушничая докладывал, что они сделали за время моего отсутствия. Тимофеев норовил все приукрасить.

Я придирчиво смотрел, как рабочие завершают отделочные работы.

– Значит так, мужики, давайте заканчивайте. Хватит! – вдруг взорвался я. – Надоела уже эта стройка. Пора сдавать. Говорите, какие есть проблемы, если по финансам – я их тут же закрою. И с другими проблемами тоже надо справиться. Пошли смотреть сауну.

Это была моя гордость. Там еще только клали деревянные панели. Но она уже казалась какой-то сказочной, словно сошедшей с экрана заграничного кино.

Похоже, моим мечтам о лучшем спорткомплексе края суждено было воплотиться в жизнь. Это было поражающее воображение место для отдыха и спортивных игр – именно такое, каким я его задумывал.

– Вот здесь будет береза, а здесь – липа, – Жуков постучал рукой по стенам.

– Электропроводку смотрите повнимательнее...

– Об этом не волнуйтесь, Игорь Алексеевич! Выйдем на те сроки, которые запланировали.

Они повели меня смотреть теннисный корт и площадку для игры в футбол.

Земля была вычищена, утрамбована.

– С покрытием – беда, – процедил Жуков. – Нужного гравия найти не можем.

– Я решу. – Меня раздражало, когда подчиненные сразу начинали использовать как аргумент слова «нельзя», «невозможно». Решаемо было все, стоило только захотеть. – Ну, месяца два здесь нам еще точно понадобится. Вот увидишь, – я обернулся к Тимофееву. – Зато потом все обалдеют.

– Честно говоря, стараемся, – уловив мой восторг, ответил тот.

Мой голос снова стал напряженным.

– Считайте, что это наказ.

Я вернулся к себе в кабинет. Надо было сосредоточиться, решить вопрос с кортом. Собрался было дотянуться до телефонной трубки, как в дверь постучали.

– Да! – отозвался я, ставя подпись на документах.

– Игорь Алексеевич, можно?

В проем двери боязливо заглянула наша главная бухгалтерша.

– Входите, Анна Семеновна! Что вы как сама не своя?

От нее на комбинате зависело очень многое, и просто так она бы не стала заглядывать.

Наш главный бухгалтер была уже немолодая женщина, немного старомодно одетая, с тугим пучком седых волос, стянутых сзади. И говорила она в соответствии с манерой одеваться: тихо и неторопливо. Она никогда не повышала голос, так что иной раз трудно было ее расслышать и всегда приходилось прислушиваться. Меня это иной раз раздражало, но приходилось мириться. Как специалист она была незаменима, и от ее точки зрения зависело очень много.

– Анна Семеновна, что вы такая встревоженная?

– Игорь Алексеевич, тут такие дела... – Она раскраснелась, занервничала, смутилась. – Я решила не говорить во время обхода...

– Ну, говорите же наконец!

– От меня не вылезают проверяющие. Информация о нашей стройке – не секрет. Все недоумевают: как мы строим? Есть же постановление ЦК о запрете на строительство спортивных сооружений после Олимпиады. Я не знаю, что с этим делать? Как обходить? По какой статье проводить? Как показывать? Надо что-то делать! – ее лицо приняло страдальческое выражение.

– Что за проверяющие?

– Пока это наши, местные, с ними общий язык найти можно, но дальше будет сложнее.

– Я вас услышал. Но мы не можем такую громадину оставить болтаться в воздухе, возьмите ее на баланс.

– Но как? – Анна Семеновна развела руками. – Для этого должны быть документы о выделении средств на стро-

ительство. Главк должен спустить бумагу о госкапвложениях. Хотя бы из резервов. Но у Гречаного резервов нет, я в этом уверена.

– Значит, решим эту проблему в Москве, – предложил я, как можно более миролюбивей. – В любом случае надо взять комплекс на баланс. Попытаемся взять по линии капремонта. У нас сколько затрачено?

– Восемьсот тысяч.

– Ну, вот... – Я задумался, – Попробуем что-нибудь сделать. Вы не волнуйтесь. Я посоветуюсь с Гречаным.

Она помолчала. Потом кивнула:

– Давайте попробуем. Иначе – беда.

Я мысленно чертыхнулся. Как же женщины умеют все усложнять!

– Слушайте, – я улыбнулся, – те деньги, что мы реально расходовали – наличные – никто никогда не откопает.

– Игорь Алексеевич... – Бухгалтерша почти застонала и положила передо мной на стол бумаги... – Вы не расслышали? Объем капвложений реально восемьсот тысяч.

– Я это хорошо услышал, Анна Семеновна. И что?

– Мы израсходовали из капремонта примерно триста тысяч. Капремонтом прикрыть стройку нельзя.

Она пыталась мне объяснить то, что я и так знал.

– Что вы предлагаете?

– Надо искать госкапвложения. На триста тысяч.

Я задумчиво кивнул. Бухгалтерша заметила мое недовольство.

– А вообще, я хожу, смотрю на все, на эти корты... – она попробовала улыбнуться, – глаз не отвести!

Я устало посмотрел на нее.

– Воодушевляет?

– И пугает одновременно, – добавила она.

– Значит, надо искать выход из положения.

– Не хотелось бы, чтобы на меня всех собак повесили, если что.

– Ну, на то вы и главный бухгалтер. Не волнуйтесь, хорошие условия содержания и регулярные передачи вам гарантированы.

Она прямо вся позеленела.

– Что вы такое говорите, Игорь Алексеевич?!

Я покачал головой.

– Шучу, конечно.

Бухгалтерша вымученно улыбнулась.

– Игорь Алексеевич! Ну, какие тут шутки?

– Не волнуйтесь. Я найду решение. Все будет хорошо И она, еще раз вздохнув, вышла из кабинета.

Впереди была еще куча дел. Мысли замелькали вразнобой. С чего начать? У кого пробить средства? И главное, как? Чтобы комар носа не подточил. Можно, конечно, выйти на Тараду. Но это крайний вариант. И потом, освоился ли он уже настолько, что бы реально помогать? А может, позвонить Мирошникову, попытаться как-то продать ситуацию через него? Вариантов было много и, значит, ни одного.

Заверещал селектор. Я раздраженно нажал кнопку ответа.

– Да!

– Игорь Алексеевич, звонили из горкома, завтра созывается срочный пленум. В десять утра.

Только этого не хватало.

– С чего такая поспешность?

– Они не сказали. – Голос у секретарши был испуганный.

– Ладно. Скажите всем, что обход завтра будет на час раньше.

Я нажал сигнал отбоя.

Ни с того ни с сего – пленум. По планам он должен был быть в октябре. Опять будут воду в ступе толочь. А когда работать? Надо решить проблему с покрытием для корта.

И не ее одну.

VI

В помещении, где должен был проходить пленум, было не протолкнуться. Люди как муравьи сновали в разные стороны, обмениваясь короткими приветствиями. В зале, в ожидании многозначного события, стоял монотонный гул сдержанного непонимания причины планируемого события.

Два помощника первого секретаря Армавирского горкома партии Николая Андреевича Слюсарева, с хмурыми лицами, с какими-то бумажками в руках отрешенно пробегали мимо собравшихся, избегая нежелательных вопросов.

Я вместе с толпой вошел в зал. Кто-то несколько раз наступил мне на пятки. Я ускорил шаг, человек, шедший за мной, ускорил его тоже. Я недоуменно оглянулся, приготовив крепкое словцо, и осекся – за моей спиной топтался, хихикая в кулак, Жора Троицкий:

– Привет, старик! – Он засмеялся.

– Ну, у тебя и шутки. – Я улыбнулся. – Думаю, кто мне на пятки наступает?

– Ну, а чего? – Жора развел руками. – Нечего варежку разевать.

– Прям как пацан. – Я покачал головой. – Ты не знаешь, чего нас собрали?

Жора вытаращил глаза.

– Ты лучше спроси, почему так поздно? Власть любит неожиданности.

Я любил эти сентенции Жоры. Он делал вид, что знает слабые и сильные места сильных мира сего.

Он махнул рукой, показывая, что идет в первый ряд. Я уселся неподалеку – в пятом.

Волокита обещала быть затяжной. В воздухе чувствовалась напряженная атмосфера, истоки которой были не понятны. Но уж чересчур шустро суетились референты.

Я поерзал в кресле. Первый враг таких сессий – дремота.

Начало было необычным. Второй секретарь по идеологии зачитал протокол, огласил количество присутствующих, состав, кворум – все как всегда, и в то же время напряженность, царившая в атмосфере, не рассеивалась.

Кажется, вся рутина и скука мира сошлись воедино, чтобы попить на наших мозгах. В бой вступила тяжелая артиллерия. На трибуну поднялся секретарь крайкома Щербак, «мой старый знакомый».

Гул в зале сразу понизился на полтона.

– Товарищи, – Щербак весомо откашлялся, достал платок, вытер лоб. Неловкое движение рукой – и все его бумажки полетели на пол. Помощники бросились их собирать.

Щербак с невозмутимым лицом ждал, когда исправят положение, снова откашлялся и начал читать по бумажке. «Линия партии», «постановления»... Я зевнул. Все одно

и то же, ничего нового. Голос Щербака действовал усыпляющее.

– Работа товарища Слюсарева на посту первого секретаря городского комитета партии...

Слова долетали до моего сознания как сквозь толщину ваты, но на фамилии Слюсарев я вздрогнул. А ведь не он начал собрание!

– Незаменимый, целеустремленный, – продолжал Щербак все более воодушевляясь. Он почти пел. Пафосный и ничего не значащий набор слов.

– В связи с уходом товарища Слюсарева на заслуженный отдых, отдать должное его...

Я чуть не подскочил.

Так вот оно что: Слюсарева «уходили». Неожиданная новость...

Я моментально проснулся. В зале повисла гробовая тишина. Взгляды присутствующих уперлись в бывшего первого секретаря, который сидел в центре президиума. Сидел, словно окаменевший. Ни один мускул не дрогнул на его лице, пока Щербак пел ему дифирамбы.

Я незаметно огляделся. Многие были удивлены и не скрывали этого. Кто-то сидел с мрачным видом, словно говоря: для нас это не новость. Были и те, кто тут же стал смотреть на Слюсарева как на льва старого, у которого стерлись зубы. Но большинство уважало Слюсарева. И было за что.

– Ветеран войны, – резанула слух фраза, – он по-прежнему в строю.

– Кого же на смену? – мелькнула мысль.

Раздались жидкие аплодисменты.

Щербак сурово посмотрел на зал, ожидая большего воодушевления. Потом взял в руки следующую бумажку.

– Предлагаем утвердить на должность первого секретаря горкома партии... – выступающий выдержал корот-

кую паузу, подчеркивая драматизм происходящего, – назначить главой партийной организации города Армавира заведующего краевым отделом транспорта товарища Писаревского Александра Сергеевича. Ставим вопрос на голосование.

Ну, вот и разъяснилось.

Писаревского я лично не знал. Наверное, сталкивались как-то в крайкоме. И только.

Писаревский приподнялся со своего места словно артист, которого удостоили вниманием публики, и кивком поблагодарил зал за жидкие хлопки.

Я стал его разглядывать, пытаюсь понять – что это за птица?

С первого ряда ко мне обернулся Троицкий и, не скрываясь, при всех показал мне большой палец. Я почувствовал себя неловко. Вот же человек! Никогда не скрывает своих эмоций!

На лице Троицкого застыла маска победителя, словно это его самого пять минут назад назначили первым секретарем.

Я снова посмотрел на Писаревского. Разница между ним и Слюсаревым была очевидна. «Этому палец в рот не клади, надо быть внимательнее». Все дружно и единогласно проголосовали.

Затем выступил Слюсарев, поблагодарил всех, кто с ним работал. Бурные аплодисменты только подтвердили искренность его слов. Слово взял Писаревский, говорил недолго. Основной тезис: «Я постараюсь поддерживать тот настрой, который был создан до меня!»

Его также одарили аплодисментами. Затем последовали обычные процедурные вопросы, и пленум завершился.

Половина из сидевших в зале потянулась к Писаревскому – на трибуну, поздравлять с назначением. Другая – потекла к выходу.

Я с трудом выбрался из потока желающих засвидетельствовать почтение новому царю. Хотелось переговорить с Жорой: чего он такой довольный?

Тот стоял в коридоре в окружении каких-то людей. Увидев меня, помахал рукой, быстро простился с собеседниками и повлек меня в укромный уголок.

– Старик! – начал он, тряся меня за плечо. – Это хорошая новость.

– Ты про нового первого?

– Король умер. Да здравствует король.

– Ты можешь не так громко? Что стоит за этим кадровым решением?

– Для меня – никаких проблем. Я Писаря давно знаю. Свой парень. Я с ним в Африку по линии крайкома ездил.

– Куда?

– В Африку. Анголе помогать. Пьет и не пьянеет.

– Жора, – рассмеялся я, – я не про это спрашиваю? Что он за человек?

– Со всеми умеет поладить. В Африке с людоедами общался, и как видишь, людоедом не стал.

Жора засмеялся. Я тоже усмехнулся в ответ.

– Тебе, конечно, виднее. Но, по-моему, это – не Слюсарев. Себе на уме.

– Да ладно, Игорь! Я тебя умоляю. Чем Слюсарь лучше? Все будет нормально.

Я ничего не ответил.

– Будет еще лучше, чем при Слюсареве.

Я похлопал Жору по плечу.

– Тебе видней, друг мой. Я всего лишь высказал мнение.

Он снисходительно посмотрел на меня.

– Зря переживаешь. Это номенклатурные игры. Главное сохранить свои позиции. Понимаешь? Не думаю, что у нас возникнут сложности в работе.

– Ну, твои слова да Богу в уши.

С Жорой поздоровались какие-то люди, проходящие мимо.

– Давай не здесь, – попросил его я. – Встретимся в субботу. В баньку ходим, там все и обсудим.

– Я только «за». – Лицо Троицкого приняло азартное выражение. – Слушай, а зайдем сейчас к Писаревскому... Пока он здесь.

– Ты что, хочешь меня представить? – удивился я.

– А что такого, старик? Обычный знак внимания. Ты – директор градообразующего комбината. Он – первый секретарь. Я – тебя представляю. Пойдем. Надо поздравить.

Я задумался.

Жора пресек мои сомнения тем, что просто потащил за собой.

Писаревский находился в задней комнате, за залом президиума. Я остановился в дверях, ожидая, что будет. Жора побежал вперед, подошел к Писаревскому, что-то сказал, радостно тряся его руку, и потащил за собой – в сторонку, подальше от всех.

Он вполоборота обернулся ко мне, жестом пригласив последовать за ними.

– Александр Сергеевич, вот, позвольте представить, – Жора обернулся ко мне, – наш мясной король, директор мясокомбината Бабаев Игорь Алексеевич.

Писаревский с любопытством взглянул на меня, протянул руку.

– Бабаев, – повторил я.

Писаревский кивнул.

– Наслышан о вас.

Я был удивлен. Но слова нового первого секретаря мне польстили. Честно говоря, не ожидал.

– Вот и познакомились! – воскликнул Жора.

Я мельком оглянулся. За нашими спинами уже выстроилась очередь из желающих засвидетельствовать почтение.

– Как дела? Готовы к выполнению?

– Заканчиваем строительство спортивного комплекса, – неожиданно для себя произнес я. Чем чаще я буду это повторять, тем больше начальство будет помогать.

Писаревский, улыбаясь, закивал. Он еще не успел сформировать свое мнение, любая информация, которую он либо благосклонно, либо сухо принимал к сведению, была для него внове.

Жора вдруг засмеялся, хлопнул Писаревского по плечу.

– Мы не будем мешать тебе, Александр Сергеевич!

Новоявленный первый секретарь кисло-сладко улыбнулся.

– Спасибо. Еще увидимся.

Я кивнул в ответ, протянул на прощание руку. Писаревский горячо ее пожал.

– В ближайшее время познакомимся плотнее, – добавил он и многозначительно посмотрел мне за спину, давая понять, что аудиенция окончена. Очередь желающих поздравить Писаревского росла.

Мы вышли из комнаты отдыха.

– Ну все, дело сделано! – Жора хлопнул меня по плечу.

– Я же говорил – наш человек.

Он излучал довольство, свойственное только сильным мира сего, и тут же начал рассказывать, как они с Писаревским ездили по Африке.

Я слушал вполуха. Он ни на секунду не сомневался в своем влиянии на Писаревского, а также в том, что все останется так, как было при Слюсареве.

– Ладно, мне пора, – прервал я его радостный поток словоизвержения, – а то мясо протухнет.

Жора рассмеялся.

– Умеешь ты уйти от проблемы, старик. Ну давай, давай, до субботы.

Я помчался на комбинат.

Надо было позвонить отцу, рассказать о новости. Конечно, поначалу больших перемен можно было не опасаться, но так ли прав в своем оптимизме Георгий?

Несколько раз машину бросало в разные стороны на поворотах.

– Езжай осторожней, – велел я водителю. – Меня не покидало ощущение какой-то подстерегающей меня неизвестности. Чем это объяснить, я не знал.

Я вошел в кабинет. Раздраженно бросил секретарше: «Соединяйте, только если что-то срочное».

На столе лежал отчет заведующего холодильным цехом, которого я накануне чуть не уволил. Когда работаешь на производстве, лишний раз убеждаешься в том, что люди чаще всего воспринимают только грубую силу.

– Соедини меня с Архипо-Осиповкой, с их главным врачом, – велел я секретарше.

Надо было позаботиться о Лиде с ребенком. По отзывам Вакулина Почтаренко был неплохим мужиком, с которым стоило бы познакомиться поближе.

– Приветствую вас! – Я обратился к нему по имени-отчеству.

В трубке раздался хриплый мужской бас. Надо сказать, донельзя усталый.

– Бабаев, – отчеканил я.

– А-а, от Вакулина. Меня предупреждали, Игорь Алексеевич. – Тембр его голоса сразу стал теплее. – Здравствуйте, здравствуйте! Рад вас слышать! Извините, что не позвонили. Замотался. Разнарядка на вас пришла.

– Отлично. Примите, пожалуйста, по высшему классу, – достаточно сухо произнес я.

– Не беспокойтесь, Игорь Алексеевич, вопросов не будет. Ваши останутся довольны.

– Что-то для поддержки надо?

– Нет, нет, ничего, что вы?!

– Ну ладно, на месте разберемся.

Мы любезно простились. Я тут же нажал кнопку селектора.

– Соедини меня с Тимофеевым.

Тот ответил моментально. Голос у него был умотанный.

– Витя, как обстановка?

– Все терпимо, Игорь Алексеевич. Работаем.

– Хорошо. Слушай, тут надо отправить в санаторий, – я продиктовал адрес, – машину колбасы. Сделай все в самом лучшем виде. Потом доложишь.

– Будет сделано, Игорь Алексеевич.

– Давай, давай, не расслабляйтесь там. Вопросы ко мне какие есть?

– Все понял. Не волнуйтесь.

Я положил трубку. Тимофеев был исполнительный мужик, все схватывал с полуслова. Теперь можно было подумать и об отдыхе, если только фортуна опять не преподнесет сюрпризы.

Домой я вернулся за полночь. Тихо открыл дверь и услышал, как Лида говорит по телефону:

– Лар, ты уже собралась? Машина большая, бери, сколько надо. А сколько их у тебя? Что?! Три чемодана?

Возникла пауза, потом вновь раздался Лидин голос:

– У нас переночуете, и двадцатого вместе утром поедем.

Я заглянул на кухню. Подкрался сзади и обнял Лиду. От неожиданности она взвизгнула, подскочила.

– Игорь, как ты меня напугал! Лара, все, давай заканчивать. Игорь голодный пришел. Целую.

Она положила трубку и обернулась ко мне.

Я ласково притянул ее к себе за плечи. Ощутил дурманящий запах волос. Обнял.

– Испугалась, да? Что кто-то тебя похитит?

Тепло, исходящее от Лиды, меня гипнотизировало. Я не утерпел, поцеловал один, потом второй раз. Она ответила мне. Наши энергии встретились. Мы замерли, скованные одной страстью.

– Может быть, мне еще позже домой приходить? – пошутил я, словно прочитав Лидины мысли.

Она потянула меня за нос.

– Ты специально такой колючий?

Я ничего не ответил, посмотрел ей в глаза.

– Где Сережа?

– Спит. Еле уложила. Все хотел тебя дождаться. Бегал, спрашивал: «Где папа, где папа?», – Лида смешно изобразила нашего мальчугана. Волна нежности накрыла меня с головой. – Садись есть. У меня все еще горячее. Думала, остынет.

Я прижался к ней сильнее.

– Успею.

– Ты что, не голодный?

– У меня новости. Вечером говорил с главным врачом Архипо-Осиповки – Почтаренко. Зарядил его! Считаю, вы теперь – особые гости.

– Ой, Игорь, – Лида высвободилась из моих объятий, – вот не надо этого. Опять все вокруг будут приставать со своим вниманием. Житья не дадут. Станут крутиться вокруг да около, не хочу.

Я усмехнулся.

– Отвергаешь прелести советского сервиса?!

– Говори тише. Сережу разбудишь. Услышит тебя, пиши пропало.

– Ну, дай я на этого богатыря хоть краешком глаза взгляну, – нежность смягчила мой голос.

– Игорь! Только не разбуди! – потребовала Лида.

Я подошел к детской, приоткрыл дверь. Сережа, раскинувшись, спал на своей кровати. Его личико было безмятежно.

Лида потянула меня за рукав.

– Давай-давай, пошли есть.

Я подошел к кровати, поправил край одеяла. Сережа улыбнулся во сне. Я повернулся и на цыпочках вышел из детской.

Лида стояла у плиты, разогревая мне ужин. В кастрюле что-то булькало, и эти звуки умиротворили меня, напомнив о том, что можно уже и расслабиться, утомониться – гонка закончилась.

– У меня для тебя хорошая новость, – словно все еще находясь подле ребенка шепотом продолжил я. – Я двадцать шестого приеду к вам в Архипо-Осиповку.

– Здорово! Может, тебя там дергать перестанут! Обещаю, никому этого не позволю. Буду дергать только я, – прошептала Лида с улыбкой.

Я поцеловал ее.

– У нас сегодня пленум был. Слюсарева «ушли» на пенсию. Вместо него назначили нового первого секретаря.

– Ничего себе новость! – Лида удивленно посмотрела на меня.

Я уплетал жаркое.

– И как он тебе?

– Еще не знаю. Георгий говорит: вроде мужик нормальный.

Лида согласно кивнула.

– Лариса приедет с детьми послезавтра.

– Хорошо.

Лида, чуть понизив голос, заметила:

– Ты чего-то бледный.

– Родная, весь день на ногах. Пленум, комбинат. Ты видишь, что творится? Перемена власти. Теперь все время надо быть на месте. Начнут вникать, пойдут вызовы. В общем, горячая пора только начинается.

В окне светился почти полный, в три четверти месяц. Молочный свет озарял вечернее небо.

Я почувствовал, как смертельно устал. Доплелся до кровати и моментально заснул. Во сне я видел удивительные вещи. События дня повторялись, но совершенно в ином ключе. Какие-то великаны приходили на пленум, требовали своей доли, я не понимал, зачем мы их слушаем. Многочисленные карлики кричали, что их надо спасти. Проснулся я в холодном поту.

Через два дня я спускал чемоданы вниз. Водитель Юра тащил за мной тяжеленные баулы. Багажник был загружен под завязку, Ларису с детьми Лида усадила на заднее сиденье, а сама села рядом с водителем.

В этот утренний час она была прекрасна. В новеньком, только что с базы импортном спортивном костюме, без косметики – такая волшебная, чистая. Она повернула ко мне лицо – волнующее, все еще не утратившее прелесть и чистоту девичества, дотронулась до моей руки.

– Ты еще пожалеешь, что не поехал с нами, – многозначительно произнесла она и лукаво улыбнулась.

Я ничего не ответил. Поцеловал в шею. Лариса грустно вздохнула, глядя на наши нежности. Может быть помимо воли я заставил ее вспомнить об их отношениях с Ильей? Впрочем, мы вели себя без всякой задней мысли.

– Лида, я там колбасы положил. Мало ли что... Медсе-страм отдай. Чтоб было попроще. Не забудь.

Лида кивнула. Погладила меня по руке, мол, не волнуйся. Ее иногда утомляла моя предприимчивость.

– Когда тебя ждать?

– Через десять дней. Ориентировочно.

Она печально улыбнулась. Я поцеловал ее. Захлопнул аккуратно дверцу. Склонился к открытому окошку водителя:

– Юра, будь осторожен.

– Не волнуйтесь, Игорь Алексеевич.

Лариса восхищенно смотрела на меня.

– Игорь, ты сейчас сама забота. Господи, нам бы такое...

– Лара, не сравнивай. Твой Илюша мне в этом вопросе фору точно даст, – поняв, о чем она думает, сказал я и махнул рукой. – Ну все! Пока! Сереженька!

Сынуля прижал свой нос к стеклу. Расплылся в улыбке.

Я открыл дверцу, взъерошил волосы своего мальчика...

– Смотри, ты теперь тут за главного. Следи за мамой и тетей!

Он весело рассмеялся, словно идея быть главным пришлась ему по душе.

– Ну, давай. – Я потряс его нежную ручку. Потом посмотрел на девочек. – Люда, Маша... Слушайтесь маму. И чтобы никаких капризов.

Я махнул водителю.

– Трогай.

«Волга» скрылась за поворотом.

VII

Секретарша с кем-то пыталась договориться по телефону о подаче машины. Ее голос свербел, как жужжащая муха, врываясь в сознание чем-то раздражающим и требовательным.

– Света, прикрой дверь, – крикнул я.

Секретарша тотчас умолкла. Я углубился в бумаги. Столбцы цифр двоились в глазах. Черт, надо бы устроить перекур, иначе долго не протянешь. Я вздохнул, сосредоточился. И тут опять раздался звонок селектора.

– О, Господи! – Я схватил трубку.

– Игорь Алексеевич, – послышался извиняющийся голос секретарши, – В приемной Тягачев.

– Какой Тягачев?

Я вскочил. Как снег на голову. Без звонка, без предупреждения. Вроде, ни о чем не договаривались. На меня нахлынуло ощущение радости от предстоящей встречи, и я поспешил к двери.

На пороге стоял прославленный лыжник. Я действительно рад был его видеть.

– Леня!

Мы крепко обнялись.

– Почему без предупреждения? Это теперь так принято? Хотел сделать сюрприз!? У тебя это получилось.

– Извини, старик! Прилетели на сборы. Поверишь, не было никакой возможности позвонить. Все на бегу.

За окном стоял чудесный летний полдень, а у меня на пороге – лыжник. Чудеса, да и только.

– В следующий раз предупреждай. А то мог бы и не застать меня на месте.

– Ну, – усмехнулся Леня. – Жорка не дремлет! Продает информацию о твоём местонахождении. Так что ты это с ним выясняй, откуда твои знакомые узнают, где ты и что ты!

Мы рассмеялись.

– Давай, рассказывай – зачем пожаловал. Надолго?

– Сборы!

– Постой минуту. Надо кое-что сделать.

Я быстро стал отдавать распоряжения, кому по селектору, тем, кто кто ждал меня в приемной – лично.

Леня с любопытством слушал, как я разруливаю ситуации, может быть, сравнивая с собой, и изредка покачивал головой – то ли от восхищения, то ли от удивления.

Когда мы остались одни, секретарша принесла чай, и Леонид, сделав маленький глоток, произнес:

– Ну, ты, Игорь, даешь!

– Что такое?

– Ты часом в армию генералом пойти не пробовал?

Я рассмеялся.

– Да брось ты... – махнул рукой я, но оценка друга была лестной.

Я заметил сумки, что он принес с собой. Они интригующе стояли у двери.

– Это что у тебя?

– Где? – Леня обернулся, – Так это... – он развел руками, – для вас. Георгий сказал, что вы тоже кататься поедете.

– Да?! Ну, раз он сказал... – Я не договорил.

– Стой, – остановил меня Тягачев. – Одна вещь – специальная. Для моего друга – Сережи маленького. Обрати внимание.

Он полез в сумку, которую держал на плече, достал оттуда пакет и вытащил из него... детские ботиночки. Даже издали я заметил, что они – необычные. Горнолыжные. Маленькие, с креплениями, настоящие детские лыжные ботинки.

Затем последовал комбинезон.

– Ничего себе! Неужели эти загнивающие буржуи и для детей такое делают! – Я не мог скрыть своего восхищения.

Леня радостно закивал. Мой восторг был ему приятен. Я развел руками.

– Ну, старик... Что еще сказать...

– Да ладно! – Он махнул рукой. – Это все твоему богатырю. Чтобы на лыжах стоял. Со всеми вытекающими.

Я подошел к нему, обнял крепким мужским объятием.

– Давай, расти чемпиона, – пожелал он. – Там немножко на вырост. Но кататься уже сейчас можно.

Меня как будто обдало теплой волной.

– Леня! У тебя какие вопросы? Что надо? Говори! Все решим! – Я чувствовал себя окрыленным.

Леня замялся.

– Не тяни, – подбодрил я. – Говори, что надо.

– Да мелочи. Мы на вертолет опоздали. Теперь девченок на ночлег надо пристроить. Всего одна ночь.

– Так... Общежитие подойдет? Не волнуйся, сейчас решим. Да что я говорю. Гостиница!

Леня посмотрел на меня...

– Игорь, это же деньги.

– Комбинат все оплатит, – пресек я дальнейшие возражения.

Я выжал кнопку громкой связи. Секретарша туг же ответила.

– Так! Живо решите ситуацию с гостиницей для спортсменов. Чтобы все было по высшему классу.

Я вопросительно посмотрел на Леню: мол, все нормально?

Тот кивнул.

– Завтра с утра пораньше в горы двинемся.

– Вертолет и все, что надо, есть?

– Да.

– Я буду прицельно занят примерно неделю, а потом нагрянем к тебе. Не помешаем?!

– Игорь?!

Леня рассмеялся.

– Научишь кататься?

– Спрашиваешь.

– Вот и отлично.

Вошла секретарша. Тихо доложила мне на ухо обстановку. Я, довольный, обернулся к Тягачеву.

– Значит, так. Сейчас всю твою команду – в нашу столовую. Пусть поедят. Завтра к вертолету вам доставят продукты. Будут еще какие-то вопросы – звони.

– С вершины горы? – спросил азартно Леня.

Я рассмеялся.

– Именно.

Леня с восхищением поцокал языком.

– Ну, у тебя машина работает.

– А ты как думал? Военная дисциплина.

Я набрал Троицкого.

– Знаешь уже? – вместо приветствия спросил я у него.

– Тягачев к тебе пожаловал, – рассмеялся Георгий Георгиевич.

– Ну, ты гад, мог бы и предупредить.

– А тебя что – врасплох застать можно?

– Ладно, проехали. Леня говорит, что ты через неделю в Лагонаки всех нас собираешь.

– А чего не поехать? Там же, – Георгий понизил голос, – такие девчонки! Понимаешь? Спортсменки! Комсомолочки! Кровь с молоком! Еще и Писаря с собой возьмем.

– Кого?

– Ну, Александра Сергеевича. Ему же надо показать, как наша сборная Союза благодаря тебе тренируется.

– Жора, ты уверен, что это надо делать?

– Игорь, ты думаешь, он на баб только в музей смотрит? Поверь, живой человек, со всеми интересами.

Я скептически поморщился.

– Ну, тебе виднее. Если хочешь такого пассажира, бери, но я бы...

– Ты бы тоже так сделал. Начальство надо держать на коротком поводке. Пусть отдохнет.

– Ладно, – я махнул рукой, давая понять, что мне обсуждать эту тему не интересно. – Держи меня в курсе. И послушай, чтобы кататься, там кроме лыж еще ботинки нужны, одежда специальная, как ее? Экипировка.

– Игорь, ты с Луны рухнул? Леня все привез. Спроси у него.

Я посмотрел на Леню, который пытался уловить суть моего разговора с Троицким. Он тут же показал рукой на сумки, что стояли у двери. Черт, я совсем позабыл о них.

– Там все, что нужно?

Леня кивнул.

– Жора, вопросов нет. Едем!

Мы тепло простились с Троицким, и я обернулся к Лене.

– Ну что, друг мой ... Пойдем, отметим твой приезд!

– Игорь, я же не один. Девчонки! – с укоризной произнес Тягачев, словно спрашивая: как ты мог забыть? – Не могу я без них никуда. Посидим еще. Давай, мы – устраиваться, а там уже в Лагонаки встретимся, посидим.

Мы ударили по рукам.

Я посмотрел на часы. Было уже почти десять вечера. За окном уже упала завеса летней мглы. Усталость асфальтоукладочным катком прошла по мне. Выдавила зевок. Я потерял лицо.

Пора домой.

«Как там Сережа?!» – мелькнула мысль. И тут же настоятельно возникла потребность повидать их обоих: Лиду и сыночка. Быстрее домой. И тут же спохватился. Господи, их же там нет!

Возвращаться в пустую квартиру расхотелось. Какой-то инстинкт начал нашептывать, что если я затяну, то мне же будет хуже, порвутся какие-то нити, которые связывают нас, делают счастливыми их лица, когда я прихожу домой.

– Света, – закричал я через открытую дверь секретарше, которая тоже с тоской поглядывала на часы. – Скажи водителю, завтра с утра едем в Сочи, проверять наш детский лагерь. Пусть приедет пораньше.

Будильник прозвучал до ужаса громко. Я вскочил, как ошпаренный. Неужели проспал?

Потряс головой, прогоняя сон. Что мне снилось? Голова была тяжелой.

Тягачев? Нет, это было наяву. Вчера. Его неожиданный визит и решение о поездке в Лагонаки.

Я прошлепал в ванную. Затем приготовил себе обжигающий кофе и стал стремительно собираться.

Сборы у меня заняли минут пятнадцать. Выскочил из дому. Машина уже ждала у подъезда. Я уселся на переднее сиденье.

– Едем? – поинтересовался водитель.

– Мчимся, Юра! – весело крикнул я.

Машина тронулась. Я уставился в окно.

– Что-то рановато, – заметил я водителю, – кивнув на пожелтевшие от жары листья деревьев.

– Третью неделю дождя нет, – отозвался Юра.

– Да? Я даже не заметил. Вот работа! Не замечаешь, что за окном происходит, – присвистнул я.

– Свисти – не свисти, ничего не изменишь, – пробурчал водитель.

Я прикрыл глаза. Последний месяц я был слишком занят всей этой головоломкой со строительством спорткомплекса, проблемами его легализации. Главная бухгалтерша превратилась в мою головную боль.

Вся эта суматоха и кутерьма с боязнью проверок понемногу начала истощать мои силы. Нужно было срочно сменить обстановку.

Шофер выжал педаль газа. За окнами замелькали купы деревьев, домишки, деревеньки. Ветер трепал и кружил листву. Взошло солнце, стало припекать.

Я опустил стекло. Через открытое окно ворвался свежий ветер, растрепал волосы, принес в салон запах прелых трав. Я с удовольствием подставил мощным струям воздуха лицо.

Какое наслаждение мчаться вдаль!

Словно это ты бежишь, и мышцы твои работают на всю катушку. И ты чувствуешь себя всемогущим.

Мощный мотор, урча, пожирал километры пустынного шоссе.

Шофер снизил скорость.

– Ты чего?

Он подбородком указал на дорогу.

– Пост ГАИ.

Я понимающе кивнул. Мы промчались мимо. Постовой неожиданно вытянулся и взял под козырек.

– Юр, ты видел? – удивился я. – Нас что, уже узнают? Или это он всех так встречает?

– Да вашу машину, Игорь Алексеевич, уже по всей трассе знают, – заявил водитель с оттенком гордости.

– Не дай Бог, придется менять место работы. Где меня еще так уважать будут? – пошутил я.

И тут же на полном серьезе вспомнил наш последний разговор с Тарадой. Чем же это все закончится?

Машина въехала на территорию лагеря через предусмотрительно распахнутые главные ворота и остановилась у главного корпуса.

«Ждут, что ли? – мелькнула мысль. – Молодцы».

Стоило только выйти из машины, как меня оглушил гвалт детских голосов. Прямо за административным корпусом на ровной поляне ребята гоняли в футбол, девочки с визгом играли в догонялки, кто-то рисовал мелом на асфальте – дети везде оставались детьми.

Я огляделся.

«А вообще – ничего, – мелькнула мысль. – Хозяйскую руку бы еще приложить, и будет совсем нормально».

На душе стало веселее. Я заметил спешащую ко мне фигуру мужчины лет сорока в черном потертом пиджаке.

«Не хозяйственник!», – подумал я, глядя на его костюм.

– Черняев, директор лагеря, – тяжело дыша, протянул он мне руку.

– Бабаев, – ответил я коротко.

– Добро пожаловать. Как доехали? Может быть, перекусите?

– Нет, спасибо!

– А чайку с дороги?

– Да ладно, подождет чаек! – отмахнулся я. – Показывайте лучше, как вы тут живете?! Какие проблемы? Хвастаться передо мной не надо. Говорите, чего не хватает? В чем дети нуждаются? Остальное – сам пойму.

Лицо у меня стало хмурым. Вокруг бегали дети, так и норовя сбить с ног.

– А чего это они у вас тут, а не на море? – спросил я.

Директор растерялся, замялся:

– А это сейчас... у нас... – Он обернулся, и я заметил спешащих к нам двух дородных женщин.

Директор представил их по очереди.

– Наша старшая пионервожатая – Евгения. А это мой заместитель – Антонина... – Отчества я не расслышал.

– Почему у нас дети тут, а не на море? – строго повторил мой вопрос директор, обращаясь к пионервожатой.

Та дерзко посмотрела на меня. Видно было, такой палец в рот не клади.

«Вот в ком настоящий директор пропадает, – подумал я ненароком. – Ничего не боится. Так и надо».

– Сейчас по графику активные игры, – сказала она решительно. – В самое пекло мы наших детей купаться не водим. И играть на солнце – тоже не позволяем. Игры в помещении. Потом – тихий час, – она говорила строго, серьезно, несколько монотонно. – А вот вечером, когда солнце уже не в таком разгаре, ведем на море. У нас все по рекомендациям врачей, – добавила она почти снисходительно, как будто я не знал столь элементарных вещей.

– А вообще, педиатры к нам приезжают. По два специалиста. Детей смотрят. Два захода по 30 минут. Два часа в общей сложности – это нормально.

Директор и его заместительница одобрительно кивали головами.

– Все по инструкции, – повторила заместительница.

Я вздохнул. С сомнением почесал затылок. Ну как им объяснить, что все это ахинея? Детям не солнце противопоказано, а такие вот инструкции.

– Вот я, в детстве, вышел из дома, побежал в балку и ушел на целый день с ногайцами лошадей пасти. И никаких предписаний. И это детство. Понимаете? Вот что запоминаешь! Я не игры в душном помещении.

– Ну, нам так не положено, – испугались дамы. – У нас все по методичкам.

– Методичкам! Ладно! А там что такое? – перебил я их, указывая на сарай, что стоял невдалеке, загораживал собой вид.

– А это мы душевые поставили. Чтобы дети ополаскивались после моря. Гигиенические требования.

– Вода в порядке?

– Морская? – не понял директор.

– Да нет, Иван Степанович, – налетела на него вожа-тая. – В душе. Конечно, Игорь Алексеевич, в порядке: и холодная, и горячая, – добавила она с жаром, словно ожидая похвалы.

Я оставил без комментариев ее рвение.

– Есть еще какие-то сложности? – теперь я обращался только к ней.

Директор занервничал.

– Игорь Алексеевич, – попробовал он завладеть моим вниманием, – с персоналом у нас проблемы. Я вам не раз писал: не хватает педагогов. Детей много, когда ведем всех на море – нужен глаз да глаз.

– Ну что вы, Иван Степанович, – возразила ему пионервожатая, – всех у нас хватает. Просто распределяться надо, я же вам давно говорила.

«Да у них тут настоящая битва, – подумал я, – дерутся за место под солнцем».

– Ладно, – прервал я их полемику. – С этим – понятно, пошли дальше.

Мне показали спальни, расположенные в школьных классах. Обстановка была более чем спартанская: дети спали на раскладушках.

– А что с кухней? Продуктов хватает?

– Ну что вы, Игорь Алексеевич. Меню полное. А вот с фруктами бывают перебои, – сокрушенно сообщил директор. Было видно, что он меня боится как огня.

– С фруктами решим, – отрезал я.

Мы дошли до конца территории.

– Игорь Алексеевич, прошу в столовую.

Есть мне здесь не хотелось, но увидеть самолично, чем кормят детей, было необходимо.

Я вошел в казарму, переоборудованную под столовую. В нос ударил запах рыбы.

– Понятно, – процедил я. Дальше было все, как и предполагалось. Ничего нового! Сносная, зато наверняка полезная еда, в меру воруующие повара.

– Хоть детей не травят, – пробормотал я, озабоченно озираясь.

Задерживаться дольше здесь не имело смысла. Все было понятно. Два педиатра на двести детей?! Я вспомнил слова Вакулина о том, что в том санатории, куда я определил Лиду с Сержей, приходилось по два врача на одного ребенка. «Каждому – свое» – мелькнула мысль.

Я посмотрел на часы. Надо было торопиться.

Проблемы больше не тяготили меня. Порочный круг опасений, что где-то кто-то без меня не справится, распался. Я уже больше ни о чем не волновался. Я предвкушал

радостную встречу с Лидой и Сережей. Господи! Наконец-то! Два или три дня полного отдыха! И никаких забот...

Солнце уже нещадно припекало. Я сел в машину, бросив водителю:

– Помчали в Архипо-Осиповку.

Водитель дал по газам. Ощущение скорости принесло легкое удовлетворение и дало выход накопившемуся адреналину. Я расслабился. Откинул голову на спинку кресла. Глаза мои закрылись, и я погрузился в сладкую дремоту.

VIII

Дом матери и ребенка в Архипо-Осиповке находился в тридцати минутах езды от нашего комбинатовского лагеря. Шофер гнал, как хотел. Меня сморило, на какой-то миг я прикрыл глаза, а когда открыл – мы были уже у проходной.

– Приехали Игорь Алексеевич, – донесся до меня голос шофера.

Я протер глаза.

Да... Санаторий поистине выглядел, как королевский дворец. Водитель что-то одобрительно пробурчал, оглядывая здание. Я вошел в проходную, показал свое депутатское удостоверение.

Дежурный, полный фальшивой предупредительности, завидев герб на корочке, тут же засуетился, выискивая мою фамилию в списках, затем предупредительно кивнул и указал рукой по направлению к главному корпусу.

От проходной в глубь территории тянулась длинная асфальтовая дорожка.

Многоэтажные корпуса, открывшиеся мне издали, показались настоящими небоскребами – огромные балконы, четкая геометрия оконных проемов, дверей, строгая планировка, какие-то громадные витражи, словом – симфония бетона, стали и стекла. Контраст по сравнению с иными заведениями подобного рода был разительный.

Я изумленно покачал головой, словно за проводником следуя за собственной тенью, отбрасываемой палящим солнцем. Честно говоря, не ожидал. Ярко-зеленая, словно выкрашенная, трава. Перед центральным входом закопался в мраморе величественный фонтан.

Взору открылся огромный корпус, наверное, на тысячу койко-мест. По сравнению с захудалыми бараками нашего комбинатовского лагеря эти отделанные под расшивку кирпичом гиганты выглядели сошедшими с экрана фантастического фильма. Зрелище для человека, понимающего толк в строительстве, было невероятное и ласкало взор.

От желающих попасть сюда не было отбоя. Когда я шел к Вакулину, я вовсе не предполагал такое. Правильно он говорил – «конфетка».

Я вступил в гулкий мраморный холл, весь увешанный зеркалами. Не успел сделать и трех шагов, как эффект эха исчез, сменившись тишиной плюша и бархата, заглушающих шаги.

Я поднимался по лестнице, устланной длинным красным ковром, на нужный мне этаж, скользя взглядом по цифрам на дверях, выискивая на двери номер.

Вакулин не обманул – сюрприз для не избалованных сервисом советских людей, коими мы все тогда были, удался. Остановился перед дверью с номером «25». Тихо постучал. Не получил ответа и толкнул дверь.

Она была не заперта. В просторном холле никого не было. Налево и направо вели одинаковые двери. Откуда-то из-за стенки слышались приглушенные голоса детей – моего Сережи и двух племянниц.

Я на цыпочках двинулся вперед. Никто меня не слышал. Стараясь не шуметь, заглянул в первую комнату.

На диване перед телевизором сидела Лида. Она перебирала детские рубашки, складывая их стопкой, как башню, рядом с собой. У ее ног, на ковре, возился Сережа, словно маленький повелитель в окружении растерзанных и перевернутых машинок.

Сейчас он боролся с пушистым ворсяным ковром, вытягивая из него толстые нити.

Мальчик был полностью поглощен своим занятием, не замечая ничего вокруг. Где-то за стенкой бубнило радио.

– Ну и как тут у вас дела? - спросил я.

Лида вздрогнула.

Сережа поднял голову, глаза его расширились, и он с криком бросился ко мне. Лида оставила лежать на полу выпавшую из рук рубашонку и пошла ко мне с улыбкой на устах.

Я подхватил Сережу, закрутился с ним.

– А-а-а, попался!?

– Папа!

– Только не урони, – воскликнула Лида, с бесконечной нежностью глядя на меня. – Мы тебя так скоро не ждали!

– А я же говорил!

Я опустил Сережу на пол, посмотрел на Лидочку. Выдохнул. Она замерла в сантиметре от меня, потом подошла вплотную, положила руки мне на плечи, не отрывая от меня взгляда своих внимательных карих глаз. Она как будто чего-то ждала.

– А я знала, что ты сегодня приедешь. Не поверишь! – прошептала она медленно, как будто только проснулась, – ты мне сегодня приснился.

Что-то неуловимое шевельнулось в моей душе. Такие флюиды нельзя описать, порой их даже трудно почувствовать – что-то сотканное из тонкой, но прочной паутины заботы и того, что не доступно описанию словами.

– Почему же не поверю?

Она нежно улыбнулась.

«Мне тебе столько надо рассказать!», – говорил ее взгляд. Но уста молчали.

Лида не была сентиментальной. Взгляд ее был загадочен. Она устало провела ладонью по лицу.

– Сегодня плохо спала.

Она уткнулась мне в плечо.

Так делают все любящие женщины, ищущие в своих мужчинах защитников. «Ты мне нужен. Будь рядом, как можно больше, и, даже если уходишь, позволь думать о тебе, не отвергай заботу любящего сердца» – говорят они этим.

К сердцу подступил комок.

– Лия, – прошептал я, – Лия, – шептал я, дотрагиваясь ладонью до ее щеки. – Это же просто встреча. Я предупреждал.

– Как ты меня назвал? – спросила Лида.

– Лия, жена Иакова, мать родоначальников колен Израилевых... Мать царственных детей.

Лида фыркнула, отстранилась и стала рассматривать меня с бесконечной нежностью.

– В этот раз ты приехал раньше, – медленно прошептала она.

– Как Сережа?

– Счастлив. Все время бегают. Столько света! Может быть, здешнее солнце как-то влияет на наших детей? – Лида улыбнулась. – Ты его не узнаешь. Я тебе благодарна.

– Ты о чем?

Лида в задумчивости молча смотрела на меня.

– Все, что тут происходит с нами – это реально... И совершенно невероятно. Ты был прав... – Она замолчала. – И главный врач твой, Почтаренко, такой внимательный. Сегодня заходил, спрашивал, когда ты приедешь? – Лида усмехнулась. – И никто нигде не хамит. Что им здесь дают, что они такие все вежливые? Может быть, уколы какие-то специальные ставят? – Она иронично улыбнулась.

Я расхохотался.

Лида приблизилась ко мне близко-близко, положила руки на плечи, прикоснулась кончиком носа к моему.

– Игорь, – прошептала она, – я тебя все время жду, и иногда... ты приезжаешь.

Она заглянула мне в самые зрачки, как будто пыталась донырнуть до самого их дна, и медленно уронила руки с плеч. Волшебный миг растаял, но и того, что я успел почувствовать – словно выбрал жемчуг со дна моря, было достаточно. И одно воспоминание об этом миге будет согревать всегда.

Из смежной комнаты раздалась дробь детских сандалет, и из дверей выбежали две моих племянницы-красавицы – Люда и Маша.

– Дядя Игорь!

Они повисли у меня на руках.

– Сейчас уроню, какие тяжелые! – закричал я, прижимая их к себе. Девчушки искренне и звонко залились счастливым смехом. – Вас чем тут кормят? – Отвечайте! – с напускной строгостью накинута я на девочек. – Какие тяжелые!

Они моментально включились в игру, заверещали, звонкими голосами.

– Сейчас оглохну, Лариса, спасай! – взмолился я в ответ.

– А ну, оставьте дядю в покое, – раздался строгий Ларисин голос.

Она вышла из спальни – нежная, томная, с отпечатавшимися на щеке следами от подушки, сонно улыбнулась, еще не до конца понимая, реальна ли радость, охватившая обитателей этого номера, или всего лишь продолжение ее сна.

Лариса неловко чмокнула меня в щеку, закрыла лицо руками:

– Игорь, я еще сплю, прости... – она вернулась обратно, тяжело опустилась на диван, откинулась на спинку и прикрыла глаза ладонью.

– Ну вот, вся семья в сборе, – весело произнесла Лида.

– Лия, Лия, Лия – пропел я, воздевая руки к потолку.

– Ну вот, придумал, – снова рассмеялась Лида.

– Какая она тебе Лия? – сонно просила Лариса.

– Та самая. Жена патриарха. Если бы она не была Лия, я бы на ней не женился, – парировал я, смеясь.

– Ну ладно, хватит, – попыталась отмахнуться Лида.

– Фантазер! – Лариса наконец окончательно проснулась. Взгляд ее казался потухшим. Мне на секунду передалось ее чувство вечно одинокой женщины. Проблемы с Ильей никак не могли отпустить ее.

Сережа потянул меня за палец.

– Папа, у меня новые машинки.

– Откуда?

– Мама купила.

– Ну, ты и богач!

Я посмотрел на Лиду. «Мамочка, так вы его избалуете...» – говорил мой взгляд.

Я взгляделся в большие глаза нашего сына. Сережа продолжал тянуть меня за палец, требуя, внимания.

– Он по тебе соскучился, – заметила Лида. Она стояла, прислонившись к дверному косяку, и смотрела то на меня, то на Сережу. В ее взгляде читались счастье и ожидание чего-то еще более волнующего, что мог подарить только я, мои вечные беспокойство и энергия.

Я покорно развел руками и пошел за Сережей.

Лида улыбалась, глядя на нас.

– Ну, прям казаки-разбойники! – констатировала она и грациозно, как пантера, обернулась к сестре. – Лар, им бы сейчас пистолеты за пояс и сабли в руки – точно за пиратов сойдут. Эй, пираты, давайте там не расслаживайтесь, скоро обедать пойдем.

– Минуточку, – я протестующее поднял вверх руку, словно говоря: «Будет так, как решат мужчины».

Мы гордо прошествовали в Сережины апартаменты. Следом шли Люда и Маша.

Сережа подошел к валяющимся на полу машинкам и начал подробно мне объяснять, как они устроены, по очереди беря каждую игрушку в руки и отбрасывая ее в сторону по мере того, как заканчивал рассказ.

Я слушал его, не перебивая, удивляясь его сообразительности и тому, как точно он схватывал суть конструкции каждой игрушки.

В дверях показалась Лида. Я изумленно раскрыл глаза, показывая ей, что в неподдельном восторге от того, какие способности демонстрирует наш сын. Это была ее заслуга. Она благосклонно кивнула.

– Покажи папе, как ты умеешь считать, – попросила она Сережу.

Сережа тут же, отбросив игрушки в сторону, начал считать: один, два три.... На девяносто девяти он устал, а Лида торжествующе посмотрела на меня, словно спрашивая: «Видишь? Ну не чудо ли?!»

Я подхватил Сережу на руки.

– Гений! Гений! – подбросил его вверх и потом осыпал лоб поцелуями. – Лида! Может, нам сразу его в институт на первый курс зачислить, а не мучиться насчет детского садика? – спросил я лукаво, глядя в счастливые глаза своего сынишки.

Сережа заболтал ногами, требуя поставить его на пол. Затем он смешно подтянул шорты, мол, я уже большой, и важно, поманив сестер за собой, повел их в другую комнату.

– Ну, идите, играйте, – отпустила их Лида.

Дети убежали.

– Вот так и живем, – тихо произнесла она. – Без забот, без хлопот благодаря твоим заботе и хлопотам.

– Ну что ты, Лиичка!

Мы остались одни в сразу ставшей пустынной и одинокой, комнате.

– Ты счастлив? – спросила Лида совершенно серьезно. Я ничего не ответил.

Подошел к ней, провел пальцем по ее нежной, нежнее бархата, щеке, заложил непослушный локон за ушко, наклонился и поцеловал в самый кончик маленькой мочки. И на выдохе ответил вопросом на вопрос:

– А ты как думаешь?

Лида потупилась, сосредоточенно разглядывая что-то на ковре. Мимолетная улыбка тенью скользнула по ее лицу.

– Голоден? – спросила она.

Я пожал плечами. Какое это имело значение? Время как будто остановилось. Мы стояли у стены и смотрели друг другу в глаза.

Такие мгновения запоминаешь на всю жизнь. Они могут стать предвестниками изменений в жизни или навсегда запечатлеться в памяти удивительными воспоминаниями, и даже тогда, когда сама наша память канет в Лету, нечто более глубинное, чем память, будет хранить воспоминание о прекрасных мгновениях нашей жизни.

Я замер. Лида схватила меня за руку. Сжала запястье, сильно-сильно, как только могла. Еще секунду и мы бы потянулись друг к другу с неудержимой силой, за кото-

рой – только бездна, страсть, упоение и сияющий рас-свет.

Но в этот момент раздался голос возникшей в дверном проеме Ларисы.

– Ну, хватит, потом намилуетесь, прямо Ромео и Джульетта.

Она произнесла это громко, с какой-то досадой, ибо сама не ожидала застать такую картину, и от неловкости спряталась в личину суровой школьной учительницы, которая временами был ей не чужда.

Лида, смущенно улыбнувшись, отпустила мою руку.

За окном ярко светило солнце, и сквозь неплотно закрытые шторы с улицы доносились детские визги. Жизнь шла свои чередом.

– Как вам здесь? – спросил я шепотом.

Лида пожала плечами.

– А ты как думаешь? – она улыбнулась. – Ты же знал, куда нас отправляешь.

Я кивнул.

– Тебя не обманули.

Лида не сводила с меня пристального взгляда, словно силилась прочесть мои мысли, будто я всегда был для нее как открытая книга, кроме этого момента, который я вдруг стал писать новым, не таким ясным для нее, почерком.

Как будто раньше для нее я был открытой книгой, а сейчас часть страниц, столь необходимых для понимания, оказалась вдруг вырванной.

Нежность и что-то более глубокое, более волнующее, исходили от нее, словно живительный поток небесной влаги, орошающий иссушенные души.

Я вдруг понял, что жизнь могла бы быть прекрасна и без трудовых побед, без изнурительной гонки. Надо только найти ключик к этой половине ее смысла. У меня

же был ключ, наверное, только от другой ее половины. И это было неправильно.

Я не мог представить свой мир без крика, без ругани, без вечной погони за достижениями. А он, оказывается, существовал.

– Я запомню этот день, – произнес я дрогнувшим голосом, в котором столь привычные властные нотки сменились нотами сомнений и надежды.

– Я тоже, – ответила Лида без тени улыбки и подняла с полу Сережину игрушку. – И все-таки ты, наверное, очень голодный, – она не тяжело, но очень глубоко – именно глубоко – вздохнула, словно в этом вздохе было какое-то сожаление по тому, чего я никогда не мог понять, но что, очевидно, существовало, провела по моей шершавой щеке пальцем и произнесла только одно слово, – Колешься.

В дверь постучали.

– Да! – крикнул я.

На пороге возник рыхловатый мужчина с пышной кучерявой шевелюрой, похоже, доставлявшей ему много хлопот. Он производил впечатление добряка. В руках он держал пухлую историю болезни.

– Почтаренко, Александр Максимович, – протянул он мне руку, улыбаясь.

Я улыбнулся в ответ и представился:

– Игорь Бабаев.

Александр Максимович снял очки. Без них он казался беззащитным, потерянным. Щурясь, пристально посмотрел на меня, словно желая разобраться, что я за птица и надо ли меня опасаться, повернулся в сторону Лиды с Ларисой, отвесил им с улыбкой радушнойший поклон.

– Я справлялся... у вашей супруги... мы не ждали вас так быстро...

Он вдруг подошел ко мне вплотную и принялся горячо трясти мне руку. Я уловил в его жесте желание как-то сузить дистанцию и уменьшить настороженность, которую в нем, вероятно, поселил звонок Вакулина. Может быть, даже и не настороженность, но ответственность, всегда связанную с визитом протеже вышестоящего лица.

– Может, пройдемте ко мне, если желаете?

– Да, конечно. Лидочка, – я повернулся к жене, – давайте, разберите тут, что я привез, а когда приду, пойдем купаться.

– Да уж, да уж... Водичка сегодня что надо, – услышав мою последнюю реплику, поспешил вставить главврач.

Я оставил Лиду с детьми и Ларисой разбирать подарки, удивляться, радоваться, судачить, а сам пошел за Александром Максимовичем.

– Лицо у вас знакомое, – неожиданно сказал он, пока мы спускались по лестнице. – Как будто мы с вами раньше где-то встречались.

– Не думаю, – ответил я с улыбкой. – Я бы вас точно не забыл.

– Спасибо, – смутился главный врач. – Столько людей у нас отдыхает, что спутать несложно. Вот здесь ступенька, осторожней.

«Сила телефонного права! – Подумал я невольно. – Они тут с меня пылинки готовы сдувать».

Я словно бы увидел себя в недалеком прошлом, когда точно так же от всего сердца принимал гостей или друзей из министерства у себя в Анапе.

– Сначала небольшая экскурсия, если позволите. Вот, – главный врач распахнул передо мной дверь, – мой кабинет!

Я вошел внутрь. По сравнению с гостевыми номерами кабинет был на удивление небольшой, но очень уютный.

Как и следовало ожидать, на стенах красовались фотографии членов Политбюро и одиноко затесавшийся в эту компанию традиционный портрет Пушкина кисти Тропинина. У стены – шеренга стульев.

Весь стол был завален историями болезней, которым, судя по всему, надлежало свидетельствовать о значимости деятельности хозяина этого кабинета. Почтаренко указал мне на кресло, стоящее подле стола, сам уселся напротив.

– Если что надо будет дополнительно, вы только скажите. Мигом все сделаем. – Он порылся в кипе бумаг и вынул оттуда толстую тетрадь в розовом переплете. – Это история вашего мальчика, – он открыл ее и стал внимательно листать. – Я осматривал его, ничего серьезного. Мы назначили ему процедуры...

Он выдернул листок, весь испещренный каракулями, вероятно, для того, чтобы зачитать мне список Сережиных назначений. Я предупредительно поднял вверх руку.

– Мне жена уже сказала, спасибо.

– Да, там электрофорез, прогревания, – продолжал он, закрывая Сережину карту и всем видом давая мне понять, что благодарен за доверие. – Он, в целом, здоровый мальчик, только последствия переохладения еще сказываются. Простуды часто переносил?

Я кивнул.

– Ну, вот видите. Знаете, в детский сад достаточно пойти...

– Он – домашний ребенок, – заметил я.

– А, – смутился главврач, но тут же нашелся. – Дома тоже сквозняки бывают. Я это к чему: вы не волнуйтесь, у нас врачи – высшей категории. Все проверим, если надо вылечим. У нас по штату, вы знаете, – он со значением посмотрел на меня, – по два специалиста на каждого ребенка.

Я вспомнил свой лагерь, двух врачей на двести детских душ, и еще раз подивился разнице. Александр Мак-

симович польщенно кивнул, по-своему истолковав мой удивленный взгляд, мол, ну что вы?! Как иначе! Вы же понимаете, куда попали!

– Так что уход обеспечим самый необходимый. – У нас и ортопед хороший, и логопед, если надо.

– С речью у мальчика все в порядке.

– А что ж мы тут сидим, пойдемте, я же распорядился. Там ждут. – Почтаренко резко вскочил и настойчиво потащил меня за собой. – Вы же не против? – спросил он меня почти с испугом.

Я, ободряюще улыбнувшись, развел руками.

В банкетном зале – небольшом помещении, почти рядом с кабинетом Почтаренко – уже был накрыт стол. Нас встретила милая женщина в белом халате, любезно указала на отдельный столик. Зал был небольшой, три-четыре столика, крытых хрустящими накрахмаленными скатертями. «Для почетных гостей» – машинально отметил я.

Хозяйка зала, радостно улыбаясь придвинула мне огромную фарфоровую тарелку, расписанную затейливою вязью. Вообще все здешние сотрудники производили впечатление чрезвычайно открытых и доброжелательных людей.

Почтаренко уселся напротив.

– Игорь Алексеевич, попробуйте! У нас тут все домашнему.

На мою огромную тарелку поставили поменьше – с котлетками, источающими одурманивающий аромат, с хрустящей, немного розовой корочкой. Я вспомнил, что с утра маковой росинки во рту не держал. Мясо было нежное, прожаренное. Поварихи как будто готовили для себя. Я повернулся к Почтаренко, покачал головой, мол, продолжаете удивлять!

Александр Максимович радостно улыбнулся.

– Зоя Ивановна, – кивнул он женщине, которая подавала, и та тут же налила нам по стопке.

– За процветание вашего Дворца. Именно Дворца матери и ребенка! – поднял я тост.

– Очень рад, что вы нас посетили! – откликнулся добродушный хозяин.

Я замолчал, не зная, что еще сказать. Почтаренко мое молчание растолковал по-своему и заерзал на стуле.

– Да вы не волнуйтесь, не волнуйтесь, если надо, еще раз посмотрим ребенка, вы только скажите.

Я повел плечами, словно говоря: да я и так всем доволен, не волнуйтесь.

– Супругу вашу мы тоже подлечим. Я считаю, что мать и дитя – неотделимы. В этом специфика нашего санатория, – продолжал Александр Максимович. Я понял, что он оседлал своего конька. – Таких учреждений, как наше, на весь Союз – раз, два и обчелся. Мы кардинально стараемся изменить ситуацию с детской заболеваемостью.

Да, он точно был фанатиком своей работы.

– И за родителями наших детей тоже стараемся наблюдать, – пояснил он.

– Вот это у вас просто шикарно продумано, – одобрительно заметил я, переходя к салату.

– Вы на сколько дней приехали? – Александр Максимович интересовался всем искренне, было видно, что он пытается одарить теплом и вниманием если не каждого, что было бы невозможно, то, по крайней мере, каждого значимого для него гостя.

Мужик был, очевидно, неплохой. Искренний. Старательный. Предупредительный. Я почувствовал к нему расположение. И сам я в свое время крутился как белка в колесе, встречая гостей, что приезжали в Анапу по звонку из министерства.

– Наверное, до понедельника, – ответил я с сожалением.

Он покачал головой.

– Так мало? – Он механически придвинул к себе тарелку с котлетками и тут же отодвинул. – Это неправильно. За здоровьем надо следить. Я догадываюсь, какой у вас образ жизни.

– Такой же, как и у вас, – заметил я философски.

Почтаренко развел руками, мол, сравниваете, потом рассмеялся.

– Это вы в точку. Значит, коллеги, – сказал он совершенно другим тоном. Более спокойным, что ли. – Я знаю ваш тип руководителя. Вы сгораете на работе, но вам это нравится. Это неисправимо. И что же мне с вами делать? – Он вдруг посмотрел на меня, как будто мы знакомы сто лет и просто давно не виделись. От него веяло надежностью и искренним желанием помочь. – Я знаю, что мы с вами сделаем, – продолжил он интригуяюще и краем глаза стрельнул по моей пустой стопке. Я отрицательно покачал головой, мол, больше не надо. – А давайте-ка, мы вас подлечим, обследуем. Можете мне не говорить, что вы здоровы. Я сам все вижу. У вас – своя работа, а у меня – своя.

Он улыбнулся, ободряюще, как бы желая сказать, не сопротивляйтесь. Я прямо-таки обалдел от такой заботы.

– Вот если бы я был вашим лечащим врачом, – он дотронулся до моего запястья, – я дал бы вам совет: расслабиться, отдохнуть, поесть и выспаться, и тогда вы снова станете человеком. А сейчас – вы только полчеловека.

И он заразительно рассмеялся, как настоящий врач, для которого здоровый человек – не вполне надежен, ибо к нему нельзя применить все полученные за годы учебы и врачебной практики знания и навыки.

– Жалобы есть? – спросил он с надеждой.

– Нет. – Меня так и распирало от смеха.

– Прекрасно, – подытожил он чуть приунывшим голосом. – Травмы, хронические заболевания?

– Да была одна авария... В Москве лечился, в Четвертом управлении.

«А вот это уже лучше», – всем своим видом свидетельствовал он, но вслух произнес:

– Значит, поддерживающая терапия вам не повредит. Что-то сейчас беспокоит?

– Совершенно ничего.

Я разделался с салатом и теперь чувствовал себя абсолютно довольным.

Александр Максимович задумчиво почмокал, наблюдая за мной.

– Ну, хорошо. Про иридодиагностику слышали? – Он подсел ко мне поближе, оттянул нижнее веко и заглянул в глаз, будто ожидал увидеть бездну, край света или нечто, не менее опасное, и не дожидаясь ответа, добавил. – И Бог с ним, что не слышали. А вот массаж точно не помешает. Сколько успеете, столько сеансов и примете. Плюс кислородный коктейль, а еще я вам иглоукалывание назначу! – прямо-таки торжественно подытожил он.

– Это что такое?

– Не слышали? – Почтаренко недоверчиво взглянул на меня. – Иглы такие специальные. Вы только не бойтесь. Их под кожу вводят, все стерильно. Оставляют на час, и вы – как новенький.

– Еж, – добавил я.

– Что? – не понял он. А потом заливисто захохотал. – Ну, вы остряк.

Я рассказал какой-то анекдот про ежей. С этим мужиком я, кажется, нашел общий язык.

Встреча подошла к своему логическому завершению. Я поблагодарил Александра Максимовича за прием и простился с ним в полной уверенности, что это лучшее место отдыха для Сережи и Лиды, которое я только мог найти.

Мои родные меня уже ждали в номере.

– Пойдем купаться, – заныли девочки, как только я вошел. Они стояли в ярких купальниках, с надувными кругами на животах.

– Игорь, тебя ждали, где ты так долго пропадаешь? – воскликнула Лариса нетерпеливо. – Дети истомились.

– Судьбу вашу устраивал, – рассмеялся я беззаботно. – С главным врачом беседовал.

– А-а, – услышала Лида мою последнюю фразу, входя в комнату. – Очень внимательный мужчина. Сережу лично осматривал. Столько всего прописал и мне, и ему.

– Тогда можно и на пляж, за мной! – скомандовал я.

Шумной компанией, увешанные пляжными сумками, мы потопали за порцией горячего черноморского солнца на местный, закрытый для посторонних взоров оградой, пляж.

«Ничего себе, – подумал я, оглядывая залитую солнцем территорию, – как они здесь все обустроили!»

Меня охватило чувство гордости за нашу советскую медицину для избранных и за то, что я был одним из тех, кому эти блага были доступны.

Песок был раскаленный. Дети запищали, и Лида тут же заставила их обуться в сандалии. Мне даже не пришлось бегать в поисках лежаков и огромных зонтов. В пункте выдачи было все, что душе угодно – без очереди и в достаточном количестве. Увешанные сумками, надувными кругами, мы, словно цыганский табор, устроились вблизи линии прибоя, огородившись со всех сторон, как щитами, противосолнечными зонтами. Я блаженствовал.

«Еще немного, и напрочь позабуду про рабочие проблемы», – мелькнула мысль. Дети под присмотром Ларисы убежали плескаться в море. Мы легли на шезлонги, разложенные под зонтиками. В голову лезли картинки из зарубежных фильмов.

– Ну, ладно, – воскликнул я через полчаса. – Я, конечно, не мороженое, но сейчас начну таять. Пошли в воду. Ты-то уже загорела, а я – точно сгорю.

– Не-а, – сонно ответила Лида. – Мне и здесь хорошо. А ты иди – поплавай.

– Ну, как хочешь, а я пошел.

Не успел я сделать и пару шагов, как она с криком «Игорь!» бросилась за мной. Я увидел, что Лидочка догоняет, и быстрее побежал от нее – в этот момент мы напоминали детей.

– Ах ты, хитрюга! – закричал я. – Значит, ты меня просто дразнила?

Она радостно закивала.

Я мчался вдоль берега. После знойного воздуха войти в прохладную воду было немного боязно. Потом резко остановился и поймал Лиду в объятья. Морские брызги холодными иголками ударили в лицо.

– Ах, – поежилась Лида, останавливаясь рядом.

– Холодно? – рассмеялся я.

Лида закивала.

– Смелость города берет, – шутливо провозгласил я и «героически» пошел в воду первым. Живот моментально подтянулся, ребра – расширились, я весь поджался. – Ух! Водичка – класс! А ну, давай ко мне! – закричал я, обернулся к Лиде и брызнул в нее морской водой.

Она взвизгнула, поднялась на цыпочки, попыталась увернуться. По ее телу пробежала дрожь.

– Игорь, прекрати, мне холодно!

Я злодейски расхохотался.

– Будет еще холоднее, если сейчас же не нырнешь.

Лида завизжала и, зажмурив глаза, окунулась в воду, пробкой выскочила на поверхность, проплыла метра три, потом остановилась и стала брызгать в меня в ответ. Я ответил ей тем же. Мы радовались и кричали, как два счастливых подростка для которых не существовали ничего во вселенной, кроме них самих. Время принадлежало нам. Устав, мы медленно опустились в воду по грудь и поплыли...

– Ты веришь в Рай? – спросила Лида, когда мы отплыли на значительное расстояние.

– Ты о чем? – спросил я.

– Мне кажется, что он есть, и сейчас мы пребываем в нем.

– Если мы в Раю, то я хочу на Землю. Поплыли обратно, – пошутил я, оглядываясь по сторонам. Мы были довольно далеко от берега. – А то как бы нам не очутиться там раньше времени.

Мы усердно заработали руками и ногами. Выбрались на пляж, я упал на гальку.

– Теперь буду загорать! – пробормотал я, отдуваясь.

Лида пошла к лежакам. Только я успел прикрыть глаза и отдаться неге, как кто-то пнул меня в бок.

Это была Машуля. Потом подбежал Сережа. Дети окружили меня, начали теребить, требовать, чтобы я пошел с ними купаться.

Лариса, запыхавшись, опустилась рядом.

– Маша, не трогай эти камни. Они грязные.

– Лара, не волнуйся. Иди, загорай, а я с этими разбойниками сейчас повоюю, – и, подхватив Сережу, я с криком потащил его к берегу, делая вид, что собираюсь в воду. Он закричал от страха и восторга, а я стал его кружить, и весь мир завертелся перед нашими глазами в сказочной карусели счастья.

Часа через два или три, мы, совершенно истомленные и обессиленные, ползли в наш номер. По дороге мое внимание привлекло небольшое строение со стеклянными стенами, стоящее особняком в стороне. У входа толпились отдыхающие.

– Лида, это что такое?

Лида рассмеялась.

– Это для загара.

– Что?

– Ну загорают там, понимаешь? Солярий называется. Очень модная нынче штука.

Я совершенно искренне оторопел и, прищурившись, посмотрел на небо.

– Постой, я не понимаю. А солнце тогда зачем?

Лида пожала плечами.

– Это в ясную погоду. А солярий – для сезона дождей.

Признаться, наличие в санатории солярия произвело на меня ошеломительное впечатление. Рай существовал. Теперь я это знал точно. «Небось, на закуску здесь подают фазанов во французском соусе», – подумал я. Убедиться в этом я вскоре смог на собственном опыте – пришло время обедать.

Всей гурьбой мы повалили в санаторскую столовую. Впрочем, назвать это помещение столовой язык не поворачивался. Это было идеально геометрически спланированное пространство с огромными панорамными окнами в пол. Казалось, что ты попал в огромный аквариум.

Мы шумной компанией уселись за один большой стол, дети потребовали пить. Лида показала мне, где стоят соки, я пошел с детьми и в очередной раз обомлел – на столе расположились не два традиционных графина с яблочным и томатным соком, а целая вереница с соками всех мыслимых вкусов и оттенков – березовым, сливовым, апель-

синовым и даже... мандариновым! «Как? – не поверил я своим глазам. – Его же просто не производят!» Меня, хорошо знающего ассортимент соков на Кубани, это повергло в оторопь.

– Папа, у тебя сейчас глаза вылезут, – закричал Сережа, – показывая пальчиком на мои округлившиеся глаза.

Я попробовал сок на вкус, и еще раз убедился, что Вакулин не обманывал, когда говорил, что этот санаторий – место совершенно особенное.

В окружении детей я вернулся за стол.

– Ты чего такой загадочный? – спросила меня любимая.

– Лида, то, куда вы попали – это невероятно...

– Привыкай, дорогой мой директор, к тому, что ты сам же и устроил, – похлопала меня по ладони Лида.

Ей было приятно, что мне – хорошо, что я перестал нервничать, сердиться, бояться, что что-то будет не сделано, и просто отдался ощущению счастья, которое куда-то меня влекло.

После обеда, когда я сыто откинулся на спинку кресла, полагая, что на сегодня впечатлений – через край, Лида хитро улыбнулась:

– Ты еще не все видел, пойдем, – она взяла меня за руку и, заметив мой удивленный взгляд, добавила. – Дети, за мной! И ничего не спрашивай.

Все послушно поднялись.

Я, кряхтя и изображая непреодолимую лень, тоже поднялся. Мы вышли из столовой и пошли по длинному коридору, куда-то повернули и напоролись на стайку отдыхающих детей. При виде нашей большой компании они тут же разбежались.

Мы остановились у кабинета. Нас в открытую дверь заметила сидящая за белоснежным столом медсестра, приветливо поздоровалась.

– Бабаевы? – уточнила она, кивая Лиде.

– Бабаевы! – серьезно отрекомендовался Сережа.

Я недоуменно уставился на сверкающий никелем и хромом ящик, похожий на аппарат по производству мороженого.

Медсестра ласково улыбнулась мальчику, взяла в руки стакан, поднесла его к отводной никелированной трубке, что торчала из аппарата, и нажала на кнопку. Раздалось урчание. Первая мысль, пришедшая мне в голову, когда я это увидел, что сейчас из трубки польется молоко. Но полезла белая пена – и все.

Стакан наполнился. Медсестра протянула его Сереже.

– Пей на здоровье.

Лида посмотрела на мое удивленное лицо и усмехнулась.

– Что ты как маленький!? Это кислородный коктейль.

– Чего? – переспросил я.

– Молоко с кислородом, для профилактики.

Медсестра протянула второй стакан мне. Я понюхал.

– Это очень полезно, не волнуйтесь! – подбодрила меня женщина.

– Еще бы, шампанское вместе с мороженым! – рассмеялся я.

В тот момент я чувствовал себя ребенком.

– Папа, папа! А я люблю вот этот! – Сережа протянул мне стакан, наполненный фиолетовыми пузырьками.

– Дай попробовать.

Сережа прижал стакан к груди.

– Для папы жалеешь?

Сережа еще крепче прижал стакан к себе.

– А вот я сейчас у тебя его отниму.

Мы начали шуточную борьбу. Дело кончилось тем, что коктейль оказался на полу, детской рубашке и моих брюках.

– Я же говорила, – невозмутимо заметила Лида. – Хорошо, что не мне стирать.

Мы, оба провинившихся, хитро поглядывали друг на друга.

– А чем он хоть полезен? – неожиданно спросил я.

– Заменяет часовую прогулку на свежем воздухе, – объяснила Лариса.

– Тогда предлагаю добавить. Пошли гулять! – предложил я.

Мы весело засмеялись – что может быть проще? Пятьдесят метров – и ты на море, на вытянувшемся как стрела пирсе.

Вдоль берега покачивались десятки катамаранов и морских лодочек. На сочинском общедоступном пляже за них всегда дрались, здесь же не было никого. И не потому что не было желающих, а потому, что лодок хватало на всех.

Я сел на весла, детвора попрыгала за мной, последними на борт взошли дамы, и мы поплыли.

Был самый волшебный час – между волком и собакой, как говорят французы. Нежные сумерки позолотили небо, солнце садилось в море, розово-алая бархатная дорожка протянулась по водной глади от самого солнечного диска к нашей лодке. Казалось, что можно было встать и пройти по ней – прямо до той волшебной стороны, куда уходит солнце. Взрослые замерли, замороженные этой красотой.

Девочки тоже притихли, словно тень волшебства упала на всех нас, даровав ощущение чуда.

Лариса, откинувшись назад и упершись в борт локтями, мечтательно смотрела вдаль.

– А я бы так вечно могла...

– Что? – спросила Лида.

– Плыть и плыть, куда глаза глядят.

– Боюсь, нам туда не добраться, – усмехнулся я и сильнее налег на весла. – А ну, разворачиваемся, в погоню за ужином. Завтра эта вечность у меня заканчивается.

Наше расставание не было грустным – Лида с Сережей скоро должны были вернуться домой. Мы чувствовали себя достаточно беспечно в предвкушении будущего.

Машина уже ждала меня у порога корпуса. Я словил драгоценный момент безделья, который позволяет перезагрузиться, и вновь был готов к состоянию вечного стресса. Я крепко обнял Сережу на прощание, он обхватил мою шею ручонками, повис на мне.

– Ну ладно, ладно, скоро уже домой поедем, – начала успокаивать его Лида. – Сейчас играть пойдем... Смотри, что у меня! – Она переключила внимание ребенка, сунув в его ладошку пластмассового солдатика. У Сережи загорелись глаза, он отвлекся на игрушку.

Мы с Лидой словно остались наедине, огражденные, как стеной, увлеченностью друг другом.

– Скоро увидимся! Долгие проводы – долгие слезы, – грустно произнесла Лида.

К нам подошла Лариса, обняла меня сердечно, чмокнула в щеку, вытерла след от помады на моей щеке.

– До чего же ты родной, Игорь, – произнесла она тихо.

– Да ладно, Лара, хорош грустить. Ты смотри, какие вокруг удовольствия.

Лариса кивнула. Лида положила мне голову на плечо. Я провел рукой по ее роскошным волосам. Водитель высунулся из окна и помахал мне рукой.

– Ну, все, пора! – усмехнулся я. – Отпуск кончился.

Дети увлеченно играли. Я не стал их лишней раз дергать. Дверца за мной хлопнулась. Лида и Лариса смотрели на меня, улыбаясь. Слепящее утреннее солнце размыло их стройные силуэты. Машина тронулась. Они одновре-

менно замахали руками. Водитель коротко посигналил им в ответ, и мы выехали за ворота.

«Надо будет Почтаренко лично колбаску прислать», – подумал я.

IX

Машина выехала на трассу.
– Дуй в Краснодар, – приказал я шоферу.
Гречаный собирал там срочное совещание, и мне было сподручно заехать туда по пути из Архипо-Осиповки. Да и в Краснодаре у меня были еще кое-какие дела.

Никакой особой нервотрепки на совещании у Гречаного не было. Хотя я, собственно, как всегда, был готов к чему угодно. Алексей Петрович был всем доволен и даже, как мне показалось, что-то напевал про себя, когда мы рассаживались. Он начал с того, что отметил «ударную работу Армавирского мясокомбината» – это было приятно, потом переключился на более мелкие комбинаты, немного пожурив их для острастки, и все завершилось.

Я посмотрел на часы. Половина шестого вечера. Надо было рвать когти. Из приемной я набрал прямой номер нашего друга – ректора Политехнического института Якова Дмитриевича Рудакова.

– Яков Дмитриевич, добрый день!

– Игорь! Ты!?

Голос сразу стал теплым, приветливым.

– Да, только что с совещания. Мне нужно обсудить с вами кое-что очень важное. Могу я...

Он не дал договорить...

– Игорь! Какие вопросы? Подъезжай в институт, я дождусь, – голос его звучал четко, по-деловому.

Я выскочил из приемной Гречаного и помчался вниз по лестнице.

Яков Дмитриевич был известен как заядлый театрал и не пропускал ни одной премьеры в местном театре. «Наверняка он и сегодня куда-то собирался, – думал я, перепрыгивая через ступеньки. – А вот, поди ж ты, все отложил». Улыбка скользнула по моему лицу.

– В Политехнический, – захлопнув за собой дверь машины, бросил я Юре. Тот, приученный к спешке, ударил по газам. – Не так усердно, – осадил я его. – Тут все-таки город, дети.

Я посматривал на часы. Было ровно шесть. До института мы домчались за считанные минуты. Я бегом поднялся на пятый этаж.

Двери приемной были широко распахнуты, и там, как всегда, толпились какие-то люди: преподаватели, аспиранты...

Референт издала увидела меня и показала рукой: мол, проходите, вас ждут.

Я постучался и вошел с кабинет, в котором царила поразительная тишина. Шторы было наглухо завешаны.

Откуда-то из угла раздалось теплое приветствие:

– Игорек, здравствуй.

И из темноты, словно материализовавшись, возникла сухошавая фигура Якова Дмитриевича.

Мы обнялись.

– Ну, здравствуй, здравствуй, проказник. Какими судьбами? – он протянул мне руку и слабо пожал ее.

«Болеет, он что ли?» – мелькнула мысль. Я огляделся.

Яков Дмитриевич в самом деле куда-то собирался. На столе рядом с портфелем лежал букет цветов. Интуиция меня не подвела. Точно, в театр.

– Я коротко, можно? – извиняющимся тоном произнес я.

– Ну что ты, Игорь, какие вопросы?! Да ты садись, – засуетился ректор.

– Я ненадолго, Яков Дмитриевич.

– Ну, я с твоего разрешения присяду. – Он уселся в кресло и внимательно посмотрел на меня.

«Вот это благородство! – подумал я. – Друг – важнее всего».

– Яков Дмитриевич, я по поводу жены.

– Лидочка, – глаза ректора вспыхнули, он улыбнулся, согретый воспоминаниями. – Ты можешь ею гордиться. Хорошая студентка была.

– Яков Дмитриевич, она ею опять хочет стать. Только на новой ступени.

Я многозначительно выдержал паузу. Яков Дмитриевич пытливо посмотрел на меня, наклонив голову и исподлобья, словно студент, у которого есть только одна попытка, спросил меня:

– Аспирантура?

– Именно.

– Похвально. Весьма похвально. – Он развел руками. – Я всегда считал, что ей это по силам.

– Собственно, с этим и пожаловал.

Яков Дмитриевич хитро посмотрел на меня.

– Игорь, ты же знаешь, у нее проблем не будет.

– Но они у нас есть, – поспешил объяснить я. – Если помните, у нас ребенок маленький... А это Армавир. До-

рога – не близкая... Что вы посоветуете? Какие у нас есть варианты?

– Игорь, на заочном не будет особых проблем, – сразу вникнув в ситуацию, ответил Яков Дмитриевич, и очки его озорно блеснули в кабинетных сумерках. – Она у нас по какой специальности?

– Экономика.

– Прекрасно. Сдаст кандидатский минимум, назначим ей оппонентов, и все будет в ажуре. Не бери это в голову. Тему уже выбрали?

– Это бы и хотелось понять.

– На чем она специализировалась?

– Экономика пищевой промышленности.

– Так... – Ректор задумался. Стал вслух перебирать фамилии педагогов. – Григорян... У него три аспиранта... Самодуров... Не то... Так... Я посоветуюсь с Иваном Михайловичем. Очень толковый профессор. Да ты, может, его и помнишь. Будет ее вести. Стой, стой... При тебе все решим. Думаю, он еще не ушел.

Ректор посмотрел на часы, придвинул к себе телефонный аппарат, набрал номер.

– Иван Михайлович! – голос его уже звучал властно. – Ты еще на месте? Отлично! Зайди ко мне, пожалуйста, по возможности побыстрее.

– Сейчас все и решим, – улыбнулся он, кладя трубку.

Ждать пришлось не долго. В кабинет вошел пожилой мужчина с редкой шевелюрой, в сером помятом костюме, с таким же точно портфелем, как у Якова Дмитриевича.

«Ходят что ли на одну базу?» – мелькнула мысль.

– Иван Михайлович, знакомься, это Игорь Алексеевич Бабаев. Наш выпускник. Коллега. Кандидат. Мог бы сделать блестящую научную карьеру, – ректор сокрушенно покачал головой, – но вот... – Он виновато улыбнулся – выбрал иную стезю. Его жена будет твоей аспиранткой.

– Очень приятно, – профессор повернулся ко мне вполборота, так что я смог заметить шрам на его щеке, чуть наклонил голову в знак приветствия. – Набросай план работ. Лидия Ильинична... – Ректор помнил даже Лидочкино отчество, я был покорен. – ...очень толковая студентка была. Надеюсь, что аспиранткой будет такой же. Есть только одно «но». Они живут в Армавире. Семья, – ректор показал на меня, – ребенок... Надо как-то придумать облегченный вариант. Хорошо?

Профессор на секунду задумался.

– Не вижу никаких проблем.

– Я думаю, у вас с ней все сложится, – подытожил Яков Дмитриевич.

Профессор кивнул в ответ, давая понять, что все исчерпывающе ясно.

– Тогда по рукам. – Яков Дмитриевич встал с кресла. – Если нужны какие-то методички, сами уже договоритесь, как передать, – он указал на нас указательными пальцами обеих рук, и затем свел их в одной точке. – Я вас больше не задерживаю.

Профессор кивнул ректору, отдельно – с улыбкой – мне и удалился, тихо прикрыв за собой дверь.

Рудаков вопросительно посмотрел на меня.

– Яков Дмитриевич, я ваш должник.

– Не путай дружбу и долг. Мы близкие люди, – с укоризной произнес Яков Дмитриевич.

Он взял меня за локоть и пошел провожать до двери.

– Альма-матер не забывай. Как, кстати, отец? Он мне давно не звонил.

– Да, как всегда, бегаёт! По уши в заботах.

– Ну, передавай привет ему.

– Обязательно!!! – Я тепло обнял Рудакова. – К вам на днях заедет от меня человек, подвезет кое-что. Он позвонит.

– Игорь, Игорь, – замахал руками ректор, – ничего не надо.

– Яков Дмитриевич, – я еще раз приобнял его. – До скорой встречи.

– Конечно, Игорь! Звони, если что, – ректор с умилением посмотрел на меня, словно вспомнив студентом.

Я вышел в приемную. Она к этому времени уже опустела.

Хотелось как можно быстрее позвонить Лиде. Обрадовать. Однако сейчас она, скорей всего, должна была ужинать, а мне нужно было торопиться в Армавир.

Х

Машину подбросило на повороте, и я тихо беззлобно выругался. На этой армавирской трассе водителю уже пора было бы запомнить все ямки и ухабы. Водитель начал оправдываться:

– Игорь Алексеевич, вчера ее еще не было.

– Езжай, ладно, – успокоил я его.

Меня знобило. Перекупался в море, что ли? Представил, как обрадую Лиду приятным известием. Да и сам я был чертовски доволен. Все складывалось неплохо. Сегодня ей звонить уже не буду, ночь стремительно опустилась на дорогу, скрыв лес, что мелькал по обеим сторонам. Пока еще доеду! А будить Сережу не хотелось. Пусть спят. Лучше – завтра...

Я улыбнулся и погрузился в размышления о делах, которые требовали моего участия. Следовало наконец решить вопрос со спорткомплексом: или взять на баланс, или придумать что-то еще. И испытания куттера зависли,

надо бы ускорить. Все остальное, вроде, шло по плану. И это после визита к Тараде. Совпадение или...? Может он действительно человек-талисман? Заколдованный на отсутствие неприятностей?

Периодически память возвращала меня к мысли о нем, к той загадке, которую он задал нам с отцом. Отец мог быть неправ в отношении Тарады. Этот человек притягивал удачу.

За окном замелькали деревья, точно люди, застывшие на обочине с поднятыми вверх руками-ветвями. Вот растут они сами по себе, никто за ними не ухаживает, а вон – какие огромные вымахали. Ну а мы, люди? Хоть одно дело оставь без внимания – разве оно само собой решится?

На этой мысли я заснул, убаюканный размеренным ходом машины.

Следующий день выдался нагрузочным – с подзабытыми стрессами и аврами.

Казалось, что я совершаю погружение на дно глубоководной впадины. Словно комбинат мстил мне за пару дней отдыха и счастья.

В пятом часу раздался телефонный звонок. «Прямой, – отметил я. – Небось, Жорка».

– Ты еще на работе? – раздался в трубке голос.

Иногда моя интуиция работала, как часы.

– А где мне еще быть? В санатории?

– Ты там уже был.

– Ты что, следишь за мной?

– Проявляю заботу, – тепло парировал Георгий. – Ты помнишь, что мы завтра вылетаем?

– Нет, постой... Мы же планировали...

– Перенесли на чуть пораньше. Никаких отговорок. Завтра вылет. Писаревский дал добро. Но может он только завтра. Так что – без вариантов.

Я молчал.

– Ты чего? – забеспокоился он. – Прогноз хороший. Я справлялся у нашей метеослужбы. Вылет в восемь утра.

– Мне к семи подруливать?

– Хоть к пяти, будешь нас дожидаться. Главное, не поз-
же. Кстати, я для Писаревского захватил хороший коньяк.
Он такой уважает.

– Георгий, я в тебе не сомневался.

– Остальные рабочие моменты решаем на месте, –
продолжал он четко и деловито. – Ты не забыл про Лени-
ны мешки, что он у тебя оставил?

– Да разве с тобой забудешь?

– Завтра будем их разбирать. Там экипировка. Для тебя
Леня передал отдельно.

– Ишь ты! Балует он нас.

– Для друзей – старается. – Жора довольный засмеялся.

– Ну ладно, до завтра.

Я положил трубку, посмотрел в окно. Сейчас Лидочка
с Сережей, должно быть, ужинают! А ведь я забыл позво-
нить ей в этой суматохе. Черт! Посмотрел на часы. Навер-
ное, еще не поздно. Лишь бы только она была с Сережей
в номере. Велел секретарше соединить меня с Архипо-
Осиповкой. Та дозвонилась только через пару минут.

Я поднял трубку. На другом конце провода раздался
испуганный голос.

– Игорь?

– Лидуся! Алло! Ты меня слышишь?

В трубке что-то затрещало.

– Черт, да что это такое! Лида! Алло! Лида!

Наконец треск прекратился.

– Алло, Лидуся...

– Игорь, слушаю! Что случилось? С мамой все нор-
мально?

– Конечно! Я – поздравить!

– С чем? – Связь опять стала плохой. Ну что ты будешь делать!

– Игорь, ты дома?

– Нет, я на комбинате! – Я попробовал говорить громче. – Я тебя поздравляю.

– Да с чем же?

– Ну как?! Все получилось. С твоей аспирантурой все улажено! – Я старался говорить четко и по слогам.

– Что?

– Ас–пи–ран–ту–ра! Все получилось!

– Ты про меня говоришь?

– А про кого же? – Связь стала лучше. – Я был у Рудакова. Заехал прямо из Архипо-Осиповки. Он уже назначил тебе научного руководителя.

– Меня что – зачислили?

– Да нет еще. Но это уже не будет проблемой. Руководителя назначили.

– Прямо руководителя? – Голос ее зазвенел от радости. – Кто это?

– Да профессор там один. Я тебе дома все расскажу. Так что готовься, мамочка. Все, что ты хотела – ты получишь. Учти, с тебя – магарыч.

– Какой? – засмеялась Лида.

– Поступать будешь вместе с Сережей.

Мы оба залились смехом.

– Как он там? Не скучает?

– Вчера весь день ходил скучный, спрашивал: «Где папа?» Я ему говорю: «Скоро увидишь». Еле успокоила. Хочешь его услышать? – И, не дожидаясь моего ответа, Лида позвала: – Сереженька, иди сюда.

Я слышал, как она вкладывает трубку в руку нашего ребенка.

– На, поговори. Там – папа. Ну, говори же!

– Алло! Сереженька, сынок! – закричал я в трубку.

На другом конце повисла тишина, потом раздался еле слышный шелест:

– Алло.

– Сережа, это папа! – Что-то невероятно щемящее накатило на меня. – Как ты там? Ты уже покушал?

Сережа весело рассмеялся, будто зазвенел колокольчик. Нет, миллион волшебных колокольчиков.

Потом в трубке что-то загрохотало.

– Что у вас там происходит?

– Чего же ты трубку роняешь! – послышался издали Лидин голос. – Ну, будешь говорить с папой? – Лида рассмеялась. – Алло, Игорь! Он трубку уронил. Слышишь?

– Да, слышу, слышу...

– Я не понимаю, что с ним. Стоит, улыбается, а трубку роняет. Ладно, Игорь. Я тебя люблю! У нас все нормально. Пойду его укладывать. От Лариски привет.

– Ей тоже. Я пришлю за вами машину, слышишь, не волнуйся. С отъездом все будет нормально.

– Да я в этом не сомневаюсь. Спасибо.

– Постой, постой. Не клади трубку. – Я не хотел заканчивать разговор, не мог. – Вы там как?

– Игорь, ты же сам видел, что все хорошо!

– Да я знаю.

Я замолчал, как будто не сказал ей самого главного, того, что невозможно выразить словами, и Лида это почувствовала. Мы почувствовали это оба, одновременно, через расстояние, без слов, как самое важное, что не нуждается в проговаривании вслух.

– Лидуся, ну ты сама все знаешь. Давай. Буду ждать вас.

– Стой, стой! – Теперь пришел ее черед тянуть время. – Ты когда еще позвонишь?

– Не знаю.

Я почувствовал, как она улыбнулась.

– Но точно – позвонишь?

– Точно позвоню.

Я понял, что мы просто тянем время не в силах расстаться друг с другом.

– Насчет учебы не волнуйся. Я прошел, и ты – пройдешь, – сказал я внезапно.

– А, не напоминай, – испугалась притворно Лида. – Ты знай, мы по тебе всегда очень-очень скучаем.

Я ничего не стал отвечать. К горлу подкатил комок. Все было понятно без слов.

– Ты чего замолчал?

– А ты?

– Ну, я уже все сказала.

Мы рассмеялись, как школьники.

– Ты у меня теперь аспирантка, скажи что-нибудь умное!

– Ой, Игорь! Тебе смешно, – озабоченно заметила Лида, – а я... я боюсь! Это же снова экзамены... Тут мне на днях в местной библиотеке случайно попалась на глаза статья по экономике. Прочитала и ничего не поняла. Все позабыла.

В ее голосе сквозила растерянность.

– Слушай, перестань! Это все формальность. Говорю же – я обо всем договорился. Все через это проходят. Сдашь кандидатский минимум. Получишь степень. Зазнаешься.

Она усмехнулась.

– Прямо как наш ректор?

– Прямо как он! Все. Не переживай.

– Звучит как в сказке. Лидия Бабаева – кандидат наук.

– Лида рассмеялась. – Пойду Лариске расскажу.

– Давай! Я вас целую.

Она положила трубку, а я несколько секунд слушал в трубке гудки отбоя. И удивительно – в первый раз эти

звуки не раздражали меня, а воспринимались эхом победного марша.

На следующее утро я проснулся ни свет ни заря. Выглянул в окно. Внизу уже поджидала машина.

«Черт, неужели проспал?!» Я поплелся в ванну. «Глоток кофе, и буду на коне», – мысленно подбодрил я себя. Через пять минут я был готов, схватил все, что передавал Жора, и прыгнул в машину.

Дорога до летного училища показалась короткой. То ли я ненадолго провалился в сон, то ли Юра гнал на всех парах.

Жора уже был на месте. Бегал вокруг военного вертолета, о чем-то оживленно переговариваясь с генералом. Я был сонный, как муха, и молча наблюдал, как водитель выгружает из машины вещи.

Жора подбежал ко мне.

– Ну, ты давай, приходи в себя! – он ткнул мне пальцем под ребра.

– Отстань. А где все? Мы одни, что ли, летим?

Не успел я закончить фразу, как на летном поле показалась крайкомовская «Волга».

– А вот и Писарь пожаловал, – заметил Жора со смешком и стал насвистывать марш «Прощание славянки».

– Георгий Георгиевич, а это куда? – Мой водитель тащил огромную картонную коробку, которую мне передал Тягачев.

– В вертолет! – Жора игриво посмотрел на меня. – Ты еще не видел наши костюмы?

Я сонно покачал головой.

– Увидишь, закачаешься, – он показал большой палец. – Там и для Писаря тоже.

Он нетерпеливо махнул водителю рукой, мол, иди, не стой перед носом.

«Волга» притормозила неподалеку от нас. Из нее никто не выходил.

«А где Писарь?» – удивился я мысленно.

Словно в ответ на мой немой вопрос дверь машины медленно приотворилась, и оттуда показалась нога в лакированном черном ботинке.

– Это он так в горы собрался? – услышал я за спиной насмешливый Жорин шепот.

Из машины степенно вылез Писаревский. Замер и благосклонно уставился на нас.

– Старик, наш черед, – отдал команду Жора. Он поднес руку к горлу, где должен был быть галстук, якобы, чтобы подтянуть узел, и рванул навстречу Писаревскому.

– Александр Сергеевич, дорогой! – Жора заключил первого секретаря партии в крепкие объятия, заслужил в ответ его благосклонную улыбку и указал на меня. – Игорь Алексеевич!

Писаревский дружелюбно взглянул на меня. С момента нашего первого знакомства – тогда, сразу после назначения, – мы несколько раз пересекались в горкоме, но вот так, приватно, в неформальной обстановке, смогли встретиться только сейчас.

– Здравствуйте, Игорь Алексеевич, – протянул мне руку Писаревский. – Я же говорил. Земля круглая, еще встретимся, поболтаем. Значит, вы тоже заядлый лыжник?

– Да какое там, – я махнул рукой в сторону Георгия, – вот если бы не он...

– Ну, я тоже, так сказать, в первый раз... Как не воспользоваться случаем. Таких гор, говорят, во всем мире – по пальцам посчитать.

К нам подошел генерал. Тепло каждого поприветствовал.

– Таких гор – вообще больше нигде нет! – по-военному четко отрапортовал он Писаревскому. С генералом у первого секретаря были свои отношения. Они перебросились

между собой парой фраз, которые свидетельствовали о том, что отношения у них дружеские. Да чего там говорить – генеральская баня была местом хорошо известным для посвященных.

– Там уже шашлычок томится, – подмигнул Писарю Троицкий.

– Вот как! – Тот одобрительно кивнул.

– Наш товарищ всем командует. Директор московского ресторана! Дом журналистов! – Жорка закатил глаза, желая подчеркнуть уровень готовящегося приема. – В лучшем виде все будет.

Писаревский опять согласно покивал. Похоже, он был сегодня настроен со всем соглашаться. Жора почувствовал себя на коне.

– Ну, что, готовы, Александр Сергеевич? Полетели? – поинтересовался он у высокого гостя.

– С программой ознакомь, Георгий! – игриво попросил Писаревский.

Жора расхохотался.

– Прекрасная погода. Море солнца. Свежий воздух и... – Жора сделал многозначительную паузу и захохотал.

– Девушки-спортсменки!

Писаревский ткнул его в бок.

– Ты, я смотрю, о главном, не забываешь.

– Без этого никак. Прошу.

Жора указал рукой на вертолет.

Писаревский с опаской посмотрел на стальную машину, потом на свои ботинки.

– Да ты не волнуйся, Александр Сергеевич, наверху найдем, во что тебя переодеть.

– А это? – Писаревский пальцем изобразил в воздухе вращение лопастей.

– Насчет этого вообще не волнуйтесь, – встрял генерал. – Это надежнее «Волги» будет.

Писаревский кислоовато улыбнулся.

Вертолет заурчал, лопасти его начали медленно вращаться.

Генерал пожелал счастливого полета. Мы, пригнувшись, а Писаревский еще и крепко вцепившись в свою шляпу, чтобы ее не снесло ветром, побежали к вертолету. Замыкали шествие наши водители, которые летели с нами, чтобы быть на подхвате. Я ощущал себя в тот момент чуть ли не покорителем Эвереста.

Мы по лесенке забрались в салон. Винтокрылая машина еще быстрее закрутила лопастями.

В салоне для пассажиров по обе стороны были устроены жесткие сиденья.

– Сейчас почувствуем себя ненадолго армейцами, – завопил Жора радостно, сиюсь перекричать шум моторов.

Все это напоминало игру в казаков-разбойников или гонку на лошадях с карачаевцами в далеком детстве. Мчишься вперед, не разбирая дороги!

Раздался страшный грохот, вертолет затрясло, и он стал нехотя, кренясь в разные стороны, подниматься от земли. Мы с Писаревским ухватились за железные поручни, намертво приделанные к обшивке.

– Елки-палки! – пробормотал Жора. – Сейчас немного потрясет, – прокричал он Писаревскому, но его голос практически было невозможно слышать за шумом крыльев.

Вертолет набирал высоту.

Несколько минут нас действительно трясло как в электрошейкере. Мы с Жорой прилипли к окну, наблюдая, как земля удаляется из-под наших ног. Только первый секретарь сидел, точно Каменный гость, накрепко вцепившись в поручни.

Жора осторожно толкнул его в бок.

– Если что, – он приложил два пальца к горлу, – сразу говори! У нас пакет есть.

Писаревский недоуменно посмотрел на него: мол, Георгий Георгиевич, ты чего? Что за разговорчики?

Я заметил этот взгляд Писаря и решил, что надо будет Жоре об этом сказать. Но Троицкий уже ржал во все горло, рассказывая какой-то анекдот, который никто, кроме него, не слышал.

Внизу как на ладони раскинулись величественные горы и петляющие меж ними узкие прожилки шоссейных дорог. Да! Красота!

Стрекоча, как гигантский кузнечик, и покачиваясь, словно на волнах, наш вертолет рассекал небо, а мы сидели, прилипши к окнам и не в силах оторвать глаз открывающихся красот.

Кружило нас и трясло минут двадцать, потом вдруг вертолет словно на ковре-самолете мерно и плавно по-несся по восходящей траектории.

Мы с Жорой переглянулись и дружно рассмеялись. Я краем глаза посмотрел на Писаря. Тот застыл — серьезный, деловой, подтянутый, точно на партсобрании.

Вертолет неожиданно как будто провалился в яму. Нас жестко потрянуло, и я почувствовал, что мы стали снижаться. Пилот что-то прокричал, обернувшись к нам и тыча пальцем вниз.

Писаревский беспокойно заерзал на месте, Жора, выгнув шею, пытался что-то разглядеть внизу, потом обернулся к нам, показал жестом — мол, держитесь крепче. Писарь смертельно побледнел и намертво ухватился за железный поручень так, что аж костяшки на ладонях побелели. Мотор ревел то сбавляя, то набирая обороты. Я, перехватив взгляд Георгия, глазами показал ему на Писаря. Тот понимающе кивнул, мол, а у первого секретаря, похоже, кишка тонковата.

Вертолет снова потрянуло, и шум мотора выровнялся.

– Ух... – выдохнул Жорка.

Писарь утер лоб и произнес громко, как на собрании:

– Товарищи!..

Жора прыснул. Я неодобрительно покачал головой. Что смешного-то?! Жора успокоительно помахал рукой.

– Александр Сергеевич, прибываем!

Я выглянул в иллюминатор. Повсюду, насколько хватало глаз, тянулись белые хребты.

– Ничего себе, – присвистнул Жора.

Горы выглядели невероятно величественно.

Машина начала снижаться. Нас еще пару раз потряхнуло, и вертолет замер, приземлившись с гулким толчком.

– Приехали! – завопил Жора.

Пилот выпрыгнул из машины, обежал кругом и со скрежетом отворил дверь. В салон ворвался морозный горный воздух.

Пилот подцепил трап, и мы стали неловко спускаться. Глаза слепило от сверкающего снега.

– Красотища! – заметил я, спрыгивая на землю, сделал шаг, потом другой. Под ногой ощущался твердый ледяной наст. И это в середине лета! Кое-где проглядывали кустики почерневшей прошлогодней травы.

Писаревский осторожно слез на землю и молча огляделся вокруг, озабоченно посмотрел на свои лакированные туфли, нагнулся, зачерпнул снег ладонью и покачал головой.

Везде, насколько хватало глаз, простирались бескрайние, девственно чистые снега. Пилот вытащил из вертолета картонный ящик.

Я все поглядывал по сторонам. Где же Леня?

– Тэк-с, это туда, это сюда, – услышал я за своей спиной деловитый голос Троицкого. Он достал из ящика ботинки и подставил их Писаревскому.

– Александр Сергеевич, это для вас.

Он с азартом вновь принялся рыться в ящике, вытаскивая оттуда все подряд: куртки, штаны, шапки, очки диковинных расцветок со стеклами хамелеонами (я такие первый раз видел), развернул один спортивный комплект, показал нам. Штаны были ярко-оранжевые.

– Ну что, выбирайте себе, товарищи, – закончив сортировать, сказал Жора, небрежно указав на разбросанную по снегу лыжную экипировку. – Кому что по размеру. Александр Сергеевич, это для вас, – добавил он, заметив растерянное выражение лица первого секретаря, протянул ему один из комплектов и, повернувшись ко мне, сказал, – Ну, чего встал? Твое вон там лежит. Давай, переодевайся.

Писаревский полез в вертолет – переодеваться.

Я начал разбираться со своим комплектом, пытаюсь разобраться с «чудо-костюмом».

А Жора начал возиться с ботинками.

– Ну что? – раздался его крик. – Как костюм, Александр Сергеевич?

Писаревский, хорохорясь, молодецкато спрыгнул на снег. Я не смог в первую секунду сдержать улыбку. А Жора – тот просто прыснул со смеху.

Костюм на Писаревском сидел мешком, он походил на кролика, которого засунули в медвежью шкуру. Жора отвернулся, зажимая рот рукой, потом, не удержавшись, в голос заржал, успев как можно громче крикнуть мне:

– Игорь, ну и анекдот ты мне рассказал.

Писаревский в недоумении переводил взгляд то на меня, то на Троицкого, мол, над чем это вы смеетесь? Троицкий, взяв себя в руки, перестал смеяться, подошел к Писарю:

– Простите, Александр Сергеевич! У нас тут свой разговор был... – Он несколько раз обошел Писаревского со всех сторон. – Отлично смотрите, Александр Сергеевич! Хоть сейчас на фото. – Писаревский с подо-

зрением посмотрел на него. «В самом деле?» – вопрошал его взгляд. – Да, да! – как можно убедительнее во весь голос повторял Троицкий.

Я понял, что он так кричит, чтобы сдержать смех. Затем Жора от греха подальше отошел от Писаревского и начал переодеваться.

– Ну как? – крикнул он минут через пять.

Мы с Писаревским как по команде оглянулись. Ослепительный, идеально подчеркивающий достоинства фигуры лыжный костюм смотрелся на Жоре отлично. Писаревский же в своем облачении выглядел довольно тускло. «Мама дорогая, что же ты, Георгий Георгиевич, делаешь!» – мелькнула мысль.

Я подошел к Писаревскому.

– Александр Сергеевич, извините... Вот тут у меня тоже костюм... Может быть, он удобней будет. – Я протянул ему свой комплект.

Писаревский растерянно посмотрел на меня, потом с сожалением – на свой костюм и, натянуто улыбнувшись, произнес:

– Да нет, Игорь Алексеевич, спасибо. Все нормально. – Он произнес это сдержанно, как боец, который привык держать удар. Его рот скривился, словно он собирался что-то добавить, но передумал и отошел в сторонку.

– Ну что? – подскочил ко мне радостный Жора. – Как дела?

Он с удивлением посмотрел в спину понуро удаляющемуся Писарю. – Куда это он?

– А ты ничего не понял? – спросил я негромко.

– Ты о чем? – Георгий был возбужден, полон энергии, точно ему предстояло вести за собой в бой полки. – Александр Сергеевич! – позвал он громко.

Писаревский бодро улыбнулся и взмахнул рукой, как бы показывая: «Ты посмотри, какие здесь места! Великолепные!»

Но улыбка его, как и нарочитый энтузиазм, выглядели искусственно.

Жора растерянно посмотрел на меня.

– Я не понял, что это с ним?

– Жор, ты видел свой костюм со стороны?

– Порван что ли? – испуганно спросил Жорка и начал выгибать шею назад, пытаясь со спины увидеть, где и что не так.

– Да нет, костюм у тебя – прекрасный. Не то, что у Александра Сергеевича.

Жора в недоумении посмотрел на меня.

– Это же отличные вещи, Игорь! Их же сборная Союза носила. Чемпионы. И потом, это же на один раз только! Сейчас покататься.

Жора, искренне не понимая, смотрел то на меня, то на прогуливающегося по горному склону Писаревского, потом сердито махнул рукой, как бы говоря: «Для вас стараешься. А вы?!»

И тут за нашими спинами раздалось:

– Игорь Алексеевич! Жора! Привет!

Я оглянулся.

К нам, помахивая лыжной палкой с привязанным ярко-красным флажком, поднимался по склону Тягачев, а за ним вся его девчачья команда.

Жора бросился к нему:

– Ленька, привет!

Жора шутил, громко со всеми здороваясь. Катание на лыжах сулило веселые приключения – девчонки были что надо. Хотелось побыстрее с ними заговорить, потом невзначай дотронуться рукой чуть ниже талии.

Писаревский присоединился к нашей компании, улыбался, здоровался. Но центром событий оставался Жора.

– Жора, – окликнул я его.

Он обернулся ко мне, удивленно посмотрел на меня, мол, в чем дело? Я глазами указал ему на Писаря. Как дать

ему понять, что все должно крутиться вокруг первого секретаря горкома партии, а не вокруг него – председателя горисполкома. Не обратив на мой оклик внимания, Жора схватил Тягачева за руку, потащил к Писаревскому:

– Александр Сергеевич, разреши представить – Леонид Тягачев, тренер нашей сборной.

Писарь широко улыбнулся, крепко потряс протянутую руку.

– Добро пожаловать... – поздоровался Тягачев, обернулся в сторону симпатичной девушки, махнул ей рукой: – Иди сюда!

Писаревский, заметив, с какой красивой девушкой собирается познакомить его Леня, начал оттаивать. Тут одна из девушек окликнула Тягачева, подбежала к нему и потянула прочь от Писаря, на ходу что-то поясняя:

– Там трасса в одном месте... Вы должны посмотреть...

Девушка, увидев, что шеф уходит, побежала за ним, а Писаревский остался один.

Где-то вдалеке затарахтел движок скрипучего подъемника.

– Ребята, разбирайте лыжи – и на подъемник! – отдал приказание Тягачев. – Александр Сергеевич, поднимаемся!

Через пару минут мы уже сидели в креслах подъемника, который с противным скрежетом закрутился, поднимая нас к вершине склона.

– Приехали! – раздался бодрый Жорин голос.

Всех охватило радостное нетерпение.

– Крепите ботинки, – скомандовал Леня.

Тягачев по очереди обходил каждого, проверял крепления, советовал.

Писаревский замялся, пытаясь закрепить лыжи. «Видимо, он давно или вообще никогда не стоял на лыжах», – подумал я.

Когда Леня подошел ко мне, я шепнул ему:

– Слушай, старик, помоги Писаревскому.

Леня похлопал меня по плечу.

– Я все понял. Не волнуйся.

Я подкатил к спуску. На секунду остановился. Посмотрел вниз. Склон был не слишком крут. Но с зигзагами. Если не рассчитать скорость, можно и поломаться.

Девушки оценивающе смотрели на меня, перешептываясь. Меня словно током ударило: «Эх, была – не была».

Я легонько оттолкнулся и плавно заскользил вниз.

Сначала мне казалось, что я вовсе и не спускаюсь по склону, что снег меня сдерживает, потом почувствовал, что набираю скорость. Фонтан снега вылетел из-под левой лыжи, я сделал вираж, тело напряглось, как струна, и я помчался, давая выплеск нахлынувшему адреналину.

Лыжня временами пропадала, оставляя на пути лишь белоснежную целину с ямами и ухабами. Надо было сосредоточиться.

– Эге-гей!

Горы подхватили мой крик, умножили эхом. Я вдохнул полной грудью. Казалось, сейчас взлечу. Взору открылась красивейшая, как в кино, долина с тонкими, словно вены на руках, дорожками, редкими островками деревьев и обрамляющими ее бесконечными горными кряжами. Неимоверное удовольствие!

Боковым зрением я видел, как за мной скользит Троицкий, а в самом хвосте – о, Боже! – Писаревский. Он крепился то вправо, то влево, с трудом балансируя. Следом за ним катился Леня, пытаясь страховать от падения.

Я остановился на промежуточном спуске – немного передохнуть и оглядеться. Стянул солнцезащитные очки, в глаза ударили искры снега. Боже, какая красота!

Писаревскому оставалось преодолеть метров двести – триста, чтобы доехать до той точки, где стоял я.

Он выглядел неумелым лыжником, наверное, в первый раз встал на лыжи.

Я снова оттолкнулся и помчался вниз. Регулировать скорость получалось лучше. Мимо, то догоняя, то отставая, как тени проскальзывали девочки из нашей сборной, успевая на ходу помахать мне рукой.

Показался долгожданный финиш. Я согнул колени, сгруппировался, начал тормозить. Лыжи заскрипели, и в последний момент я чуть не упал – в самом конце трасы, но вовремя удержал равновесие.

Вот и финишная черта. Есть! Я сделал это.

Рядом показался Тягачев, азартно посмотрел на меня.

– Игорь, молодец! Давай еще раз, закрепляй достигнутое!

Я окинул взглядом вершину склона, откуда сплошной лавиной катились и катились горнолыжницы.

«Вообще-то, можно», – сказал я сам себе и побежал к подъемнику.

Я совершил еще пару-тройку спусков с горы, уже ни на кого и ни на что не обращал внимания – только наслаждался.

Леня сидел на своей походной табуретке, наблюдая за своими подопечными, и записывал их результаты.

Я почувствовал, что устал. Уселся на снег рядом с Лейней. Расстегнул куртку. Солнце припекало.

– Ну что, заканчиваем! – крикнул Леня спортсменкам и обернулся к нам.

– Заканчиваем! – эхом повторил его команду Жора. – Где Цыганков? Гена! Ау! Мы готовы к продолжению банкета!

Откуда-то из-под горы раздался крик: «У меня все готово».

– Александр Сергеевич, прошу к столу, – предупредительно пригласил Жора Писаревского.

«Стол» был накрыт ниже по склону и представлял собой обычную палатку с походной кухней и всей прочей необходимой утварью. Пока мы катались Цыганков все успел организовать. Он почему-то отказался кататься, несмотря на мои настоятельные уговоры. «Мое место – на кухне», – категорически заявил он с юмором, и что пообещал, то и сделал: приготовил все для пикника. Нам оставалось только продегустировать.

В этом мире, где властвовали горы, спортсмены руководствовались простым законом: помоги товарищу, чтобы потом помогли тебе. В этом была первозданность, суровая простота, которая в то же время заключала в себе подлинную радость и восторг.

Можно было и приступить к трапезе, но я предупредительно поднял руку и произнес:

– Минутку!

Жора недоуменно посмотрел на меня. В палатку вошел Писаревский.

– Вот теперь можно, – кивнул я.

Писаревский, благодарно посмотрев на меня, чинно и степенно, с ощущением собственного достоинства, подошел в накрытому столу. К слову, Жора как-то умудрился его не представить, многие спортсменки даже не догадывались, что среди них находится партийный чиновник такого ранга.

Писаревский вместе со всеми шутил, балагурил, перемежая речь многозначительными репликами, но Жора каждый раз его перебивал, увлеченно переводя разговор на другую тему.

Писаревский делал вид, что его это не задевает. Все было готово. Мы расселись по местам. Разлили по стаканам. Все замерли. Леня и я посмотрели на Писаревского, но Жора, не заметив этого взгляда, торжественно поднялся, как старший на всем этом «сабантуе», и, обведя всех

нас многозначительным взглядом, торжественно произнес:

– Леня, за тебя и твою команду. Ты подарил нам чудесный день.

Я исподволь, незаметно посмотрел на Писаревского. Мне показалось, что тот ожидал тост в свой адрес.

– А что, Александр Сергеевич, ведь здорово было встать на лыжи, правда? – повернулся к нему Жорка.

Все присутствующие тоже повернулись к Писаревскому. Тот, по партийной привычке, стал медленно подниматься, словно собираясь толкнуть речь с трибуны, лоб его собрался складками, как бы показывая силу мысли, грудь приподнялась, набирая воздух...

– За тебя, Леня! – провозгласил Жора.

И Писаревский замер, так до конца и не выпрямившись.

– За тебя и твою команду! – снова повторил Жора. Писаревский, не получив слова, кисло улыбнувшись, сел.

Все дружно бросились поднимать второй тост за Тягачева. Жора – человек-стихия, человек-праздник, начисто забыл о всех негласных правилах партийного этикета.

– Потому что без тебя не было бы этого праздника, и мы не стояли бы здесь, – продолжил Георгий. Его речь потонула в аплодисментах, которыми спортсменки наградили своего шефа.

– А теперь за женщин, – поднял свою рюмку Гена Цыганков. Ему тоже, как и всем, было не до Писаревского.

– А можно анекдот? – вставил кто-то из спортсменов.

И Писаревский решил больше не вставать. К рюмке он тоже больше не притрагивался.

Веселье шло по нарастающей.

– А вы, Александр Сергеевич, почему не веселы? – вдруг поинтересовался Леня.

– Я? – удивленно переспросил Писаревский.

Он задумался над ответом, прищурился, и в это время одна из девушек вбежала в палатку с криком:

– Девчонки, посмотрите какой закат!

Все повалили смотреть на закат. А когда вернулись, Жора спохватился:

– Ребята! Вы что? Нам же улетать пора! – закричал он истошно. – По коням. У меня на завтра планы.

Писаревский тонко улыбнулся. У Жоры были планы, а у него, первого секретаря, их, видите ли, не было.

Мы стали стремительно собираться. Леня подошел к Писаревскому, тепло пожал ему руку.

– Рад был знакомству. Приезжайте еще. Мы здесь ежегодно проводим сборы.

– Спасибо, – тепло ответил он. – Мне было интересно увидеть ваше хозяйство. Если нужна будет помощь, – он выразительно посмотрел на Леню, – можете обращаться и в горком тоже.

И Леня сразу все понял, но изменить что-либо было уже нельзя.

Мы начали прощаться. Времени оставалось совсем немного. Опустятся сумерки – и мы останемся ночевать у Лени на базе.

В дороге все попритихли. Усталость брала свое. Нас уже не пугали ни воздушные ямы, ни тряска.

Армавир тонул во мгле, когда мы приземлились. На аэродроме нас поджидали служебные машины. Писаревский энергично и вроде даже тепло простился со мной, Троицким и укатил.

Мы с Жорой остались одни.

– Жора, послушай меня.

– Что? – Жора радостно посмотрел на меня.

– Меняй пластинку.

Георгий недоуменно оглянулся. Словно ища того, к кому я обращаюсь с такой просьбой.

– Ты что – не заметил поведение Писаря?

– Какое?

– Он остался недоволен.

– Чем? – Жора был ошарашен. – Постой, да ты чего?

– Жора, это не Слюсарев. Это новый первый секретарь. Он тебе не позволит то, что позволял Слюсарев. Понимаешь?

– Да что позволять-то?

– Не ты – первый. Он!

Жора выдавил из себя улыбку, будто я его разыгрывал.

– Игорь, ты его не знаешь. Он свой парень в доску. Я с ним в Африке был.

– Вот и вспомнишь свою Африку, когда он тебе насолит.

– Мы с ним друзья, – упрямо повторил Жорка.

– Жора, ты заметил, что ты сделал со своим «другом»?

– А что?

– Ты весь день оставлял его на вторых ролях. Он же не мальчик на побегушках. Он – первый секретарь. – Жора тяжело вздохнул. – Поэтому мой тебе совет: отыгрывай назад, если хочешь работать.

От былого веселья Жоры не осталось и следа.

– Да ерунда все, Игорь.

– Ну, смотри, я тебя предупредил. И если ты этого не видишь, то меня удивляет твоя феноменальная близорукость.

И я сел в свою машину.

– До завтра. Давай. Вообще, все было здорово.

Я отправился домой.

В голове вертелась только одна мысль: «Если я прав, то мои опасения рано или поздно оправдаются. Писаревский может мстить, а раз так – я, как один из лучших друзей Жоры, вполне могу попасть под его огонь».

И эти невеселые мысли испортили мне ощущение от прекрасного дня.

ХІ

Я сидел в кабинете и совершенно бездумно смотрел в окно на летний дождь, зарядивший с утра, на мокрый асфальт, и сам не мог понять, что меня гложет. На столе лежали документы, которые я подписал не глядя, механически. Все, происходящее в последнее время, начинало походить на бесконечные прыжки с вышки, на которую я с маниакальным упорством все время поднимаюсь изо дня в день. И коварный вопрос «Во имя чего?» возникал передо мной все чаще и чаще, заставляя пугаться охватившего меня ощущения ступора. В один из таких моментов и раздался сигнал селектора.

– Игорь Алексеевич, начальник летного училища звонит.

– Соединяй.

Я прижал к уху трубку.

– Алло, Игорь? Где ты все время пропадаешь? Я звонил тебе пять или шесть раз позавчера. Секретарша го-

ворила, что ты в отъезде. Это так или ты скрываешься от меня?

Я рассмеялся.

– Ну что вы, генерал?

Он на секунду умолк, словно обдумывал, насколько я искренен.

– Нет, ты скажи? Может, нужна помощь? Ты в порядке? Ты можешь сейчас говорить? Я тебя не отвлекаю? – запоздало спохватился он.

– Ну что вы, конечно, нет!

Нервные нотки в интонации собеседника растворились.

– Тогда слушай, записывать не надо, – хохотнул он в трубку, – подъезжай сегодня к семи вечера ко мне, попаримся.

– Генерал, я не могу, у меня на сегодня куча дел запланирована.

– Это хорошо, что ты не сидишь без дела, Игорь! Я уважаю занятых людей, видно, что не зря живешь, но сегодня, – голос генерала стал строже, – Игорь Алексеевич, засуньте свои дела подальше, – иногда генерал уметь говорить с наивной прямотой, – и непременно приезжайте ко мне. Без отговорок.

Его голос дрожал, речь изливалась, словно мелодия из тростниковой дудочки – сказывались последствия аварии, в которой он сломал носовую перегородку.

Генерал помолчал, вроде раздумывая, не слишком ли он был категоричен.

– Игорь Алексеевич, может быть я и слишком настырен, но мне очень вас нужно сегодня увидеть.

От его приглашения повеяло холодом, как с северного полюса.

– Приезжай, попаримся, – с усмешкой продолжил генерал. – Потом в теннис поиграем. Все, как ты любишь.

Было очевидно, что за гостеприимностью генерала стояло нечто другое – и отнюдь не желание беззаботно провести со мной время.

– Ну, хорошо, – ответил я осторожно. – Буду к семи.

В трубке послушались короткие гудки, а я в некоторой растерянности все продолжал держать ее в руке. Фразы из нашего разговора крутились в голове. Отчего ему было так мучительно трудно сказать мне просто: «Игорь, мне очень надо с тобой увидеться»?

Этот разговор сулил какую-то тайну – пока, увы, неведомую.

Положив трубку я тут же велел загрузить в багажник «Волги» ящик свежайшего пива, пару бутылок водки, коньяк... Венчал этот джентльменский набор весь ассортимент колбас, выпускаемых нашим комбинатом.

Генеральская баня располагалась на территории летного училища, находилась в единоличном ведении бравого генерала авиации и была местом решения всех проблем всей нашей городской элиты. К тому же у нее было одно совершенно несомненное достоинство – попариться в ней удавалось весьма знатно и, что главное, вдали от любопытных глаз.

О том, что я приглашен к генералу, я не сказал Жоре ни слова.

К училищу я подъехал точно в семь. Было по-летнему светло. Дежурный курсант вежливо кивнул, узнав меня, куда-то позвонил и через секунду буркнул:

– Проходите.

Неожиданно пошел дождь – легкий, летний. Я раскрыл зонтик, подаренный Лидой. Он раскрылся с трудом, как бы с одышкой, издав «астматический» вздох.

Генерал появился неожиданно – выскочил на дорожку с обочины из-за какого-то ангара и широко распахнул

объятия. Когда он спешил, то слегка прихрамывал, но эта легкая хромота только придавала ему бравый вид.

Я в ответ расплылся в широкой улыбке. Генерал был истинным душой компании. Кожаная летная куртка, которую он однажды мне подарил, висела на почетном месте у меня в шкафу. Я не всегда знал, куда мне ее стоит надевать, но его подарок был мне крайне дорог.

– Ну, здравствуй, Игорь! Спасибо, что приехал!

– Вам спасибо, что пригласили. Как никак, у вас самое знаменитое летное училище страны.

Генералу понравилась моя лесть. Он удовлетворенно крепко похлопал меня по плечу, всячески демонстрируя доброжелательность.

– Сейчас покажу тебе наше хозяйство. – Он посмотрел на часы. – Время еще есть. Поди, никогда еще не видел такого?

– Честно говоря, нет.

– Ну, тогда пойдем.

Мы пошли по дорожке.

– Ты когда-нибудь сидел за штурвалом боевого штурмовика? – спросил он неожиданно.

– Нет, не приходилось, – опешил я.

– Пойдем, попробуешь! Это надо испытать.

Генерал уже не приглашал, в его голосе звучали воля и напор, которым было трудно не поддаться.

Я, не задумываясь, кивнул. Мне уже начинало нравиться приключение, куда меня втянул генерал. Все происходящее было бережно и тщательно окутано пеленой тайны. К тому же – я был в центре внимания, и это не могло не добавить интриги.

Мы вышли на летное поле, где в рядок стояли самолеты и вертолеты самых разных марок.

– Вот! – указал генерал на стальную махину, которая тускло поблескивала при свете солнца крыльями.

Вблизи самолет не производил такого эффектного впечатления, как на картинках. Фонарь его был открыт, а к кабине приставлена лестница.

«Готовился он, что ли?» – мелькнула мысль.

– Следуй за мной, – скомандовал генерал и сам, счастливый, как мальчишка, полез вперед.

В самолет оказалось не так просто влезть. Генерал сразу же потянул меня к креслу пилота.

– Вот сюда, пожалуйста, Игорь. – Я на секунду замешкался, не понимая, что от меня хотят. – Вот сюда, – добродушно, как любимому курсанту, пояснил генерал и почти силой усадил меня в кресло пилота. – Хорошо, – подбодрил он меня, когда я занял место пилота. Я не мог не ответить польщенной улыбкой. – А теперь, клади руки на штурвал, не бойся. Вот так. Посмотри вперед. Ну, как ощущения?

Я чуть не засмеялся.

– Как в детстве, – ответил я, увлеченно повинаясь приказам генерала. Меня в одно мгновение захватила вся эта романтика, и я, позабыв про свой возраст и статус, почувствовал себя счастливым мальчишкой.

«Однако, генерал умеет то, что недоступно Жоре», – невольно отметил я.

На лице генерала появилось то азартное выражение, которое бывает у каждого взрослого, когда ему неожиданно выпадает шанс поиграть в казаки-разбойники.

– Ну вот... – генерал показал рукой на пульт управления, весь усеянный кнопками и светящимися огоньками. Я заинтересованно смотрел на него, ожидая пояснений. – Вот это, – генерал ткнул пальцем прямо в середину приборной доски, – навигационное оборудование. Это манжета, а это – гашетка.

– Где? – не понял я.

– Да вот, под твоим большим пальцем, – показал генерал.

– Ее нажимают, когда...

Генерал рассмеялся.

– Именно. Когда посылают ракету точно в цель! Только сейчас ничего нажимать не надо, – обеспокоенно заметил он.

– Понимаю, товарищ генерал, – отрапортовал я.

– А вот это – прибор для точного определения местонахождения.

Я слушал, кивая, словно школьник, и азартно улыбаясь.

– Ну как? – спросил генерал.

– Да почти как полетал, – одобрительно произнес я и прищурил глаза, как летчик, который входит в пике. Ощущение, что тебе подвластна мощная железная птица, придало мне драйва. Действовал я всегда импульсивно. К тому же мне доставляла удовольствие эта игра в пилота.

– Ну! – загудел над ухом генерал.

Я не понял, что он хочет, но его «ну» подействовало как удар хлыста.

Было только одно «но». Я неудобно сидел. Захотелось усесться поудобней, сменить положение. Я ухватился за рычаг, чтобы привстать, и тут прямо над ухом раздался истошный вопль:

– Твою мать! Отпусти эту ручку!!!

Все случилось за какие-то считанные доли секунды. Лицо генерала перекосилось, как в замедленном кино, и раздалась его отборная ругань.

– Ты с ума сошел! Это же катапульта!

С этими словами он выдернул меня с сиденья.

– Ешкин кот! Для аварийного выброса! – Генерал потащил меня к люку. Если честно, я не сопротивлялся, так как был ужасно раздосадован своей оплошностью. – Улетел бы к чертовой матери, – орал генерал, но уже почти миролюбиво, когда мы оба спрыгнули на бетонку. Потом

он посмотрел на меня, ткнул в бок: – Но ты – везунчик! – он радостно загоготал. Видимо, от нервного стресса.

Генерал одобрительно похлопал меня по спине.

– Костей бы не собрали точно.

– Так на земле же стояли.

– А катапульте все равно. Она же дура, – добавил он, успокаиваясь, и пожал мне руку. – Молодец, вовремя среагировал.

Честно говоря, в этот момент меня начало мелко трясти.

– Пошли, – скомандовал генерал, посмотрев на часы.

– Теперь – время.

Генерал вел меня стремительно, как будто в самолете я прошел только первый круг испытаний и мне предстоял следующий.

– Все уже стынет! – пояснил он.

Я едва за ним поспевал.

По предбаннику растекался пар, туманя свет лампы.

– Эй, – обратился генерал к солдатику, дежурившему в парной, – давай тут, покажи, где что, а я мигом.

– Куда идти? – спросил я.

– Ну, не к штурвалу же самолета, – пробурчал генерал.

– Вот за ним, – и он указал на курсанта.

– Сюда, пожалуйста, – пригласил солдат.

Я вошел внутрь.

Из неосторожно распахнутой парной на меня пахло горячим воздухом и ароматным паром.

Быстро разделся, накинул полотенце. Мне вдруг стало очень одиноко и охватила жуткая тоска, точно самолет, в котором я сидел, вдруг действительно начал падать. Я весь день собирал силы, чтобы подготовиться к этой встрече, а теперь все могло пойти прахом.

Неожиданно для меня раздался короткий резкий стук в дверь. Я напрягся. Дверь распахнулась. Яркий свет ослепил меня, и в проеме вырос силуэт элегантного мужчины.

– Игорь Алексеевич, привет!

Я остолбенел. Это был первый секретарь Александр Сергеевич Писаревский собственной персоной. Я не верил своим глазам.

Его приятно позабавило мое неподдельное изумление. Он остановился в предбаннике и со смехом смотрел на меня.

– Это я просил пригласить вас сюда, не обижайтесь, что таким экстравагантным образом.

– Да нет, что вы! – Я в смятении поднялся. Начало было самое неожиданное.

– А где наш генерал? – спросил Писаревский с нарочитым удивлением и споро скинул одежду.

Голые мы казались беззащитными, дистанция между нами пропала.

Жара стояла адская. Люди, ответственные у генерала за баню, видать, постарались на славу.

– Собственно, я не только париться и выпивать пришел, Игорь, – добавил он.

– Можно и то, и другое, – улыбнулся я.

– Это точно. Потолкуем? – Он пристально и испытующе посмотрел мне в глаза и благосклонно кивнул.

– Славно мы покатались, да? – начал он.

Мне было неясно, куда он клонит. Впрочем, торопить события было незачем.

– Как вы себя чувствуете после лыж? – вежливо поинтересовался я. – Я, честно говоря, малость перекатался. На следующий день мышцы болели.

Писаревский закивал головой. Мол, та же ситуация. Я почувствовал себя более раскрепощенно.

– Мне показалось, вы не так часто встаете на лыжи.

Писаревский снова кивнул.

– В первый раз. И, поверьте мне, не жалею.

Мы обменялись парой ничего не значащих воспоминаний... Я понимал, что пока что просто разыгрывается увертюра.

Писаревский провел пальцем по скамье, словно проверяя, насколько она гладкая, точно от этого зависела сейчас моя судьба.

– Хотите, дам вам совет? – Я согласно улыбнулся в ответ. – Это не относится к производству, – добавил Писаревский быстро, с легким раздражением, от которого, не будь мы в бане, у меня бы пошли мурашки по коже.

Первый секретарь пристально посмотрел на меня. Я кивнул, готовый слушать.

– Я знаю, вы – друзья с Троицким. Я – не против. Но знаете, будет лучше, если вы не будете иметь с ним никаких общих рабочих дел. У него – своя судьба... Вы – совсем другая история. С вами мы будем работать.

Он сказал это твердо, убежденно.

Признаться в этот момент земля чуть не ушла у меня из-под ног. Значит, я не ошибся – в Лагонаки предопределилась судьба Жоры. А может быть – это было последней каплей, переполнившей чашу терпения Писаревского. Но сейчас это было уже неважно. Да, чутье меня не обмануло!

– С Георгием Георгиевичем мы просто приятели, – произнес я как можно более ровно. – Могу вам сказать, это не будет мешать моей работе.

– Вот и хорошо, – оживился Писаревский. Он, видимо, сам не знал, как повернется дело, а тут убедился, что все складывается, как задумано. – Нам нужно двигаться вперед. Я в вас не ошибся.

Я кивнул. Было над чем задуматься. Значит, Жору точно выдавят. Или раздавят, если упрутся. Это к гадалке не ходи. А мне дали возможность выбора.

– Кстати, Игорь, я в курсе, что вы ему с ремонтом помогали, – неожиданно произнес Писаревский.

– Да, было дело... – отозвался я. Как он это узнал? Жорка сам, что ли, похвастался?

– Я просто подумал, – Писаревский смахнул со скамьи невидимую пылинку, – было бы здорово, если бы вы заскочили ко мне на квартиру. У меня там ремонт сейчас идет. Все есть: рабочие, материалы. А вот главного – деталей, фурнитуры, сантехники хорошей, понимаешь – хорошей, – он сделал акцент, – нет. Вы бы своим цепким взглядом посмотрели, чего не хватает?

Писаревский как-то доверительно посмотрел на меня, немного склонил голову вбок, словно подчеркивая конфиденциальность наших, завязывающихся на новом уровне, отношений.

– Александр Сергеевич, никаких вопросов. Подъедем, я посмотрю, оценю. Что смогу – сделаю. Как и что – доложу.

– Отлично! – Писаревский широко улыбнулся. – Вот такой подход мне по душе.

Тут с шумом распахнулась дверь и вошел генерал, словно он точно знал, когда мы закончим наш «разговор по душам». За ним спешил ординарец, неся огромный поднос, уставленный чашками, чайниками и блюдом, на котором лежала огромнейшая рыба.

Мы обменялись удивленными взглядами. Генерал объясняюще выставил вперед ладонь, мол, все идет по плану!

– Только что привезли. Свежак! Копченый осетр! – громогласно воскликнул он, шлепнул блюдо с рыбцом на стол и добавил: – А вот и гвоздь программы!

Следом за генералом в помещение ввалились еще два курсанта, таща ящик с пивом и бутылки с коньяком. Я усмехнулся, какой хороший трюк! Писаревский что ли его попросил об этом?

Генерал махнул рукой, приглашая за собой. Мы, в белых простынях, как римские патриции, перешли в соседнюю комнату и вольготно устроились на плюшевых диванах за роскошно сервированным столом.

– А что? Неплохо живем. Сейчас отведаете мои угощения! – Генерал артистично стукнул кулаком по столу и принялся рассказывать Писаревскому, как я часом ранее чуть не улетел в небеса.

– Представляешь, – генерал задорно толкнул локтем Писаревского в бок, – наш чудной директор чуть не катапультировался!

На следующее утро я заехал на квартиру Писаревского. Там уже заканчивали ремонт, но волновало меня не это. Я смотрел на то, что он называл «конфеткой», и пытался оценить, что еще нужно для того, чтобы добиться этого определения.

Увиденное меня не удивило. Я подумал, что помочь Писаревскому будет не сложно, тут же составил список моих предложений и отправился на комбинат.

В приемной была толчея. Я прошел в кабинет, провел совещание и занялся текущим разбором полетов.

Раздался звонок селектора. Звонил начальник цеха. Голос на другом конце трубки звучал возбужденно.

– Игорь Алексеевич, тестирование куттера завершено.

– В целом как?

– Крутится, чертяка, работает.

– Так, хорошо. Приду, посмотрю в работе. Ждите.

Новость была хорошая, долгожданная. Но на смену ей пришла череда забот поменьше, которые также требовали незамедлительного решения.

Зашла секретарша, положила на стол почту. Я начал ее стремительно разбирать, что-то сразу отменяя, во что-то вдумчиво вникая.

Я уже научился оценивать деловые бумаги, практически не вчитываясь, угадывая важность документа по первым двум-трем фразам.

– Игорь Алексеевич, с вами хочет говорить директор ставропольского объединения мясной промышленности Виктор Владимирович Гуцин, – прервала меня секретарша.

Я отбросил недочитанный отчет в сторону.

– Соединяй.

– Алло! Игорь Алексеевич? – Голос звучал глухо. – Добрый день! Это ваш ставропольский сосед беспокоит. Не отрываю?

– Очень рад, Виктор Владимирович!

– Я сам ставропольчанин, – продолжал Гуцин. – Для меня приятно услышать коллегу.

– Спасибо на добром слове.

– У меня тут, напротив, гость сидит крымский, Павленко. Может, слышали?

Голос Гуцина куда-то пропал, в трубке затрещало, я напрягся, припоминая Павленко.

– Он наслышан, что вы брали на испытания куттер. Это так? – голос зазвучал с прежней силой.

– Совершенно верно.

– Ну, вот... Спрашивает разрешения к вам заехать. Посмотреть на агрегат в действии. Интересно посмотреть на этот куттер в работе. Возможно такое устроить?

– Да какие проблемы, приезжайте! Именно что по соседски.

– Тогда, если нет возражений, мы подъедем завтра к обеду. Удобно?

– Договорились, буду ждать.

Сразу после разговора я попросил зайти ко мне Жукова.

– Слушай, Вячеслав, тут звонили из Ставрополя, главный их – Гуцин. Он с еще одним гостем из Крыма соби-
рается к нам нагрянуть.

– Засланные казачки, – усмехнулся Жуков.

– Ну, казачки-не казачки, а мужики серьезные. Не хотелось бы подкачать. Они куттером интересуются.

– Понятно! – Жуков посмотрел на меня выжидающе. Я покачал головой.

– Задача простая – надо подготовиться.

Когда он ушел, я еще какое-то время сидел в кресле, размышляя: что это вдруг моих соседей заинтересовал куттер?!

В середине следующего дня секретарша робко просунула свое личико в кабинет и прощепетала:

– С проходной звонили – гости прибыли.

Я посмотрел на часы: пунктуальные, ровно два часа. Специально, что ли, дожидались?

– Приглашай!

В кабинет вошли двое. Гушин – невысокий, немного сутулый мужчина с острым, колючим взглядом. Смотрел он пристально, словно прицеливался. Что-то калмыцкое проглядывало в его чертах, видимо, из-за восточного разреза глаз.

Следом за ним шел Павленко – худощавый, в очках, с жидкими светлыми волосами, которые он периодически зализывал назад всей пятерней. Когда он смеялся, в голосе его звучал металл.

Павленко протянул руку, тепло здороваясь. Гушин пожал коротко, но сильно, так что сразу подумалось – это человек дела.

– Ну, как добрались? – Я указал гостям на кресла.

– Дороги, славу богу, ровные, – засмеялся Павленко, оглядываясь. Видно было, мой кабинет пришелся ему по вкусу.

Гушин был более нетерпелив.

– Игорь, я первый раз на комбинате. Удели нам внимание, покажи, что считаешь нужным. Комбинат-то ваш – громадина! Нам все интересно.

Я предупредительно поднял вверх руку.

– Ну, тогда предлагаю не засиживаться.

Оказавшись в цехах, Гушин стал заинтересованно ко всему присматриваться. Взгляд его блестел, я видел, он схватывает суть и детали, а на показуху не обращает внимания.

– Ну и хозяйство тут у вас! Целый город...

Похоже, скептицизм моих гостей сходил на нет. Мы прошли еще два цеха.

Павленко заметил:

– Куда ни кинь взгляд – везде стройка, реконструкция... Понять не могу, как тебе это удастся?

– Второе рождение, – заметил Гушин.

«Удивлены! – отметил я. – Ну да ладно, сейчас покажу еще кое-что».

И я повел Гушина и Павленко в убойный цех. Их лица становились все более заинтересованными. Первоначальный скептицизм улетучивался на ходу.

– Жестяное производство, – комментировал я.

Тут все сверкало и грохотало.

– Игорь, а как такое возможно?! Я ведь тут бывал раньше, – не сдержался Гушин, – знал предыдущего директора. Помню, комбинат еле дышал! – Он обвел взглядом цех и развел руками.

Этот жест был красноречие всяких слов.

– Как ты смог на все это выбить фонды?

– Ну, – я ушел от прямого ответа, – не сидел, сложа руки...

Гушин понимающе кивал.

– Вас можно поздравить, – заметил спокойно Павленко. – Какая бы поддержка ни была, а так все устроить не просто.

Последним в программе было то, ради чего они и приехали, – цех колбасного завода, где стоял куттер.

Огромный котел метра два с половиной в диаметре крутился и ровно гудел, перемалывая мясо в колбасный фарш. Гуцин покивал головой. По моему приказу сняли крышку.

Острые ножи резали и кромсали колбасную массу, отправляя ее воронку. Мощное зрелище. Глаза Гуцина и Павленко заблестели.

Павленко прямодушно не скрывал удивления, его эмоции читались на лице, как в открытой книге.

– Такого просто не может быть... Мне говорили! Я не верил. Но они не преувеличили. – Павленко не скрывал удивления, срываясь на восторженный фальцет.

Гуцин больше молчал. Этим ребятам палец в рот не клади, на мякине не проведешь. Я почувствовал к ним реальное расположение.

– Ну, хватит... – махнул я рукой, – вот, собственно и все хозяйство. – Глаза мои озорно сверкнули. – Соловья баснями не кормят. Я вижу, что вы уже малость не о том думаете.

Гуцин удивленно поднял брови.

– Пошли! – Я потащил их за собой.

– Что? Еще один куттер? – усмехнулся Павленко.

– Секретный, – серьезно ответил я.

В банкетном зале был накрыт стол. Глаза Павленко блеснули голодным блеском.

– Давайте, мужики, располагайтесь. Кто что желает?

Я показал на ряд тарелок, на которых были разложены колбасные нарезки – копченые, полукопченые, вареные, острые, диетические... Довершал этот парад набор паштетов. В воздухе витал терпкий запах приправ, а наш разыгравшийся аппетит томился в ожидании праздника жизни.

– Сейчас протестируете продукцию, вот тогда и скажете – как и что! – сказал я, приглашая гостей к столу.

– Мать честная! – Гушин был наделен особого рода энергией, которая позволяла ему всегда выглядеть искренним.

Павленко остановился в нерешительности у середины стола.

– Ну, Игорь, прямо-таки царский прием... – Гушин деловито уселся в кресло. Было видно, как ему хочется понастоящему расслабиться. Это было мне хорошо знакомо. Я уселся напротив.

– Ну почему царский? Мой, армавирский, фирменный. А то еще чего доброго подумали бы, что я вам лапшу на уши вешаю.

– А я и подумал, что будешь вешать! – неожиданно перешел на «ты» Павленко.

– Иногда от правды больше толка, – сказал я хриплым голосом. – Сами видели, как делается, теперь пробуйте, что у нас получается.

Павленко потянулся за колбасой. Попробовал. Задумался. Потом посмотрел на Гушина и кивнул ему.

– Грешно хвалить, сам произвожу. Но скажу честно – нравится.

– Иногда правила необходимо нарушать, – тихо добавил я.

Мужики переглянулись.

– Скажете рецепт? – усмехнулся Павленко.

– Друзья! – Я поднялся. – Мы, по сути, в первый раз встретились в неформальной обстановке. Скажу честно, я люблю, когда ко мне приезжают коллеги. Понимаю, насколько содержательны бывают такие встречи. Дай Бог нам и впредь чаще пересекаться и помогать друг другу ...

Я был уверен, что они понимают смысл моих слов.

Павленко закурил. Пустился в воспоминания о том, как сам начинал работать, с чем приходилось сталкиваться. Голос у него был низкий и глухой, с низкими раскатами, словно он не мог отрешиться от тяготеющих проблем,

так что даже обычная просьба подать сигарету звучала многозначительно и весомо.

Время протекло незаметно. Мы уже не церемонились. Гости поделились своими соображениями по поводу увиденного на комбинате, посоветовали, что бы сделали иначе – это было очень важно. Разговор становился все непринужденнее.

Неожиданно Павленко заметил:

– У нас в Крымском объединении состоит Ялтинский мясокомбинат. Одна головная боль. – Он повел по губам кончиком языка, словно облизывая налипшие крошки, я собрался было уже услышать очередную шутку, но Павленко неожиданно умолк.

– Я тоже начинал на Черном море. Схожая ситуация была. В Анапе...

– Это тебя из Анапы сюда перетащили? – спросил Гушин.

– Ну да.

Павленко продолжил, пытливо глядя мне в глаза.

– У нас там работает один пенсионер, грек. Уже лет двадцать как пашет. Заслуженный человек. Но пьет. Все что можно завалить – завалил. А уволить нельзя – былые заслуги. Надо что-то делать с комбинатом. – Павленко с каким-то подвохом посмотрел на меня. – Ты сам-то верил, что поднимешь этот комбинат?

– Не верил бы – не взялся.

– Команду всю заменил?

– Процентов пятьдесят. Не больше.

– Тебе советы давали по этому поводу?

– Нет, я отстаивал у Гречаного право на собственные решения.

Павленко замолчал, согласно кивая.

– Струя, нужна новая струя, – произнес он снова загадочно. – Тут Виктор Иванович говорил про тебя. Я рад,

что приехал. Хиреет ялтинский комбинат... Нам бы так же все обустроить, как ты здесь.. Жалко.

Я пытался понять, к чему он клонит. Мои мысли прервал Гушин.

– Игорь, давай я скажу. – Он поднялся. От него веяло мощью, а в каждой его фразе ощущались жизненные силы и нацеленность на успех. – Я, если честно, ехал сюда скептически настроенный. – Виктор громко рассмеялся, словно его признание теперь не имело никакого значения. – Наслышан был о том, что здесь творилось раньше. На большие изменения не рассчитывал. Сроки у тебя были – аховые. А ты – горы своротил. Вот за это и предлагаю выпить. Это, знаешь ли, дорогого стоит.

– Мужики, спасибо за такие слова. Их не часто услышишь от профессионалов. Я бы мог, конечно, и много чего другого порассказать. Я тоже иной раз ошибаюсь.

– А как часто? – спросил Павленко пытливо.

– Что? – не понял я.

– Как часто ошибаешься?

– Ну, бывает, иногда. Но... – я хитро улыбнулся, – не все карты можно раскрывать. Главное, – продолжил я, – то, что я вижу. А это ваше искреннее, неподдельное удивление. Я польщен до глубины души. Знайте, вам здесь всегда будут рады.

Я уже вошел в привычный ритм своей жизни: в ежедневные обходы, летучки, неизбежные производственные проблемы... Я сам по своей доброй воле заточил себя в эти казематы каждодневных дел, забот и проблем, высасывающих все силы.

... После обеда мне позвонил Базалуцкий, руководитель базы Крайпотребкооперации.

– Цирк на дроте, Игорь. Ты какой-то замотанный, – пробормотал он после приветствия.

Я пропустил это мимо ушей и в свою очередь сказал:

– Давай к делу.

У Базалуцкого в крови была тяга к длинным вступлениям. А его голос был как всегда озабоченным.

– Я прошу тебя, выручай... Завал полный. Не могут разгрести.

– Кто?

– Ты их не знаешь.

Он рассмеялся с наслаждением, свойственным хитрецам, которые всю жизнь искренно смеются в голос только наедине с собой.

Смех этих людей выдает не только их одиночество, но и трусость, впрочем, так же, как и глубочайшие нарывы в их душевной организации.

– Ты можешь принять мясо? Там мои ребята... – он сделал паузу. – Не могут на тебя выйти.

– Это не проблема. Я скажу Жене Павленко. Он проследит.

Базалуцкий опять засмеялся, а потом прошептал:

– Есть еще вопрос, который...

Я поморщился. Базалуцкий отнюдь не был тем персонажем, у которого все в жизни всегда прекрасно. Напротив, каждый новый день он воспринимал чуть ли не как предвестие о неминуемом конце света, о чем не упускал возможности поведать собеседнику всеми возможными ему способами – таращил глаза, вскидывал брови, сыпал возгласами, прибегал к образным выражениям, типа «цирк на дроте».

За глаза над ним беззлобно подтрунивали, он это знал, но ничего не мог с собой поделать.

– Что еще?

Его поразительная способность в любых обстоятельствах придавать себе значимость вызывала во мне раздражение.

– Подъезжай ко мне, не откладывая. – Его голос стал хитрющим, как у лисы, которая попала в курятник. – Мне поступила новая партия товара.

– Да, да, как-нибудь подъеду, – ответил я нетерпеливо, положил трубку, набрал Павленко и дал ему команду принять мясо от людей Базалуцкого.

– Жень, схема та же. Переработаете – отгрузите колбасой.

У Базалуцкого была своеобразная репутация в нашем городе. Все заготконторы края отгружали ему свою продукцию: семечки, шкуры, копыта, которые затем уже шли на экспорт. Реализовывать их он мог по своему усмотрению. В этих делах он был дока, что, собственно, и делало его нужным для сильных мира сего человеком. К нему заезжали все. И Жора Троицкий, и первый секретарь, и чины рангом поменьше.

Офис его располагался при складе, так что, когда вы туда попадали, вас охватывало ощущение, что вы попали в огромную нору. Да и «хозяин» этой «норы» был кругл, гладкощек, что делало его похожим на скаредного хомяка, который тащит к себе в нору все, что ни попадется. Он любил тишину. Часами сидел в своем кабинете, изучая накладные с диковинными для советских людей названиями европейских товаров.

...Через несколько дней, как-то проезжая вечером мимо, я решил заскочить к нему. Встретил он меня с улыбкой. Раскрыл объятия, как будто готовясь проглотить. Когда он открывал рот, казалось, что он не говорит, а поет, настолько елейным был тембр его голоса. И еще: он всегда удивлялся, когда вы входили к нему в кабинет.

– Ба, Игорь, какими судьбами! – Хозяин резво вскочил и, выбежав из-за стола, поспешил мне навстречу. Мы общались с ним только по производственным вопросам, никакого совместного времяпрепровождения у нас никогда не было,

и Базалуцкого, видимо, это задевало. Он знал, с кем я отдыхаю, и частенько намекал мне, что не прочь присоединиться к нашей компании, но я отделялся молчанием.

– Спасибо, дорогой, выручил нас опять, – зачастил он, подводя меня к стулу.

– Да о чем разговор! – махнул я рукой.

– Ну, пойдем, Игорь Алексеевич, порадуя тебя. – Базалуцкий интригующе поднял брови. Я вопросительно посмотрел на него. – Давай-давай, – подтолкнул он легонько меня в спину, – пошли.

Мы спустились на первый этаж и оттуда длинным коридором, по которому гуляли сквозняки, прошли прямоком на склад. «Точно кротовые ходы», – подумал я, усмехаясь.

Кладовщик распахнул перед Базалуцким двери.

Кругом на сотни метров стояли штабеля товаров, какие-то ящики, коробки. Базалуцкий свернул в какой-то закуток, где стояли маленькие аккуратные коробочки и картонные ящики побольше.

– Тут у нас женское, – сказал он. – Какой размер у жены, знаешь?

– Сорок шестой.

– Тогда выбирай цвет. Фасон у импортных всегда модный, – он кинул мне несколько упаковок. – А это детское. У тебя же сынуля? – продемонстрировал он мне свою осведомленность. – Спортивные костюмчики. Таких больше нигде не сыщешь.

Я молча перебирал прозрачные упаковки, силясь представить что именно в них находится.

– Ты разверни, не бойся, – сказал Базалуцкий.

Я стал разворачивать.

Крохотные вещицы отличала какая-то неслыханная аккуратность и яркость расцветок. Хотелось остановить свой взгляд буквально на каждой вещи.

– Да тут все хорошо, – пробурчал я, раздосадованный проблемой выбора.

– Тогда бери все, что нравится.

Я наловчился распознавать фасоны, ориентироваться в цифрах, обозначающих размеры, выбирая для Лиды и Сережи то, что, мне казалось, пойдет им непременно.

Я уже представлял их радостные лица, как я буду доставать и дарить эти вещи.

– Вроде, все, – сказал я, держа в руках два пакета.

– Теперь идем дальше, – Базалуцкий стрельнул глазами по тряпкам, что я держал в руках, и со знанием дела продолжил: – Покажу тебе действительно кое-что интересное. Как раз для тебя припас.

Мы направились в глубь склада и еще довольно долго шли вдоль казавшихся бесконечными рядов с вещами, затем свернули в очередной закуток и остановились перед полками с внушительными картонными ящиками.

Базалуцкий, как шпрыхсталмейстер в цирке, молча отступил в сторону, томя меня напряженным ожиданием.

– Вот, – он показал на коробку. – Как ты думаешь, что там внутри? – елейным голоском многозначительно поинтересовался он.

Иногда он поразительно напоминал фокусника в цирке. Я попробовал угадать.

– Какая-то радиоаппаратура, наверное...

Базалуцкий кивнул двум складским рабочим.

– А ну-ка, ребяташки, быстренько... Раскройте этого красавца.

Те быстро вспороли коробку и достали телевизор с огромным ослепительным экраном.

– Цветной. Японский. Шарп. – Произнес Базалуцкий нарочито нейтральным тоном, показывая рукой на короб-

ку с нанесенными на ней иероглифами. Мои глаза непроизвольно расширились.

– Видел когда-нибудь такое?

– Нет! – произнес я восхищенно.

– А это – проигрыватель, – показал он на коробку поменьше.

– Мать честная!.. – только и сказал я.

Базалуцкий развел руками.

– Все проверенное. Сейчас это тебе все принесут к машине.

– А это что? – спросил я, кивая на коробку, что стояла рядом.

– А это видеокамера... Выбирай. Что ты хочешь взять? – как настоящий иезуит он предлагал мне выбор.

Я посмотрел на него.

– Все.

Он посмотрел на меня снисходительно.

– Игорек, это стоит бабки.

– Все, – повторил я.

– Телевизор стоит в пять раз дороже советского. Но, поверь мне, будет служить тебе столько, что ты поменял бы за это время пять или шесть отечественных.

Я нетерпеливо кивал.

– Знаешь, есть такая поговорка: «Скупой платит дважды». Возьмешь – не пожалеешь.

Я пожал ему руку.

– Спасибо. – Мне хотелось поскорей выбраться из этого лабиринта наверх, к свету.

– Игорек, как всегда? – спросил Базалуцкий.

Он имел в виду моего Женю Павленко, который забирал товары.

Я кивнул.

– У тебя дома будет настоящий кинотеатр, – ворковал Базалуцкий, провожая меня к выходу.

Буквально в следующее мгновение я уже мчался к себе домой, прикидывая в голове, куда мы поставим это чудо техники. Оставалось только дожидаться моих любимых.

Анатолий выехал за Лидой и Сережей ранним утром. Три часа пролетели незаметно, и ближе к обеду я увидел в окно, как во двор въезжает моя «Волга», и бросился вниз.

Машина затормозила у нашего подъезда, распахнулась дверца и ко мне навстречу выскочил Сережа. Его нежные всклокоченные волосики отливали солнечным блеском.

– Папа!

– Сынулечка! – Я подхватил его на руки, прижал к себе, подбросил в воздух. – А ну-ка, разбойник, дай я посмотрю, как ты подрос! Тяжелый какой стал!

Я пощекотал его по животу. Сережа начал извиваться, лупить руками по воздуху. Огромные глаза его глядели на меня чисто и лучезарно.

– Как же я скучал по тебе!

– Ну, Игорь, Игорь... – Лида медленно выбралась из машины, улыбаясь, обняла нас обоих, словно спеша занять свое место в этой идиллической картине.

На ней было роскошное шелковое платье с янтарным ожерельем. Глядя на нее, я чувствовал прилив сил.

– Вы чего так долго ехали? Я ждал вас к одиннадцати.

– Какой ты нетерпеливый! Спроси это у дороги. – Лида развела руками. От ее рыжих волос разливался ровный, манящий блеск, словно от поленьев, тлеющих в ночном костре. Она беззащитно уткнулась нежным носиком мне в плечо, и я прижал ее к себе, вдыхая аромат ее духов.

– Ну, пошли!

Мы стали подниматься вверх. Толя тащил за нами вещи.

– А что Лариса?

– Их Илья забрал.

– Как он там? С Ларисой как у них?

– Отношения все выясняют. Славу Богу, он от девочек своих без ума. Если бы не они, даже не знаю, было бы у них что-либо общее. – Лида вздохнула, давая понять, что этот разговор ей неприятен. – Тебе огромный привет передавал.

– Вот и славно...

Я отворил дверь.

Взял Лиду за руку и повел в гостиную. Она встрепенулась, увидев пакеты с подарками, разбросанные на журнальном столике. Вопросительно посмотрела на меня.

– Смотри! – Я предупредительным жестом кивнул на непрозрачную упаковку.

Лида развернула бумагу – оттуда выскользнуло нечто невесомое, шелковое.

Лида ахнула. Это было платье от Армани. Сережа стоял рядом, внимательно глядя на маму, любуясь, как и я, ее восторгом. Лида залилась ярким румянцем. Она укоризненно посмотрела на меня:

– Все балуешь, да? – Глаза ее полыхнули. – Можно примерю?

– Спрашиваешь?! Тебе же... – меня переполняла ответная нежность. Лидина радость была столь неподдельна.

Может быть, когда-то наступит день, когда подарки не будут приносить такой радости, но сейчас мы проходили такой период жизни, когда это радовало, вдохновляло.

– А мне? – спросил Сережа озадаченно.

– Мой мальчик, забыли мою касятку, – рассмеялся я, поцеловал Сережу, достал другой пакет и вытащил оттуда рубашку невероятной расцветки. Лицо Сережи сразу стало скучным.

– Не интере-е-е-сно, – протянул он.

– Не интересно?! – ахнул я.

Лида рассмеялась.

– Игорь! Он же мальчик все-таки! Ну, куда ему рубашкам радоваться!

– Лидуся, смотри.

Я погладил сына по голове и стал показывать Лиде то, что не оценил Сережа. Она смотрела, охала, ахала, распаковывая упаковку за упаковкой...

– Ох, и умеют же они делать! – восклицала она. – А куда нам столько? У него же все есть!

– Ларисе отдашь! – махнул я рукой беспечно. – А! Вот еще!

Я взял ее за руку и повел в гостиную. Мне не терпелось показать ей это чудо. Занавески в гостиной были задернуты. Я нажал на кнопку дистанционного управления, и экран телевизора вспыхнул радугой цветов. Лида в изумлении вскрикнула. На ее голос тут же примчался Сережа и застыл в искреннем детском удивлении. На прямоугольном экране гигантского плоского ящика нам открылся удивительно красочный и многообразный мир. Лида с величайшим изумлением смотрела на это чудо.

Я и сам был ошарашен произведенным эффектом. Начал объяснять Лиде достоинства, показывать, как управлять телевизором, нажимал на какие-то кнопки, заставлял нажимать ее. Мы были счастливы, как дети.

Потом показал телевизор и проигрыватель. Только одного из этих приобретений было достаточно для ощущения невероятного счастья бытия, вместе же их появление в нашем доме было сродни ощущению попадания в волшебную сказку.

Я сновал от одной чудо-вещи к другой, и снова останавливался у великолепного телевизора.

Лида, переключая каналы, наткнулась на мультики, и Сережа прилип к экрану, как загипнотизированный. А я потащил Лиду за собой.

– Смотри! Рудаков передал тебе методички. – Я показал ей на стопку брошюр, возвышающуюся на столе. Лицо Лиды вытянулось. – На твоём месте я бы не тянул и поехал знакомиться с научным руководителем уже на следующей неделе.

Лида вдумчиво пролистала несколько книжиц, схватилась за голову, ахнула.

– Ох, Игорь, как я со всем этим справлюсь?

– Попьешь чаю, считаешь и все вспомнишь. И вообще, чего тебе волноваться? Я же говорю, все уже решено. Да, совсем забыл – Рудаков мне звонил, сказал, чтобы ты подъехала в четверг. Анатолий отвезет.

– Понятно. – Лида приуныла.

– Не волнуйся. Все будет в порядке.

XII

Крупные капли летнего ливня ударили по стеклам неожиданно.

– Вот тебе бабушка и Юрьев день! Нежданно-негаданно! Толя, зонт в машине?

– В багажнике, Игорь Алексеевич!

– Молодец!

Я ценил, когда мои работники проявляли заботу о мелочах.

Мы подъехали к дому Писаревского. Дождь стих так же неожиданно, как и начался. Я, перепрыгивая через лужи, помчался бегом к подъезду, вбежал по лестнице на нужный этаж. Дверь была открыта, по квартире снова-ли рабочие. Работали они на совесть.

Я вошел, придирчиво ища то, что должен был привезти Женя Павленко, и невольно остановил взгляд на ярких фотообоях, которые я достал – мечте всех модных домохозяек в то время. Ими были оклеены почти все стены

в доме. Я прямо услышал, как жена Писаревского говорит ему: «Да, милый. Я могу быть здесь счастлива».

Квартира была отделана как конфетка. На кухне, поражая наисовременнейшим дизайном, сверкали хромированные краны, способные поразить воображение рядового советского человека.

– Где прораб? – спросил я какого-то работягу-штукатура, скребущего по стене шпателем.

Тот устало посмотрел на меня, махнул рукой в сторону соседней комнаты.

Прораб, завидев меня, оторвался от своей работы, – он записывал что-то в тетрадку, в уме подсчитывая только ему ведомые расходы, – бросился мне навстречу.

– Извините, Игорь Алексеевич, рука в краске.

– Ничего. Ну, что тут у вас? Рассказывайте!

– Да вот, все получили от вашего человека.

Он имел в виду Павленко.

Я зашел удостовериться, что все позиции закрыты, ничего не пропало, и в квартире именно то, что я требовал достать.

– Все подвезли, что надо?

– Абсолютно. – Прораб посмотрел на меня с восхищением.

Для человека, профессионально занятого строительством, мои возможности достать тот или иной дефицитный товар были сродни чуду. В душе я над этим посмеивался: то, что для него было чудом, для меня было арифметикой начальной школы.

– Ну ладно, давайте смотреть работу.

Он повел меня по квартире, показывая сантехнику в ванной, краны, унитазы, раковины – все, что было оплачено мной в «Березке» за валюту в пересчете на рубли.

Филенчатые полированные двери, ручки под бронзу, сверкающие краны – всего чего не было в обычных мага-

зинах. Вешалки, люстры, настенные бра... Я почувствовал себя волшебником. На какую-то долю секунды мне стало даже жалко, что не я буду здесь жить. Впрочем, это ощущение тут же улетучилось, оставив после себя чувство гордости – я был тем, кто мог создавать подобные чудеса.

Павленко молодец, не подвел. Я обошел всю квартиру еще несколько раз – это была фантастика! Каждая комната была отделана на славу, со вкусом и изяществом. Писарь мог хвастаться своими хоромами с полным основанием, такого еще ни у кого не было. Я усмехнулся. Впечатление для гостей его новоселья было обеспечено. Я уже заранее слышал восхищенные «охи» и «ахи», представил, как все с расширенными от изумления глазами будут интересоваться, где он умудрился все это достать и кто тот волшебник, что все это воплотил в реальность.

– Ладно, я пошел, – я простился с прорабом, махнув ему рукой.

Очевидно, что воображение хозяина этого дома будет поражено. Я добился своей цели. Весело насвистывая, я вышел на улицу. Меня уже ждали в комбинате.

О своем вечернем визите я договаривался с Писаревским заранее. Как правило в конце рабочего дня, когда суета и спешка сходили на нет и можно было потолковать о деле спокойно, не спеша.

В поздний час в приемной еще находились несколько шапочно знакомых мне лиц. Я кивнул им.

Секретарша тут же привстала, указывая рукой мне на дверь.

– Игорь Алексеевич!

Я подошел, открыл дверь.

– Добрый вечер!

Писаревский в глубокой задумчивости сидел за столом, уткнувшись носом в какие-то бумаги. Вопросов было

много. Он вскинул на меня взгляд, и стекла его очков блеснули, словно два семафора.

– Игорь Алексеевич, – поздоровался он приветливо, указывая рукой на кресло. – Как у вас дела?

Он устало провел по лицу ладонями, словно пытаюсь стереть следы усталости и настроиться на приятную беседу. Он ждал.

Я улыбнулся. У нас уже начали складываться доверительные отношения, которые зачастую не требовали слов.

– Порядок. У нас полный порядок. – Я полез рукой во внутренний карман пиджака и достал список. – Вот это все, что было по списку.

Я положил перед ним перечень того, что теперь сияло и сверкало в его новенькой квартире. Александр Сергеевич движением ладони показал, что все хорошо слышит и чтобы я говорил на полтона тише. Я кивнул.

– Все идет нормально. Скоро закончат. Можете подъехать, посмотреть.

Писаревский показал жестом, без единого слова: «Ну о чем вы говорите? Я же полностью вам доверяю».

Иногда мне казалось, что он не представляет для меня никакой тайны, и я читаю его, как раскрытую книгу. Конечно, он не лишен был авантюрной жилки, но, как мне казалось, не был способен на большую подлость. Одно в нем мне импонировало: как и я, он терпеть не мог проигрывать. Признаться, мне не всегда удавалось его раскусить – он не всегда соответствовал создаваемому им самим имиджу.

Внимательно прочитав по второму разу перечень всего, что у него уже было установлено, он на секунду задумался. Неужели что-то не понравилось?

– Это меня устраивает. Впрочем, я другого и не ожидал.

Мне хотелось сказать: когда вы увидите это своими глазами, вам понравится еще больше, но я сдержался.

– Фотообои смотрятся очень достойно.

Надо признать, моя неугомонность, благодаря которой, наверное, мне и удалось избежать многих бед, не была ярко выраженной чертой моего характера. Никто никогда не знает, что ждет его впереди. Но я всегда осознавал в себе дар создавать нечто новое. Именно осознание этого позволяло мне пускаться на самые рискованные авантюры, сохраняя веру в собственные силы.

– Александр Сергеевич, все, что мы обсуждали...

Писаревский с какой-то невероятной грациозностью, практически бесшумно отодвинулся в своем тяжелом кресле, вышел из-за стола, пододвинул другой стул ко мне поближе, задумчиво сел рядом и доверительно улыбнулся, точно священник. Уставился в глаза. Он выглядел бы нелепо, если бы я не понимал, что на каком-то этапе карьеры он твердо усвоил, что доброжелательность должна входить в арсенал действующего руководителя высокого ранга.

Сейчас он пытался мне продемонстрировать свое одобрение.

– Мне нравится ваш стиль работы.

– Если будут какие-то вопросы, – проговорил я тихо, чтобы соответствовать обстановке, – я на месте...

Он многозначительно кивнул, словно говоря: «Да вы не бойтесь, я вас из-под земли достану, если будет нужно», но вместо этого по-отечески мягко произнес:

– Спасибо вам, Игорь Алексеевич, за все.

Последние слова он произнес совершенно ледяным тоном. В этот момент я подумал, что все-таки не всегда понимаю его хорошо, и развел руками, мол, какие «спасибо».

– За фотообои вам супруга отдельно просила кланяться. Я жду вашего звонка, – прошептал он негромко, давая понять, что аудиенция закончена.

Я стал прощаться. На дворе уже сгустились сумерки.

ХІІІ

Лида изумленно посмотрела на меня.

– О Господи, И горь ты забыл какой сегодня день?

Я попытался собраться с мыслями, ибо искренне ничего не мог припомнить.

– Среда.

– Среда! – Лида страдальчески улыбнулась. – Вот именно.

– И что... – начал было я, и тут мою память пронзило молнией.

– Вот именно! – Лида лучезарно улыбнулась. – Да. Я сегодня еду в Краснодар сдавать экзамены.

На Лидином лице читался испуг.

Я хотел сказать что-то важное, но слова как будто вылетели из моей памяти, и я только промямлил:

– Чего тебе волноваться?

– Не успокаивай меня. Я все равно ничего не помню. Ты заказал машину?

– Ну, конечно.

Мне пора было на комбинат. Я встал, поцеловал Лиду.

– Ни пуха, ни пера!

Видимо, в моем тоне прозвучала некая уверенность в благополучном исходе дела, поскольку она счастливо рассмеялась. Каким-то шестым чувством я ощутил тогда (и это отложилось у меня в памяти), что мне не следует больше говорить никаких слов, но я все-таки не удержался и, целуя ее, произнес:

– Все будет хорошо.

Я видел, что Лида все же тревожится за исход экзамена, с надеждой смотрит на меня, словно мой поцелуй мог придать ей уверенность и силы.

Но я устал ее уговаривать. Пусть все поймет сама. Я тихо прикрыл за собой дверь, оставив растерянную Лиду в одиночестве.

Войдя в кабинет, я спешно скинул с себя плащ. День еще не начался, а я уже чувствовал себя усталым. Надо было бы позвонить Якову Дмитриевичу Рудакову. А вдруг, действительно, какой-то сюрприз ожидается?

На столе лежала не разобранный корреспонденция. И записка-напоминалочка всего с двумя словами: «Спорт-комплекс. Баланс». Одна только мысль об этих проблемах лишала меня энергии. Я собрался с силами, настроился на привычное рабочее состояние, нажал кнопку селектора и вызвал главного бухгалтера.

Голова раскалывалась. Я резко встал из-за стола, прошел из угла в угол. Аспирин, что ли, выпить?

Не прошло и минуты, как раздался телефонный звонок.

– Гречаный, – тихо, почти что шепча, доложила секретарша.

Я поднял трубку.

– Добрый день, Алексей Петрович!

– Ты чего там кипятишься? – сходу налетел он на меня. Я молчал. Что он имеет в виду?

– Мне звонил Мирошников. Надо решить вопрос со спорткомплексом.

– Уже и до Москвы дошло... – только ответил я, потому что говорить что либо еще было бессмысленно. Гречаный и сам это прекрасно понимал.

– Тянуть дальше нельзя, Игорь Алексеевич. – В его голосе зазвучали стальные нотки.

– Да, понимаю. – Я просто мечтал закончить этот пустой разговор. – Извините, Алексей Петрович, у меня совещание начинается...

– Да, хорошо, Игорь! Я на тебя надеюсь.

Мы одновременно положили трубки. Я услышал, как секретарша связывается по громкой связи с Тимофеевым. Отключил селектор. Надо было собраться с мыслями. Но тут же раздался телефонный звонок. Прямой.

– Алло!

– Привет, Игорь.

Я услышал голос Троицкого.

– Игорь! Ты с Писаревским давно общался?

– Вообще не общался, а что?

– Да я просто никак до него дозвониться не могу. Думал, может, ты что знаешь?

– Я-то откуда? Он мне ничего не докладывает.

– Да!?! Я думал у вас с ним какие-то отношения завязались, – Троицкий казался озабоченным.

– Извини, Жора, тут у меня сейчас совещание начинается. У тебя что-то срочное?

– Да нет. Ты, это, давай, подъезжай ко мне. Дело одно обсудим.

– Жор! Ну, какое «подъезжай». Тут голова кругом идет из-за этого спорткомплекса. Впрочем, как только, так сразу.

– А-а! Ладно! Пока! – простился Жора враз погасшим голосом.

Рабочая молотилка началась.

Ближе к вечеру, уже сидя в машине, которая мчала меня домой, я с ужасом вспомнил, что замотался и так и не позвонил Рудакову. Я выскочил из машины. Запрокинул голову. На кухне горел свет. Бегом поднялся по лестнице.

Лида уже была дома. Она услышала шум и выскочила в переднюю. Лицо ее светилось от радости.

– Я все сдала. Я зачислена! Я знаю, что ты скажешь: «Я же тебе говорил!» Ну да, говорил! Но легче от этого не становится, пока сама все не пройдешь. Теперь – все! Все пятерки. Философия. Английский. Специальность!

Внутренний голос настоятельно советовал мне воздержаться от продолжения диалога, но я сознательно проигнорировал его – что не сделаешь ради красавицы жены! И в тот самый момент, когда я искал нужные слова, в моем мозгу возникла картинка из далекого прошлого – яркая, как только что отчеканенная монета.

Мы с Лидой стоим у калитки нашего дома. По дорожке неуклюже шагает дед в своих твидовых брюках, начищенных до блеска ботинках, с нелепо выглядывающими из-под штанин черными носками, в пиджаке с протертыми локтями (с которым он, к ужасу Хаво, никак не хотел расстаться), и Лида сообщает мне, что получила диплом.

Как бежит время!

XIV

В тот же вечер дом встретил меня оглушительным Сережиным плачем. Лида дула ребенку на пальчик и приговаривала:

– Уже ничего не болит. Уже ничего не болит.

Я вбежал в комнату. Подхватил сынишку у нее с рук.

– Почему мы так шумим? Что случилось?

Мое неожиданное появление вдруг отвлекло Сережу от слез. Он выдохнул, несколько устало, словно говоря: «Плакать – это тоже тяжелая работа», провел пальчиком по моей щеке, а затем по своей.

Лида благодарно посмотрела на меня и исчезла в кухне.

Я вытер слезинку со щеки нашего сынишки. Он снова пальцем провел по моей щеке. Удивленно посмотрел на свой палец. Его явно забавило то, что у нас такие разные кожи. Его – гладкая, а моя – колючая. Он посмотрел на меня с удивлением, словно говоря: «Это как?»

Я улыбнулся. Осторожно поставил его на пол.

– Не плачь, даже если больно. Научишься не плакать, станешь взрослым. Понял? И борода будет расти.

Я сделал строгую мину, но непроизвольно улыбнулся. Сережа слушал меня внимательно, точно я поверял ему величайшую тайну. Затем совершенно серьезно кивнул.

– Игорь, все готово, – Лида заглянула к нам в комнату. – Иди есть.

Я ласково шлепнул сына по попке.

– Ну давай, иди играй.

Он, радостный, тут же подошел к своим игрушкам, выбрал одну из них – ярко зеленый танк и, сказав грозное «Рры», поехал брать приступом стенку своего детского шкафчика.

Мы с Лидой молча наблюдали за ним.

– Ну, давай, – почти одними губами произнесла Лида, увлекая меня из детской.

Я пошел на кухню. Лида уже успела все накрыть и приготовить.

Она унаследовала от Анны Григорьевны фантастический кулинарный талант. Даже в простую запеканку она умела привнести нечто, что делало это блюдо восхитительным, как рассвет в горах. Может быть, это была магия, а может – просто желание сделать наше семейное гнездо идеальным. Каждый раз, беря в руки вилку и нож, я не мог предугадать того вкуса, который мне предстоит ощутить – ибо Лидочка умела превосходить саму себя, и всякий раз, даже когда на стол подавалось вполне традиционное блюдо, меня ожидала встреча с неизведанным наслаждением – таким, что оставалось только уплетать за обе щеки.

Вот и сейчас, отдавшись во власть восхитительных ароматов и изысканных вкусовых ощущений, я не сразу почувствовал нечто новое, что витало в воздухе – Лидино

поведение. Оно не было странным, нет. Но в нем была некая загадка, словно ее распирала какая-то важная новость, которую она во что бы то ни стало решила сохранить в секрете, пока я не поем.

– Лидочка! – я сказал это с неким упреком, откладывая в сторону вилку, – что случилось?

Лида вопросительно посмотрела на меня, словно не понимая вопроса.

Я еще сам не вполне сознавал, о чем хочу ее спросить, находясь в магическом плену недавних проблем и встречи с Писаревским. Память прокручивала у меня в мозгу одну и ту же киноленту – нашу встречу и детали разговора, его замечания, которые вспыхивали в моем мозгу, как ярко освещенные участки футбольного поля, когда в ночной тьме скользишь по нему лучом прожектора.

– Лида?! Я же вижу!

Она обернула ко мне свое враз показавшееся мне совершенно детским лицо, удивленно вскинула брови и молча поставили передо мной тарелку с чуду. Если честно, никогда не ел ничего более восхитительного, чем в тот вечер, чему, возможно, есть свои объяснения.

Лида, по-прежнему ничего не говоря, словно вступила со мной в негласное соревнование, кто кого перемолчит, продолжала колдовать у плиты. Я неправильно истолковал ее поведение. Перемена настроения. Ну что ж, бывает. Помолчу в ответ.

Я доел жареные лепешки, начиненные творогом с луком, отодвинул от себя тарелку. Посмотрел на Лиду, как бы говоря: «Я – счастлив. Может быть теперь я заслужил твоё признание. Скажи – что с тобой?!»

Лида прочитала в моих глазах это немое послание, улыбнулась и села передо мной. Ее глаза светились любовью. «Постарайся понять» – говорил ее взгляд. Я смутился и испугался одновременно.

Она положила на мою широкую ладонь свою изящную бледную ладошку, словно давая обет Всевышнему.

– Игорь, послушай.

Я улыбнулся, думая о том, что же мне ей ответить.

– Я – беременна... – вымолвила она, и зрачки ее из коричневых стали ярко-зелеными.

Меня словно подбросило в воздух. Я видел изменения, происходящие в ней. Видел тайные знаки, предшествовавшие этому чуду. Но сказанное Лидой вдруг в одночасье изменило весь мир. Я вскочил, обхватил Лиду...

– Это правда?!

– Игорь! – Лида предостерегающе выставила вперед руки. – Осторожно!

Я спохватился.

Она уже чувствовала себя хрупким сосудом, в котором теплилась новая жизнь. Я обнял ее, нежно-нежно, как только мог, потом обхватил чуть сильнее и приподнял чуть-чуть от пола.

– Ты была у врача?

– Сегодня. Она это подтвердила.

– Боже!!!

Я осторожно опустил ее на пол.

– Сегодня ходила в консультацию, ошибки быть не может. – Она улыбалась. – Так что, может быть, скоро у нас появится девочка.

– Девочка?! Тебе сказали, будет девочка?

– Нет, они так не могут. – Лида снова предостерегающе подняла руки. – Просто мне бы очень этого хотелось.

Я почувствовал, как у меня на виске начала пульсировать вена. Эмоции накатывали на меня волнами. Если бы сейчас мне пришлось испытать себя на храбрость – помчаться по гвоздям на другой конец комнаты, я бы не раздумывая сделал это. Жизнь – вечность – будущее!

Слова вспыхивали в моем сознании и, гаснув, порождали новые. Мысли мчались со скоростью звука. Я чувствовал себя бессмертным, жил будущим. Его ожиданием. И ни за что не был готов с ним расставаться. Вдруг нахлынула тревога. Если бы я был волшебником, если бы я мог творить чудеса, я бы обнес чрево Лиды хрустальной стеной или золотой оградой, чтобы защитить ее.

– Спасибо тебе. Не волнуйся. Все будет хорошо. Обещаю. Все будет иначе. Веришь? – произнес я неожиданно.

Слова вырывались из меня неудержимым потоком, сметающим все на пути. Лидины глаза горели огнем.

– Да, – произнесла она.

Я вдруг лукаво посмотрел на нее.

– Я знаю, когда это произошло.

Мы оба, словно школьники, которых учительница застала за поцелуем, смотрели друг на друга, и нежная взаимная признательность облаком окутала нас. Мы молчали.

Наверное, я не до конца осознавал происходящее. Ясно было только одно – мир изменился. И я вместе с ним. Потому что отныне я владею тайной, которой буду служить как раб. До последней капли крови. И, пытаясь защитить это новое для себя чувство, я выпалил:

– Лида! Тебе надо ехать в Москву. Это точно. Без разговоров, – голос мой стал твердый, уверенный.

– Зачем?

Она была полна решимости родить тут, чтобы остаться рядом со мной, словно это было залогом удачных родов. У нас уже были три неудачные попытки, три выкидыша, все пугало и настораживало.

– Сколько ты можешь мучить себя? Зачем? Мы не имеем право на ошибку! Нам нельзя рисковать! Ты не можешь мучить себя.

– Но Игорь, я не могу без тебя, я хочу быть рядом с тобой!

кали дома, деревеньки, а удивление не покидало меня. Мне вдруг открылась моя тайна. Оказывается, я умею быть счастливым. Не довольным. А именно счастливым.

Это связано с моим родом, с возможностью продлить его жизнь во времени благодаря чуду рождения новой жизни.

Над нами точно витал ангел-хранитель. И доказательством тому была Лида, которая сидела рядом и томила в ожидании будущего.

Я тоже жил ожиданием. Весть о том, что мне еще раз предстоит стать отцом, и манила и пугала. Удастся ли пройти испытание в этот раз? Что я должен делать? «Ждать и готовиться», – пронеслось в мозгу.

Да. С этим я был согласен.

Небо неожиданно потемнело. Собиралась гроза. Но сейчас меня это совсем не волновало. Я обернулся. Огни города манили своим загадочным бриллиантовым светом. Мы спешили на самолет, и в моей душе росло радостное нетерпение – оно теплой волной растекалось по телу, проникая прямо в сердце, преисполненное надежд на будущее.

Это были уже не мечты – это были реально открывшиеся возможности – наступит день, когда я снова смогу воскликнуть: «Бессмертен»!

Было еще довольно тепло. Я приоткрыл окно. Ветер ворвался и растрепал Лидины волосы.

«Закрой!», – попросила она взглядом. Я тут же крутанул ручку оконного движка обратно. «Главное, соблюдать правила, – мелькнула мысль. – Если делать все по правилам, неприятностей можно избежать». Этому научила меня жизнь.

Анатолий резко просигналил. Я сердито бросил взгляд в окно. Перед нами ехала чья-то подрезавшая нас «Волга».

Вдалеке показался аэропорт.

– Вот и осень, – Лида улыбнулась, а мне почудилось, что она сейчас заплачет.

Все казалось таким чистым, хрупким, неповторимым и увядающим. Вещей у нее с собой в руках практически не было – все сдали в багаж. Перед контрольным пунктом я остановился, обнял ее. Она прижалась ко мне всем телом, уткнулась в щеку:

– Небритый...

– С этой работе обо всем забудешь.... Ну, ты чего? – обнял я ее. – Тебя что, знобит?

– Страшно немного.

Лиду в самом деле била легкая дрожь. Я прижал ее к себе, почувствовал, что забываю обо всем на свете. Так иголку тянет к магниту.

– Колешься, – сказала она.

– Подожди. – Я сделал серьезное выражение лица. – Ты все запомнила? К кому обратиться, что сказать?

– Да знаю я, знаю...

Я открыл было рот, чтобы еще раз все повторить, но служащая аэропорта начала нас торопить. Я поцеловал жену.

– Лидочка, ты чего?

– Ты только звони почаще, – сказала она требовательно. Лида, конечно же, была вся в ожидании, на нервах, испуганная.

– Лида, не переживай. Думай только о хорошем. Врачи там нормальные. Процедуры – эта та же учеба. Занимает все время. Не успеешь оглянуться – уже выпишут.

Я многозначительно посмотрел на ее живот, давая понять, чтобы она не забывала о самом главном. Появился Анатолий, протянул Лиде квитанцию от багажа. Она благодарно закивала. Я купил ей два места – чтобы ей было просторнее в салоне.

– Тебе сейчас надо хорошо питаться. Как только захочешь, тут же ешь. В общем, делай все, что скажут врачи.

– Да, да... – она внимала уже вполуха, прислушиваясь больше к тому, что происходило с ней внутри.

– Звони каждый день! Отец договорился – тебя положат в палату с телефоном. Будешь все время на связи. И на работу тоже звони. Секретарша сразу соединит. И домой. Главное – ни о чем не волнуйся. – Я давал эти напутствия Лиде, а в душе пытался успокоить самого себя. – Ну, давай, в добрый путь.

Она повернулась. Ее густые пышные волосы взметнулись веером.

– Все? – спросила она, словно от моего ответа и в самом деле зависела ее судьба.

– Лида, – я дотронулся рукой до ее руки, – волноваться не о чем. В аэропорту тебя встретит отец, тут же отвезет в больницу.

Она согласно кивала, но мысленно уже была в пути.

Никаких предчувствий у меня не было. Был только бег времени, отсчитываемый ударами сердца. Я ни о чем не волновался.

Я следил, как она проходит досмотр, потом входит в зал, где толпились вылетающие пассажиры. В легком импортном плаще, с наметившимся животиком, она напоминала Мадонну.

Какое-то время я стоял, задумавшись о ней, о себе... Зал вылета опустел. Я очнулся, посмотрел по сторонам.

У автомобильной стоянки я остановился, запрокинул голову: в небо взлетал самолет – может быть, с моей Лидочкой. Его серебряная полоска становилась все меньше, пока совсем не растаяла.

Над головой снова было только бескрайнее серое небо. Небо, в котором не было ни следа от нашей земной жизни, небо, лишенное времени, боли, грусти. Наполненное одной бесконечностью.

Мир вокруг казался удивительно прозрачным, легким и радостным, словно готовящимся распахнуть объятия тому особенному комочку света, который зарождался в Лиде.

Я повернулся. Рядом стоял мой водитель.

– Ну что, Анатолий? Домой!

XV

Следующие дни были похожие на предыдущие.

Лида благополучно доехала. Отец встретил ее, отвез сразу в больницу при НИИ Матери и ребенка. Погода в Москве была слякотная, противная.

Она позвонила мне тем же вечером. Голос ее был ровный и бодрый.

– Игорь, это я!

Как я был рад услышать ее голосок! Ведь я прожил весь этот день только в ожидании ее звонка. Волны счастья нахлынули на меня.

– Ты откуда звонишь?

– Из палаты. Здесь есть телефон.

– Кто тебя ведет?

– Та же врач, что и в прошлый раз. Она, оказывается, знаменитая, профессор! Представляешь? Про нее даже в газете писали. Увидела меня, заулыбалась: «Лидочка, – говорит, – как хорошо, что ты приехала. И правильно сде-

лала, что приехала». Представляешь? Можно быть спокойной.

– Тебе что-нибудь нужно?

– Что ты! Тут все есть. Наоборот, забрать бы лишнее.

Она рассмеялась.

– Ты ж меня знаешь. Игорь, здесь все чудесно. Они следят даже за тем, как я дышу. Папа мне постоянно звонит, все хорошо. Он спокоен.

Я на секунду задумался.

– Ты тут?

– Да, да...

– Ну ладно. Меня зовут. Я пойду.

– Береги себя, слышишь!

Мой голос потонул в тишине оборвавшейся связи.

Ну, славу Богу. За Лиду можно было быть спокойным. Теперь дело только за медиками.

Отец и Лида регулярно звонили, держа меня в курсе дела.

Я вошел в кабинет, скинул плащ. Зарядили осенние дожди, дело шло к зиме. Природа готовилась к увяданию.

На столе лежали газеты, почта. Я настроился на рабочий лад, пробежал по заголовкам глазами. Ничего интересного. «Выполним и перевыполним». «Осенние праздники». «Подготовка к новому году».

Я вжал кнопку селектора до упора:

– Обход через пятнадцать минут. Потом соберите всех через час! – Голос у меня был хриплый, точно простуженный.

Я услышал, как секретарша связывается по громкой связи с Тимофеевым. Отключил селектор.

Надо было собраться с мыслями. День начинался обычно – планерка, совещание, цифры, графики, планы, обязательные увещевания и гневные сентенции нерадивым...

От невеселых мыслей меня отвлек телефонный звонок. Прямой.

– Алло!

– Привет, Игорь.

Я услышал голос заместителя Троицкого, моего давнего приятеля из горисполкома.

– Сергей! Извини, тут сейчас совещание начинается. У тебя что-то срочное?

– Игорь, Георгий уволился.

Трубка чуть не выпала у меня из руки.

– Когда? Ты что?

Я молчал в оцепенении, припоминая, когда в последний раз с ним разговаривал.

Память услужливо отмотала время назад. Вспомнилось, что в последний месяц мы виделись совсем редко.

– Подробности есть? – Я старался подбирать правильные слова: – «Ушли» или сам так решил?

– «По собственному»

– Я ему сейчас позвоню.

– Бесполезно. Он уже сорвался в Ставрополь.

По большому счету это известие было для меня ожидаемым. Можно сказать, что я ждал его со времен поездки в Лагонаки.

Жорино стремление к выпячиванию собственной персоны не могло не раздражать первого секретаря.

– Все произошло скоротечно, как на войне, – добавил мой собеседник. Голос его был тревожным.

– Ну, а ты как хотел? – невесело усмехнулся я.

Предвидел ли это сам Жора? Или увольнение стало для него неприятным сюрпризом? Я догадывался, что Писарь поступит с ним именно таким образом. Интересно, как все было подано и обставлено? Хотелось бы знать. Сам Жора мне ничего не сказал. Или не знал, или не считал нужным.

– Он мне ничего не сказал... – произнес я в трубку. Собеседник что-то пробормотал, я не разобрал что. – Куда он теперь? Что-нибудь известно?

– В газовый трест устроился.

– Кем? – в нетерпении от охватившего меня любопытства спросил я.

– Начальником управления.

– Я думаю, он неплохо устроился.

От беспокойства за судьбу Жоры не осталось и следа. Все было исчерпывающе ясно. Тем не менее разговор оставил неприятный осадок. Говорить больше было не о чем.

– Ладно, – я попрощался.

Меня уже ждали дела насущные.

XVI

Конец ноября в Армавире иногда мог радовать еще солнечными деньками и теплом.

Секретарша поставила передо мной крепкий чай, положила на стол свежие газеты.

Я взял «Кубанскую правду», пробежал по заголовкам. Взгляд упал на сообщение, набранное крупным шрифтом.

«Решение пленума ЦК КПСС о назначении В. И. Воротникова первым секретарем Краснодарского крайкома КПСС». Дальше шла его биография. У меня точно земля ушла из-под ног.

Как!? Всемогущего Медунова сняли?! Что за этим стоит?

Я тут же бросился набирать отца, но того, как назло, не оказалось на месте. Меня прямо распирало.

Я позвонил Славе.

– Слав, ты слышал?

– Ты о Медунове?

– Ну да.

Слава помолчал, не зная, что ответить, потом задумчиво спросил:

– А ты что думаешь по этому поводу?

– Ума не приложу.

Тут мне вспомнилось, как отец пересказывал мне мнение Бровина о том, что Медунову не простят Найденова. Рано или поздно, но они сделают ответный ход. Получалось, что ход был сделан. История продолжалась.

– Да, Слав, думаю, это только начало чего-то более масштабного.

Слава озадачился.

– Что ты имеешь в виду? Куда «ушли» Медунова?

– Да я знаю ровно то, что в газете. Думаю, скоро узнаем.

Мы еще поговорили о семьях и простились. Я посмотрел в окно. Волнение исчезло.

Я почему-то вышел в приемную.

– Ну, вот и все, власть сменилась, – пробормотал я подходя к столу секретарши. Машинально взял в руки стопку газет, бросил их обратно. Секретарша удивленно посмотрела на меня. Я, ни слова ни говоря, вернулся в кабинет.

Мысли роились в моей голове. Все это вносило сумятицу в ясную картину мира, которая присутствовала в сознании еще сегодня утром. Но в глубине души все же застилались тревога.

Я подумал, что когда случается что-то важное и неожиданное, люди расстаются со своими ежедневными малозначимыми заботами, и их мысли словно развиваются в едином русле. Грядущее, но пока совершенно неизвестное событие, как будто создает черную дыру, воронкой затягивающую в себя все и вся, и самые дикие совпадения происходят подряд, с сумасшедшей скоростью. И все это воспринимается как естественное явление.

Не успел я об этом подумать, как раздался звонок.

Звонили из приемной Писаревского.

– К вам едет первый секретарь.

Новость не была неожиданной. Писаревский давно собирался осмотреть комбинат, но почему-то его визит показался мне связанным с утренней новостью про Воротникова.

«Про Медунова он точно знал раньше всех, – подумал я. – Ну, посмотрим, с чем он пожалует!»

В условленное время я вышел встречать важного гостя. Александр Сергеевич приветствовал меня с улыбкой, тепло пожал мне руку. Ни намека, ни полслова о том, что в крае поменялась власть, хотя его, это, конечно, касалось в первую очередь.

Мы пошли с ним по комбинату. Он окидывал цеха цепким взглядом, иногда задерживаясь на какой-нибудь детали. Вопросов задавал немного. Корить меня было не за что, подстегивать тоже излишне.

Это еще раз убедило меня в том, что он приехал с какой-то целью.

После осмотра мы вернулись ко мне в кабинет.

Писаревский выглядел удовлетворенным, словно увиденное, как детали пазла, сложилось в ожидаемую картину. Он сосредоточенно молчал, рассматривая носы своих ботинок. Потом окинул меня пристальным взглядом:

– В принципе, Игорь Алексеевич, я ожидал увидеть именно то, что вы мне показали. Есть у вас какие-то вопросы?

Я подумал, что более удачного момента не найти.

– У нас на производстве, как я вам говорил, три тысячи пятьсот человек занято.

Писаревский кивнул, показывая, что прекрасно помнит эти цифры.

– А это ведь не только сами работники, это еще их семьи, дети. Целый комплекс социальных вопросов.

Лицо Писаревского приняло сосредоточенное выражение. Он с любопытством посмотрел на меня. Мол, куда я клоню.

– Я по поводу нашего строительного комплекса.

– Вы мне говорили об этом, – сухо заметил он.

– Разрешите, я вам его покажу.

– Охотно.

Я препроводил первого секретаря на спортплощадку.

– Да у вас тут и теннисный корт есть? – заметил он удивленно, как будто ожидая какого-то подвоха.

– Собственно, с этим и связан мой вопрос. Вы знаете, начинали с малого – с одного футбольного поля, а теперь – целый спорткомплекс. – Писаревский слушал не перебивая. – Есть только одна проблема – взять этот комплекс на баланс. Как только узнали, что мы тут отстроили, сразу у нас начались проверки.

Писаревский кивнул головой, мол, понимаю, можете не продолжать...

– Так вы про баланс... – протянул он почти разочаровано. – Игорь Алексеевич, все что возможно, я со своей стороны сделаю. Я знаю об этой проблеме. Да, это идет вразрез с постановлением ЦК. – Он помедлил, подумал. – Но этот вопрос должен решаться не только на городском уровне. Наших, местных я, конечно, подготовлю. В Краснодаре, со своей стороны, тоже представляю это с лучшей стороны. Ну, а Москва – это уже другая история.

Он развел руками.

– Да, да, понимаю, – кивнул я. – Мне хотелось услышать ваше мнение. Ваша поддержка очень важна.

Писаревский испытующе посмотрел на меня, и я опять подумал: а знаю ли я его достаточно хорошо, чтобы понимать, что им движет? И второе – ради чего он все-таки приехал?

Первый секретарь явно что-то не договаривал.

Я пригласил Писаревского пройти в наш банкетный зал. Свита осталась в предбаннике. Мы, наконец, были вдвоем.

Писаревский устало сел за стол, есть ничего не стал. Он задумчиво потер переносицу, снял очки.

«Ну, наконец-то, – подумал я, – сейчас разродится».

– Вы, наверное, уже знаете про изменения в нашем крае. В принципе, Игорь Алексеевич, – Писаревский помолчал, словно давая мне время оценить важность того, что он сейчас скажет, – будьте готовы к тому, что если новый, – он сделал акцент на этом слове «новый», – первый секретарь посетит наш город, я обязательно повезу его к вам.

Теперь мне все стало понятно. Ему хотелось собственными глазами увидеть то, что собирался продемонстрировать новому руководству. Я воспользовался возникшей паузой и тихо ответил:

– Я обязательно донесу это до сведения рабочего коллектива, Александр Сергеевич. Подготовимся, как надо.

Тот кивнул, как бы говоря: «Вот это я и хотел услышать».

А я тут же, без паузы, спросил:

– Как вы считаете, что случилось с Медуновым?

– Случилось то, что должно было случиться, – уклончиво ответил Писаревский.

Я недоуменно посмотрел на него. Мне давали понять, что лезть в эту тему дальше не нужно, но я не мог остановиться:

– И что же с ним будет?

– Насколько я знаю, его перевели в Москву, заместителем министра плодоовощного хозяйства, – сухо ответил Писаревский, словно заранее пресекая дальнейшие вопросы.

– Ни черта себе! – вырвалось у меня.

Писаревский изумленно посмотрел на меня.

– Это не очень хорошая новость, и прежде всего, именно для Сергея Федоровича. Я думаю, будет продолжение. – Он стал медленно подниматься, как будто желая что-то добавить, и по его губам скользнула легкая усмешка. – Так что с карьерой Медунова покончено.

«Как все быстро меняется, – подумал я, – еще вчера Александр Сергеевич с придыханием величал Медунова по имени-отчеству, а сегодня отпускает язвительные замечания».

– Мы будем готовы, Александр Сергеевич! – еще раз повторил я.

– Да, я думаю, мы у вас скоро снова появимся. Будьте готовы.

Писаревский кисло-вато улыбнулся, тепло пожимая мне руку на прощание.

Я вернулся в кабинет и набрал номер Славы. К счастью, он был на месте.

– Слав, привет! У меня только что был Писарь. Приезжал с проверкой. Похоже, у меня скоро будут гости.

– Какие? – Слава насторожился.

– Если новый «первый» пожалует, то Писарь повезет его ко мне.

Слава помолчал.

– Понятно. Надо чем-то похвастаться.

Конец фразы потонул в каком-то треске.

– Слав, ты тут?

– Да, да... – голос опять стал четким.

– Писарь сказал еще, что это не очень хороший исход для Медунова. Представляешь? По его информации, Медунова перевели в Москву на должность замминистра плодоовощного хозяйства. И дело этим может не закончиться. Я тебе говорил: история с Найденовым аукнется. И это еще не самый худший вариант для Медунова...

– Ты что имеешь в виду? Что могли и на пенсию?

Я ничего не ответил.

– Игорь, ты чего?

Меня словно озарило прозрение.

– Да вспомнил, как раньше все вставали, когда входил Медунов, в том числе и Горбачев. А теперь – Горбатый в Ставрополье – царем, а Медунов – все: был царь – и нет царя.

Слава хрипло рассмеялся.

– Главное в этой новости то, что она нас с тобой не касается, – сказал я вдруг резко.

– Как там Лида? – спохватился Слава.

– Все нормально. Отец у нее практически через день бывает.

Мы перебросились еще парой ничего не значащих замечаний и простились.

«Как все меняется, – крутилась в голове мысль. – И как все взаимосвязано. Так пианист, уводя мелодию наверх, подразумевает, что партия правой руки потащит за собой и левую».

Интересно, кого потащит за собой «уход Медунова»?

Я посмотрел в окно. На город опустились сумерки.

Леня Боднев со всей силы нажимал кнопку звонка, словно пытаясь выдавить все свои тревоги и проблемы. Дверь открыла жена.

– Ты чего так трезвонишь?

Леня ничего не ответил, ввалился в дом, не раздеваясь, прошел в кабинет и упал в кресло.

– Вот! – протянул он.

Жена испуганно посмотрела на то, что протягивал Леня – какой-то листок с мелко напечатанными буквица-ми.

– Повестка. Вызывают в прокуратуру.

Глаза жены тревожно округлились.

– Успокойся. Свидетелем.

– Чего? – наивно спросила супруга Леонида Аркадьевича.

– Чего-чего? По делу. По какому? Насчет кого? Ничего не знаю. – раздраженно проорал Леня. – Артамонов! Гельман! Анатолий Георгиевич! – взгляд его стал испуганным. – Думай, что хочешь!

– Что я могу думать? – спросила жена Лени.

– Похоже, я влип, – прошептал Леня и побледнел. – Дай мне телефон.

Леня взял протянутый ему аппарат и начал накручивать пальцем диск. Промахивался, попадая не в те дырочки.

– Тебе капли дать? – спросила Инна тихим голосом.

– Что ты сказала? – Леня повернулся в сторону жены, и она увидела, как прямо на глазах ее муж стареет.

Она тоже как будто окоченела. Застыла в полутьме парадной залы. Леня устало произнес в трубку: «С Москвой соедините» и продиктовал номер. Ждать ему пришлось недолго.

– Леша, это я, здравствуй.

– Леня? – голос отца был весел. – Вспомнил про старых друзей?

– Леш, не до шуток. Меня в прокуратуру вызывают.

Молчание на другом конце трубки стало напряженным.

– Ты с кем разговаривал?

– Это не наши. Это прокурорские из Москвы. Свидетелем.

– Перестань паниковать, – жестко, почти с раздражением процедил отец. – Что ты знаешь?

– Ничего.

– У кого-то из своих узнать можешь, в чем дело?

– Из наших никто ничего не знает. Уже спрашивал.

Отец не думал ни секунды.

– Леня, это не под тебя копают. Мой тебе совет: уходи. Ложись на дно! Не можешь сам – давай я помогу.

– Леш, ты что?

– Леня! Послушай меня, – отец говорил словно врач, объясняющий пациенту необходимость хирургической операции. – Уходи.

– Леш, может быть, просто все отрицать? Документов никаких нет. Все на словах.

Отец вздохнул.

– Леня, я сказал, что думал. Хочешь выкарабкаться – исчезни. Боишься? Тогда жди, что будет.

– Я понял, – простонал Леня. – Позвоню еще.

Леня уронил трубку на рычаг. Жена поднесла ему валокордин.

– Выпей, выпей... Надо бы лечь в больницу. У тебя может быть инфаркт.

– Да я бы только обрадовался, – страдальчески произнес Боднев, обвел взглядом свой, ставший вдруг таким чужим и опасным, кабинет. Каждая вещица здесь доставалась с трудом. За каждой тянулась целая история, при воспоминании о которой сердце бешено колотилось.

– Надо почистить здесь, – с трудом подбирая слова, прошептал Леня. Он махнул рукой, указывая на стены. – Почистить. Спрятать все, – на выдохе закончил он.

– Может, в гараж, а Лень?

– Какой гараж? Звони сестре, говори, чтоб они с Володькой немедленно приезжали. Пусть забирают все. Доказательств – не будет. Никаких! – повторял он словно заклинание. – Я тебя прошу. Звони сестре.

До самой глубокой ночи жена Лени звонила по своим родным, о чем-то договаривалась, а Леня собирал, паковал, а затем распаковывал и снова паковал все, что он раньше так любил. Все теперь вызывало у него только чувство горечи.

XVII

В зале для пленарных собраний было не протолкнуться. Никто толком ничего не знал. Люди шушукались, спрашивали друг у друга, что за срочность? С уст не сходили две фамилии: Медунов и Воротников. Все только и делали, что строили догадки.

Я оглядел собравшихся. Человек шестьсот, не меньше. Тут были все руководители города, депутаты, директора производств. Многие были удивлены и не скрывали этого. Кое-кто сидел с мрачным видом, словно говоря: для нас это не новость. Но таковых было раз-два и обчелся.

Писаревский поднялся на трибуну. Строго оглядел зал.

– Товарищи! – начал он и зачитал то, что и так все знали: – Постановление партии и правительства и назначении товарища Воротникова...

Вся эта официальщина заняла минут пятнадцать–двадцать. Затем он отложил бумаги в сторону, снял очки и посмотрел в зал.

– Товарищи, – повторил он уже доверительным тоном, – вы прекрасно понимаете, что первый секретарь обязательно будет знакомиться с краем. Наш город – промышленный. В первой пятерке края. Что он выберет? Не знаю. Но не исключаю, что Армавир будет первым. Поэтому, давайте договоримся... – Писаревский откашлялся.

По залу пронесся шепоток; люди то ли выражали солидарность со словами выступающего, то ли реагировали на возможность визита высокого начальства, все понимали значение этого.

– Чтобы предприятия были готовы, – продолжил Писаревский. – Это касается абсолютно всех. Заехать без предупреждения можем абсолютно на любое производство.

Так в крае поменялась власть. Никто в конце не аплодировал. Тихо, деловито, с серьезными лицами разошлись, словно предчувствие чего-то более серьезного, чем просто смена руководства, нависло мрачной тенью над всеми.

Леня Боднев, одетый в скромный серый твидовый костюм, тяжело поднимался по лестнице краснодарской прокуратуры. На середине пролета он остановился, утер лоб платком. Пот лил из него ручьем, хотя одет он был вовсе не тепло.

Перед дверью с номером тринадцать он остановился. Осторожно постучал.

– Войдите, – раздался голос.

Леня потянул дверь на себя так, как если бы она была из камня.

– Можно?

Он остановился в нерешительности в дверном проеме. Прямо напротив него за столом сидел абсолютно лысый мужчина в черном пиджаке. Черты его лица были массивными и выразительными, словно высеченными из камня.

Ни намека на улыбку. Он поднял голову. Глаза – мрачного серого цвета с почти стальным, тусклым блеском.

– Моя фамилия Боднев, – пролепетал Ленья.

– Входите, – не предложил, а приказал хозяин кабинета, и Ленья, словно шарик на ватных ногах, вкатился внутрь и упал на стул.

– Давайте повестку, – произнес собеседник.

Ленья судорожно вздохнул и протянул зажатую в руке бумагу.

– Моя фамилия Оффенбах, – сказал лысый человек.

– Как? – переспросил Ленья. Ему почему-то сразу стало хуже, слова долетали до него с трудом. Пот продолжал лить, но он уже не делал попытки утереть его. Он просто смотрел, как кролик на удава, на старшего следователя Генеральной прокуратуры СССР, пожаловавшего в Краснодар.

Оффенбах быстро втянул в себя воздух, словно хотел учуять, как пахнет страх, источаемый Ленией. Движения его были резкими, как у боксера. А потом он неожиданно улыбнулся холодной и острой, как бритва, улыбкой.

– Вам не имеет смысла отпираться.

– Что? – в глазах Лени потемнело.

– Я веду ваше дело.

– Какое дело?

Боднев набрал в грудь побольше воздуха, точно собрался нырнуть.

– Вы занимались преступной деятельностью в крае достаточно длинный период времени. В связи с этим по факту множественных эпизодов получения и дачи взяток вы привлекаетесь к ответственности.

– Что? – Ленья как будто перестал слышать.

– Вы арестованы, – сухо сказал Оффенбах.

Боднев икнул. Лицо его выражало неподдельное недоумение, как будто он наблюдал выступление иллюзиониста.

– Я вас не понимаю.

Оффенбах резко встал со стула, и тут Боднев почувал запах сыщика. Это был запах охотника, сидящего в охотничьем домике, в засаде, в стельку пьяного, и вдруг увидевшего дичь. Боднев это очень ясно почувствовал, он уже стал для этого человека просто дичью.

– Кто вам помогал? Кто давал указания в потребкооперацию о распределении машин? У нас есть показания по множеству эпизодов, что люди обращались к вам за помощью в приобретении машин. Вас может спасти только полное признание.

– О чем вы говорите? – прохрипел Леня. – Я простой часовщик.

Леня был в прострации. Такого поворота событий он никак не ожидал и испытывал сейчас такое же удивление, какое испытывает боксер, в самый разгар поединка обнаруживший, что ноги у него стали ватными, а руки утратили силу.

– Вот это и удивительно. Как простой советский часовщик мог решать такие вопросы? Понятно, что вы это делали не за красивые глаза. Вы получали деньги. Кому вы их передавали? Какие суммы?

– Товарищ начальник, мне нехорошо, – прошептал Леня.

Он в самом деле был близок к обмороку.

Следователь посмотрел на него безразлично. Только самая глубина его стальных зрачков свидетельствовала о том, что он доволен беседой.

– У вас есть несколько дней, чтобы хорошенько подумать, что вы будете отвечать.

Леня уловил только одну фразу, последнюю.

Следователь нажал на кнопку звонка. В дверях появился милиционер.

– В камеру его. Уведите! – отдал приказание Оффенбах.

Боднев начал с трудом подниматься со стула.

«Арестован» – звучало в его голове эхом. Как в потемках он двинулся прочь, ощущая спиной пристальный взгляд хозяина кабинета. У самой двери его вдруг остановил окрик:

– Боднев!

Леня оглянулся.

– Знаете ли, – неожиданно участливо сказал Оффенбах, – вы отнюдь не в самом безнадежном положении. Но вы именно в том положении, когда необходимо принять решение. Одно из двух. Если вы сознаетесь в содеянном, сможете привести в качестве смягчающего обстоятельства факты, что вас принуждали делиться деньгами, и назовете имя человека, который всему голова, то тогда, – Оффенбах сделал паузу, – тогда хороший адвокат сумеет добиться для вас двух-трех лет колонии. Что, как известно, на практике означает полтора года, а может быть сведено и к году, – почти весело добавил Оффенбах. – После чего вы выйдете по УДО. А я вам помогу, оформив ваше признание как добровольное. А теперь идите.

XVIII

Едва я вошел в кабинет, как раздался звонок от помощника Писаревского.

– Игорь Алексеевич, визит Воротникова состоится завтра, ориентировочно в час дня.

– Понятно. Мы будем готовы.

Я вытер со лба проступившую испарину. Мысленно еще раз прошелся по цехам. Все было подготовлено.

Воротников появился в сопровождении Писаревского точно в назначенное время. За ними длинным шлейфом следовала свита из разного рода помощников и руководителей рангом помельче. Я всмотрелся в нового первого секретаря. Высокий, представительный мужчина в очках. Орлиный нос, властный взгляд, черный костюм, рубашка в мелкую полосочку, одноцветный галстук, дорогие очки. Рядом спокойно, явно чувствуя себя в своей тарелке, стоял Писаревский. Он был в меру деловит и в меру подобострастен.

Я подошел к гостям. Поздоровался за руку, пригласил следовать за собой, любезно общаясь и сохраняя немного-

словность, что явно импонировало высокому гостю. Воротников отпускал какие-то короткие замечания, демонстрируя, что все понимает и схватывает на лету. В консервном цеху он с интересом взял в руки банку тушенки, повертел ее в руках.

– Это мне знакомо... – Он поискал меня взглядом, еще раз с интересом присмотрелся. – Так это вы нам поставляли на Кубу? – Он как будто просвечивал меня насквозь рентгеном. – Тушенка и печеночный паштет. Достойная, я замечу, продукция. Сам ел.

Я, честно говоря, был приятно удивлен.

В глазах Воротникова промелькнуло нечто отеческое и не искусственное, идущее от души. Должно быть, я, «нижестоящий товарищ», был для него олицетворением могучего и вечного, как сибирская тайга, воинства под названием «директорский состав предприятий», на котором и держалась вся наша экономика.

В моем поведении он уловил искренность и, кажется, даже ее оценил.

Мы прошли все цеха. Подошли к спортивному комплексу. Воротников с интересом осмотрел его. С восхищением присвистнул.

– Молодцы! Нечего сказать.

– А какой теннисный корт! – вставил Писаревский. – Такого уровня в городе просто нет. Да и в крае – считанные единицы.

– Да, вы просто молодцы, – повторил Воротников.

Я кивнул головой, всячески демонстрируя понимание важности происходящего, и, улучив момент, произнес:

– Спасибо за оценку. Но вот – постановление... Из-за него меня трясут по всем инстанциям. Не знаю, как найти выход.

– Так! – Воротников бросил на меня строгий взгляд, обернулся к Писаревскому, словно ища у того поддержки своим мыслям, затем окинул беглым взглядом толпящихся

за его спиной репортеров и обратился к своему помощнику. – Кто здесь представляет Первый канал, программу «Время»?

Помощник куда-то исчез, а через секунду появился с веселым молодым человеком, на боку которого болтался диктофон.

Воротников окинул парня взглядом.

– Вот что, возьмите интервью у товарища директора по поводу этого спортивного комплекса. Не связывайте только с моим визитом. Пусть это будет отдельным материалом.

Корреспондент сосредоточенно кивал, вытаскивая блокнот с ручкой.

– Если получится, постарайтесь поставить материал в спортивную часть вашего выпуска. В ближайшие дни.

Воротников махнул свите рукой, приглашая следовать за собой дальше.

Слегка обалдевший от этого неожиданного поворота событий, я замер, не зная – бежать ли за высоким гостем или оставаться с телевизионщиками?

Но Воротников уже направлялся к выходу, а ко мне подлетел растрепанный длинноволосый молодой человек в яркой болоньевой куртке и твердо взял за локоть.

– Товарищ директор, давайте пройдем вот сюда. – Он сделал кому-то знак, и рядом с ним тут же возник оператор.

– Конечно, конечно, – я подошел к самой сетке корта.

Оператор уже примеривался с объективом, ища выигрышный план.

– Создайте атмосферу. Пусть кто-нибудь поиграет на корте, – распорядился тележурналист. – А вас, – он взял меня снова за локоть, – можно вот здесь попросить встать?

Он о чем-то посоветовался с оператором, выбирая выигрышный фон за моей спиной.

Камера надвинулась на меня, я попробовал сосредоточиться, пытаюсь побороть волнение, облизал пересохшие губы.

– Я готов, – буркнул оператор.

– Игорь Алексеевич, мы готовы, – повернулся ко мне светловолосый.

Я кивнул, судорожно сглатывая слюну.

– Новости из Армавира, – бодро произнес, глядя в камеру, улыбочивый журналист.

Телевизионная камера надвинулась на меня. Микрофон на длинной «ноге» в «шерстяном носке» застыл в метре от моего лица, сотрудники, размахивая ракетками, забегали за моей спиной, изображая занятия спортом. Мать честная!!!

От утренней свежести не осталось и следа. На волне адреналина я глубоко вдохнул воздух, принял соответствующий случаю серьезный вид и начал говорить. Обозначил проблему, с которой столкнулся комбинат. Назвал способ решения, повторяя магические слова: госкапвложения, баланс, спорткомплекс...

Я произносил все внятно, отчетливо, пару раз оговорившись, и снова с ходу повторив. Все интервью заняло пятнадцать минут, не больше.

Как только я закончил молодой человек с растрепанными русыми кудрями и его команда тут же растворились в воздухе, как будто их и не было.

Я же не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. Сколько ошибок я сделал? Правильно ли обозначил проблему? Миллион вопросов бушевал в моей голове, но спросить ответы было не у кого.

Сколько событий!.. Визит нового первого секретаря, первое интервью, и сразу – программе «Время»...

К чему все это приведет? «Смелость города берет», – услышал я голос отца.

Я сидел дома один, вечером, перед телевизором, и в который раз проигрывал в мозгу ситуацию. Передо мной был чай...

Сколько дней им понадобится, чтобы сделать репортаж? Когда его покажут? Завтра? Послезавтра?

Тяжелый был день. Надо будет с утра позвонить Анне Григорьевне – узнать, как Сережа.

Я провел рукой по столу. Ни единой пылинки. Как Лидочка так могла поддерживать порядок? Ведь уже скоро неделя, как она уехала...

На экране японского телевизора появилась заставка программы «Время». Диктор сделал анонс про визит Воротникова в Армавир.

Политические новости. Новости культуры. Спортивный блок.

– А сейчас – новости спорта, – объявил с экрана обаятельный седоватый диктор. – Бывший чемпион по десятиборью, медалист 60-го года, намерен участвовать в Олимпиаде в качестве толкателя ядра.

Его голос потонул в мелькающих кадрах троеборцев. Я расслабился. Наверное, уже не покажут. Ну и ладно.

Снова появился лучезарный диктор:

– Наша съемочная группа побывала на Армавирском мясокомбинате, где по инициативе его директора Игоря Бабаева был построен новый спортивный комплекс. Три тысячи работников комбината имеют теперь возможность заниматься спортом, однако, и здесь не обошлось без проблем. Инициатива коллектива вступила в противоречие с постановлением...

Лицо мое напряглось. Я замер.

В черном костюме, бледный от волнения, я появился на экране с абсолютно каменным лицом и стал рассказывать о спортивном комплексе. За моей спиной сотрудники лупили теннисными ракетками по мячу, а я говорил...

Мне показалось, я говорил целую вечность, хотя на часах прошло чуть больше минуты.

– А сейчас – о погоде. – Диктор улыбнулся.

Зазвучала музыка.

Я сидел ошарашенный. Впервые в жизни видел я себя по телевизору – по главному каналу страны.

Воротников не обманул. Сделал, как и обещал. Придал всему моему делу невероятный размах.

Я вскочил, вышел на балкон, посмотрел на город, который раскинулся передо мной, сияя огнями, вернулся обратно. Меня колотило. Огромный экран только что вывел меня на какую-то новую, неизведанную орбиту – на всю страну я рассказывал о своей инициативе и о проблеме, которую она породила.

На следующий день, едва я переступил порог кабинета, как раздался звонок Гречаного.

– Ну и что будем делать? Видел я тебя вчера! Ничего не скажешь! Грамотно обрисовал ситуацию. Теперь все! Вылетай в Москву. Сам заварил эту кашу, сам и расхлебывай. Машина завертелась. Это уже в компетенции министерства. Не знаю, что они с тобой сделают, но решают теперь они. Собирайся в командировку.

Он положил трубку.

В голове вертелась только одна его фраза: «Машина завертелась».

Я посмотрел на часы. Дни становились все короче, осень окончательно уступила свои права наступающим холодам, но поля еще не запорошило снегом.

В Москве, как сказал отец, выпал снег, а у нас, в Армавире, еще каким-то последним усилием осень не отступала. Только облака стали плотнее и низко нависли над горо-

дом. Не сегодня-завтра и в Армавир придут холода, а там – и снежные сугробы.

Я подумал про Лиду. Как она себя чувствует? Беременная, она чутко реагировала на погоду.

Что бы ни случилось в министерстве, я полечу к ней, обниму! Интересно, когда ее выпишут? Вдруг удастся забрать ее с собой? Это было бы здорово!

Я нажал на кнопку селектора.

– Когда у меня самолет?

– Через три часа, Игорь Алексеевич, – голос секретарши звучал деловито и сосредоточенно, – ваши вещи стоят в приемной. Анатолий все привез. Я проверила.

– Спасибо.

Я снова бросил быстрый взгляд на часы, потом на папку с бумагами по спорткомплексу. Есть время пройтись по цифрам еще раз.

XIX

По прилету в Москву я направился напрямик к Мирошникову.

Тот серьезно посмотрел на меня:

– Любовался на тебя по телевизору. Звезда! – Он рассмеялся.

Я посмотрел на него с подозрением. Он смеялся долго, от души, и вдруг до меня дошло: смех то – дружественный. Моя инициатива была замечена, я обратил на себя внимание влиятельных персон, стал одним из них. И я тоже рассмеялся в ответ во все горло, словно мы были с ним заодно, а все остальное – не более, чем игра, условность, провоцируемая системой.

– Конечно, тебе по мозгам дадут. Но, скорей всего, выделят и средства, и ты возьмешь комплекс на баланс. Точка. Значит так, – он перестал смеяться, посмотрел на меня сквозь сильные очки с явным одобрением, – там сейчас идет коллегия, а ты сиди здесь и жди.

Всем своим видом он свидетельствовал о том, что мой спорткомплекс не заслуживает ни толики внимания на фоне глобальных проблем мясной промышленности страны, и что он готов немедленно оказать необходимую и, главное, действенную помощь.

– Не знаю, пригласят тебя на коллегию или нет? Но я там озвучу... Дождись результата.

Он вышел из кабинета. Потекли томительные часы ожидания.

Честно говоря, никуда меня не вызывали, ни на коллегию, ни на ковер.

Мирошников появился часа через два. Деловой, энергичный. Посмотрел на меня пристально и интригующе. Потом кивнул, мол, идем за мной.

– Вот приказ за подписью министра, – кинул он на стол бумагу с гербом. – За нецелевое использование средств объявить тебе и Гречаному строгака и создать комиссию, – он лукаво посмотрел на меня, – посчитать затраты и выделить объемы средств, необходимых для того, чтобы взять на баланс твой комплекс.

Мне показалось, что он мне подмигнул еле заметным движением век. Но я и без его поддержки странным образом становился все тверже, полный решимости отстоять свою точку зрения.

Однако все уже было решено и история со спорткомплексом закрыта.

Вечером я приехал к отцу.

Молчаливая Валя бегала из кухни к столу и обратно, тихо появляясь и внезапно исчезая.

Отец достал бутылку. Я поморщился.

– Пап, не сейчас.

– А я тебе и не предлагаю.

Отец уселся напротив меня.

– Видел тебя по телевизору. Что тебе сказать? – Он усмехнулся. – Мне Кузьмич звонил, сказал: Игорю крупно повезло, что был Воротников. В общем, он доволен. Интервью сработало. Правильный ход. Кузьмич сказал, что заваруха будет для профформы. Строгача вlepили?

– А-то как же?!

– Считай, легко отделался.

Он мрачно посмотрел на меня. Я неправильно истолковал его хмурое, напряженное выражение лица, я-то полагал, что ему следовало быть бы радоваться, но отец был явно чем-то озадачен еще. Нехорошее предчувствие кольнуло меня.

– Пап, Лида не звонила?

– Я ей звонил. У нее все нормально.

– Я завтра к ней поеду.

– Конечно, конечно... – Отец как будто не слышал, что я говорю, думая совершенно о другом, взвешивая и раздумывая, стоит ли об этом сейчас со мной говорить.

– Пап, что случилось?

– Перед тобой звонила Ленина жена – позавчера Боднева арестовали. И Швыдченко.

На меня словно навалилась огромная глыба льда. На скулах отца ярко вспыхнул лихорадочный румянец, словно пламя, горящее в комнате, где гуляет сквозняк. Отец хрустнул костяшками пальцев. Леденящая душу догадка озарила меня.

– Копают под Тараду, – продолжил отец. Лицо его стало каменным. – Не случайно убрали Медунова. Понимаешь? Бровин был прав. За Найденова ему отомстили. Но чтобы добить Медунова взялись за Тараду. Игорь, то, что сейчас происходит – это результат той борьбы.

– Спасибо за предупреждение.

– Ничего ты не понимаешь, – отец стукнул ладонью по столу. – Эта беда, возможно, придет и к нам.

Он опустил взгляд в пол, как будто силился там что-то отыскать.

Слова отца камнем упали на мою душу. Я на короткий миг почувствовал предательский холодок страха.

– Это настолько серьезно?

Между нами повисло молчание.

– Да, – протянул отец, и в этом его «да» было столько же ответов, сколько и вопросов. – Да... – Голос электрическим разрядом прошелся по мне. – Да, сынок...

Отец заметил, что я молча, в упор, смотрю на него, ожидая продолжения.

– Игорь, – тихо повторил он. – Любое неверное действие или слово может иметь последствия. Будьте внимательны. Ваше со Славой дело – сторона. – И он резко оборвал затянувшуюся, как ему казалось, беседу. – Давай ложиться, чего-то я устал сегодня.

Я погрузился в глубокий, поистине мертвецкий сон, а, проснувшись утром, обнаружил, что на удивление спокоен и готов к борьбе.

Прямо с утра, я помчался к Лиде в больницу. Всю дорогу меня не покидало волнение. Что скажут врачи? Ничего экстраординарного не происходило; отец сказал, что все идет нормально, но меня все равно не покидал страх, как будто мы оба с Лидой начали работу, которую нельзя было прерывать, не закончив. Мимо проносился поток машин, люди сновали по своим неотложным делам, город жил обычной жизнью, а я стоял среди этого моря людей, отрешившись от всего и вся, в ожидании чего-то невероятно важного.

Здание поразило меня своей чистотой и ощущением какой-то подспудной надежности.

Я поднялся на седьмой этаж. Рука затекла от сумки с гостинцами, что собрала для меня Валя – она словно

решила, что Лидин недуг отступит под напором яблок и апельсинов.

У Лиды была отдельная палата. Она выглядела немного растерянной, но отдохнувшей, загадочной, как будто новая жизнь, что зародилась в ней, даровала ей прозрение и способность слышать нечто сокровенное.

Поправившаяся, с огромными глазами, сияющими на бледном лице, Лида казалась Мадонной. Она держала руки на животе, как будто боялась что-то выронить. Она подняла голову, когда я вошел, и встретилась со мной взглядом – губы ее дрогнули, она загадочно улыбнулась.

– Я знала, что ты сейчас придешь. И не говори, что я не умею читать твои мысли.

Я подошел к ней тихо, осторожно, словно она была хрупкой хрустальной вазой, которая могла разбиться от одного только взгляда.

– Что говорят врачи?

– Да они уже готовы меня отпустить. Только результата последних анализов надо дожидаться. Сегодня вечером принесут. Да ты сам спроси.

– Значит, ты можешь лететь со мной?

Она задумчиво посмотрела на меня.

– Конечно. Никаких угроз нет...

– Ну, Лидочка! Это же чудесно! У меня все решилось со спорткомплексом, я потом тебе расскажу.

– Да? – Глаза Лиды вспыхнули. – Я знала, что у тебя все получится, только говорить не хотела.

– Меня показывали по телевизору.

– Как жаль, что ты не предупредил! Я ведь могла посмотреть. Надеюсь, ты был в приличном костюме? – спросила она обеспокоенно.

Я посмотрел на нее с обожанием.

– Ну вот, – неправильно истолковав мою улыбку, грустно произнесла Лида, – без меня о тебе заботиться не-

кому. – Она вздохнула. – Все утро думала о тебе. Глаза закрою и твое лицо вижу – как воочию. Даже когда не хочу думать, все равно вижу, – она улыбнулась. – Даже когда обо всем на свете забываю – тебя вижу. Что это?

– Я знаю, но не скажу. – Улыбка озарила мое лицо.

Я поправил краешек одеяла.

Сейчас Лида выглядела очень юной, соблазнительной, несмотря на то, что от многочисленных таблеток, которыми ее пичкали врачи, она сильно поправилась.

Словно услышав, о чем я думаю, Лида обеспокоенно на меня посмотрела.

– С тобой хотела поговорить моя лечащая врач. Ничего серьезного. Просто рекомендации по уходу. Я все записала. Но все равно...

– Я подойду к ней, Лидочка, не волнуйся.

– Я очень странно себя чувствую. Будто что-то происходит. – Она показала на живот. – Это такие странные ощущения. Но... Это потом...

– Значит, я тебя забираю!

Мне хотелось кричать.

– Что врачи говорят насчет самолета?

– Лететь можно.

– Прекрасно. Вот увидишь, дома будет лучше.

– Еще бы. Мне так надоело здесь лежать. Только ты меня не оставляй одну надолго, обещаешь? Я уже не смогу отвыкнуть от той заботы, к которой ты меня приучил.

Лида нежно на меня посмотрела. Она казалась немного отсутствующей, взгляд ее был с паволокой, словно она исполняла невероятно тяжелую, но очень важную работу над нашим миром.

Лида была сказочно прекрасна, луч солнца из окна вдруг упал на ее волосы и осветил их, точно пламенным нимбом, подчеркнул овал лица. И врачи в белых халатах

сновали за приоткрытой дверью, словно ангелы, готовые исполнить самые светлые наши мечты.

– Все хорошо, Игорь, – снова прошептала она одними губами. – Все будет хорошо.

Если бы рядом был кто-то, чей голос слышит Бог, как бы я хотел, чтобы он помолился за нас. Он бы нашел простые слова, которые дошли бы прямо до ушей Бога, чтобы объяснить ему, как я счастлив.

Страх, который грыз мою душу все эти дни, отступил.

– Ладно, Лидочка, я пойду пока поговорю с врачом, а ты – отдыхай.

На следующее утро я с Лидой вылетел в Краснодар.

XX

Наступил новый, 1982 год. А следом и праздники сменились буднями.

Следствие продолжалось, но в какой оно стадии и что происходит с нашими друзьями на самом деле – никто не знал. Жизнь катилась своим чередом.

В то утро отец с утра был на работе – дел было невпроворот. Только в обед он наконец-то позвонил Вале.

– Валя, Миша Гилядов прилетел. Вечером мы собираемся встретиться. Посидим. Собери там что-нибудь на стол.

Валя что-то послушно затараторила в ответ.

Отец не стал говорить ей, что Гилядов прилетел по неприятному делу – его вызывали свидетелем в Генеральную прокуратуру.

Спокойствие покинуло отца. Он перебирал в уме различные варианты развития ситуации. Мысли волнами накатывали на него, то отпуская ненадолго, то вновь погружая в свою пучину.

Весь день был очень яркий, небо сверкало над всей Москвой, а мидовская высотка на Смоленской площади просто купалась в сиянии неба и солнца.

Только к вечеру стало пасмурно, и обаяние столицы сразу поблекло. С Гилядовым отец встретился у Главка. И вскоре оба ввалились домой, немного продрогшие и напряженные.

Валентина открыла почти сразу, будто караулила под дверью. Она была в простеньком платье, в фартуке. При виде Гилядова ее вечно усталое лицо оживилась.

– А, Миша, здравствуйте!

Алексей молча протянул Вале две сумки. Та покорно приняла их и исчезла.

– Проходи, проходи, – отец потащил Мишу в гостиную, указал рукой на кресло, разлил по стопке. – Давай согреемся.

Телевизор что-то вполсилы урчал. У Гилядова было усталое, измученное лицо, словно он не спал три дня, да, собственно, так оно и было с того момента, как он получил повестку и отправился в Москву. У него была только одна надежда на то, что Алексей одному ему ведомыми путями как всегда все уладит.

Они никогда не темнили друг с другом и, наверное, считали себя связанными узами братства – более сильными, чем узы крови. Они доверяли друг другу и всегда оказывали помощь – будь то в делах семейных или коммерческих.

Но сейчас все обстояло гораздо серьезней.

Отец дождался, пока Валя прикроет дверь. Тяжело посмотрел на Мишу. Ему было неприятно говорить то, что он сейчас хотел сказать, но другого выхода он не видел.

– Не ходи туда, Миша.

Гилядов растерянно посмотрел на отца огромными миндалевидными семитскими глазами, как бы говоря: «Но как не пойти? За ними же – сила».

– Тебе мало примеров? – устало просил его отец. – Боднева арестовали. Мне его жена рассказала. Позвали как свидетеля. И там же арестовали. Как собаку, закрыли. С тобой поступят так же. Ты оттуда не вернешься.

Отец внимательно заглянул в глаза Гилядова. В самой их глубине сквозил страх. Неподдельный.

Алексей перешел на татский.

– Послушай меня, би рор мз¹, беги от этого дела без оглядки. Лучше всего – прям от меня езжай на вокзал, хватай билет, какой дадут, и катись отсюда к чертовой матери! Это единственный способ не сесть!

Гилядов подавился. Зашелся в кашле. Отец не прерывался.

– Я Лене это говорил – не послушался. Теперь, наверное, жалеет. Пойми! Под Тараду копают. Цепляют тебя, чтобы в конечном итоге выйти на Толю. Ты это понимаешь?

Гилядов отрицательно покачал головой и тревожно спросил:

– Ты думаешь, они все знают?

– Они не дураки. А ты думаешь, они не знают, что у тебя было в Дагестане и как ты свалился на Кубань? Обставляют всех, кто приближен к Тараде. Тебе что, не понятно?

У Гилядова было ощущение, что только Алексей в состоянии избавить его от пут сковавшего страха, и он все более частил и частил, пытаясь как можно точнее передать все детали того, что он уже не раз рассказывал своему другу, словно в очередной раз надеясь поведать нечто, что могло бы помочь Алексею придти ему на помощь.

Выпитая водка его не пьянила. Руки ерзали по коленям, выдавая возбуждение, которое никак не могло найти своего выхода.

1 брат мой

Но отец не дал ему успокоиться. Тщательно подбирая слова, он стал загибать перед Мишей пальцы.

– Артамонов – сидит, Швыдченко – сидит, Леню – посадили. – Он замолчал, словно давая Гилядову осознать смысл этих слов. Тембр отцовского голоса был богат на нюансы, он играл им, как на музыкальном инструменте, твердо, убедительно. – Ты следующий, Миша. Им надо расколоть все Толино окружение. Расколоть и собрать информацию. Ведь кто-то же дал показания на Боднева. Ты об этом подумал? И это не чужие нам люди. Это были свои.

– Леш, ты, наверное, прав. Я подумаю, – почти истерически пролепетал Гилядов.

– О чем думать? – продолжал давить отец.

– Леша, Боднев и Швыдченко – это друзья. Они будут молчать.

– Миша, слышал я эту сказку про белого бычка. На деле же все, кто там оказываются, начинают говорить.

Гилядов облизал пересохшие губы.

– Неужели им под силу арестовать Анатолия?

– Сейчас речь не о нем, а о тебе! – Жестко прервал его отец. – Надо бежать. Залечь на дно.

– Но куда? – чуть не плача, спросил Гилядов, и его лицо пошло пятнами.

– Куда глаза глядят.

Гилядов весь как-то понуро сник в ответ. Он потерял надежду. И тогда он принял для себя решение. Единственно возможное.

– Я подумаю, Леша. Наверное, ты прав! Я пойду. Завтра. Отдохну, и поеду...

К Мише как будто вернулось второе дыхание. Теперь только надо было добраться до гостиницы, выспаться, а утром – сразу на вокзал.

Утром отца разбудил звонок. Он с трудом разлепил веки, посмотрел на часы. Кого это в такую рань принесло?

В трубке раздался голос Гельмана. Сон как рукой сняло. Отец поднялся на кровати. Потер виски. Серdito посмотрел на Валю. Прижал плотнее трубку к уху.

– Леша, меня пригласили в одно место, – начал Гельман, будто в ноздри ему засунули два ствола, настолько неузнаваем стал его голос.

Отец его прервал.

– Не продолжай. Я знаю, о чем ты говоришь.

Гельман замолчал. Или это что-то со связью? Алексей не понял. Он сердито дунул в трубку. Связь как будто стала лучше. Но вот треск... Этот бесконечный треск, который вот уже несколько дней странным образом появился в трубке.

– Миша, – отец повысил голос, – тебе это место не нужно. Уходи.

Гилядов что-то прохрипел. Алексей не расслышал.

– Перезвони мне, – велел он.

И в этот момент связь прервалась.

– Черт знает что!

Алексей сердито бросил трубку на рычаг. Поднялся.

Возбуждение, в котором он пребывал со времени встречи с Гилядовым, не покидало его. Он словно пребывал в ожидании. А чего, и сам не осознавал.

Уже предвкушал, как скоро полетит в Кисловодск, к отцу и матери. Ему всегда требовалась подпитка, когда дела в Москве начинали идти вкривь и вкось. После визита домой сразу все становилось на свои места.

Он начал собираться на работу.

Из кухни уже потянуло кофе. Валя приступила к своим обычным ежедневным обязанностям.

Через полчаса под окнами появится его служебная «Волга» и все пойдет как всегда по плану, по раз и навсегда проторенной дорожке, так что не останется места для всякой двусмысленности.

Сегодня ночью ему приснился Исай. К чему бы это? Алексей не успел додумать, как снова зазвонил телефон.

Однако же сегодня происходило нечто весьма необычное.

Он поднял трубку.

– Леша! – вонзился в уши женский крик. Алексей инстинктивно отставил трубку от уха, но не узнать этот голос было невозможно. Это был голос жены Гилядова.

– Что случилось?

– Ты ничего не знаешь? – Она истерически кричала. – Мишу забрали. Сегодня утром. Мне позвонили... – Она не договорила, начала рыдать, по-бабьи, с воем. – Я знала, знала, что это случится.

– Ради бога, успокойся.

Отец впервые не знал, что сказать. Он просто не находил слов.

– Когда это случилось?.. – отец прервался на полуслове.

Жена Гилядова что-то бубнила, спрашивала, что делать.

Отец отвечал. Голос его был сосредоточенный, сухой. Но попроси его в этот момент повторить то, что он только что сказал, он бы этого не сделал. Мысли его были далеко.

Страшная догадка пронзила сознание.

Миша ведь собрался уходить утром из гостиницы. И этот странный треск в трубке, что появился с недавних пор. Неужели его прослушивают?

Да нет, это перебор. Это просто нервы. Он кое-как успокоил жену Гилядова. Положил трубку и, ошарашенный, пошел к выходу.

Мысль, что его прослушивают, не выходила из головы. Но он ее прямо гнал прочь.

Исай ему позвонил на следующий день сам. Поздним вечером.

Всю ночь ему снились какие-то дурные сны. Утром он проснулся с чудовищной головной болью. Позвонил в Главк, сказал, что сегодня не появится.

– Если что-то срочное, звоните.

Валя сновала по квартире, боясь произнести хоть слово.

Ближе к вечеру раздался оглушительный трезвон междугородней, и он услышал в трубке хитрый тенорок Исай. Только сейчас его голос звучал глухо и как-то бесцветно.

– Леша, это я.

– Я тебе хотел звонить.

– Я и без тебя все знаю. Я прилетаю завтра.

Отец почему-то совсем не удивился. Вспомнил свой сон.

Чутье опять не подвело Исай. Стоило только в воздухе запахнуть жареным – и он уже был тут как тут.

Вечером следующего дня отец встречал Исай в аэропорту «Внуково». Еще издали он увидел его юркую, маленькую фигуру. Годы немного ссутили его, не изменив главного – харизматичную походку и энергию, сквозившую в каждом движении.

– Здравствуй, Лешенька.

– Ну ты и баулов набрал! – заметил Алексей. – Домой же приехал.

– Я с пустыми руками не могу!

Они уселись в служебную «Волгу» Алексея.

– Как там Лиза? – спросил отец, когда водитель вывернул на шоссе.

– Пока неплохо, – в голосе Исай зазвучали нервные нотки. Он начал терзать свою пуговицу. – Но сам понимаешь, чего можно ожидать после второй операции.

Алексей промолчал.

– Пришлось ей помучаться. Я не перестаю надеяться, – отрешенно произнес Исай.

– Да, будем надеяться, – эхом отозвался отец.

– Как дети?

– Все в порядке, – отец улыбнулся, – Игорь недавно улетел вместе с Лидой. Слава бывает чуть реже. Такие вот дела...

– Да, Леш, ты молодец. Таких ребят в люди вывел!

Машина затормозила у дома на улице Новаторов.

Валя бросилась хлопотать на кухню, резать закуски, мясо, через минуту по всей квартире распространился терпкий аромат узбекской дыни.

Они сидели в гостиной в полной и многозначительной тишине. Алексей заметил, что Исай изменился – лицо его вытянулось, нос заострился. Только взгляд оставался таким же цепким и настороженным.

– Все, что сейчас происходит, говорит о том, что они возьмут Тараду, – продолжил Исай. – На днях или через неделю – неважно. Но они его возьмут.

Он вскочил с кресла и забегал по комнате, словно тигр в клетке.

– Леш, его надо уводить. – Взгляд Исая сверкал. – Фьють, – Исай присвистнул, – и испарился!

Отец молча посмотрел на Исая. В дверях появилась Валя. Отец предостерегающе поднял руку, мол, не сейчас, оставь.

– Вариантов нет. Это вопрос дней, а может быть и часов! Как пить дать закроют... – повторил Исай. – Ты должен с ним переговорить, – он произнес это убежденно, словно это было единственно возможным решением.

– Да, хорошо. Приглашу к себе на завтра.

– Сейчас, – перебил его Исай. – Сделай так, чтобы он приехал сейчас. Заинтригуй.

Отец кивнул. Взял в руки телефонный аппарат. Набрал номер.

– Анатолий, у меня есть очень серьезная информация. Подъезжай прямо сейчас. Надо срочно увидаться.

Метель разразилась страшная. Казалось, она заметет Москву по самую макушку. Алексей периодически поглядывал в окно, наблюдая, как снег выбеливает улицы. Если бы не горящие окна в домах напротив, можно было бы подумать, что за окном – безлюдная зимняя степь.

Тарада приехал незамедлительно. Стол был накрыт, но собеседники почти не притрагивались к еде. По лицам их метались всполохи света, когда они наклонялись ближе к лампе.

– Толя, смотри. – Отец развернулся к Тараде всем корпусом, в глазах его полыхнул огонь, и он показал ему свою пятерню. – Наши товарищи сидят: Артамонов, Беляков, Швыдченко, Боднев...

– Да, беда... – эхом отозвался Тарада.

Отец хрустнул костяшками пальцев.

– Ты за них не переживай. В их жизнь пришла определенность. А вот ты стоишь на распутье. Или ты пойдешь туда – к ним, или ты пойдешь своей дорогой...

– Ты это о чем? – отказываясь понимать, удивленно переспросил Тарада.

– Толя, не валяй дурака. Все ребята, которых взяли – так или иначе были завязаны на тебя. Ну, а Боднев – это просто ходячая энциклопедия. Как думаешь, сколько шансов, что он не наболтает про тебя?

Зрачки Тарады стали огромными, как будто под ногти ему загнали иглы.

– Шансов, что он не заговорит, никаких. Исай подтвердит, – отец кивнул в сторону Исая.

– Молчунов там мало, это факт, – эхом отозвался Исай.

– Тебя заберут. Может быть, даже очень скоро.

– Ну, я, вообще-то, заместитель министра, а не часовщик из будки.

– Ты в какой стране живешь, Толя? – воскликнул Алексей, но затем понизил голос и продолжил уже доверительно. – Может быть, дело и не в тебе вовсе. Пока Леня дышит, Медунова вряд ли посадят. Но пощипать его окружение они точно пощиплют.

Тарада затравленно посмотрел на Алексея.

– Толя, уйдешь – и спасешь себя.

– Да ты с ума сошел? – словно очнулся тот. Он дико посмотрел на Алексея.

– Исай укроет тебя там, где никто не найдет.

– Куда я сбегу? – Тарада вдруг истерично расхохотался. – Я ж не иголка в стоге сена... Я – заместитель министра...

– Анатолий, давай начистоту, – перебил отец и перешел на еле слышный шепот, – тут ведь дело не в отсидке. Здесь сроком отделаться – это постараться надо. Не будем лукавить, – отец в упор смотрел на Анатолия, – то, что вас связывало с Леней, красивые камушки, всякое другое, это ведь не игрушки. В нашей стране есть и используется особая мера наказания!

Отец не отводил от Тарады взгляда.

Тот почувствовал, что задыхается, и, сощурившись, как от нестерпимой боли, и судорожно пытаясь ослабить удавку галстука, прошептал:

– Леща, родной ты мой, я чувствую, что попал в колоссальную беду. Куда мне скрываться? А семья, а дети?

Исай перебил:

– Так скроешь и вернешь. Поверь мне. А там ты просто расстанешься с жизнью. Или заговоришь. Поверь мне.

Тарада никогда еще никогда не выглядел таким растерянным.

– Я чувствую, что попал в страшную беду, – прошептал он снова.

– Никакой другой альтернативы нет, пойми это наконец. Вот, – отец кивнул на Исая, – с ним есть шанс уйти. Он имеет опыт в этих делах...

Тарада блуждающим взглядом обвел комнату и установился в окно, за которым мела вьюга. Голос его прозвучал безмерно одиноко.

– Мне надо подумать.

– Толя, времени нет думать!

– Леш, завтра я тебе позвоню, и мы договоримся обо всем.

– Нет. Мы встречаемся в аэропорту с утра. Я тебя увезу. Все! – отрезал Исай.

– Хорошо, я согласен, завтра, в аэропорту, – Тарада повторил это почти как в бреду, как глубоко больной или морально сломленный человек.

Алексей, стоя у окна, наблюдал сверху, как Тарада, шатаясь точно пьяный, выходит из подъезда и пробирается к поджидавшему его такси.

Его товарищ словно скукожился, сильно нагнувшись вперед, чтоб преодолеть пургу, бьющую в лицо.

Алексей все смотрел на него, пока Толя не уселся в машину и та не скрылась из виду за углом. Только тогда он обернулся к Исаю и спросил:

– Ну, что думаешь? Додавили мы его?

– Я думаю, додавили, – захихикал тот в ответ. С его лица по-прежнему не сходило азартная ухмылка, прилипшая, словно маска. – Прятать его надо! – Исай ударил кулаком по столу. – Тут вопрос о твоих сыновьях встает...

Алексей потемнел лицом.

– Я волнуюсь за них. Если возьмут Анатолия, то они первые могут попасть под удар, они имели с ним прямой контакт.

– Ты думаешь, он потянет их за собой?

Алексей ничего не ответил, вместо этого спросил:

– Так ты сможешь его взять с собой?

– А что? – глаза Исай загорелись. – Выйдет завтра после работы, сядет в машину – и все. В жизни никто не сыщет. – Исай закашлялся... – Завтра будет непростой день.

– Да, пора спать, – согласился Алексей.

Он погасил в комнате свет, но так и остался стоять у окна, вглядываясь в ночные сумерки, как будто силился что-то там разглядеть за сплошной стеной мрака, который подбирался все ближе.

На следующее утро небо по-прежнему было сплошь затянуто стальными тучами. Снегопад не прекращался.

Алексей и Исай завтракали на кухне.

На кухню заглянула Валя, таща на длинном шнуре телефонный аппарат.

– Тебя, – сказала она отстраненно.

Алексей недовольно взял трубку.

– Леша, это Ольга Тарада беспокоит, – услышал он задыхающийся от волнения, женский шепот.

– Ольга?! Что случилось! Слушаю!

– Толю арестовали.

– Когда? – оторопело переспросил отец.

– Утром. Рано утром. Около семи. Позвонили, предъявили бумагу – санкцию от прокурора, увезли! – голос Ольги дрогнул, она зарыдала в голос, не стесняясь.

– Ну что ты... – начал успокаивать отец, сам не соображая, что говорит. Он отвечал почти машинально, только затем, чтобы гнетущая тишина не затопила его сознание. Лучше говорить. В минуты опасности это проясняет ситуацию.

– Ты можешь как-то помочь? Узнать, повлиять? – голос Ольги был полон ужаса. – Я не знаю к кому еще обратиться. Все телефоны молчат.

– Это так бывает, когда беда, – отец не знал, что еще сказать. – Я позвоню, – пообещал он глухо и положил трубку.

Исай выжидающе смотрел на него своими черными, как свежееуложенный асфальт, глазами.

– Опоздали мы, – сказал Алексей тихо, – его взяли.

– Надо было мне дураку его прямо отсюда под белы ручки забирать. Уже были бы на месте! Ведь могли бы успеть!

– Сейчас-то что корить себя? – спросил отец на удивление спокойно, к нему уже вернулось прежнее самообладание, – ничего уже не изменишь.

– Да, Леша, надо думать про завтрашний день, – согласился Исай. – Что у тебя было с Тарадой? Как вы с ним общались?

Отец потер кончик носа, словно желая стереть нехорошее предчувствие. Он знал, что растерянность – это последнее, что может помочь в этой ситуации. Надо было упереться рогом, но противостоять.

– Нет, здесь ничего быть не может. Я с ним дел не имел, – отрезал Алексей. – Кое-что он, конечно, знал, но это все болтовня, не более. Нет, никаких дел, – повторил он убежденно и жестко. – Да меня это и не волнует.

– Может быть, надо все-таки что-то предпринять? – Исай воскликнул это так, как будто пол под Алексеем начал проваливаться.

В глазах отца заплясали огоньки.

– Да если только в Орджоникидзе....

– Что там?

– Я-то сам там не участвую лично. Там один надежный парень всем крутит.

– Леша, участвуешь – не участвуешь, надо все закрыть к чертям!

Отец нахмурился, молча и пристально посмотрел в глаза Исаю, словно желая проникнуть в глубину его со-

кровенных мыслей. Но ничего не увидел, кроме моря озабоченности, которое плескалось в зрачках друга.

– Не забывай, что ребята о тебе могут порассказать. Как ты жил, что ты тратил! Откуда? Ты заметная персона! Как ты думаешь, реакция будет или нет? Займутся они тобой или нет? Опасность есть. Спрячь концы. Нужно срочно выезжать туда.

– погоди, я же не могу вот так просто, без предупреждения сорваться, – сердито осадил Исяя отец. Он с силой провел руками по волосам, словно собираясь стереть ненужное возбуждение и снова обрести ясную голову. Голос его был твердым. – Сделаю себе командировку, и дело с концом. Днем и полечу. По дороге позвоню ему и скажу, чтоб все закрыл и ждал нас в аэропорту.

– Правильно делаешь, Леш. Нам нужно обогнать их...

Алексей внимательно посмотрел на Исяя, будто первый раз его увидел таким:

– Ты думаешь, уже пора?

– Леша, все может быть. Действовать надо на опережение! Даже давай так. Дай мне его телефон, я сам позвоню, поверь, он меня поймет.

– Договорились.

В этот момент отец уповал на опыт Исяя. Тот лучше знал ту страшную систему, с которой они столкнулись.

Отец вошел в своей кабинет. Не раздеваясь и не снимая пальто распорядился оформить себе командировку, позвонил Зинякову, сказал что-то незначительное, объяснил, что будет отсутствовать пару дней, мол, дела на Кавказе, назвал фамилию представителя от Росшвейторга, чтобы Зиняков в случае чего подтвердил.

Все выглядело абсолютно естественно – обычные дела, срочный вылет. Затем заказал два билета на рейс и набрал свой домашний номер:

– Валя, Исяя позови.

В трубке что-то зашуршало, Алексей слышал, как Валя кричит испуганным голосом:

– Исай! – потом далекое «Бегу!» и нетерпеливый голос Исяя:

– Да!?

– Внуково. Там же, – отдельно и четко произнес отец, ничего больше не добавляя. Исай все понял и деловито произнес:

– Договорились.

Отец тут же положил трубку. Внимательно оглядел кабинет. Посмотрел на часы – время еще было. Секретарь доложила, что бумаги готовы. Алексей молча кивнул, запер ящик стола и вышел из кабинета.

В аэропорт они подъехали почти одновременно. Там сновали люди, проистекала какая-то размеренная, упорядоченная жизнь. До объявления посадки оставалось еще порядочно времени.

Отец и Исай стояли у огромного окна, за которым раскинулось взлетное поле. Перед ними садились и взлетали самолеты. Со своими портфелями, в шапках-«пирожках» и строгих пальто мужчины казались просто случайными попутчиками-технарями, перебрасывающимися ничего не значащими общими словами.

– Леш, я позвонил, – не глядя на отца, говорил Исай.
– Твой человек будет нас встречать. Мы с ним тут же вылетаем в Узбекистан.

Алексей кивнул.

– Очень хорошо. А я все закрою, не подкопаешься.

– Ты на сколько дней улетаешь?

– Думаю, за несколько дней там управлюсь. На обратном пути своих проведу, давно не заезжал.

– А я твоего товарища подальше у себя припрячу, ни одна собака не найдет.

Алексей ничего не ответил. Он считал про себя даты, цифры, пытался вспомнить, не забыл ли чего важного, какие-то «хвосты». Вроде, ничего не упустил. Застолья, подарки – это просто мелочи. Нет, ничего серьезного за ним нет.

Голос дежурного объявил посадку на Минеральные воды.

– Ладно, я пойду, – сказал отец. Исай молча кивнул. Подождал, затем деловито пошел следом за Алексеем, словно один из многих пассажиров, спешащих на рейс.

В самолете они сидели отдельно друг от друга. И так же порознь вышли и направились каждый по своему пути.

XXI

Февральской ночью в нашей армавирской квартире раздался резкий настойчивый звонок. Лида, заспанная, подошла к телефону. Сквозь полудрему я слышал, как она сонно шепчет:

– Алло! Кто это? Алло? Лара?

На несколько секунд воцарилась звенящая тишина, потом ее прервал резкий Лидин крик:

– Н-е-е-е-т!

Я мгновенно подскочил, бросился к Лиде в полный уверенности, что случилось что-то нехорошее. В руке она сжимала телефонную трубку, из которой доносились зловещие короткие гудки – наверное, связь прервалась. Похоже, Лида этого не осознавала. Ее лицо застыло в маске страха, словно каменная белая стена, и я испугался, испугался больше всего на свете, что это что-то с ребенком, и бросился к ней, только чтобы она не стояла вот так!

– Лида, тебе плохо?

Она ничего не говорила, ее словно парализовало, рот ее судорожно сжался, она силилась что-то произнести, но не могла. Тонкое надрывное «и-и-и» повисло на ее губах.

– Что случилось? – почти закричал я. – Да не молчи ты... Ну? Что! ?

Она с надрывом, еле разжимая зубы, произнесла:

– Илюша разбился...

Лида пошатнулась, я еле успел подхватить ее на руки, усадил на стул. Ее била дрожь. И вдруг она стала кричать: «Нет, нет, нет!»

Ужас охватил меня.

Лида вцепилась в мое плечо. Завыла. Я крепко обхватил ее, как только мог.

– Успокойся родная, успокойся.

– Надо к Ларисе ехать... Я не оставлю ее, – рыдая повторяла Лида. – Одна, с двумя детьми... Игорь, нет, нет, нет...

Казалось, что ее боль передавалась стенам, воздуху, всему миру.

– Лида! – почти закричал я. – Успокойся. Подумай о ребенке. Ты уже ничего не изменишь.

– Я не могу бросить Ларису одну!

– Лида, я понимаю. Но ты... Тебе нельзя так волноваться!

– Я должна к ней ехать.

– Я бы вообще не ездил на похороны! Ты ничем не можешь!

– Игорь, я не могу не ехать.

– А навредить малышу можешь?

– Нет, нет... Я не наврежу. Я знаю... Я должна. – Она снова захлебнулась в рыданиях.

– Хорошо. Сейчас ночь. Давай сейчас ляжем, утром встанем и поедем.

Мне удалось ее уговорить подождать хотя бы до утра.

Я пытался уснуть, но воспоминания бесконечным хороводом крутились в голове.

Илья был не чужой мне человек. Старше меня на несколько лет, он так часто приговаривал: «Тебя беречь надо, ты у нас особенный!». А себя сберечь не смог.

Боль утраты выворачивала меня наизнанку. Сколько я ему не сказал хорошего, сколько не сделал...

Как это могло с ним произойти? Он же был аккуратистом, водил машину очень осторожно... Мысли одна другой ужаснее кружились в голове.

Едва забрезжил рассвет, Лида открыла глаза:

– Давай собираться, Игорь.

Я моментально вскочил. Сережу отвезли к нашему водителю Киму, его жена Валя его любила и всегда выручала, если надо было посидеть с нашим сокровищем.

Мы с Лидой сели в машину и выехали в Кисловодск. В дороге молчали. Каждый думал об одном и том же: оплакивали Илью, жалели Ларису, их детей...

Ворота дома были открыты настежь. Двор был полон народу, в ушах стоял женский вой, от которого не было возможности укрыться.

Лида с почерневшим лицом вступила в круг женщин, которые тут же ее обступили. На шею бросилась сестра Илья Алла.

– Ой, Лидочка, горе-то какое! Ой, не знаю, как мы жить будем, – рыдала она, – он же был главным в доме! Гарика-то забрали, последний кормилец был, – захлебывалась она в реве.

Ко мне подошел Илья Владимирович:

– Это кошмар, Игорь... Ты его видел?

– Нет. Уже здесь?

– Да, только что привезли, подняли на второй этаж.

Я склонил голову, не мог заставить себя подняться и увидеть друга мертвым.

– Кошмар, – повторял и повторял Илья Владимирович.
– Только все случилось, еще и не похоронили, а уже началась дележка.

– Какая дележка? – переспросил я.

– Да, Юшваевы подходили, говорили, что Илья им был что-то должен. Уже сейчас спрашивают, как это все будет решаться, представляешь?

– Подождать что ль не могут, к чему спешка?

– А-а-а! – Илья Владимирович махнул рукой. – Не знаю. Я не хочу марать руки в этом дерьме. Пусть делают, что хотят...

Я стоял потерянный, опустошенный. Ко мне подходили люди – знакомые, друзья, родственники, высказывали слова соболезнования.

Все это казалось каким-то ненастоящим, нереальным. Анна Григорьевна, вся в слезах, упала мне на грудь.

– Это что-то ненормальное, Игорь, там уже гараж открыли, машину выгнали, забирают!

– А что Илья Владимирович?

– Ой, Игорь, не знаю. Говорит: «Забирайте, что хотите». А как мы жить будем-то?

Из дома вышла заплаканная Лида:

– О боже, Игорь какой ужас...

Я обнял ее.

– Говорят, Илья был должен, но никто ничего толком не знает! Они же детей, сирот обирают.

– Лидочка, ты только сама не убивайся, прошу тебя! Береги ребенка. Мы уж как-нибудь поможем...

То здесь, то там, возникали разговоры о том, кому, что и сколько должен был погибший Илья.

И тут я заметил отца.

Он стоял на лестнице, ведущей на второй этаж, какой-то торжественно спокойный. Но когда я поймал его взгляд, мне стало ясно, что это далеко не так. Как всем сильным

людям ему удавалось скрывать за внешним спокойствием свои тревоги.

Он стоял в стороне неподвижно, только глаза, остекленевшие от зловещих перипетий последних дней и недель, сверхъестественно яркие, выдавали то, что накопилось в его душе.

Я подошел к нему. Он обнял меня, увлекая немного в сторону, так, чтобы нас никто не мог слышать.

– Ты зачем Лиду привез? – Озабоченно спросил он меня.

– Ее разве удержишь?!

Отец покачал головой.

– Ты понимаешь, если все это, – он обвел глазами двор, – ей аукнется? Давай положим ее в Москве в санаторий для беременных. Смотри, я завтра вылетаю, отправляй ее за мной. Я встречу, все сделаю. И Сережу с ней отправляй. Валя с ним посидит.

Я кивнул.

– Надо бы с Лидой посоветоваться. Я тебе позвоню.

Мы помолчали. Мне было достаточно одного его взгляда, чтобы понять, что он не договаривает, что его что-то гложет. Отец взял меня под локоть, отвел в сторону.

– Надо поговорить, – произнес он, когда мы остались совершенно одни. – Игорь, с Тарадой случилась беда.

Он устремил на меня холодный взгляд своих темных глаз.

И я сразу все понял. Предчувствия, которые я глушил, запрещая себе им поддаваться, вдруг стали явью.

– Я боюсь за вас. Сомневаюсь, что Тарада выдержит давление, шансов на это мало. Уповаю лишь на то, что он вас со Славой пожалеет и топить не станет. У него есть достаточно тем, где все гораздо интереснее. А вы – пятое колесо у телеги. Поэтому повторяю: будьте осторожны в своих действиях. Ты меня слышишь?

– Ну, – произнес я, – мы действовали всегда аккуратно. Не волнуйся. Я передам Славе. У тебя-то как?

– Я как раз и приехал сюда, что бы поставить точку. За себя я спокоен.

– Но ты тоже был в его обойме...

– Терпеть я не могу все эти разговоры о том, что будет завтра. Поживем – увидим.

Час от часу не легче. Гибель Ильи, арест Тарады и вот еще одна беда нависла...

Отец устало провел рукой по лицу, словно стирая усталость, потом улыбнулся. Но улыбка получилась вымученной.

На обратном пути в Армавир я все время посматривал на Лиду в зеркало заднего вида. Она сидела, прижав к себе Сережу, взгляд ее был сосредоточенный, изредка в уголках глаз поблескивали слезинки, которые она незаметно смахивала.

За окном замелькали заснеженные поля, покосившиеся домишки.

– Как ты себя чувствуешь, Лидочка? – вздохнув, спросил я ее.

Лида махнула рукой.

– Устала немного. Лара из головы не выходит. Не понимаю, как она держится?

Я нахмурился, пытаюсь сосредоточиться на дороге. Все то, что произошло после смерти Ильи, не укладывалось в голове.

– Знаешь, тебе сейчас об этом лучше не думать. Тебе надо заботиться о нашем будущем ребенке, – улыбнулся я, – и попытайся поспать.

Сережа уже сладко посапывал.

Лида грустно улыбнулась, нежно дотронулась до моей шеи, словно желая даровать мне силы.

– Не волнуйся. Доедем, и все пройдет, – скорчившись, ответила Лида.

– У тебя что-то болит?

– Сейчас пройдет. Просто внизу живота тянет.

Я покачал головой и выжал педаль газа.

Уже темнело, когда мы добрались до нашего дома. Я вынес спящего Сережу на руках. Лидочка, придерживая живот, поднималась следом.

На пороге она тяжело оперлась рукой о стенку.

– Надо бы полежать, – прошептала она. – Все-таки дорога была тяжелая. Устала, – добавила она, заметив мой испуганный взгляд, и улыбнулась.

Я согласно кивнул. Не хотелось думать о плохом и бить тревогу на пустом месте.

Будильник громко зазвонил. Я открыл глаза. Ни свет ни заря. Небо за окном – темнее тучи.

Надо было собираться на работу. Я приподнялся. Лида обычно вставала раньше, чтобы приготовить мне завтрак, но сегодня она лежала рядом, схватившись за живот. Лицо ее было искажено гримасой боли.

– Что случилось? – спросил я, подбегая к ней.

– Мне больно. Внизу живота. Вот здесь.

Она показала пальцами на живот так осторожно, словно одна только мысль о месте боли ранила ее.

– Надо в больницу? Поехали в нашу!

– Нет, нет, Игорь. Сейчас все пройдет. Это нервы. Успокойся.

– Говорил же... Не надо было ехать...

Я осекся. Что толку сейчас вспоминать об этом. Бросился к телефону, набрал номер отца.

– Папа, Лиде плохо. Только не кричи. Нет, она говорит – пройдет.

Отец на секунду задумался.

Лида услышала, что я звоню отцу, забеспокоилась.

– Игорь, умоляю тебя, это сейчас пройдет. Я не хочу ни в какую больницу. О чем ты говоришь? Я обещала побыть с Ларисой. Семь дней.

Я махнул на нее рукой – слушать эти героические речи было невыносимо.

– Что у вас там происходит, Игорь? – раздался в трубке обеспокоенный голос отца.

– Все нормально. Точнее, ничего нормального. Лида плохо себя почувствовала. После вчерашнего. Но говорит, что должна ехать в Кисловодск. На семь дней.

– Что? Какие семь дней? – Голос отца взвился в трубке. – Я уже обо всем договорился, Игорь. Скажи ей! Ее здесь ждут. Отправляй немедленно. Слышишь! – Голос отца зазвучал властно. Даже не обсуждается. Дай ей трубку.

Я обернулся.

– Лидочка, папа хочет с тобой поговорить.

Лида попробовала встать и тут же закусила губу.

– Лежи, лежи, – всполошился я, подтянул ей телефон.

– Алло? – Она прижала трубку к уху.

– Лида, здравствуй.

Лицо ее озарила улыбка, как только она услышала голос отца.

– Ты что там – пугать нас вздумала? – притворно сердито напустился он. – Значит, слушай меня. Я договорился. Прекрасный санаторий для будущих мам. Я тебя встречу, отвезу. Тебя там быстро... – он замолчал, подыскивая нужное слово, – в норму приведут. Ни о чем не волнуйся.

– Я про Ларису думала... – начала Лида.

Отец ее перебил.

– Лидочка, послушай меня. Сейчас наша главная забота – это ты. Ты меня поняла? Речь идет о вашем ребенке, моем внуке.

Лида кивнула. Во время разговора с отцом она казалась немного отсутствующей, взгляд ее был беспокоен, словно она проделывала какую-то очень тяжелую, но важную работу над нашим миром.

– Ты не имеешь права думать о том, что ты должна, и забывать при этом о ребенке! – Продолжал гнуть свою линию отец. Голос его звучал мягко, но напористо. – Лариса сама бы тебе в такой ситуации сказала: «Езжай к врачам!». Ты – мать! Ты должна помнить об этом. Ничего не вернешь. Лариса знает и чувствует твою поддержку, и не важно, где ты находишься. В общем, решено, слышишь? Завтра в самолет и в Москву. Я тебя встречу. И Сережку бери, он у нас поживет. – Отец замолчал. – Ты меня слышишь? Здесь все договорено. – Повторил он почти по слогам. – Тебя уже ждут. Мой будущий внук должен быть здоров.

– Откуда вы знаете, что это внук? – спросила Лида с полуулыбкой.

– Знаю, знаю. У меня нюх на это, – заулыбался отец. – В общем, ты все поняла?

– Да, – Лида кивнула.

– Вот и хорошо.

Она положила трубку, посмотрела на меня.

– Папа в своем репертуаре. Все уже решил. Даже беспокоиться не о чем.

– Мы говорили с ним об этом вчера.

Я сел рядом, взял ее за руку.

– Побудешь в этом санатории, пока все не образуется.

– Успокойся, Игорь, – Лида благодарно посмотрела на меня. – Это просто нервы.

– Нервы, не нервы... А подстраховаться, чтобы переживания не аукнулись ребенку, просто необходимо. Понимаешь?

Лида тяжело вздохнула.

– Я же обещала Ларисе побыть с ней семь дней?!

– Давай ты оставишь эти истязания. Позвонишь, все объяснишь, она поймет. Ты же не в игрушки играешь, в конце концов! – произнес я горячо.

– Мне уже стало лучше. Когда все вокруг тебя носят, так приятно... Чувствуешь себя королевой... – грустно произнесла Лида и улыбнулась.

Я ничего не ответил. Пошел собираться на работу.

На следующее утро я отвез Лиду с сынулей в аэропорт. Процедура регистрации была недолгой. Я проводил их до того места, откуда путь провожающим был заказан.

За окном все было в тумане, но самолеты летали.

Я смотрел, как Лида с Сережей удаляются от меня, изредка оглядываясь и маша мне дружно руками, и чувствовал, что сердце мое сжимается. Сережа казался таким маленьким, крохотным. Прежде чем скрыться за последним поворотом они снова обернулись и замахали мне руками.

Я не выдержал, закричал:

– Лида!

Она что-то ответила. Я не услышал. Повернулся и быстрым шагом ушел.

XXII

В зале для прилета аэропорта Внуково рядом со стеклянными дверьми с надписью «Не входить» стоял отец. Снаружи выла метель, но здесь, внутри здания, было тепло.

Еще когда отец решал вопрос о покупке своей кооперативной квартиры, он специально искал, чтобы было удобно, и главное – недолго, добираться до аэропорта, откуда летали самолеты на Минеральные воды. Там до Кисловодска рукой подать...

То, что ему подыскали на улице Новаторов, было почти идеально – всего в пятнадцати минутах езды от Внукова.

«Рейс номер... из Минвод прибыл... Встречающих просим...» Доверительный женский голос потонул в хрипах динамика.

Посматривая на выходящих людей, Алексей размышлял о том, не упустил ли он из виду какие-то мелочи. По-

думать только: одна ночь – и Тарада был бы уже далеко! То, что их с Исаем опередили, никак не выходило из ума, засело, как свербящая заноза. Внезапно, словно охотника, у которого из под носа увели добычу, его охватило острое ощущение несправедливости. Невольно вспомнил, как Кузьмич во время последней встречи пошутил по какому-то поводу, что иногда неприятности случаются во благо.

Отец поморщился. Блага тут никакого не было. Запоздалые сожаления хуже болячек.

Появились первые пассажиры. Лиды и Сережи среди них не было. Толпящиеся перед ним люди мешали, загоразживая своими спинами вид. Он начал пробираться поближе к дверям, энергично раздвигая руками нерасторопных.

Люди неохотно уступали его напору.

До слуха его долетали возгласы, крики радости. Он невольно окидывал взглядом этих незнакомых ему людей, когда увидел Лиду и рядом мужчину, который нес на руках спящего Сережу.

Взгляд у Лиды был настороженный, ищущий.

Отец обрадовался, замахал ей рукой, сиюсь привлечь внимание. Его идеально выбритое лицо озарилось улыбкой: как же она его не видит?!

– Лида! – закричал он.

Лида повернула голову на крик, улыбка порхнула по губам. Поспешила к отцу.

– Ну, слава Богу, дождался, – Алексей подхватил сонного Сережу, взгляделся в спящее личико, улыбнулся. Сережа сонно заморгал. – Как добрался, братец?

Сережа растерянно смотрел на своего могучего деда и молчал.

– Ну спи, спи, – прошептал отец.

Внук пошел в бабаевскую породу: тот же разрез черных, широко и доверчиво распахнутых глаз, лаконичный

рисунок бровей, синеватые от белизны белки и чуть смугловатая кожа.

– Как долетели?

– Сережа всю дорогу проспал, – Лида говорила тихо.

– Пошли! Машина ждет. Сейчас перекусим, и я повезу тебя в санаторий.

Отец уже размашисто шагал по залу. Лида с трудом поспевала за ним.

Они уселись в машину. Отец, сидя на переднем сиденье, периодически оглядывался назад, смотрел то на Лиду, то на Сережу. За окном замелькали заснеженные поля, покосившиеся домишки.

Алексей вздохнул.

– Как Лариса?

Лида развела руками.

– Пытается держаться. Мама просто убита. И эта дележка...

Отец нахмурился, опустил голову. Все, что произошло после смерти Ильи, не укладывалось в голове.

– Знаешь, тебе сейчас об этом лучше не думать. Надо думать о ребенке и... – отец улыбнулся, – поправляться. Учи, я буду следить.

В голосе отца прозвучала такая забота, что Лида не удержалась, дотронулась до его плеча, словно передавая ему ответное тепло.

– Игорь, все прекрасно, папа нас встретил. – Голос ее, такой родной и теплый, звучал отчетливо, словно нас и не разделяла тысяча километров. – Сейчас, вот, едим дома. После поедem в санаторий.

– Ну и славно. Как долетели? Я думал, вы будете раньше.

– Я все боялась, что Сереже ушки закладывать начнет, – Лида стала подробно, в деталях, рассказывать о перелете.

Я слушал ее, не перебивая.

С этой поездкой было связано еще одно тревожащее нас обстоятельство – как Сережа отнесется к жизни в доме деда? Как быстро найдет общий язык с Валею и отцом?

Словно прочитав мои мысли, Лида продолжила:

– Валя ему понравилась. Можешь не волноваться. Он тут уже как дома. Дедом командует.

Я улыбнулся.

– Лида, береги себя.

Когда за дело брался отец, можно было не волноваться. Но все равно каждый раз, слыша Лидин голос и понимая, к чему мы готовимся, я невольно напрягался, всеми фибрами души желая, чтобы «этот раз» прошел без боли и Бог услышал мои мольбы.

Мне стало наконец-то спокойно.

– Лидочка, я буду тебе звонить.

Отец регулярно звонил и мне, и Лиде, докладывая нам о нас обоих. Когда он пересказывал мне свои посещения Лиды, в его голосе, в котором обычно слышался звон чеканных монет, сквозила невероятная теплота.

Каждый вечер, если ему удавалось вовремя вернуться с работы, он затевал с Сережей долгие и серьезные разговоры. И каждый раз он с неизменным удивлением смотрел на этого маленького человека. Сережа очень вырос за то время, что они не виделись. У мальчика были тонкий овал лица, изящный подбородок, четко очерченный рот и маленький, аккуратный, точно вылепленный, носик. А глаза! Огромные глаза глядели чисто и лучезарно и в то же время с каким-то животным испугом – он напоминал маленького птенца с огромными глазами и нежными перышками волосиков... Им так хорошо было вместе, и жизнь казалась настолько полной и цельной, что порой Алексей и не то-

ропился произносить какие бы то ни было слова, чтобы не разрушать это ощущение.

В тот день ребенок сидел в кресле, обложенный игрушками, и улыбался чему-то своему. Он играл крошечными машинками, был полностью поглощен собственными ощущениями, а когда поднимал голову, то смотрел на деда, лукаво улыбаясь.

– Что, хорошо сегодня погулял? – спросил дед.

– Я боялся, что не увижу тебя, – ответил Сережа.

– С чего ты взял? Я никуда не денусь.

– Валя сказала, что ты поздно придешь.

– Ну как же? Мы же договорились! – Алексей протянул руку, словно собираясь пощекотать внуку животик. – Что, соскучился по деду?

Сережа озорно посмотрел на Алексея, отпрянул в сторону и залился счастливым смехом.

– В воскресенье поедem к маме. Согласен?

Внук снова радостно кивнул.

– А еще?

Во взгляде ребенка читалось лукавое ожидание. Алексей протянул руку, ласково потрепал Сережу по волосам, взгляд его устремился куда-то далеко, словно за невидимой чертой перед ним открылась забытая картина из далекого прошлого, когда его дети были такие же маленькие.

– Ты еще не видел, какой тут у нас есть парк. Вот что я тебе скажу, – дед уселся поудобней, – я тебя поведу в воскресенье кататься на каруселях. Таких ты точно никогда не видел.

Глаза Сережи загорелись от восторга.

– Ты, главное, будь хорошим мальчиком, – дед снова ласково потрепал внука по волосам, – и слушайся Валю.

Такими были их вечера.

Прошла вторая неделя, потом наступила третья...

Алексей Наумович одевался под бормотанье радио. Хоть и наступил март, тьма за окном была непроглядная. Весна пришла пока только по календарю.

Он вышел к столу, шурясь со сна, по-хозяйски тяжело вышагивая. Ни с того ни с сего разболелась голова. Это было непривычно и неприятно. Внук спал в соседней комнате, и Алексей старался не шуметь.

Посреди кухни, поправляя волосы, стояла Валя. Она уже давно хлопотала на кухне, все поспевая. Улыбаясь, она стыдливо подошла к Алексею, закрыла смеющиеся глаза, прижимаясь влажными теплыми губами к его щеке.

– Колешься, – сказала она и кокетливо поиграла полукружьями подведенных бровей.

Он поцеловал ее в ответ.

– Налей-ка чаю.

– Так полный завтрак готов.

– Ничего не хочу. Только чаю покрепче.

Он неспешно, подергивая головой, как будто силился стряхнуть боль, выпил поданного чаю, но голова легче не стала.

Восьмое марта всегда был необычный день: с одной стороны рабочий, а с другой – вроде, как и праздничный, потому что все время шли поздравления, летели комплименты, так что на всякие будничные дела не оставалось ни времени, ни желания.

– Леша, я тебе приготовила букеты, они в комнате стоят.

– Да, спасибо... – Он вдруг внимательно посмотрел на Валю. – Не волнуйся. Вот Лида придет – и будут вам сюрпризы.

Валя вспыхнула.

– Водитель-то пусть поднимется, а то ты все это не утащишь! – воскликнула она.

– Да что ты беспокоишься? Знает он, что делать, – отец уже стоял с портфелем в руке в прихожей. Вдруг он, вспомнив что-то, вернулся в зал, уселся в кресло, набрал номер. К трубке долго никто не подходил, потом раздалось сонное:

– Алло!

– Лида, как ты себя чувствуешь?

Голос ее на другом конце зазвучал радостно, даже озорно, словно в санатории с ней и впрямь происходили чудеса.

– Я как будто знала, что это вы звоните. Все нормально. Ну, почти, – в голосе ее промелькнуло легкое волнение. – Как Сереженька?

– Прекрасно! Валя с ним носится день и ночь. Врачи тебя домой отпустят?

– Да, на все выходные.

– Тогда заеду на службу, поздравлю своих и к одиннадцати махну к тебе. И сразу домой поедем. Отметим праздник!

Лида рассмеялась. Она любила эти встречи с отцом, любила, когда он ей звонил – не часто, но всегда в нужный момент, тогда, когда это было необходимо.

– Я перед выездом дам знать.

– Буду ждать.

В дверь позвонили, это был водитель.

– Возьми вон те пакеты, – Алексей указал рукой на приготовленные Валей подарки в полиэтиленовых пакетах и цветы. – Только осторожнее, там бутылки, не разбей.

Водитель послушно поднял сумки. Отец строго следил за его действиями, нахмурился, подозвал Валю:

– Буду с Лидой к двенадцати. Может, чуть раньше.

– Хорошо! – С готовностью кивнула она. – Не волнуйся, все будет готово.

Он наклонился, и она поцеловала его.

Алексей Наумович ехал на работу в благостном расположении духа, никаких особых дел не намечалось. Надо было прежде всего поздравить женщин. Цветы, конфеты, поздравления, теплые и душевные слова... Ему было приятно видеть лица своих сотрудниц, их глаза – веселые, мудрые, порой опечаленные, но непременно вспыхивающие радостью при его появлении, словно при виде родного человека.

– Здравствуйте, Алексей Наумович! – Его секретарша вскочила, вспыхнула, отпрянула в сторону, когда он вошел в приемную.

Он остановился, окинул ее взглядом с ног до головы. Фигура у нее была как у статуэтки, и ему это импонировало.

– Света, с праздником тебя! – Он протянул ей букет и пакет, в котором угадывалась красная картонная коробка редких шоколадных конфет.

Следом вошел водитель, таща в обеих руках сумки.

– Это в зал заседаний отнеси, – распорядился Алексей.
– Нужно будет разобрать.

Алексей отдавал приказы неспешно, рассудительно, головная боль отпустила, и теперь праздничное настроение ощущалось в полной мере.

– Я скажу, когда начнем.

Он прошел в кабинет. Надо было сделать несколько важных звонков, просмотреть бумаги, поставить резолюции. Работа затянула, а когда он поднял глаза на часы, было уже без пятнадцати десять.

Алексей спохватился, пошел в зал для заседаний, там уже начали колдовать женщины, накрывая на стол.

– Ну что тут у вас? – спросил Алексей, широко улыбаясь.

Дамы засмутились, словно застигнутые врасплох.

– Алексей Наумович, – голос секретарши звучал деловито, – через десять минут все будет готово.

Алексей потер руки, оглядывая стол:

– Ну и хорошо! Давайте, потихоньку собирайтесь,зовите остальных.

Он вернулся к себе в кабинет, раздумывая над тем, какие найти слова, чтобы порадовать собравшихся. Расслабился. Все шло как надо. Скоро уже и за Лидой ехать...

В приемной заместителя начальника главка Второго Росшвейпрома стоял терпкий запах тюльпанов, гвоздик и чего-то еще совершенно непередаваемого, что витает в воздухе, только один раз в году – 8 марта.

Секретарша в сотый раз поправила прическу, чтобы выглядеть перед Алексеем Наумовичем привлекательно. Ей казалось, что сегодня он особенно к ней внимателен. Она собиралась уже приглашать всех женщин на праздник, когда в помещение вошли трое.

– Эрзол Нахимьевич у себя? – спросил первый из них.

Своей угрюмостью он напоминал вокзального носильщика. Секретарша не успела даже ничего ответить, как незнакомец скрылся за дверью шефа.

Секретарша оторопело посмотрела на двух его спутников, что остались в предбаннике.

– Вы кто, простите?

Рука ее схватилась за телефонную трубку, чтобы сообщить, что происходит нечто странное, но второй незнакомец, что стоял рядом с ней, ловким движением нажал на рычаг телефона.

– Не надо никому звонить, – произнес он миролюбиво. – Это давнишние старые друзья. Дайте им спокойно поговорить.

Незнакомец неожиданно подмигнул секретарше и приложил палец к губам, мол, делай, детка, что тебе говорят, и все будет хорошо.

– Эрзол Нахамьевич?

Алексей поднял голову. Ему понадобились доли секунды, чтобы справиться с удивлением, услышав собственное имя, которого он никогда не слышал в этом кабинете.

У незнакомца был самоуверенный голос, от которого исходил душок насилия. Он шагнул навстречу, на ходу вынимая удостоверение с золотым гербом на красном фоне.

Прежде чем Алексей прочитал, что там написано, перед его глазами промелькнула вся его жизнь с ошибками и победами, и он ощутил, как в воздухе разливается смертельная опасность. «Прокуратура СССР», – прочитал он на удостоверении.

У незнакомца были до синевы выбритое лицо и бесцветные глаза, на дне которых притаился дерзкий вызов. Сердце Алексея глухо забилося с какой-то безнадежной усталостью, и казалось, что отзвуки этих ударов разливаются по кабинету.

– Я вас слушаю, – произнес Алексей.

Тревога, которую внушал незнакомец, была в чем-то сродни ощущению встречи с собачьей стаей на безлюдной дороге.

– Нам нужно поговорить. – Незнакомец сверлил Алексея взглядом.

– Ну, раз нужно, значит нужно, – спокойно ответил отец, – пройдемте в другой кабинет, здесь нам могут...

Незнакомец перебил его:

– Лучше, если мы поговорим у нас. Это совсем близко. В тоне говорившего не было просьбы.

– Что ж, – отец нехотя кивнул, – у вас – так у вас...

Он взглянул незнакомцу в глаза, и его словно бы пронзило электрическим током, подошел к шкафу, достал свое пальто и, перекинув его через руку, вышел из кабинета.

Секретарша испуганно вскочила с кресла и непонимающе посмотрела на шефа. Отец успокаивающе поднял руку:

– Вы тут накрывайте, а я сейчас, поговорю с товарищами и вернусь. Без меня не начинайте.

Двое других молча поднялись и пошли как охотники за добычей, почти бесшумно, словно не касались пола ногами.

В лифте все напряженно молчали. Затем проследовали по холлу. Алексей ловил удивленные, а порой и испуганные, взгляды сотрудников.

Во дворе первый из визитеров подошел к ожидающей их черной «Волге» и, распахнув заднюю дверь, приказал:

– Садись.

Алексей хотел усесться с краю, но его подтолкнул стоящий сзади сотрудник в штатском, так что он был вынужден почти упасть посередине заднего сиденья, тесно зажатый меж двух бугаев. Старший, запрыгнув на переднее сиденье, буркнул водителю:

– Трогай!

Черная «Волга» с визгом рванула с места.

Лица людей в машине были залиты красным светом. Алексей снова физически почувствовал запах насилия, сходный с гниением, исходивший от чужаков. Он ощущал себя лисой на болоте, обложенной со всех сторон гончими собаками. Где-то в глубине души пробудился испуг загнанного зверя, который чует опасность, разлитую в воздухе. Его ноздри воспринимали ее столь же отчетливо, как и запах пота чужаков. И в этот момент в нем проснулась способность к трезвому мышлению.

Машина резко затормозила у подъезда с глухой железной дверью. Заморосил мелкий дождь. Над землей повис туман, превращая мартовский день в сумрак.

Алексей должен был появиться с минуту на минуту. Лида уже выполнила все положенные процедуры и теперь беззаботно ждала его, сидя в своем номере.

«Странно, – подумала она, – никогда не опаздывал» В принципе Алексей Наумович иногда мог задерживаться, Лида хорошо представляла степень его загруженности, но сегодня это было необычно.

Неизвестность и ожидание начали тяготить. Теперь ей уже не хотелось ждать, надо было действовать. Она набрала номер квартиры отца. Трубку сняла Валя.

– Валя, здравствуй.

– Здравствуй, Лидочка.

– А где папа? Он обещал заехать, я жду...

Валя отчего-то смутилась, голос ее стал тревожный.

– Я ему несколько раз звонила на работу. Секретарша сказала, что к нему пришли какие-то посетители. И увели. Сказал, без него не начинать. Его все ждут.

– Что за посетители? – спросила Лида, чувствуя как у нее немеют руки.

– Не знаю. Какой-то старинный товарищ. По крайней мере, он так представился. Лида, мне что-то не по себе.

– Это когда было?

– В десять.

– Валя, я тогда сама приеду. Закажу такси и приеду.

– Давай только быстрее. Я не знаю, что и думать.

– Не волнуйся. Я только прошу тебя: позвони папе на работу, узнай, что за «старинный товарищ»?! Хоть что-то узнай... А я пока...

Она не договорила. Бросила трубку. Посмотрела на часы. Было уже двенадцать. Значит, с момента ухода Алексея прошло два часа.

Где же его держат эти «старинные товарищи»?

Машина приехала очень быстро. Главное было не волноваться. За этими переживаниями Лида и не заметила, как домчалась до дому.

– Ну, что у вас? – кинулась она к Вале, как только та открыла дверь. – Не звонил?

У нее еще теплилась надежда, что она найдет отца дома, и потому не особо волновалась, утешая себя обольщениями, но тут, увидев Валино растерянно лицо, не на шутку разволновалась. Выходило, что случилось что-то неожиданное, экстраординарное...

– Я звонила, – торопливо, почти со слезой начала докладывать Валя, – секретарша ничего не знает.

– Что она сказала, повтори? – почти взмолилась Лида. Валя начала сбиваться, путаться.

– Зашли трое. Секретарша подумала, что ошиблись. Представились старыми друзьями. Назвали его официально, как по паспорту. Говорят, дайте старым друзьям поговорить. Каким «друзьям»? Потом вышли.

– Кто?

– Ну, Леша и эти «друзья». Минут пять были и вышли. Леша сказал, чтобы без него не начинали... Все.

Лида тревожно посмотрела на большие настенные часы. Прошло уже два с половиной часа.

Валя молчала, не в силах больше дать никакого вразумительного объяснения. Нехорошее предчувствие шевельнулось в душе Лиды, нехорошее и горькое одновременно. Она почувствовала, как тошнота подступает комом к горлу. Волнение вдруг стало вырываться из нее, точно птица из клетки.

На звук маминого голоса из комнаты выбежал Сережа, обнял, начал тут же, захлебываясь от возбуждения и восторга, что-то весело рассказывать.

Лида целовала, слушала его вполуха. Мысль о том, что папе где-то стало плохо или он поскользнулся и упал и, может быть, даже находится в больнице, свербела в мозгу тупой болью.

Лида привыкла во всем полагаться на мужчин, а тут непонятная ситуация выбила ее из колеи. Она отправила Сережу играть и вернулась к Вале.

– Надо что-то делать. Я позвоню Игорю, – сказала она, вдруг светлея лицом. – Надо понять, что это за «старый товарищ»? Вдруг он знает?

– Может, все обойдется? – ухватила за лучик надежды Валя, а потом сама же простодушно себя и опровергла. – А какой важный разговор восьмого марта? Он бы предупредил. Где же он тогда задерживается, ума не приложу?! – Она всполошилась, всплеснула руками. – Что же это я! Идем, идем, тебе с дороги поесть надо... У меня там все горячее.

– Да я не хочу есть, – рассердилась Лида.

Ей казалось это сейчас неуместным.

– Как же не хочешь?.. Идем, идем... Тебе надо, – настаивала Валя упорно, будто это могло сгладить напряжение, повисшее в доме. – Хоть чаю попьешь.

Лида дала увести себя на кухню.

Сережа играл в комнате, периодически появляясь с игрушкой в руках в проеме двери. У него их уже и здесь было вдоволь. Разговоры взрослых и в особенности мамин расстроенный вид его тяготили.

Интуиция... Лида вслушивалась в царящую в доме тишину и спрашивала себя, чего она боится? Что ощущает? Где-то на нижних этажах включился телевизор и задрезжал холодильник.

– Что же делать? – спросила саму себя Лида и не заметила, что произнесла это вслух.

– Что? – Валя подняла бледное лицо. Она покорно отдалась на волю случая, подперев щеку кулаком и тупо глядя на скатерть, что-то при этом беззвучно шепча.

– У отца есть какие-то деньги? – неожиданно спросила Лида. – Ну, деньги? – она посмотрела в упор на Валю, которая непонимающе смотрела на нее.

– Надо спрятать. Дай мне их, – приказала Лида.

Какая-то мысль, даже не мысль, а ощущение чего-то правильного, вдруг завладело ею. Она даже не могла бы объяснить сейчас Вале, почему вдруг подумала про деньги.

Валя растерянно пожала плечами. Подошла к серванту, достала из хрустального блюда пачку, протянула Лиде.

– Вот... – Теперь она смотрела на Лиду с подозрением, как будто та о чем-то знала, но молчала.

Лида взяла пачку механически, словно ею двигала чья-то воля.

Часы ударили, отбивая три часа. Лида вздрогнула, увидела свое отражение в стеклянной дверце буфета. Она уставилась на себя, стараясь поглубже заглянуть в свои глаза, как будто они были замочной скважиной в воротах, ведущих во дворец, где она могла получить ответы на все свои вопросы. И тут раздался звонок в дверь.

– Это он! – Валя бросилась к двери, но в последний момент застыла, испуганно замерла, а затем посмотрела в дверной глазок.

– Кто там? – спросила она слабым голосом.

– Открывайте, милиция!

Лиду словно кто-то толкнул, она интуитивно вскочила, опрометью бросилась в комнату, где играл Сережа, схватила сумочку с серванта, достала оттуда пачку денег, все, что у нее было – три тысячи рублей – и, засунув обе пачки, свою и Ваину, в плюшевого медвежонка, протянула его Сереже.

– Сынуля, на, поиграй этой игрушкой. – Сережа доверчиво посмотрел на нее. – Сядь здесь и играй, – Лида говорила убежденно и ласково, нежно глядя сына по голове, так что тот расцвел, – и никому не отдавай своего медвежонка.

Это было сказано тихо, но в то же время очень серьезно. Лида подбежала к телефону и стала судорожно набирать номер.

Какие-то люди в штатском и в форме вдруг заполнили квартиру, закружились в причудливой пляске вокруг Лиды.

Они нахлынули словно стая бездомных попрошаек: взвинченные, немногословные, заранее предвкушающие, что им швырнут монетки, поскуливающие от злости, что монетки могут и не перепасть.

От них нельзя было спрятать лицо. Их было так много, что часть из них была вынуждена выйти обратно на лестницу.

При виде двух женщин, одна из которых была беременная, и играющего ребенка, в их цепи как будто что-то разомкнулось, пошло не так.

– Мы из Прокуратуры СССР, – сказал какой-то коротышка, подходя к Лиде и суя ей под нос удостоверение.

Взгляд у него был жгучий, пронзительный.

Лида невольно отметила, сколько грязи они нанесли в дом, прижала руки к животу и недоуменно посмотрела на старшего, словно говоря: «Не трогайте меня!»

Тот, разглядев Лидино положение, на секунду смутился, а потом вдвойне разъярился. Взгляд его сделался злым, недобрым.

– Сейчас в вашем присутствии будет произведен обыск. Пригласите понятых, – приказал он кому-то, затем снова обернулся к Лиде. – В квартире есть оружие, деньги?

– Нет, что вы...

Лиде вдруг показалось, что каждый ее жест, каждое ее слово могут выдать ее волнение. Она не была уверена, что сможет держать себя в руках.

– Только то, что в кошельке.

Она внимательно посмотрела на сыщика.

– А Алексей Наумович?! Где он? – вдруг спросила она.

Ей показалось, что ответа на ее вопрос нет целую вечность, что наступил какой-то временной провал.

Валя словно привидение оторвалась от стены и впи-
лась взглядом в сыщика.

Тот нахмурился, словно не зная, что отвечать, затем свел брови к переносице и с каким-то злорадством произнес:

– Он арестован.

Валя дернулась, Лида вздрогнула, как будто ей влили пощечину, инстинктивно схватилась руками за живот и с недоумением посмотрела на главного.

– За что?

Валя зажала рот платком, черты ее лица исказились, плечи мелко затряслись, и она зарыдала, почти беззвучно.

Лида захотелось крикнуть: «Замолчи!» Усилиями воли она заставила себя собраться.

Старший ничего отвечать не стал. Обернулся к своим людям, что толпились вокруг.

– Приступайте.

Следователи, разойдясь по всем комнатам, действовали слажено. Какой-то мужик, не снимая пальто, деловито обстукивал стол, а откровенно скучающий его коллега барабанил металлическим карандашом по стенам. Чуть по-
дальше здоровенный бугай с перебитым носом вытаскивал из шкафа ящик за ящиком, выбрасывая содержимое на пол.

Лида сидела неподвижно. Взгляд ее казался остекленевшим, она не смотрела на следователей, просто уткнулась в пол и ждала. События двух последних часов обессилили ее, притупили чувства.

Сыщики методично, шкаф за шкафом, полка за полкой, обходили квартиру. Притащили металлоискатель, стали елозить им по стенам в ванной, в туалете.

Сережу с игрушечным мишкой в руках попросили пересест поближе к маме. Когда следователь посмотрел на него, Лида в ужасе закрыла глаза, сглотнула слюну.

Сережа подошел к ней, тихий, как одуванчик, она прижала его к себе так крепко, как только могла, да больше уже и не отпускала, стараясь не смотреть на его ручки, что держали медвежонка.

Сыщики были чем-то озабочены. Все время шушукались, шептались, переглядывались.

Они находились в доме уже час, а Лида так и не смогла различить их лица – они сливались в одно общее странное пятно.

Кроме их главного. Тот периодически смотрел на нее в упор, словно выискивая в ней слабое место, которое поможет ему одержать победу.

Только сейчас Лида поняла, какой странный гул стоит по всей квартире – вероятно, из-за работающего металлоискателя. На его фоне голоса милиционеров сливались в нестройно воющий хор. Этот гул начал давить на нее, преследовать, и она могла бы, пожалуй, ускользнуть сейчас от него в какой-то спасительный обморок, в котором все бы уплыло, пропало, исчезло, испарилось. Но тогда Сережа бы остался один на один со своим медвежонком, а это было опасно, и она усилием воли взяла себя в руки.

А следователи тем временем словно состязались в том, кто кого перекричит – громко обменивались репликами, спрашивали что-то друг у друга. Все слилось в одну ужасающую какофонию.

Лиде показалось, что где-то вдалеке рыдает Валя. Только почему же так глухо звучит ее голос, ведь та должна была стоять рядом, почти за ее спиной? Но Лида не могла заставить себя пошевелиться, сделать хоть какое-то движение, чтобы ничем себя не выдать. Так и сидела, окаменевшая.

К ней вдруг приблизилось чье-то лицо, ее обдало запахом перегара... Разрывая окутавшую ее пелену ужаса, раздался вопрос:

– Где деньги?

– Что? – Лида заставила себя всмотреться в склонившегося над ней человека. – Какие деньги? Все, что только в кошельке.

Узкое лицо напряглось в недовольстве, в глазах заплясали искорки злобы.

– Ищите! – приказал он.

Все с удвоенной силой задвигались, зашустрили.

– Что это?!

Лида подняла голову и увидела, как молоденький милиционер показывает в глубину серванта.

Там рядами стояли бутылки водки: очень много бутылок – посольская, кубанская, столичная, пшеничная, ржаная – всех марок, какие только выпускались на тот момент, золотой запас Алексея Наумовича, о котором Лида прекрасно знала.

– И у меня тут этого добра навалом, – раздался голос из соседней комнаты. – Столько водки! Товарищ капитан, подойдите, посмотрите. – В голосе его сквозило радостное удивление.

Все это время капитан сидел неподвижно посередине комнаты, наблюдая исподлобья то за Лидой, то за Валею, то за ребенком, иногда останавливаясь взглядом игрушке, которую Сережа теребил в руках. Лида чувствовала этот взгляд, и внутри нее все холодело. Один из следователей обратился к нему именно в том момент, когда он уже было протянул руку к Сереже, как бы говоря, дай мне мишку, но окрик заставил его тяжело подняться со своего стула и, грузно ступая, потопать в соседнюю комнату.

Лида слышала, как там он ахнул, потом громко чихнул и вернулся обратно.

– Вы не скажете, – обратился он к Вале, – откуда столько водки в доме?

– Ну, покупали... – сказала та испуганно, – вот и скопилось. А что такого?

– Да нет... – сыщик усмехнулся, – ничего особенного.

Бутылки выставили на пол в середину большой комнате, всего набралось более ста. Старший почесал в затылке, не переставая усмехаться.

– Так что будем делать со всем этим? – спросил молодой лейтенант.

– Занесем обнаружение в протокол, а содержимое – в унитаз.

Глаза капитана блеснули. Он, конечно, знал, что на самом деле хотел бы сделать с находкой, но не знал, как это можно унести.

– Давайте закругляться, – распорядился он.

По его лицу было видно, что он с каждой минутой становится все более и более разочарован. Мысли его были не веселы. Они едва не прожгли своим фонарями дырку в стенах, но нашли только водку и ничего больше.

Сыщики, не солоно хлебавши, покинули квартиру в полном молчании.

Дверь за ними захлопнулась с гулким эхом, они словно уносили с собой частички наших душ.

XXIII

Когда вот-вот должно случиться что-то важное и неожиданное, люди оставляют свою обычную суету. Надвигающееся событие как магнит притягивает к себе все самое странное и неожиданное. Самые невероятные совпадения сходятся вместе – как в фантастическом романе, но все это происходит незаметно, вроде обычного явления.

...Я собирался уже выходить из кабинета, когда раздался звонок и без всяких приветствий я услышал в трубке Лидин крик.

– Дома гюмель!

Это был как крик раненной птицы, который тут же стих. Затем раздались короткие гудки отбоя. Связь оборвалась.

На секунду я утратил способность к концентрации. Лидин выкрик: «Гюмель» и обрыв связи лишили меня способности трезво мыслить. Что с отцом? Тревога искрами рассыпалась во мне, как электричество по цепи после короткого

замыкания. Казалось, что мое тело словно мрачный, скрежещущий поезд метро на бешеной скорости пронесется по гулкому бесконечному тоннелю. Ступор, который на секунду парализовал волю, стал отступать. Случилось худшее: отца арестовали. И тут же, словно по цепной реакции, пронзил страх за стариков – Хаво и Нахамьё! Надо было предупредить их. К ним могут нагрянуть неожиданно.

Было понятно, что вся злокозненная мощь загадочного и могущественного Следственного комитета наваливается на нашу семью. И стоит мне только появиться у них на виду, как она сразу обрушится и на меня.

Этого я и боялся.

Мучаясь неопределенностью, ощущаемой почти на уровне физической боли, неотличимой от физического недомогания, я схватил трубку. Способность нашего отца в любых обстоятельствах находить правильные решения прснулась во мне как нельзя кстати. Я набрал номер.

Раздались длинные гудки. Трубку долго никто не брал. Я представил, как Хаво спешит к телефону со двора или торопится вытереть мокрые руки, отрываясь от плиты. А потом услышал ее ласковое «Алло!»

– Мама, как дела? – спросил я как можно теплее.

– Игорек! Ты! – Хаво обрадовалась. – Готовлю ужин, что я могу еще делать?

– Я сегодня заеду к вам.

– Ты мне сегодня приснился, – озабоченно сообщила Хаво.

– Сон в руку, – стараясь говорить как можно оптимистичнее, пошутил я.

Я сказал секретарше, что буду завтра, и покинул комбинат.

В пути мысли сами возвращались к отцу. Он так волновался за нас, переживал после ареста Тарады, и вот – сам попал в переделку. Что было тому причиной?

Я словно прокручивал в мозгу киноленту, пытаюсь найти зацепку в кадрах, запечатлевших прошлое. Никаких ясных ответов не было.

Когда я въехал в Кисловодск уже смеркалось. Миновал поворот, который вел к нашему дому. Мокрый снег припорошил асфальт, отчего дорога под колесами казалась неестественно белой. От неожиданно нагрянувшей беды раскалывалась голова – точно после нокаута, полученного в боксерском бою. Я невольно притормозил, пытаюсь оценить ситуацию. Вокруг дома все было тихо, даже пусто.

Похоже, я успел вовремя.

Я отворил калитку, вошел во двор. Занавешенные шторами, теплились окна.

– Мама! – позвал я, отворяя дверь.

– Сынок! – Она обернулась, бросилась ко мне, обняла. Немного откинулась назад, словно силясь разгадать какую-то загадку, которую во мне увидела.

– Ты вспотел? На улице, вроде, холод.

– Торопился, – попытался я улыбнуться. – Жарко. Где дед?

– Слушает свой «Голос Израиля», ты же знаешь... – Хаво махнула рукой, улыбаясь.

– Я тут взял кое-что.

Даже в этом состоянии я не забыл захватить им гостинцы, протянул сумку с вкусностями. Хаво рассмеялась.

– Нахамьё не спустится?

– Не волнуйся, пока его «Голос» не закончится, он не появится. Иди есть. У меня руры готовы.

Она снова испытующе на меня посмотрела.

– Ничего не случилось?

Мы вошли в кухню. Хаво стала хлопотать у плиты, я же не знал, что сказать и с чего начать. Переживания на-

прочь лишили меня ощущения времени, словно вырезали его, как пустую формальность.

В комнату спустился дед. Я бросился к нему, обнял.

– Хо-хо! Будет теперь, с кем партеечку-другую сыграть, – Нахамьё всегда расцветал, когда я появлялся в доме, и тащил играть с ним в нарды, чтобы обсудить в процессе все тревожащие его в мире вещи.

Я заметил, как сильно он сдал.

Хаво как будто о чем-то хотела спросить меня, но, словно уловив мое желание при деде ничего не говорить, не стала. Было видно, что она тоже оберегает его и заботится.

Мы сели ужинать. Хаво поставила на стол руры, и это сразу наполнило кухню терпким, придающим силу и энергию, ароматом приправленного пряностями и приготовленного любящими, родными руками мяса.

Хаво пристально и вопросительно посматривала на меня, как будто предчувствовала беду.

Мне сложно описывать тот вечер, сложно передать, как мучительны и тягостны были каждый километр преодоленного пути, каждая прожитая минута. Скажу лишь, что понял, как развивается психоз у запертой в лабиринте подопытной мышки, которую за каждым поворотом ожидают опасность и неведение.

– ...Выходит, что теперь в Израиль станет еще труднее уехать, – веско заметил Нахамьё, и я понял, что пропустил начало его речи.

– Кто тебе сказал? – Я обернулся к нему, пытаюсь казаться безмятежным.

– По радио передали, – грустно заметил дед.

– Ну, по радио...

Надо определиться сейчас! Надо понять, что делать! Надо искать альтернативы! У меня может не быть на это другого времени. Я проехал почти триста километров,

чтобы успеть вовремя... Если отец вернется домой – значит, все обойдется. А если – нет? Тогда может быть все, что угодно. Ситуация явно будет иметь продолжение.

Мысли окатывали меня ледяными душу волнами с налетом примеси гнева. Он же знал, он предупреждал нас!.. Мы забыли об этом за каждодневной рутинной... Что могло пойти у него не так? Почему заинтересовались именно им? Ведь переживал-то он за нас? А раз так, то не грозит ли опасность мне самому?

– Меньше слушай ты свое радио, – Хаво поставила перед дедом чашку с каким-то напитком.

– Мое снадобье, – гордо заметил дед, перехватив мой тревожный взгляд. – Лечат меня.

Он неожиданно замолчал, и на кухне воцарилась странная атмосфера какой-то неопределенности, словно пространство лишилось кислорода. Мне показалось, что старики могут все понять, и я поспешил увести деда из кухни прочь. Надо было его чем-то отвлечь.

– Пойдем, сыграем, – сказал я как можно спокойнее.

Мы поднялись в огромный зал, в котором собирались только тогда, когда приходили гости. Там стояли белградские стенки, в глубине которых холодно поблескивал хрусталь, которым никогда не пользовались, на стенах висели подлинники Айвазовского, а в глубине поблескивая черными боками, стоял рояль, на котором никто не играл. Отец купил его тогда, когда мы были маленькими и нас хотели обучать музыке, но из этой затеи так ничего толком и не вышло.

В углу стоял огромный радиоприемник, на полу лежал невероятных размеров бухарский ковер, а стены были расписаны армянскими мастерами прямо по штукатурке, как фрески. Венчала убранство хрустальная люстра. Вся обстановка была торжественно-парадной, словно ты находился не в жилом помещении, а в дворцовых апартаментах.

Именно здесь уединялся дед, когда хотел послушать «Голос Израиля», вещавший на русском языке.

На огромном инкрустированном столе уже была разложена доска.

– А ты чего так неожиданно? Случилось что? – спросил вдруг дед.

– Да что ты, Нахамьё. Соскучился просто. Вот и приехал. Свободная минута выдалась.

– Да! – Дед довольно заулыбался.

Мы начали играть. Несколько раз дед прерывал игру, поднимал вверх палец, предлагая и мне прислушаться к тому, что бубнило его любимое радио. В то время из страны выслали диссидента Щаранского, и эту проблему широко обсуждали за рубежом. Дед в стороне не оставался.

– Игорек, очень интересная информация. О Щаранском. – Он в очередной раз прервался, призывая и меня вслушаться в какие-то перипетии, которые в тот момент меня абсолютно не волновали.

Я несколько секунд наблюдал за дедом. Он нахмурился, слушая о преследовании Щаранского советскими властями. Упоминание о следственных органах отозвалось во мне гулким эхом. Я вдруг ощутил неведомое дотоле тревожное чувство, словно рядом, как в кошмарном сне, возникли огромные бугаи в черных костюмах, от которых можно было ожидать чего угодно.

Дед обыграл меня раза два, и всякий раз счастливо, как ребенок, заливался смехом, запрокидывая назад голову.

– Ну, хватит, дай Игорю с дороги отдохнуть, – раздался голос Хаво.

Она неслышно вошла в зал и стояла у дверей, наблюдая, как мы играем. И только когда игра закончилась, подошла и заботливо стряхнула с плеча деда невидимую пылинку.

Во дворе надсадно залаяла собака.

Я невольно поежился. Каждый новый шум, и тем более беспокойный лай собаки, напоминал мне о возможном вторжении: мне мерещилось, что следователи врываются в дом.

Это было унижительно. Я никогда не воображал себя героем, от подобного заблуждения обезопасило меня воспитание отца, который не жалел для этого ни времени, ни сил. Тем не менее у меня были основания считать себя все же не лишенным сильного характера. Я мог заступиться за друга, мог довести начатое до конца, настоять на своем и молча сносить невзгоды. Но сейчас ситуация была другого рода.

– Тебе пора отдыхать, – скомандовала Хаво.

– Ну, ладно... – Дед согласно покивал головой, посмотрел на меня грустно. – Хочу еще почитать. – Он повернулся, указывая мне рукой на газету, что лежала на столе. – Игорь, такие дела в мире творятся... Да... – Он не закончил, махнул рукой, словно давая мне право самому решить, что из этого следует.

Как только дед ушел к себе Хаво буквально силой потащила меня вниз. Она была как натянутая струна.

– Мама, – сказал я, стараясь говорить как можно спокойней. – Возможно, что сюда придут с обыском.

– Что?! – Глаза Хаво расширились. Она растерянно посмотрела на меня, потом схватила за грудь. – Что случилось?

Взгляд ее стал тоскливым. Уверенность вдруг покинула меня. Теперь я казался себе маленьким мальчиком, не выполнившим задание. Я пытался сохранить выдержку, но чувствовал себя щенком, забредшим в чужой дом. Едва я собирался с силами, чтобы произнести нужные слова, как меня подкашивала нахлынувшая паника. Слова, которые мне надлежало произнести, пугали меня.

– Отца временно задержали.

Хаво побледнела и стала осыпать голову ударами.

– Ох, худох, ох, худох!!! – начала кричать она высоко, визгливо, словно стремясь криком заглушить боль, пронзившую ее сердце.

Мне следовало собраться с мыслями, сосредоточиться, чтобы перестать терзаться вопросами, на которые не было ответа.

– Успокойся, мама, – сдержанно произнес я. – Еще ничего не известно. Отца только задержали. Могут отпустить. По-всякому бывает.

– Что с ним? Что с Эрзолом?

В ее голосе звучали неподдельное отчаяние и предчувствие беды.

– В Москве был обыск. Скорее всего, они придут и сюда. Завтра. Лучше будет, если это будет при мне. Главное, уберечь Нахамьё. Боюсь, он может не пережить этого удара.

– Это все Москва! Я знала, знала, – продолжала причитать Хаво, словно не слыша меня. – Говорила же ему, не езжай. Не его это город.

Я крепко прижал ее к себе, стараясь не позволить ей осыпать свою голову ударами.

– Мамочка, родная, успокойся!!! Береги себя, ты нужна отцу здоровая.

Она посмотрела на меня не понимая, что я говорю.

– Мамочка! Успокойся. Мы пока ничего не знаем. Отец сильный. Его могли задержать как свидетеля, а потом отпустят. – Я говорил, зная, что даже ложная надежда лучше страшной правды, и замолчал, давая Хаво время, ухватиться за спасительный смысл моих слов.

– Скажи, в доме есть деньги? Лучше их спрятать.

Хаво снова всплеснула руками.

– Ты успокойся. Отец здесь не прописан. Взять они ничего не смогут. Но деньги лучше уברי подальше.

Взгляд Хаво стал серьезным, сосредоточенным.

– Да, – ее сознание прояснилось. – Я к соседке, подожди, – шепнула она мне.

Она взяла себя в руки. Вышла из кухни. Я слышал, как хлопнула входная дверь.

Я остался один, подошел к телефону, набрал московский номер. Меня знобило. Надо было научиться выбрасывать из памяти все лишнее, что только вносило панику, тот житейский мусор, который мог помешать задачам сегодняшнего дня.

– Лида, это я, – сказал я тихо. – Что у вас?

– Они ушли. Я убираю. В квартире все перевернуто.

Ее голос был приглушен, от него не осталось и нотки прежнего очарования. Она говорила коротко, словно продолжая пребывать в шоковом состоянии. Я помолчал, надеясь, что Лида и без слов услышит мои мысли и откликнется. А она и в самом деле их услышала.

– Что у нас можно найти? Ничего же нет.

– Я прошу тебя – держись. Ты слышишь меня?

Лида вздохнула. Я почти воочию увидел, как она пытается улыбаться.

– Как Сережа?

– Нормально. Уснул в своей комнате. Ты не волнуйся.

– И ты постарайся заснуть. Отдохни. Это очень важно. Ты меня слышишь?

Лида что-то тихо ответила, я даже не расслышал что, скорей чутьем поняв ее ответ.

– Игорь, я завтра вылечу с Сережей домой.

– Конечно.

– Ты сам понимаешь...

Она могла не продолжать. Возвращение в санаторий было немыслимым.

– Ты кого-то ждешь? – спросила она, неправильно почувствовав мое напряжение.

– Да пусть приходят! Чего нам бояться? – Я сказал это как можно равнодушнее, но так и не сумев скрыть терзавшую меня ярость. Лида совершенно поникла.

– Я поняла, – ее голос был еле слышен.

– Прошу, сейчас иди, – я почти чеканил каждое слово, – и ложись спать. Отдыхай. Завтра созвонимся.

– Игорь, я за тебя волнуюсь, – воскликнула Лида.

– Перестань, Лидочка. Со мной все в порядке. Ты сейчас не одна. От твоего состояния зависит здоровье нашего ребенка. Ты слышишь меня? Я тебя прошу... Ты все поняла?

Она не ответила. Я почти воочию увидел, как она кивает, словно желая пропитаться моей уверенностью. В ее молчание сквозил удручающий страх, и я старался говорить как можно убежденное, чтобы передать ей свою уверенность.

– Все, давай. Поцелуй Сережу и иди отдыхать. До завтра.

Я положил трубку.

Хлопнула дверь. На кухню почти не слышно вошла Хаво. Шокирующее известие изменило даже ее шаркающую, приземленную поступь. Увидев меня с телефонной трубкой в руке, она взметнула на меня испуганный взгляд.

– Я Лиде звонил, – сказал я с напускным равнодушием. – Никаких новостей.

Хаво покачала головой, силясь не заплакать.

– Мама, давай ложиться. Все устали.

Я поцеловал ее в лоб и пошел в свою комнату.

Холодные ночные сумерки накрыли землю. Как только голова моя коснулась подушки, сон моментально улетучился. Я ворочался в кровати, словно под пытками палача, в роли которого выступало мое собственное сознание.

Возможно, я скоро пойму, что случилось сегодня днем, а может, и нет (это выяснится позже), но пока мне надо

огородить себя от страха железной стеной. Я чувствовал, как всякое воспоминание об отце ложится в эту стену прочным камнем, ощущал невероятный прилив сыновней любви – преданной и печальной. В моей любви к отцу ничего не изменилось с тех самых пор, как я пятилетним мальчиком в порыве обожания бросался к нему на шею, когда он возвращался с подарками из командировок. Это было щемящее чувство, как воспоминание о вкусе леденца с кислинкой из детства.

Только под утро я провалился в тяжелый, глухой сон, в котором меня кто-то окликал, а я все время оборачивался, но так и не смог понять, кто же это был.

Разбудил меня светящий в глаза луч солнца. Между сном и явью меня посещали голоса. Я слышал многих обитателей нашего городка. Почему-то все звуки слышатся яснее всего именно на грани пробуждения, которое, случается, длится бесконечно долго, целую вечность. Постепенно слух стал различать визгливое карканье ворон, надсадное курлыканье голубей; эти звуки просыпающегося дня распугали монстров моих ночных кошмаров, сквозь которые возникло слово – «Лярвы!» «Эй вы, призраки, лярвы! Подите прочь!» – мысленно кричал я, старался уцепиться за этот крик как за спасительную цепь, способную вытащить меня из глубин подсознания, как за мощную плеть, способную иссечь предательские страхи.

В ожидании всего самого ужасного, когда страх становится тяжелым, точно свинцовое дыхание самой вечности, любое, даже самое обыденное удовольствие, проникшее к тебе в душу, вдруг оказывается не менее ценным, чем брошенная в пропасть веревка. Это я узнал на собственном опыте, пока слушал, не размыкая глаз, пение птиц. И тут я понял, что смогу выбраться из бездны.

Попытался мысленно переключиться, стал размышлять о солнце, которое проникало сквозь мои плотно сжатые веки... И вскоре в этом состоянии на грани между сном и явью пришла надежда на то, что, возможно, «они», эти совсем не желанные «гости», могут и вовсе не появиться; я обуздал свой страх, зажал его в тиски и вновь обрел способность трезво мыслить. «Ах, Игорь, – все настойчивей шептал мне мой внутренний голос, – все обойдется».

Эта мысль, ясная и внятная, словно спасательный круг, брошенный мне в пучину кошмаров, привела меня к выводу о том, что у следствия, похоже, что-то не ладится... Судя по всему, у «них» не было достаточно оснований для задержания отца. А раз так, возможно, что они его и отпустят. И верным знаком этого будет, что они не придут сюда. Надо просто ждать. Забыть обо всем и ждать.

Перед глазами возникли пышная шевелюра отца, его профиль, словно вырубленный из мрамора, вот он подходит ко мне, шепчет какие-то успокаивающие слова.

Я открыл глаза. Голубое небо. Ни облачка. За окном щебечут птицы. Все происшедшее казалось кошмаром.

– А может, действительно все обойдется? – прошептал я вслух. – Может, никто не нагрянет?

Я услышал шум из балки, который напомнил мне мое детство. Почувствовал аромат свежести, словно приход весны становился все ощутимей и сильнее. И сразу вслед за этим пришло спасение.

В недрах моего мозга уже рождалась какая-то схема, какое-то решение проблемы – я чувствовал себя лучше, словно сама моя жизнь выкарабкивалась из тяжелой болезни и наливалась силами.

Я спустился вниз. Хаво уже хозяйничала у плиты.

– Садись, Игорек, покушай.

Она ожидала, что я скажу.

– Мам, дед позавтракал?

– Нет еще.

– Надо его отправить гулять! Любой ценой отправляй его из дома.

Хаво тоскливо посмотрела на меня. Как и мне, ей хотелось надеяться на чудо. Но, встретившись со мной взглядом, она все поняла, испуганно закачала головой и тихо, под нос, запричитала. Я обнял ее за плечи и с легким напором убедительно произнес:

– Перестань.

Она удивленно посмотрела на меня, как бы еще раз спрашивая: «Значит, точно придут»?

– Игорь... – у нее на глаза навернулись слезы.

– Отцу бы это не понравилось. Перестань.

Хаво судорожно вздохнула, пытаясь взять себя в руки. Душа ее металась между двух огней: боязнью за судьбу сына и опасениями за Нахамье – сможет ли он пережить такой удар?

Мы сели завтракать. Дед был оживлен, о чем-то все рассказывал и рассказывал. Я с горечью подумал: какое чудесное утро могло бы получиться.

– Ну, все, пойду, подышу, – объявил дед.

Он стал медленно подниматься. Хаво побежала за ним, заставила потеплее одеться, надавала поручений, что случилось совсем не часто. Дед на секунду даже почуял подвох, но тут же забыл об этом.

– Зайди в аптеку. Купи, что я просила, – частила Хаво. – Обязательно мацы купи. Только у Сары, у нее бери, к Патимат не иди. И рецепт мой возьми. Про аптеку не забудь!

Она говорила это строго, как мать. Дед радостно на все кивал. Хаво проводила его до дверей.

– Пойду продышусь, Игорь! – обернувшись ко мне, крикнул дед весело.

Я смотрел ему вслед, желая, чтобы он только никого не встретил.

Не успел дед покинуть дом, как во дворе залаяла собака.

– Слава Богу, дед ушел, – подумал я и вышел во двор.

Первое, что я увидел, как от калитки к нашему дому надвигалась огромная, как мне показалось, толпа.

Я заметил несколько легковых машин за забором и две милиейских по обе стороны от калитки. Сердце сжалось.

«Дождались», – пронзила мысль.

Ощущение времени замедлилось, как бывает в минуты алкогольного опьянения, когда рука, которая подносит бокал ко рту, превращается в птицу, что летит по небу и никак не долетит до края горизонта...

Легкие вобрали в себя воздух с протяжным вздохом, и время вернулось на то место, откуда тронулось в путь, когда я вышел из дому...

Все это длилось лишь мгновение, но чрезвычайно долгое. И вот уже эти люди как по команде устались мириадами зрачков на меня одного – как будто я был диковинной птицей.

Их взгляды словно источали смрад болотных испарений, и казалось, что по мне, опутывая ноги, ползут мерзкие змеи.

Время снова ускорило.

Есть два вида страха: от одного бежишь, куда глаза глядят, а другой можно описать как «глаза глядят, а руки делают». Сейчас я испытывал нечто близкое ко второму и почувствовал какую-то странную радость, как будто их приход принес мне освобождение от бесконечного ожидания опасности: теперь в моей жизни была ясность...

Поэтому я просто улыбнулся неизвестно кому и, легко преодолев две ступени крыльца, двинулся навстречу страху. Навстречу незнакомцам.

По всей видимости, старшим в этой компании был немолодой человек с грязно-седыми волосами и нездоровым цветом лица, крупным носом, в очках с затемненны-

ми стеклами. Он смотрел на меня, словно спрашивая: «А это кто еще такой?»

Мы поравнялись. Наши взоры встретились и впились друг в друга. Его взгляд был суров и жесток и разъедал мне глаза, как соль. Но я ощущал невероятную отрешенность, словно мои ощущения мне не принадлежали и были упакованы, как инструменты, в какой-то железный ящик.

Между нами повисло молчание, которое возникает в комнате, где случается что-то нехорошее.

Я утратил способность что-либо чувствовать, мне казалось, что я физически исчез, словно привидение, все ощущения, казалось, проникало в меня сквозь поры кожи, но не достигали сознания.

Незнакомец шагнул мне навстречу. Он источал некую животную волну уверенности, словно в мозгу у него сидела ясная и четкая картина мира, которая доминировала над реальностью.

Он буквально приклеил к моему лбу свое красное удостоверение.

– Прокуратура СССР, – произнес он глухим голосом.
– Вы кто?

Я предъявил свое депутатское удостоверение.

Он криво усмехнулся, кивнул одному из своих помощников – здоровенному мужику, что стоял рядом. Тот выхватил мое удостоверение, прочитал, вернул обратно.

Старший посмотрел как будто сквозь меня, словно я был ничего не значащей помехой, и с чрезвычайно уверенным видом процедил:

– У нас санкция прокурора на обыск.

Вертухай, что стоял за ним, протянул мне бумагу. Все было ясно.

Старший снова ухмыльнулся, словно прочел мои мысли. Я почувствовал себя добычей, которую пытаются обложить охотники.

Незнакомец обернулся к другому следователю, который стоял за ним. Тот был сухощав, лет пятидесяти, с землистым цветом лица, как у язвенника, и такой же, словно чугунной, кожей. Он втянул в себя воздух быстрым вдохом боксера, будто собирался меня ударить, но за невозможностью исполнить намеченное стал сверлить меня взглядом хищника, учуявшего дичь.

– Понятые! – Он обернулся к кому-то.

– Минутку, – я обратился к старшему. – Здесь мои старики, они в преклонном возрасте, можно с ними как-нибудь помягче?

Следователь сделал вид, что не услышал мой вопрос, обернулся к своим шавкам и махнул им рукой:

– Начинайте.

Из-за его спины словно из табакерки посыпались люди, человек восемь-десять. Они обтекали меня, как грязевой поток. На меня они почти не смотрели.

И я снова поймал себя на мысли, что чувствую настроение охотников, прождавших всю ночь в засаде и наконец под утро дождавшихся своей добычи. Мой дом, мои родные были для них просто дичью.

На меня накатила огромная волна усталости. Я испытывал чувство пловца, потерявшего берег, или ощущение боксера, в самый разгар поединка обнаружившего, что ноги у него стали ватными, а руки утратили силу.

Они уже поднялись в дом. В ушах прозвучало что-то вроде сирены, возвещающей о конце света. У двери встал милиционер, словно в знак чего-то необратимого, и смотрел на меня испепеляющим, яростным взглядом.

Я вошел в комнату. Люди, разбившись парами, двигались вдоль стен, обстукивая их молоточками. Старший уселся за стол и принялся заполнять какие-то бумаги, то и дело поглядывая на меня.

Я выдержал его взгляд. Потом заставил себя переключиться и стал следить за прокурорскими работника-

ми. Какой-то низкорослый крепыш, видимо, бывший борец, рылся в серванте, выкладывая содержимое ящиков на стол. Его спутник что-то шептал ему, подсказывая, куда еще можно заглянуть. Они действовали методично, словно состязаясь друг с другом, как ищейки на охоте.

– Посмотри, сколько сервизов! – послышался чей-то голос.

Меня обуяла ярость, все окрест вспыхнуло красным пламенем, мозг налился кровью, я был готов схватить их старшего за грудки и швырять, швырять его оземь без конца. Но мое отражение в серванте продемонстрировало на поверку лишь глухое раздражение, словно сыщики тащили меня за собой по смрадным закоулкам, злобно щурясь в охотничьем азарте.

Я огляделся. Обыск был в разгаре, следователи действовали как машины: с первого этажа перебрались на второй, потом перекинулись в кухню, ванную, туалет, подсобку, бойлерную.

– Ну и сортир! – услышал я восхищенный возглас одного из них и брезгливо поморщился.

Чугунная усталость не отпускала. Им было все равно, здесь я или нет. Они даже не стремились запугать меня или даже произвести какое-то впечатление. Они просто монотонно и буднично выполняли свою скотскую работу. И это было самое ужасное.

Я не заметил сколько времени прошло...

Вернул меня к реальности голос старшего, он неслышно подошел ко мне с таким выражением на лице, словно говорил: «Я убью тебя, сука».

– Ну, покажите нам, где у вас раньше был гараж?

Я поднял голову.

– Меня интересует ваш старый гараж, – заметив мой удивленный взгляд, пояснил он мне. – Где он был раньше? – в глухом раздражении, словно пропустивший нокаут боксер, воскликнул он.

Я молча встал. Вышел во двор. Они шли за мной.

У ровной площадки, крытой цементом, я остановился.

– Вот здесь.

– Яма здесь была? – спросил меня следователь подозрительно. В руке он держал какую-то бумагу, с которой сверялся.

Я вдруг вспомнил, как отец шутил на свадьбе у Славика, что зарыл здесь клад. Абсурдность этой шутки тогда была очевидной. Но сейчас меня озарила совсем другая мысль. Откуда они об этом знают?

Другой следователь в азартном нетерпении подбежал к своему напарнику и начал что-то жарко шептать ему на ухо. Тот кивнул, поднес ко рту рацию, что-то скомандовал.

Я увидел, как к нам спешит человек с металлоискателем в руке. Боже мой! Они явно верили в свою удачу. Техник быстро наладил свой аппарат и стал судорожно водить по земле щупом точно мужик, откинувшийся с зоны и наконец добравшийся до бабы. Это длилось минуту, вторую. Вокруг него сгрудились все остальные. Вдруг безмолвный аппарат ожил, запищал.

Меня озарило – они явно с самого начала знали, где им искать. Дом, чердак, бойлерная – все это было для проформы. Бумага, с которой они сверялись, была планом, который им кто-то нарисовал. Да! Они точно знали, что на месте старого гаража должно быть что-то спрятано! Просто чудеса! Но вероятность того, что им было откровение с неба, равнялась нулю.

Признаться, в этот момент мне стало нехорошо не от их уверенности в победе, а от мысли о том, кто же мог их надоумить?

Глаза следователей загорелись, словно в них вживили по лампочке. Они посмотрели на меня, ожидая увидеть на моем лице приближение своей скорой победы.

– Тащите отбойные молотки! – услышал я.

Тут же появились люди с молотками, лопатами и начали действовать. Одни снимали слои земли, другие с надрывом выбивали отбойными молотками пласты цемента, который дробился под их ударами.

Действовали все с азартом, словно свора гончих.

Выходило, что кто-то из тех, кто бывал в нашем доме, кто считал себя другом отца, стал колотиться, создавая миф об отце как о богатейшем человеке.

Стукачом мог быть только кто-то, слышавший слова отца о том, что он зарыл там клад. Об этом говорила простая логика.

И было очевидно, что отныне, когда я встречу друзей отца на улице, буду искать ложь в каждом их взгляде.

Я походил на человека, который летит вниз по скользкому склону, хватается за ледяной наст, а тот с хрустом отламывается и остается у него в руке. Я понимал, что если не смогу ответить на главный вопрос – за что именно взяли отца, и по какой логике начнут развиваться события – то так и буду скользить вниз, пока не сорвусь с обрыва в пропасть, в безумие.

К реальности меня вернул скрежет крошащегося под ударами отбойного молотка и ломов бетона. В иное время я хохотал бы во все горло, наблюдая, как они надрываются, пытаюсь разворошить яму.

– Нашел! – крикнул тот, что орудовал шупом. Он наклонился, стал что-то разгребать, но радостное лицо вдруг исказилось – из земли торчали металлические прутья арматуры.

Он закусил губу, принялся шуровать дальше. Вдруг его аппаратик снова запищал, и сыщики начали с остервенением вгрызаться в землю в другом месте. Так было еще пять или шесть раз, и каждый раз сыскари оставались ни с чем. Прошло несколько часов титанических усилий и тщетных поисков. Ничего!

Только тут до их старшего стало доходить, что они ищут напрасно. И то, на что они делали ставку – просто фикция!

Я видел, как исчез азарт в его глазах и как с каждым новым ударом отбойного молотка взгляд его тухнет, словно он уже проговаривает в уме оправдательные формулировки перед своим начальством.

Улыбка скривила мои губы. Следовательно зло посмотрел на меня.

– Ищите шире, – прокричал он и махнул рукой в сторону балки.

Сотрудники с миноискателем вышли за ограду и начали методично прочесывать землю на склоне, который полого спускался до самого ручья.

Я поднялся на веранду, откуда открывался восхитительный вид на балку, сел на стул, плеснул в стакан вина, изображая, что мне все равно, а сам незаметно стал наблюдать, в каких местах они работают с миноискателем.

Тревога шевельнулась у меня в груди – я увидел, к какому месту они приближаются. «Долго ли смогу оставаться таким безучастным?» – мелькнула мысль. Прокурорские все ближе и ближе приближались к нашему тайнику. Лицо одного из них показалось мне знакомым. Рука с вином застыла в воздухе.

До того места, где были спрятаны наши сокровища, оставалось метров сто, не больше. Воображение сыграло со мной злую шутку – почудилось, что я слышу писк прибора, крик «Тут что-то есть!», и тут же, как реакция на опасность, во мне проснулось нехорошее предчувствие. Я чувствовал, что сейчас взорвусь...

И тут с веранды я увидел тонкую, немного согбенную фигуру Нахамьё. Он входил в нашу калитку. Удивленно замер, когда перед ним выросла фигура милиционера.

Я опрометью кинулся во двор.

– Стойте, – крикнул я, подбегая к менту. – Он здесь живет.

– Игорь, что случилось? Кто они? – Дед поднял на меня удивленные глаза.

Я почувствовал, как ежусь под этим взглядом – будто был виноват в том, что чужие люди в милицейской форме хозяйничают у него во дворе.

С дедом что-то происходило, словно какое-то воспоминание преобразило его лицо. Мне показалось, что сейчас он упадет. Дед вздрогнул и начал откидываться назад.

Я бросился к нему, подхватил.

– Дедуля, ты только не волнуйся. Это все скоро закончится. Они посмотрят и уйдут.

– Что? – Он как будто не понимал или не слышал моих слов.

Я схватил его за руку и буквально повлек за собой в дом, желая поскорее отвести его в комнату, оставить среди привычного ему окружения, в котором нет места опасности, что обрушилась на наш дом.

– Боже мой, что это такое?! – Дед недоуменно переводил взгляд то на меня, то на Хаво, когда мы вошли.

– Успокойся, родной!

Он вдруг что-то понял.

– Где Эрзол? Где мой сын? Что с ним?!

– Я тебя прошу, не переживай, с ним все в порядке, он жив! Мы сейчас разберемся, что к чему, сами толком ничего не знаем. – Я говорил убежденно, стараясь, чтобы дед не понял реальной ситуации. – Скоро все разъяснится. Обыск...

Услышав последнее слово дед подскочил, словно собираясь бежать, и тут же снова поник, придавленный лавиной охватившего его ужаса.

Лицо его исказилось, он закрыл его ладонями, и плечи его мелко-мелко затряслись. Впервые я видел его таким. Хаво бросилась к нему, начала успокаивать.

– А-а, – стонал Нахамьё, будто кто-то осыпал его ударами.

Потом, очнувшись, с удивлением стал оглядываться вокруг, только сейчас увидев разбросанные по полу вещи, и щека его стала дергаться, словно от удара тока.

Я с трудом сдерживал гнев и желание расквитаться с непрошенными гостями. Но злость тут же сменилась новой волной страха – за деда, внутренний голос четко произнес: «Ступай к ним, узнай как дела? Сделай хоть что-нибудь, только не стой на месте!». И тут же мысль о балке обожгла меня холодным прикосновением к металлу на морозе. Балка!

Пока мы успокаивали деда, они уже сто раз могли наткнуться на схрон. Я выскочил на крыльцо и не поверил своим глазам: сыщики шли мне навстречу с металлоискателем в руках. Взгляд у многих был отсутствующий.

Тот, кто показался мне знакомым, подошел ко мне. Сравнительно молодой человек лет тридцати пяти с невыразительным лицом и угрюмым взглядом.

– Игорь Алексеевич, – обратился он ко мне, и тут я вспомнил, где его видел.

Он был один из местных. Видимо, Прокуратура СССР привлекла к обыску местных ребят. Мне сразу стало понятно его смущение. Он хорошо меня знал.

– Я хочу сказать, – продолжил он, отводя взгляд, – что мне очень жаль, что мы встретились при столь печальных обстоятельствах. Мы закончили.

Я ничего не ответил. Просто стоял и смотрел, как злые, уставшие, обсыпанные пылью и грязью следователи покидают дом.

Темнело. Я закрыл за ними калитку. Все потихоньку стало возвращаться на круги своя.

Хаво, оглушенная и потерянная, торопливо, охая и причитая, прибиралась в доме. Нахамьё лежал в своей комнате. Для него это был страшный удар.

Мы снова были предоставлены неизвестности. Оставалось только ждать.

Я тут же набрал московский номер.

– Лида, как дела?

– У нас, – мне показалось, что голос ее предательски дрогнул и она владеет им не в полной мере, – все в порядке, квартира в полном порядке.

– Как Сережа?

– Он спокоен. Во всяком случае, не спрашивает ни о чем. – Она замолчала, подыскивая слова. – Зачем приходили? Ничего же нет.

Я понял, что она сказала это специально, возможно, для тех, кто нас слушал. Но все равно внутренне съезжился.

– У нас тоже.

– Игорь, что-нибудь про отца слышно?

– Ничего.

Мы помолчали.

– С тобой все в порядке? – спросил я тревожно.

– Да, не волнуйся. Я купила билеты. Валя одна справится, а мне... Какой смысл здесь быть? – устало ответила она.

– Конечно!

– Алло, алло! – почти закричал я, связь неожиданно прервалась. – Завтра же вылетай. Из аэропорта позвони мне или в приемную, сообщи, какой рейс и во сколько, я пришлю машину.

– Да, да, не волнуйся.

И голос ее, как мне показалось, зазвучал уверенней. Я хотел, чтобы она исчезла из Москвы как можно скорее. Продолжать думать об этом мне не хотелось.

Лида уже полностью взяла себя в руки.

– Не волнуйся. Встречай нас. И не волнуйся так, – повторила она. – Иди лучше к Хаво. Как она? Держится?

– Да, как это ни удивительно! Только плачет все время.
А дед...

– Ему стало плохо? – спросила Лида с испугом.

– Ну, – я замолчал, не зная, какие слова подобрать. –
Хаво сейчас с ним. Ничего, думаю, все образуется.

Говорить было больше нечего. Наше волнение оставалось с нами, но поделаться больше мы ничего не могли. Мы попрощались.

Я поднялся в комнату Нахамьё, остановился на пороге. С ним по-прежнему сидела Хаво. Возможно, она что-то дала деду, потому что он заснул. Завидев меня, она приложила палец к губам и тихо вышла из комнаты.

– Какие новости у Лиды?

– Мам, мы пока ничего не знаем. Остается ждать, когда все прояснится. Если нет, начнем сами действовать. Я вам буду звонить, сообщать. Постарайся Нахамьё успокоить. Мне пора возвращаться.

Уезжал я с тяжелым сердцем. Как бы я их ни успокаивал, старики переживали, и вернуть их к привычной жизни могло бы только появление перед ними отца – как всегда веселого, громогласного и уверенного в себе. Но этого не случилось. И на них было больно смотреть.

А эта боль привнесла и новое понимание сложившейся ситуации.

XXIV

На подъезде к Армавиру мучительное напряжение стало отступать. Невыносимо жить, не представляя даже степень угрожающей опасности. Но теперь я был уверен, что найду решение.

И как ни странно, у меня еще оставалось достаточно оптимизма, чтобы понять, что раз мы выкрутились сначала в доме отца на Новаторов, а затем в Кисловодске, дела не так уж плохи. У следствия явно чего-то не хватает, а это значит только одно – шанс, лазейка, что отца удастся вытащить оттуда.

Порой чувство безумной надежды диктует нам половину наших поступков. В несчастьи мы все нужны друг другу хотя бы ради того, чтобы поддержать и дать совет. По возвращению внутренний голос тут же стал настоятельно советовать мне: позвони Исаю.

Я сознательно не вспоминал о нем в первое время после ареста отца. Но на подъезде к Армавиру перед глаза-

ми возникла картинка из далекого прошлого, яркая, как только что отчеканенная монета: Исай неуклюже шагает по улице в своих твидовых брюках, лакированных черных туфлях и старом пиджаке с обтерханными атласными лацканами (в котором он, к ужасу Лизы, и был в свое время арестован), а на лице его сияет, словно неоновая вывеска на улице Горького, победная улыбка, мол, «Что? Съели?! Я – на свободе».

Только Исай был тем, кто мог дать мне сейчас дельный совет. В некотором роде его манера мыслить заслуживала восхищения.

Я подумал о его улыбке, которую он подарил мне, когда вернулся из «мест, не столь отдаленных». Это была улыбка победителя, приобретшего неоценимый житейский опыт.

Помню, как тогда поразился изменениям, произошедшим с его внешностью. Его длинный нос заострился еще больше, рот стал еще шире, а глаза, в которых мне иногда виделась бездна, еще темнее. Только его победная походка осталась прежней. Эта картина и придала мне уверенности в том, что Исай обязательно подскажет правильные шаги.

Исай ответил мне почти с первого звонка. Видимо, в Ташкенте междугородний звонок звучал по-особому.

– Исай, это я!

– Игорь! – В иное время я был бы несказанно рад услышать этот голос, который он тут же понизил до шепота. По его напряженному тону я понял, что он давно ждал, когда я позвоню. – Я все знаю.

Мне показалось, что если я сейчас же начну обсуждать беспокоившие меня обстоятельства, он тут же расставит все точки над «і».

– Исай, помнишь, что говорил отец?

– Забудь об этом, Игорь, – ответил он.

– Странно все вышло.

– Да, жуть. – Он закашлялся.

– Надо что-то делать.

– Я пока ничего не знаю. Это серьезно. Пока не вышел определенный срок – трое суток, говорить о чем-либо рано. Если им нечего будет предъявить, они его выпустят. Понял?! – Надежда в его голосе стала прорастать подобно первым весенним цветам.

– Главное, чтобы они не забрали его с концами! Нам никто ничего не сообщает. Хаво сходит с ума!

– Игорь, это не курорт. Давай подождем до конца недели. Если никаких новостей не будет, начнем действовать.

– Неужели ничего нельзя сделать сейчас?

– Поверь, я знаю, что говорю.

Голос Исаия в минуты опасности обладал даром убеждения.

– Отец был прав.

– Игорь, не нарывайся.

– Нас обложили.

– Держись.

– Я нормально, не волнуйся.

– Звони, если только что-то выяснится раньше, хотя я на это не надеюсь.

– Позвоню, – шепотом закончил я и положил трубку.

Лида с Сережей вернулись на следующий день.

Я прижал к себе сразу обоих – самых близких и родных мне людей. Прижал так сильно, как только мог, словно собираясь своей силой выдавить из их памяти страх, посеянный обыском.

Я обнимал Лиду в смятении, раздираемый опасениями за крах надежд на безоблачное счастье и за судьбу отца, и в то же время испытывая безмерное счастье в ожидании прихода в этот мир новой жизни, рождения нашего с Лидой ребенка.

Я не знал, что говорить, кроме того, что, «возможно, все обойдется», что «отец сильный и так просто не даст себя в обиду».

Лида и сама все понимала, слушала, не произнося ни слова будто ее молчание было способно даровать спасение.

Казалось, наша жизнь, складывающаяся из обрывков трудноразрешимых головоломок, уже никогда не вернется в прежнюю колею. Но, тем не менее, как то все пошло в обычном режиме. Утром я уехал на работу, пропадал там до ночи, потом вернулся. Меня только не покидало ощущение, что мы на прицеле и курок взведен.

Я с болью вспомнил наш последний разговор во время похорон Ильи, его попытки остановить ту машину, которая, к моему ужасу, как оказалось, уже была запущена. Вспоминал его советы, заботу о нас... И почему-то складывалось стойкое ощущение, что отец пострадал за нас, принес себя в жертву.

Мы ежедневно звонили в Москву, но ни завтра, ни послезавтра, ни через три дня никакой информации так и не появилось.

Я заметил, что стал делать все быстрее, особенно снимать трубку с аппарата всякий раз, когда раздавался звонок, надеясь, что это будет тот самый, который принесет хоть какую-то весть об отце.

Исай перезвонил, как мы и договаривались:

– Да, Игорь, – начал он без долгих экивоков, – надо лететь в Москву. Под лежащий камень вода не течет, – он произнес это хриплым, точно шум мартовского ветра, голосом. – Лучше всего что-то выяснять на месте. Ты согласен?

– По твоей логике, все совсем нехорошо? – сухо и отрезанно спросил я.

– Я об этом вообще не думаю. Я просто тебе говорю, что надо делать, и не теряю надежды. – Он выдержал паузу.

– Ты только скажи, отцу что... Уже ничем нельзя помочь?

Он испустил вздох невероятной усталости.

– Не драматизируй. Никогда не принимай в расчет все плохое, тогда оно тебя точно минует.

Мы должны были встретиться с Исаем в ресторане Дома журналистов. Там всегда можно было поговорить абсолютно спокойно. Исай уже успел позвонить каким-то своим знакомым, что-то разузнать. Отправляясь в ресторан, в глубине души я лелеял мысль, что он хоть что-то мне прояснит.

– Игорь, ровным счетом ничего не известно, – опередил мои вопросы Исай, как только мы обнялись и прошли в отдельный кабинет. – Сколько его будут держать, что предъявляют – тоже неизвестно. Но... – он выразительно посмотрел на меня. – Не теряй терпение.

– Исай, я к этому готов! Меня сейчас больше беспокоит другое... – Видимо, в моем тоне прозвучало какое-то искреннее беспокойство, поскольку Исай аж подпрыгнул и выставил вперед руку, словно собираясь защитить меня от моего же страха за отца. – Как он там? Ясно, что не санаторные условия. Но все же... Где его держат? С кем? – Я помолчал... – Ты же его знаешь... Оказаться запертым в четырех стенах! Ему?! Он же может не выдержать!

Исай попробовал рассмеяться, чтобы подбодрить меня и зарядить оптимизмом.

– Значит так, Игорь, это довольно пакостная история... – Он посмотрел на меня взглядом, полным призыва подхватить и разделить его настроение, но осекся, прочитав на моем лице лишь сомнение.

– Говори мне все, что знаешь...

– Игорь, ты меня не понял. – Исай виновато поднял вверх руку с ладонью, обращенной ко мне. – Вопросы,

на которые ты не можешь ответить, лучше не задавать. Я тоже встревожен. Но пойми, оборону на голодном пайке не держат. Надо звонить его людям. Я уверен, они помогут. Первый, с кем бы я поговорил, это Зиняков.

XXV

Зиняков молча поднялся, когда мы вошли к нему в гостиную. Его жена, тихая как тень, тут же вышла, предоставив нам полную свободу для разговора. Я огляделся. Видимо, Василий Степанович собирался кому-то звонить, прямо перед ним на столе стояли телефонный аппарат, чашка с кофе и кофейник. Едва завидев нас он отставил чашку, молча бросился мне навстречу и крепко обнял.

Я чувствовал себя уставшим, словно грудь распирала огромная глыба льда. Но и Василий Степанович выглядел не лучше – похудел, осунулся, на скулах ярко розовел лихорадочный румянец, точно он был нездоров. Если бы не виноватый взор, который он изредка кидал на меня, я бы подумал, что он не в себе.

Он махнул рукой в сторону кресел, приглашая устроиться.

– Мы тут кое-что принесли, – я поставил на стол пакеты.

– Да... У меня, признаюсь, настроение паршивое. – Василий Степанович хмыкнул, словно говоря – еда сейчас не имеет никакого значения, но промолчал.

– Спасибо, что приняли, – сказал я.

– Игорь! – воскликнул он. – О чем ты говоришь?!

Он отнюдь не выглядел таким же довольным и радужным, каким я его всегда помнил рядом с отцом. Было не ясно, нервничает ли он просто либо плохо себя чувствует.

Мы по-домашнему расселись за круглым столом. Только здесь я увидел лежащую перед ним газету «Известия» с заметкой об аресте заместителя главка Росшвейпрома.

– Это ужасно, Игорь, – проследив направление моего взгляда, воскликнул Василий Степанович. – В газеты... Вот так, сразу...

– Василий Степанович, я хочу понять, что тогда произошло?

– Ты имеешь в виду главк?

Я кивнул.

– Игорек, я клянусь тебе – ни сном, ни духом! При чем здесь главк!? Леша ничего не делал такого, о чем бы я не знал! В главке нет ничего... – Он чуть не плакал. – Это чудовищно, что они позволили вот так сразу... в газеты... – Он тяжело задышал, лицо его покраснело. – Я ничего не понимаю? Это... Это просто невероятно... Причем здесь главк! – снова повторил он. – Причем? Поверь, я вообще ничего не знаю. Это точно не главк.

– Василий, – вмешался Исай, – если у вас там все было в порядке, то что тогда? За что взяли?

Василий Степанович тяжело вздохнул.

– Я ничего не знаю. Игорь, клянусь. – Он страдальчески посмотрел на меня, прикладывая руку к груди.

– Мы с ним в тот день поговорили в девять утра, как обычно. Потом, когда его хватились, мне начали звонить, спрашивать где Алексей? А я ничего не знаю.

– Так это не ваши дела в главке? – снова нетерпеливо спросил его Исай.

– Что ты? Я тебе клянусь. Никаких дел в главке не было и быть не могло.

Он посмотрел на Исая убеждающим и доверительным взглядом. Исай отвел глаза. Обернулся ко мне. Мы с ним переглянулись. Наши надежды таяли на глазах.

– Я звонил Бровину, – вдруг с волнением добавил Зиняков, – тот просто не взял трубку. Все после этой статьи... – он горестно ткнул в газету своей пухлой ладонью, – все просто как сговорились... Никто ничего говорить не хочет. Либо больны. Либо просто не берут трубку. Словно черную метку на главк поставили!

Зиняков посмотрел на меня страдальчески, как бы призывая внять его непоправимому горю, но мои проблемы сейчас трудно было сравнивать с его, и поэтому я никак не отреагировал.

Василий Степанович неправильно истолковал мое молчание.

– Если бы я что-то знал, Игорь, – вздохнул он и наконец-то решился сделать один малюсенький глоточек из своей чашки, – я бы тут же тебе позвонил. Но никто ничего не знает.

Я посмотрел в окно.

– Порой мне кажется, что я догадываюсь, как устроен этот мир, – прервал тоскливое молчание Зиняков, – а порой не понимаю ничего, – закончил он со вздохом, мученически улыбаясь.

– Значит, Бровин – в кусты, – ни к кому не обращаясь подытожил Исай.

Зиняков кивнул.

– Плохо дело. – Исай шмыгнул носом.

– Знаешь, Исай, – отозвался Василий Степанович, – если тебе не могут помочь, то лучше держать свои проблемы при себе.

Я не понял, куда он клонит. Исай тоже вопросительно посмотрел на Зинякова, мол, ты это к чему, Василий?

Но тот загадочно закатил глаза к потолку, отмахнулся, мол, потом, не сейчас, и вдруг не удержался, наклонился над столом и тихо шепнул нам.

– Я слышал, у Гены тоже дела – не очень, так что ему сейчас не до помощи... – И он неожиданно засмеялся, точно дурное положение Бровина могло вселить в нас оптимизм, но в ответ не получил никакой реакции. – Мне уже звонили из министерства, официально сказали, что нужно готовить новую кандидатуру на заместителя, – добавил он виновато.

Земля у меня ушла из-под ног. Это прозвучало почти как приговор. Остаться больше мне здесь не хотелось.

Исай тоже поежился, как бы говоря, пора с этим заканчивать.

Мы простились. Зиняков вышел проводить нас до лифта. Уже когда мы вошли внутрь, он неожиданно воскликнул:

– Игорь!

Я вопросительно посмотрел на него.

– Иногда я понимаю, откуда растут ноги, – сказал он, умоляюще протягивая ко мне руку, – но сейчас, Игорь, я не могу связать вместе события последних дней.

Двери лифта закрылись.

Уже когда мы оказались на улице, я спросил:

– Что будем делать, Исай?

– Поехали к Вале! Будем думать.

В квартире отца было чисто и пусто, словно после обыска из дома вынесли всю мебель, да так и не внесли обратно.

– В первый раз я попал сюда, когда он только купил эту квартиру, – усмехнулся Исай, оглядывая стены. – Помнишь, как мы напились?

Воспоминание об этом заставило меня тоже улыбнуться.

– В какой ресторан тогда мы отправились? В Дом композиторов!? Да! – Исай вдруг толкнул меня в бок. – Игорь, хватит отчаиваться! Они только и ждут, чтобы мы дали маху. Мы найдем на них управу, они еще запоют! – Его как будто охватило предчувствие удачи. Даже голос зазвучал по другому. – Знаешь, как я продержался все это время? Просто помалкивал о том, что вижу. Все время шутил. А Алексей сильный. Он там не пропадет. Поверь мне.

Я молча кивнул, соглашаясь. Исай подождал, что я отвечу, готовый снести все мои сомнения к чертовой бабушке, но так и не дождался ни слова.

– Характер у него правильный, – продолжил Исай. – Если бы в нас было столько же пороку, сколько в нем, мы правили бы этим миром.

Его рука потянулась туда, где должен был стоять стакан с водкой, но потом он вспомнил, что на столе ничего нет.

– Давай-ка выпьем. Надо подкрепиться.

– А тебе можно пить?

Он посмотрел на меня удивленно:

– Я здоров как бык.

Я достал два фужера и налил в них коньяк. Исай залпом опрокинул, изрядно добавив себе воды. Этого было бы достаточно, чтобы я понял, что он все же не здоров, но спрашивать ничего не стал.

– Ты оклемался? – спросил он неожиданно.

– Вполне.

– Вот и отлично. Тогда давай действовать. Первая наша задача – узнать, где он и за что его арестовали. Тогда мы сможем помочь. – Он внимательно оглядел меня, словно обнаружил во мне какие-то изменения. – Для парня, который недавно благополучно пережил обыск, ты не слишком доволен. Боишься, они вернутся? – Испуг промелькнул в Исаевых глазах при мысли о том, что менты снова могут прийти сюда.

Я отрицательно покачал головой.

– Уже не боюсь. Просто слишком много всего неожиданно свалилось, – произнес я. – К кому теперь бежать? Где искать причину? В ком?

Я рассказал Исаю про отцовский гараж и про то, что следователи, похоже, знали, где искать.

– Да, – сказал он, глядя на меня своими льдисто-темными глазами, – я тебя понимаю. Но пойми и ваших приятелей. Не каждому выпало родиться с тигриными яйцами. Это люди. Я пять лет отмотал и видел, что делает с людьми система.

– Я не об этом, – устало покачал я головой. – Я о том, что не уверен, что понимаю, что происходит сейчас, – сказал я. – Еще полмесяца назад он предупреждал, что все пойдет не так, как надо. Подобрал все концы. За ним ничего нет. Я это знаю. Он больше волновался за нас со Славой, и вдруг – арест. Почему? Где прокол? И в чем отец ошибся? Я теряюсь в догадках!

Исай закашлялся тяжело, надсадно, с переливами. Это была попытка засмеяться. Он снова плеснул себе коньяку, потом посмотрел в стакан так, словно на дне его скрывались ответы на мои вопросы, и вздохнул.

– Неприятности, Игорек, притягивают неприятности. Это закон. Я тоже думал о наших друзьях. И знаешь,

что я надумал? Для половины из них – это просто трусость. Попытка спастись. Но все это без толку. Они просто не понимают. Пока не понимают. Мужiku бабьей породы легче стать героем, чем оставаться самим собой. Так вот, что я хотел сказать! Сильченко, – протянул Исai, поднимая вверх указательный палец. – Звони ему. Если кто что и знает, то только Кузьмич.

– Слушай, может, лучше к нему съездим?

– Нет, звони сейчас.

Именно тогда я подумал, что все не так плохо. Тень надежды легким крылом накрыла меня.

Я набрал номер Кузьмича. Трубку подняли почти сразу.

– Алло, – раздался надтреснутый голос, в котором я не сразу признал голос Михаила Кузьмича.

– Михаил Кузьмич, добрый день, это Игорь Бабаев беспокоит, – поздоровался я, подбирая слова, с которыми собирался к нему обратиться. Но Кузьмич перебил меня.

– Да, Игорь, здравствуй. – Тембр его голоса смутил меня. Или дело было в плохой связи?

– Михаил Кузьмич, я бы хотел с вами встретиться...

Он тут же прервал меня.

– Игорь, я болен. Пожалуйста, меня не беспокойте. Я плохо себя чувствую... – Голос его был сух, как суровая нить. И это неожиданное обращение на «вы»...

Он положил трубку быстрее, чем я успел что-либо ответить, как будто каждая секунда разговора со мной доставляла ему физическое страдание.

Несколько мгновений я в оцепенении слушал сигналы отбоя.

– Ну что он сказал? – спросил Исai и тут же по моему лицу все понял.

– В этом нет ничего удивительного, – рассмеялся он с сарказмом, словно радуясь тому, что жизнь не препод-

несла ему сюрприз в его познаниях о людях. – Закрутилось, и все сразу в кусты.

– Очень надеюсь, что отец об этом не узнает, – пробормотал я и посмотрел на Исаю.

Он отвел взгляд в сторону.

– Когда на голову неожиданно сваливается кирпич, Игорь, сразу начинаешь чувствовать: что-то вроде не так, – усмехнулся он. – Будто сидишь в ящике, и его стенки давят на тебя все сильнее. Вот и делаешь вещи, которых раньше не сделал бы. Это я про Кузьмича.

– Да, – я все еще пребывал в состоянии некоторого недоумения, – видать, папка круто влип.

– Так, не вешай нос.

Исай плеснул мне коньяк. Он вдруг преисполнился боевого духа. Что за странная логика действует в таких случаях! Я сам поразился собственному спокойствию. Впрочем, с плохими новостями всегда так – они полны самых непостижимых последствий. И на смену нашей озабоченности вдруг пришла бодрость, точно разговор с Кузьмичом не имел к нам никакого отношения. Вернулось возбуждение, связанное с вызовом, который бросала нам ситуация.

– Значит, так! Мы едем сейчас к Цыганкову, а?! Прямо сейчас. Время к вечеру. – Исай посмотрел на часы. – Он на месте. Посидим, вместе обмозгуем. Вдруг что придумаем. Нельзя здесь сидеть и тухнуть, надо действовать.

– Зачем? – махнул я рукой.

– Не знаю! Одна из причин рака, как говорят медики, это неподходящая среда. Мы сейчас не на своем месте. Поехали, выпьем, закусим и все хорошенько обмозгуем, наверняка что-то придумаем. Одна голова – хорошо, две – лучше, а три – великолепно. Поехали!

XXVI

В зале ресторана Дома журналистов было чертовски накурено.

Все эти убеленные благородными сединами персонажи, известные актеры и журналисты столичных газет, каждый вечер коротали в Домжуре, которым заправлял Коля Цыганков. Здесь для них была вольница – богемная атмосфера и призрачная смесь роскоши, ощущения зыбкого успеха и принадлежности к сильным мирам сего.

За эти два дня Домжур успел стать нашей штаб-квартирой.

Мы прошли с Исаем сразу в кабинет, который отводил нам во время посещений внимательный хозяин заведения, уселись друг напротив друга, как два чемпиона мира по шахматам, решивших, наконец, выяснить, кто из них лучший. Глядя, как Исай победно оглядывает публику через открытую дверь, мне начинало казаться, что он чув-

ствует себя здесь по меньшей мере потомственным лордом, заехавшим на ужин к королеве.

Благодаря стрессу и паре стопок коньяка мое воображение, подогретое алкоголем, начало работать с утроенной силой, и куда-то пропали тоска, тревога, некоторая жалость ко всем нам. В этом кабинете нас бесперебойно снабжала выпивкой бессловесная девица, у которой я, несомненно, вызывал ужас, хотя ни разу не сказал ничего более провокационного, чем «еще коньячку, пожалуйста». Мне была понятна причина ее беспокойства. Слишком уж вежливо я держался. Такие посетители не доставляют никаких хлопот – но только до определенного момента. Потом они могут разнести все вокруг вдребезги. Я не причислял себя к этой категории клиентов, но все же мог произвести впечатление человека чем-то весьма озабоченного.

Она уделяла нам ровно столько внимания, сколько следовало – ни на толику больше или меньше.

Цыганков подошел сразу же, как только нас увидел. Ему было довольно одного взгляда, чтобы почувствовать мое состояние.

– Как поживаешь, Игорь?

Он положил руку мне на плечо. Я вздрогнул, потому что не видел, как он подошел. Мы обнялись.

– Коля! Черт, ты меня напугал!

Признаться, я не сразу его узнал: со времени нашей последней встречи Коля изрядно раздобрел. Это был симпатичный малый с безукоризненными манерами светского льва. Ко мне он относился весьма благожелательно, как к достойному представителю местной аристократии, в результате чего я и устаивался редко кому выпадавшей чести коротать вечера за решением вопросов в отдельном зале культового московского заведения. Я мог говорить

о чем угодно и с кем угодно не боясь, что нам кто-то помешает.

– Игорь, – сказал он, – имей в виду, я на тебя зла не держу. Друзья, знаешь ли, не дают забыть, что жизнь для этого чересчур коротка. Но ты обещал заходить почаще!

У него была манера упорно смотреть в лицо собеседнику, словно он наконец-то встретил родственную душу. А голос! Переливы его дифтонгов способны были усладить самый взыскательный вкус самого завязтого меломана.

– Ты, похоже, рад видеть меня? – заметил я с подколкой.

– Знаешь, – ответил он, прямо посмотрев мне в глаза после короткого раздумья, – в общем и целом, пожалуй, что да, – и он весело заржал.

– Хороший у тебя характер, Коля, – хлопнул я его по плечу. – Садись.

Я наконец созрел для признания в том, что мне нужна помощь. Я должен поговорить с ним о деле отца. Я не мог больше хранить это в себе. Но не мог и заставить себя сказать об этом прямо.

– Ты какой-то замотанный, – пробормотал Коля и обернулся к официантке, – а ну-ка, принеси нам по рюмочке!

Та тут же проворно улетела выполнять приказ.

Цыганков довольно усмехнулся – ему нравился порядок, который демонстрировали его работницы, их такт и оперативность. Он был всегда немного подшофе (издержки работы), но никогда не пьян (и это тоже профессиональное). Печень у него работала надсадно, иногда мне даже казалось, что я слышу, как она трещит, разъезжаясь по швам от очередной порции алкоголя.

– Тебе стоит больше отдыхать! – ухмыльнулся Коля.

Я пропустил это мимо ушей и сказал:

– Мне нужен твой совет.

Официантка поставила перед нами лафетик с тремя стопками. Мы дежурно махнули, и я обстоятельно начал обрисовывать Коле ситуацию. Отдельный кабинет позволял говорить все, что хочешь.

Выслушав меня, Цыганков рассмеялся с наслаждением, свойственным довольными собой людям, которые большей частью искренне смеются, только оставаясь наедине с самими собой. Такой смех выдает не столько радость, сколько тотальное одиночество, в которое, как в камеру, заключена их душа, которая, все понимая, равнодушна к тому количеству боли, которой она полна. Свобода оставаться самою собой со всеми своими грехами для нее дороже всего остального.

– Я все это уже знал, – произнес он, закончив смеяться, и с любопытством посмотрел на меня, точно спрашивая: «И как ты это выдержал?» – Спишь крепко?

Теперь уже я вопросительно посмотрел на него.

– Ну, на это я никогда не мог пожаловаться. Ты это к чему?

Коля поднял вверх указательный палец и произнес:

– Игорь, тогда мы справимся с чем угодно. Главное – спокойствие.

Для него это была целая речь.

– Так что посоветуешь?

– Надо идти в лоб!

Приятно было увидеть его улыбку. В тот момент он мне стал чертовски симпатичен. У него был вид человека, который точно знает, где у противника брешь в обороне.

– Это как?

– Тебе надо обзавестись хорошим адвокатом. Вы отнюдь не в самом безнадежном положении. Но необходимо принять решение. Одно из двух. Или хороший адвокат вытащит твоего отца из самого безнадежного положения, или все пойдет, как пойдет.

Я посмотрел на Исая. Тот почмокал губами, словно говоря: ну, в принципе, все верно, прописная истина, а делать что?

– Только так и не иначе! Он поможет! – Цыганков прямо посмотрел на меня взглядом, полным призыва согласиться с ним и презрения на тот случай, если согласия не последует. Видимо, это сработало.

– Я готов на все. Только мне не нужен абы кто, я хочу толкового профессионала!

Коля наклонился ко мне. Его голос проникал мне в уши, точно потрескивание радиоприемника, постепенно усыпляющее слушателя.

– У меня есть такой человек. Вел самые серьезные дела. Поверь – это специалист. Вам надо обратиться к нему.

– И кто же это? – вскинул брови Исая.

– Не знаю, слышали или нет – Семен Ария. У него огромный опыт. Он хорошо знает методы работы прокуратуры, да и вообще подкованный мужик.

Я никогда до этого не слышал имени Семена Арии.

Цыганков заметил удивление, промелькнувшее у меня в глазах:

– Игорь, ты понимаешь, я его близко не знаю, но судя по тем ребятам, которым он помог, этот мужик дельный. Он вел дело самого Менделевича, – закончил Коля, как последний аргумент, и пристально посмотрел на меня, потом на Исая.

– Исая, этот человек – номер один, – добавил он, заметив скептический взгляд нашего друга. – Он может компостировать мозги, но если возьмется, то лучше него вам не найти.

Убежденный тон, которым говорил Цыганков, подействовал на меня. Цыганков продолжал сыпать разными историями про этого адвоката. Энергия была в нем

ключом, как в осужденном, которому позволили провести один день вне тюремных стен, и это почти избавило его от хандры.

Передалась его уверенность и мне. Устал я или нет, способен здраво размышлять или не очень, но какая-то подсудная интуиция всегда ведет меня по жизни. Оставалось только узнать мнение Исая. Я вопросительно посмотрел на него.

Тот пожал плечами.

– Давай пробовать, Игорь. Других вариантов нет, – Исай стукнул ладонью по столу, как бы подводя итог встречи.

– Игорь, я узнаю его координаты и позвоню тебе, – Цыганков с военной четкостью отодвинул свой стул и поднялся. – Я еще не прощаюсь, но сам видишь... – кивнул он за спину, показывая на дверь, за которой всю отдыхали посетители. – Я еще подойду.

– Ну вот, а ты не хотел ехать, – Исай победно посмотрел на меня.

Я задумчиво покивал головой в знак согласия.

В этот зябкий мартовский вечер мое состояние после принятой стопочки коньяка как нельзя соответствовало беспорядочно обрушивающимся на мир за стенами Домжура струям проливного, хлесткого дождя. Мысли мои застопорились, и я ощутил некую протрацию – предвестницу глубоких прозрений.

– Я же говорю, действовать надо, – пьяно пробормотал Исай, затем неожиданно ойкнул и пристально уставился куда-то в зал, замерев, точно гончая, взявшая след.

– Не может быть, неужели он?!

Проследив за его взглядом я увидел, что не дальше, чем в десяти метрах от нас стоит брюнет с характерным еврейским носом, поразительно похожий на Геннадия Хазанова.

Если у меня и не было другой ниточки, по которой я мог бы выкарабкаться из своих проблем и вернуть способность просто созерцать жизнь, то сейчас она появилась. Я с любопытством уставился на мужчину, похожего на звездного юмориста.

– Точно он, – воскликнул Исай и словно загипнотизированный взбудораженно потянулся в своем провинциальном фланелевом пиджаке к одетой с иголки звезде.

Да, это был Хазанов. Слава тянулась за ним, как шлейф. Судя по его блуждающему взгляду, он искал, куда бы приземлиться.

Но вместо столика напоролся на Исая, атаковавшего его с хамоватостью уверенного в себе хищного зверька, обнаружившего забавную зверюшку поменьше.

– Товарищ Хазанов, – фамильярно воскликнул Исай и замер, словно проверяя собственное зрение. – Это вы?

Хазанов, держащийся свободно и раскованно, как турист из Москвы, заруливший по дороге в Сочи в какое-нибудь сельпо где-нибудь в Усть-Урюпинске, недоуменно посмотрел на незнакомца. Откуда ему было знать, чего можно было ожидать от Исая?

– Здравствуйте, – воскликнул Исай, словно узнал в большом артисте товарища по детскому саду, и протянул Хазанову руку. Уроки еврейской мамочки, научившей своего сына вежливости, не смогли побороть удивления перед незнакомцем, и Хазанов протянул руку. Это было ошибкой.

– Я вас узнал, – по-пьяному фривольно произнес Исай, оценив испуг, мелькнувший в глазах артиста, и моментально ощутил свою власть над ним. Власть, почерпнутую им, видимо, в тюрьме.

Хазанов попытался высвободиться из цепкого рукопожатия, но Исай уже знал, кто из них сильнее.

– Товарищ Хазанов, скажите, а вы еврей? – вдруг спросил он в лоб и достаточно громко, так, что на них обернулись все вокруг.

Вопрос поставил Хазанова в тупик. Он беспомощно оглянулся, ища поддержки.

– Нет, товарищ Хазанов, скажите, вы точно еврей? – еще громче спросил Исай.

Хазанов покраснел и начал что-то мычать, не зная, что ответить. Но отмахнуться от подвыпившего незнакомца было не так просто.

– Нет, нет, вы скажите... – настаивал Исай с азартом бандита.

Хазанов дергался, пытаясь выдернуть свою руку, но Исай его крепко держал и откровенно наслаждался испугом артиста.

– Товарищ Хазанов, вы гордость нашего народа! – неожиданно произнес он.

На них смотрел уже весь ресторан. Люди отводили глаза, хихикая в ладони.

К моему столику подскочил Цыганков.

– Спасай артиста, – шепнул он мне, – Исай его сейчас доконает. Исай, Исай, да отпусти ты его руку, – громким шепотом обратился он к Исаю.

Исай обернулся на его голос, не выпуская жертву, и, нахально ухмыляясь, прокричал на весь зал:

– Братцы, так он еврей или нет!?

Я смотрел как Исай глумится и с трудом сдерживал смех.

В этот момент Хазанов нечеловеческим усилием выдернул свою руку из ладоней Исаи и почти бегом устремился в соседний зал – подальше от настигшей его беды.

Исай в возбуждении вернулся к нашему столу.

– Ну, Исай, – укоризненно протянул Коля, посмотрел на меня, и мы с ним оба одновременно просто грохнули от удушающего смеха.

– Не, ну правда, он еврей или нет? – заревел снова Исай, самозабвенно стуча по столу кулаком.

Вечер неожиданно закончился на мажорной ноте. А у меня впереди забрезжила надежда.

Мы сидели с Исаем у нас дома, когда позвонил Цыганков.

– Игорь, запиши телефон адвоката.

Каллиграфическим почерком, словно от этого зависела судьба дела, я записал надиктованные Колей цифры.

– Звони, договаривайся о встрече, – потребовал Исай, – еще не поздно.

Хорошее настроение, теперь вдвойне драгоценное из-за его редкости (так неизлечимый страдалец бывает благодарен судьбе за час без боли), снизошло на меня, пока я договаривался о встрече.

На следующий день с сумками, полными дефицитных для той поры деликатесов – пряной сырокопченой колбасы, упругими кистями бананов и источающими непередаваемо свежий аромат лимонами, я и Исай переступили порог квартиры адвоката.

Он молча открыл нам дверь, жестом пригласил следовать за собой.

Я старался сконцентрироваться, но не мог побороть волнения, толком не зная, с чего начать, чтобы быть как можно убедительней.

Мы вошли в кабинет и замерли на пороге. Выражение лица его хозяина, вдумчивое и строгое, было сродни спартанской обстановке в комнате.

– Я вас слушаю.

– Исай Адамов, – протянул руку Исай.

– Игорь Бабаев, – представился я.

В глазах адвоката как будто вспыхнул какой-то огонек. Ладонь Арии оказалась костлявой и теплой. Он крепко пожал мою руку.

– Нам рекомендовал к вам обратиться Николай Цыганков, – продолжил Исай.

Ария, едва заметно улыбнувшись, кивнул. Голова у него была большая, с маленьким острым подбородком, крючковатым носом и высоким лбом. Я замер, не зная с чего начать. Исай вздохнул воздух и, волнуясь, словно орган звучно и по-оперному торжественно произнес:

– Семен Львович, мы очень рассчитываем на вашу помощь.

Он замолчал. Посмотрел на меня, словно передавая эстафету. Ария усмехнулся. В его кабинете все говорили эти слова.

– Помогите нам в нашей беде, – вставил я.

Ария задумался, глядя на меня исподлобья. Потом перевел заинтересованный взгляд на Исая, словно вычисляя, кто из нас главный, кто будет принимать решение.

– Я, конечно, не врач скорой помощи, который может дать вам таблетку, и все пройдет, – начал он задумчиво, тщательно подбирая слова, не сводя с меня внимательного, пронизательного и умного взгляда человека, который повидал всякого на своем веку и привык отличать ложь от правды. – У меня другая специфика, надо понять ситуацию... – Он задумался и, спохватившись, с военной четкостью подтолкнул мне и Исаю по стулу. – Да вы садитесь.

Пока мы рассаживались я невольно огляделся по сторонам. На стенах висели какие-то фотографии и аттестаты в рамках – наверное, профессиональные свидетельства его успехов. На столе, крытом зеленым сукном, стояли массивные пресс-папье и чернильница.

Он достал сигарету – заграничную – и раскурил ее картинно, как помещик в своем саду. Похоже, он знал, как производить на людей впечатление.

– Продолжайте, я вас слушаю, – сказал Ария.

Исай приосанился и торжественно произнес:

– Эта беда касается моего брата, его отца, – кивнул он на меня, – кристальной души человека. Это все наговор, за что его взяли. Просто он попал в серьезную передрыгу.

Исай начал, сбиваясь и снова и снова возвращаясь к одному и тому же, рассказывать суть дела. Ария слушал не перебивая.

– Это просто какое-то недоразумение, – закончил Исай. – Я уверен, вы легко его разрешите, – и он ловко щелкнул пальцем, словно фокусник, который сделал свое дело.

Ария затянулся и сдержанно кивнул. Потер кончик носа.

– Исай... – он замолчал, ожидая, пока Исай произнесет отчество. – Не надо выдавать желаемое за действительное. – Во время разговора Ария слегка раскачивался на стуле взад и вперед, как маятник, и говорил медленно, тщательно подбирая слова, как бы ни на секунду не даря надежду, но и не отбирая ее окончательно. – Я уверен, что дело не такое простое, как вы говорите. Поверьте мне, если его, – он выразительно посмотрел на меня, – извините, вашего отца, «взяли», а тем более, как вы говорите, Прокуратура СССР... – он сделал паузу, и Исай этим воспользовался.

– Поверьте мне, – прервал он Арию, – как только вы познакомитесь с делом, вы поймете, что этот человек ни в чем не виноват.

Ария снисходительно улыбнулся.

– Да, Исай, вы позволите вас так называть? Я понимаю ваше возмущение, но – это Прокуратура СССР. Кто туда

попадает... – Семен Львович снова затянулся, подыскивая слово, задумался... – Я что-то не припоминаю случаев, чтобы оттуда легко выходили... – Он посмотрел на меня, как бы ища в моем лице сторонника. – Тем более сегодня, в наши дни, когда такое творится, – он произнес это гордо и самонадеянно, словно его слова были истиной в последней инстанции.

Исай обхватил голову руками и обвел нас взглядом, как бы спрашивая, что же нам делать?

– Может, хотите коньяку? – спросил Ария.

Я пожал плечами. Повисло молчание.

Ария подошел к буфету, достал серебряные рюмочки величиной с наперсток, аккуратно разлил в них из изысканной бутылки «Арагат» десятилетней выдержки и протянул нам.

Это был жест внимания, свидетельствующий о расположении к нам хозяина дома, и это вселило в меня надежду.

Пригубив две капли коньяка, я поставил стопочку обратно. Снова возникла пауза. Адвокат кач улся взад-вперед и продолжил.

– Поверьте моему опыту, Исай, то, о чем вы мне говорите, не так просто осуществить. Я не помню, чтобы оттуда так легко выходили, – повторил он. – Если его взяли, то это очень серьезно. Я не хочу ничего упрощать. Вы должны это понимать.

Тембр голоса Арии был богат, он играл на нем, как на музыкальном инструменте: мог журчать, а мог звучать весьма сурово. Лишь в самом конце фразы удавалось постичь истинный подтекст сказанного.

– И потом, вы должны понимать, что такое наша, – он сделал ударение на этом слове, – адвокатура. От нас очень мало что зависит. Это действительно так.

Он оживился, встал со стула, подошел к Исаю.

– Вот я – адвокат, – начал он просто, глядя Адамову прямо в глаза, – пока следствие не закончится, – голос его заскрежетал как кулак, скребущий по коре дерева, – и прокуратура не вынесет заключительное обвинение, меня не допустят к делу. Я могу приступить к работе только потом.

Речь его была четкой и лаконичной, сродни обстановке комнаты, в которой мы сидели.

– Только после этого, – продолжил Семен Львович, – я смогу начать действовать. – Глаза его блеснули, как у заядлого спортсмена, и я невольно залюбовался им. В этом человеке чувствовались огромная внутренняя сила, азарт и интерес ко всякого рода человеческим порокам.

Временами Ария был похож на древнего пророка, вещающего истину в последней инстанции.

– Только когда мне позволят ознакомиться с делом, я смогу начать работать с вашим братом и отцом. – Он перевел взгляд на меня.

Я с тоской посмотрел на два картотечных шкафчика, что как стражи у ворот древнего замка стояли по обеим сторонам стола, и почувствовал себя резко не в своей тарелке.

Словно прочитав мои мысли, Ария заметил:

– Что мы можем пока? Мы можем собрать лишь определенную, весьма скудную информацию. Я работал с ними, знаю их почерк, – глаза его заблестели, после паузы он продолжил. – Я могу по вашему поручению пойти завтра в Прокуратуру СССР и попытаться выяснить обстановку. Вот и все, что мне пока позволено законом, чтобы вы понимали процедуру, – добавил он со значением. – Но конкретно ничего обещать не могу.

Я хмуро посмотрел на Арию. Но Исай опередил меня. Взгляд его холодных глаз уставился на адвоката в упор, словно собирался поймать с поличным.

– Да знаю я все это. Я сидел. – Он махнул рукой куда-то за окно. – Я сам оттуда, «прошел и Рим, и Крым», и все знаю, что ваш брат может, а что нет.

Ария усмехнулся и предупредительно поднял руку.

– Исай, те времена и эти... – он тонко улыбнулся, качая своей скульптурной головой, – большая разница. Сейчас времена покруче. Позвольте мне вас в этом уверить. Ситуация довольно сложная. Но я, – он наклонил голову, – готов подключиться. Только вы не возлагайте на меня надежду, что я закрою дело. Это не так, – добавил он жестко. – Я могу помогать, – он снова встал из-за стола, – каким-то образом облегчить положение вашего отца и попытаться снизить то, что может ему грозить. Вот за это я могу взяться. И вы же понимаете, – он снова обернулся к Исаю, – что мои услуги имеют соответствующую цену? – добавил он с полуулыбкой, обращаясь исключительно к Исаю.

К Исаю вернулись его снисходительность и самоуверенность.

– Вы за это не переживайте. – Он сделал маленькую, но довольно эффектную паузу. – Любую сумму называйте, мы ее закроем.

Ария кивнул.

– Вот аванс.

Исай с видимым восхищением самим собой вытащил и положил на стол деньги. Ария выжидающе посмотрел на Исаю, потом на меня, и кивнул головой. Я подумал, что Ария умеет профессионально очаровывать любого. Немаловажное качество для адвоката.

– Тогда с завтрашнего дня я займусь вашим делом.

...Проверка документов на входе заняла лишь несколько минут. Миновав милиционера, Семен Львович прошел во внутренний двор, который начинался сразу за КПП, и вошел в массивные двери прокуратуры.

Свет в коридорах цвета забранной зеленой ряской пруда перебивался ненатуральной белизной флуоресцентных ламп. Внутри здания прокуратуры царил мертвая тишина – пустота без всяких отголосков событий, оставшихся позади.

Семен Львович поднялся на третий этаж, где располагались кабинеты следователей. Он дошел почти до конца коридора пока не увидел белесую, как глаз мертвой рыбы, табличку: «Начальник следственной части Прокуратуры СССР Герман Каракозов».

Ария постучался, дождался отклика «Войдите» и только потом открыл дверь.

Хозяин кабинета поднял на него глаза...

Спустя час с небольшим дверь кабинета начальника Следственного управления отворилась, и оттуда вышел, как бы материализовавшись из ниоткуда, Ария. Его лицо было напряжено, словно он только что узнал о событиях чрезвычайной важности.

Адвокат заспешил по коридору.

На КПП он никак не мог найти свой пропуск и весь вспотел, рыща по карманам снова и снова. В голове его все время звучали загадочные слова, произнесенные за дверью знаменитым генералом-сыщиком, и слышался его смех – визгливое сопрано металлорежущего станка, совершенно не гармонирующее со словно бы высеченным из гранитной глыбы лицом.

Легкая тошнота, схожая с той печалью, с какой мне приходилось просыпаться почти каждое утро после ареста отца, шевельнулась у меня в груди, когда я услышал в трубке голос Арии.

– Игорь Алексеевич, я был в прокуратуре. Есть, что рассказать.

«О Господи, дай мне надежду!» – мелькнуло у меня в сознании, и я торопливо произнес:

– Сегодня вечером в Домжуре вас устроит?

– К шести – вполне.

– Мы подъедем.

По завершении разговора меня обуяло крайнее нетерпение и даже раздражение. Ария не намекнул, какого рода информация. Надеяться или трубить во все трубы сбор скорбного войска?! Терпение, похоже, вовсе меня покинуло.

Я встал с кресла и крикнул в соседнюю комнату.

– Исая, у нашего адвоката новости!

Силуэт тщедушной фигуры тут же возник в дверях. Лицо его было в пене для бритья. Он пафосно, словно заштатный конферансье, прокричал:

– Я же тебе говорил! Я же тебе говорил!

– Заканчивай, – произнес я раздраженно. Его ажиотаж показался мне неуместным, – он же ничего конкретно не сказал. Все вечером только узнаем.

Несмотря на ранний час вид у Исаея был вполне бодрый, только лицо оттеняли металлический налет усталости и темные круги под глазами недвусмысленно свидетельствовали о том, что их обладатель в последние дни мало спал и многопил.

Сейчас как никогда он походил на верного Санчо Пансу, готового устремиться в поход по первому зову Дон Кихота. Словно бес, обладающий телепатической мощью, он замахал руками и, ничего не ответив, скрылся обратно в ванной.

В этот вечерний час помещение Домжура было забито под завязку. Мы как всегда устроились в отдельном кабинете, предназначенном исключительно для своих вне зависимости от того, насколько в тот вечерний час общие залы были переполнены гулом голосов незаурядных избранников судьбы, собравшихся воспеть осанну сладкой жизни.

– Давай-ка нам сразу бутылку коньяку, – сказал я официантке.

Милая девушка, которую я раньше не видел, покорно кивнула и умчалась за заказом. Она была в босоножках, сквозь чулки можно было разглядеть ярко накрашенные ногти на ее ногах. Как и у большинства привлекательных женщин пальцы ног были у нее весьма некрасивы. Не безобразны, не деформированы, но слишком велики. Ее большой палец был кругл – кругл, как монета. Меня почему-то это позабавило, и я успокоился.

И словно по волшебству тут же перед нашим столом возник Ария. От него за версту разило «истинным адвокатом». Сдержанный, до синевы выбрит, тонкая, как лезвие, улыбочка. Он протянул мне для рукопожатия сухопарую руку и искоса кивнул Исаю.

Мой слух никогда еще не бывал столь чуток. Я с надеждой смотрел на него.

Ария медленно, словно доктор, встретившийся с родственниками пациента, которому предстоит серьезная операция, стал усаживаться за стол.

– Я разговаривал с начальником следственной части генералом Каракозовым. Не буду повторять весь разговор, это не имеет смысла. Скажу одно: Алексей совершенно неожиданная фигура для них. – Заметив мой удивленный взгляд, Ария сухо добавил. – Я повторяю то, что мне говорил Каракозов. Цитирую дословно: «Мы крутили Тараду и вокруг Тарады, и, ты можешь себе представить, колоритнейшая фигура твоего подзащитного мелькает везде». Последнюю фразу Каракозов произнес с восхищением.

Ария живо вспомнил, как победно смотрел на него в тот момент генерал, как он еще ткнул пальцем в потолок: «Он везде, абсолютно везде в той тусовке».

– Игорь, они уверены, что взяли матерого преступника.

Блеск в моих глазах стал гаснуть. В этот момент мне казалось, что Ария вовсе отнюдь не такой всемогущий адвокат, как об этом пел Цыганков.

Семен уловил тень разочарования на моем лице и напустил маску озабоченности как человек, на которого обрушилось несколько неприятностей сразу, и сейчас он просто не знает, которой из них заняться в первую очередь.

– Ты понимаешь, Игорь, как я понял со слов Германа, отец сам невольно натолкнул их на то, чтобы они им занялись. Поверь, он их сначала не интересовал. Я к чему это говорю, как я понял, его друзья, когда их взяли, навели их на мысль о том, что он мешает следствию, а потом стали показывать на него как на богатейшего человека. – Ария сосредоточенно посмотрел на какую-то бумагу, лежащую перед ним, а потом, как хороший актер, почти декламируя, произнес: – Поразительно, ты знаешь, когда я зашел к Каракозову и едва сказал, что по вопросу Бабаева, он меня сразу перебил: «Ты знаешь, Семен, для нас это такой сюрприз! Бабаев? Да?!»

Голос Арии стал высоким, в нем появились хриплые нотки, странным образом льстящие слуху собеседника. Я еще раз подумал, что театр потерял великого драматического артиста.

– Каракозов даже расхохотался, когда говорил о твоём отце. Мол, он такая загадка для нас, следователей. Игорь, мне показалось, что они даже восхищаются твоим отцом. Он так и сказал: ваш подзащитный – это кладёзь преступлений!

– Он сказал, за что Алексея взяли? – визгливым голосом перебил Исай.

– Ты понимаешь, Исай, начальник Следственного управления Прокуратуры СССР лишь бы кем заниматься не будет.

Исай возмущенно замахал руками.

– Исай, послушай меня, – умиротворенно продолжил Семен Львович, – они мелочь брать и сажать в Лефортово не будут. Они, если посадили Алексея, то имеют план его раскрутки. Но конкретно «за что» – мне этого никто не сказал и не скажет. Они ведут дело, опрашивают свидетелей и так далее... Так что, пока информация одна: ваш отец – у них. Но как надолго – сказать нельзя.

– И все же насколько? – спросил я прямо.

Ария невозмутимо пожал плечами. От него повеяло ледяной невозмутимостью.

– Как бы вы этого сейчас ни желали, я не могу это сказать. Пока не могу, – голос его стал назидательным, словно у учителя старших классов, уставшего объяснять нерадивым ученикам прописную истину. – Каракозов мне сказал только одно: «Ваш Алексей сел надолго». – И тут взгляд его стал хитрым. – Но я был вправе его спросить: «Вы хотя бы ориентировочно можете мне сказать, сколько ему грозит?»

Мы с Исаем оба непроизвольно поддались вперед.

– Так вот, Герман мне ответил: «Семен, пока не могу сказать». Но что я понял... – Адвокат опять сделал паузу. – Все-таки они его не раскрутили. Они его планируют раскрутить в одиночке. Каракозов обмолвился про «запах Тарады».

Мы с Исаем даже пошевелиться боялись.

– Они очень довольны раскруткой Анатолия Георгиевича, это да. Но ваш отец, повторяю, фигура для них внезапная. Он вылез из их колоды! – Ария постучал карандашом по бумагам, что лежали перед ним. – Но взяли они его только по определенным моментам. И вопрос сейчас только в одном.

– В чем? – в нетерпении спросил Исай.

– Найдут они ключик к вашему отцу, или нет. Судя по тому, что никаких писем, передач, встреч не разрешают, думаю, у них есть проблемы.

Мы оба продолжали ловить каждое слово.

– Мне показалось, что у них нет пока ключика. Понимаете?! Да, у них явно что-то есть на него, какой-то доказанный эпизод. Но на серию преступлений, как они заявляют, – улавливаете? – нет. Каракозов даже просил передать, что если ваш отец начнет сотрудничать со следствием, то ему будет от этого легче. А это значит, что не все у них там гладко. Он – крепкий орешек, – посмотрев на меня одобрительно добавил Ария. – Я это понял со слов Каракозова.

Мы с Исаем переглянулись.

– Леша молчит, значит, уже полбеды – долой, – воодушевляясь, проговорил Исай торжественно.

Я вопросительно посмотрел на Исаю, затем невольно перевел взгляд на руку Арии, на безымянном пальце которого сверкнул перстень.

– Я бы не был так оптимистичен, Исай, – продолжил Ария, заметив вопрос в моих глазах, и голос его стал предельно строгим. – Они найдут ключик. Вы посмотрите: Тараду взяли. Я чувствую, что он там так заговорил, что мама не горюй. И Алексей может заговорить. У них, – он сделал многозначительную паузу, – все говорят.

– Семен! – перебил его тут же Исай, – Леша!!! – он высоко поднял вверх руку и крутанул в воздухе пальцем: – От винта! Бесплезно! Он крепкий орешек. – Глаза Исаю загорелись. Он вскочил: – Ты знаешь, Семен, вот сейчас я уверен, что Леша, – он потряс в воздухе кулаком, – будет стоять до конца!

Я с недоумением посмотрел на Исаю. Тот уже парил в облаках и рисовал радужное будущее.

– Семен, двигайся вперед! Ты должен их дожать!

Со стороны Исай выглядел, наверное, как политрук, вызывающий перед боем «Победа будет за нами!»

Ария скептически улыбнулся, осторожно, медленно и твердо положил свою ладонь на стол, словно скрепляя все вышесказанное печатью.

– Исай, мне кажется, – он тяжело вздохнул, – вы от меня все время ждете чего-то необычного, а тут настолько все сложно, что поверьте мне... – Он взял красноречивую паузу, его лицо озарила тревога. – Я буду делать все возможное, но вы не... не... – он вдруг начал заикаться и почти жалобным тоном продолжил, – не стройте воздушные замки.

Исай почувствовал слабость собеседника, и в нем проснулся пахан с зоны.

– Семен, – загудел он чуть ли не покровительственно. – Делай, что ты знаешь! Что сделаешь – все на пользу. Мы будем тебе вовек благодарны, твою мать, – проорал, заканчивая, он.

Он казался в этот момент безбашенным игроком в карты, которому идут и идут козыри. Ария сухо улыбнулся. Он много раз видел такое.

– Игорь, – обратился он ко мне, – тактика поведения очень простая. Когда они разрешат, я пойду на встречу с Эрзолом. Все будет в присутствии следователей. Это обычная протокольная встреча, но я смогу его лично увидеть, узнать его просьбы и пожелания. Как вы понимаете, в такой ситуации никаких разговоров о деле. Я только смогу передать от тебя что-то на словах.

Голос Арии окутал меня на какую-то долю секунды облаком надежды, я представил себе невероятную возможность сговора со следствием, словно этот голос мог торить дорожки и к неподкупным судьям, и к суровым дознавателям.

– Если что-то станет известно раньше, я тут же вам сообщу. Разумеется, сейчас любое ваше слово для него – серьезная поддержка.

Он уловил мое смятение и похлопал ладонью по моей.

– Ну, мне пора.

Он поднялся.

На его лице снова возникла тень тревоги за то, смог ли он удовлетворить клиента, и тут же исчезла.

Я провожал его взглядом до самого выхода, словно от того, насколько пристально я буду вглядываться в него, зависит исход всего дела.

Когда мы с Исаем остались вдвоем, я смог дать волю эмоциям.

– Игорь, не унывай! По-моему все идет правильно. Он толковый мужик, – произнес, подбадривая меня, Исай и ткнул пальцем в сторону двери, за которой скрылся Ария. – Будем ждать.

Исай философски развел руками. Я согласно кивнул. Сладостная надежда, исполненная одновременно и страха и радости, придала мне силы.

– Под лежащий камень вода не течет, – самоуверенно и со знанием дела продолжил Исай, точно ему были подвластны все ухищрения следственных мероприятий и уголовно-процессуального кодекса. – Пока они не закончат, даже адвокат о семи пядях во лбу ничего знать не будет.

Я улыбнулся. Он почти дословно повторял слова Арии. Исай замолчал, словно говоря всем своим видом: «Эй, пацан, нет того урагана, что свалит такой дуб, как Алексей».

Он самонадеянно верил, что вместе мы можем противостоять всем напастям. Я чуть было не обнял его от умиления. Но нервы мои были расшатаны, и боль от осознания произошедшего вдруг взорвалось во мне, как маленькая бомба. В следующую секунду я уже был холоден, бесчувствен и насторожен по отношению ко всем и вся, а Исай вдруг как-то поскучнел и посерел лицом, словно его память прожектором высветила тяжелые воспоминания.

Сидеть в ресторане больше не хотелось. Дверь открылась, в кабинет ввалился Цыганков. Лицо его как всегда лучилось улыбкой и радушием.

– Ребятки, у вас все нормально? Как встреча? Надеюсь, хорошо?! – Он сам отвечал на свои же вопросы, широко улыбаясь и радуясь жизни. – Поверьте, Ария – достойный человек, если кто и может помочь, так только он. – Коля вдруг посмотрел на часы и резко заторопился. – Мужики, мне пора. А вы сидите тут сколько...

– Да нет, мы тоже потихоньку...

Я не закончил. Цыганок испарился. А я с изумлением посмотрел на Исая. Он почувствовал мой удивленный взгляд. Помедлил, что-то соображая.

– Игорь, мне надо в Кисловодск.

– Что? – всполошился я.

Исай опустил голову.

– Сегодня звонили. Врачи уже ничего не могут сделать.

– Господи, Лиза?

Он кивнул.

– За что только все это нашей семье? – Я всплеснул руками.

– А-а! Только не надо этого. Твой отец всегда был оптимистом, уж я-то знаю. Пошли.

Мы вышли на улицу.

Я хотел заказать такси, но Исай попросил пройтись немного – мысли о Лизе выбили его из колеи. Мы шли бесцельно в зыбкой ночной мороси спящего города и вскоре обнаружили, что находимся возле какого-то ресторана, в окнах которого ярко горели огни и метались какие-то тени.

Я посмотрел на темное небо. На секунду мне показалось, что еще немного и тьма начнет рассеиваться, и, может быть, взойдет солнце. Солнце моей надежды.

Но взойти ему предстояло в зимнем смоге серого туманного утра.

Я был и впрямь болен и истощен, когда заказывал билеты в Минеральные воды. Водка, коньяк, утомление, бесконечные встречи и безрадостные мысли сделали свое дело. Я чувствовал себя разбитым и выпотрошенным, как подушка, из которой вытрясли весь пух.

Следователи от нас отвязались, хотя воспоминание об их приходе висело в воздухе, осязаемое, как запах дыма, напоминая, что они могут объявиться в любое время. Сообщение об аресте отца уже появилось в газетах.

Наша частная жизнь в какой-то степени вырвалась наружу, как лава из вулкана, и стала темой пересудов миллионов незнакомых нам людей, которым еще вчера до нас не было никакого дела, а сегодня они могли ткнуть в нас пальцем. Я не хотел вспоминать то, что там было написано.

Журналисты под звон негодующих фанфар, прославляющих величие наказания, приоткрывали обывателям таинственные врата страха, скрывающиеся за названиями учреждений и организаций, которых в последнее время коснулись чистки. Отца выставляли матерым преступником, имевшим отношение сразу ко всем хищениям. Мне надо было быть готовым к самым неожиданным поворотам судьбы, звонкам, вопросам. Я уже представлял, как начнут названивать шапочные знакомые отца, приставать с вопросами, последуют долгие объяснения, разговоры, двусмысленные намеки и потоки лжи.

Я был уверен, что мне не надо больше никому звонить, ни с кем общаться, кроме тех, с кем я уже и так связался, и все это до тех пор, пока я не буду готов отсюда убраться.

Я позвонил только одному человеку. Славе. Он поднял трубку быстро.

– Игорь, наконец-то. Я все ждал, когда ты позвонишь. Ты справляешься?

Я уловил в его голосе смущение. Его природа была мне понятна. Так сложилось, что и Гена, и Слава как-то оказались в стороне и реально никак не участвовали в судьбе отца, просто ограничиваясь знанием какой-то частичной информацией о нем. По правде говоря, я не чувствовал их поддержки, и Слава не мог этого не понимать.

– Да, Слава... Ну, что тебе сказать? Мы с Исаем уже столько кругов грязи прошли. Ничего по телефону не хочу говорить.

– Игорь, это чудовищно. Полагаю, тебя не трогали? – спросил он.

Между нами пролетел тихий ангел. Я усмехнулся.

– Я вылетаю из Москвы. Есть новости. Ты подъезжай ко мне домой, так будет лучше.

Холодным туманным утром следующего дня, под небом столь серым, словно оно тщилося слиться с дыханием мокрых от дождя городских улиц, мы с Исаем ехали во Внуково.

Дорога неприятно поражала разнообразием мусорных свалок. Толпы людей в аэропорту. Почти все время до посадки мы молчали. Говорить в общем-то было нечего, все было переговорено, каждый из нас смотрел по сторонам и думал свои невеселые думы.

XXVII

Лида, кутаясь в теплый халат, со счастливой улыбкой на лице вышла из кухни. Она зарделась, увидев меня. Я ощутил ее волнение так ясно, как будто она выразила его словами. По тому, что она успела накраситься, я понял, что она ждала меня. Она скользнула ладонью по моей щеке. Ее улыбка была воистину изумительной. Обняв ее я почувствовал, как жизнь возвращается ко мне, переступая через ледники моей усталости.

Мы словно пребывали в одинаковом состоянии, как два цветка, выросшие на одной клумбе, мы были равны в своих горестях и радостях. Поцеловав ее словно в первый раз, я почувствовал легкий запах жимолости.

Множества правд и полуправд, из которых складывалась моя и ее жизнь, оказались на одной чаше весов, которую перевешивал груз, упавший на нас с арестом отца. До этого момента у нас с ней была одна, общая жизнь, одни радости и горести на двоих. Теперь все это было сметено.

Судьба сделала крутой вираж, на поворотах которого разбивался наш тихий еврейский очаг. В душах царил напряженный покой, словно мы были провидцами, тщательно скрывающими друг от друга хорошо известное нам обоим будущее. Но мы были вместе. И этого было достаточно для того, чтобы возвращать в душе ростки надежды.

Я замер, прижав ее к себе. Уверенность в том, что я все выдержу, забрезжила, словно свет в конце бескрайнего кошмарного тоннеля, изгоняя опустошенность и растерянность.

Лида была нежна и чутка. Впрочем, иного я от нее и не ожидал. Белокурым ангелом счастья к нам выбежал Сережа. Я подхватил его на руки, стал что-то говорить. Его волосы еще хранили цветочно-молочный младенческий запах, навевающий мысли о лете и душистых травах, на которых мы еще будем нежиться. Какое счастье вдруг открылось мне в каждом его прикосновении! Я подбрасывал его в воздух, ловил, улыбался, шутил... Но подсознание все равно не отпускало ощущение нависшей над нами беды.

– Ну, смелей! Скажи, что тебе нравится летать! – кричал я Сереже.

– Нет! – радостно повторял он, заставляя меня снова и снова с ним играть.

И я снова и снова подбрасывал его и ловил, и он был готов играть со мной бесконечно.

– Ну, хватит, – серьезным голосом вдруг произнесла Лида и подхватила Сережу. – Пойдем спать, сейчас мы с тобой должны собрать игрушки.

Она погладила Сережу по голове, словно стирая лишнее возбуждение. Он вздохнул, заговорщически посмотрев на меня, и подчинился. Лида, бережно, точно хрустальный сосуд, внесла Сережу в комнату и через минуту, тихо прикрыв дверь, вернулась обратно.

– Заснул! – сказала она с удивлением и внимательно вгляделась в меня в ожидании новостей.

Я покачала головой, мол, обожди. Лида не выдержала.

– Ты с ним так и не виделся?

– Пока не закончат расследование об этом даже нельзя думать. Так адвокат сказал.

Лида нахмурилась.

– Значит, сидеть как на пороховой бочке? В неведении!?

– Лидочка, все, что происходит вокруг нас – не неведение. Это закономерное развитие событий. Просто надо понять – каких. Запомни это. Все будет хорошо. И не бери это в голову. Есть я, и я о вас позабочусь.

– Ты, наверное, очень голодный? – спросила она устало.

Мы сели рядышком и прикоснулись друг к другу кончиками пальцев. Облегчение овладевало мной, как победный сон триумфатором.

– О Господи! – встрепенулась вдруг она. – Что же я заговорила-то?! Пойдем есть.

– Погоди.

Я неожиданно привлек ее к себе.

– Игорь! – она замерла, как голубка, потом смущенно улыбнулась, провела ладонью по моим волосам.

– Ну не молчи, – попросил я, – скажи что-нибудь.

– Что ты хочешь услышать? – спросила она, пытаясь отстраниться и нежно улыбаясь.

Я ничего не ответил. Огонь в моих глазах говорил сам за себя. За эти дни она отдохнула. Усталость и стресс сошли с ее лица, и она вновь казалась семнадцатилетней.

– Ты теперь снова как первая красотка в школе! – заметил я.

– Да нет, я в школе очень смешно выглядела.

– Даже в выпускном классе?

– Вот уж нет. Ты же тогда уже появился. Помнишь, как за мной ухаживал Мишенька, сын майора, потратил целый год на то, чтобы я сменила свою фамилию на его.

– Но ты устояла.

– Не-а, это ты больно решительный оказался.

Она вдруг озорно посмотрела на меня, и мы, не удержавшись, дружно расхохотались. Лида вдруг закрыла лицо ладонями.

– Лида, ты что?

– Да ну тебя.

Я легко отнял ее ладони от лица, взгляделся в карие, ставшие в миг печальными глаза.

– Ну, ты что? Что ты хочешь, чтобы я тебе рассказал? Наша жизнь не закончилась! Ты не одна. Помни об этом.

Она вопросительно и вдумчиво посмотрела на меня.

– С тобой все хорошо? – допытывался я.

– Обыск! К нам сюда они не придут?

– Лида, упокойся. Прошу тебя. Никто к нам не придет. И не думай об этом. Завтра приедет Слава. И больше никто.

– Я думала, что твои друзья помогут.

– Друзья ? Где они, друзья? – Я невольно горестно усмехнулся, вспомнив про звонок к Сильченко. – Ты знаешь, давай спать, если честно, даже есть расхотелось. Завтра обо всем поговорим.

Я поцеловал ее. Куда бы мир ни катился – здоровье Лиды было сейчас для меня важнее всего. Она заплакала.

– Я так больше не могу... – сказала она. – Устала.

Я прижал ее к себе. Хотелось снова целовать ее, прижать к себе со всей нежностью, но момент был неподходящий. Так всегда бывает, когда двое привыкают жить вместе – их чувства и желания синхронизируются, но обстоятельства диктуют свои правила.

Лида украдкой смахнула слезинку, ей не хотелось меня расстраивать. Но и слова утешения ей тоже были не нужны. Ей важно было дать мне понять, что она – со мной, и я ни в коем случае не останусь один.

Я снова подумал об этом уже лежа в кровати. Если мнить себя жертвами, предназначенными на заклятие, то остается только одно – дожидаться неминуемого конца. Но я так смотреть на мир не собирался.

Я заснул, крепко обняв Лиду.

Я спал, погрузившись в сон, как ныряльщик, отдыхая на каждой новой глубине, и, открыв наконец глаза, понял, что все в нашей жизни, в нашем доме происходит именно так, как оно и должно быть. Конечно, все происходящее очень неопределенно. Панические предчувствия не оставляли. Следовало принять происходящее с нами. Так ребенок в приюте однажды осознает, что он сирота, и смиряется с этим, находя новые горизонты и возможности. И все сомнения и тревоги утекают, словно через брешь, оставляя стойкое ощущение радости жизни, необходимой для того, чтобы выжить.

– Слава должен подъехать, Лидочка, ты не забыла?

Я вошел на кухню. Лида обернулась ко мне, озабоченно кивнула. Она уже всю хлопотала, на плитке свистел чайник, в кастрюле что-то кипело, а электрическая кофемолка источала божественный аромат свежемолотых зерен.

– Я не помню, ты что-то вчера привез?

– Да, все в холодильнике.

Лида всплеснула руками:

– Прости, я забыла...

Она деловито сновала от плиты к столу, успевая одновременно делать пять или шесть дел, в том числе присматривать за Сережей.

Я посмотрел на часы. И тут же раздался звонок в дверь. Я бросился открыть. На пороге стоял Слава. Он замер на секунду, потом обнял меня.

– Игорь, спасибо тебе за то, что ты один делаешь для нас за всех. Я понимаю, чего это тебе стоит, – тепло произнес он.

В руке он держал сумку с подарками, которые передал Лиде. Я прервал его.

– Проходи, потом об этом поговорим.

Слава выглядел неплохо. У него были мягкие черты лица и поразительные, завораживающие глаза. Очень блестящие, они обладали странным свойством вспыхивать в ответ на чужую реплику, чуть не вылезая из орбит. Если бы не одежда, он казался бы обычным советским инженером.

– Где мой племянник? – воскликнул Слава. На шум выбежал Сережа. И я, и Лида с умилением смотрели, как Слава обнимает и щекочет его.

– Ну все, – урезонила Лида Сережу, – дяде Славе надо отдохнуть с дороги.

– Давай без долгих церемоний! – Я стянул со Славы пальто. – Идем обедать. Все уже готово.

Слава бережно опустил Сережу на пол, шлепнул по попке, отправляя играть. Мы прошли в гостиную.

– Ты какой-то замотанный, – пробормотал Слава, усаживаясь за стол.

Я пропустил это мимо ушей и в свою очередь спросил:

– Как ты добрался?

Я вкладывал в этот вопрос чуть больше смысла, чем обычно, и Слава каким-то чутьем уловил подтекст. Да, сейчас мы были повязаны последними событиями, словно некоей общей тайной. Словно мы были преступники. Интересно, неужели это заметно со стороны? Кто об этом знает? Не следят ли за нами? Вопросы сами лезли в голову, и отмахнуться от них было невозможно.

Мой вопрос «Как ты добрался» можно было трактовать как угодно: «Не следили ли за тобой?», «Не останавливали ли в дороге?», «Не заметил ли ты чего-нибудь странного?»

Но Слава вдруг улыбнулся.

– Давай потолкуем о вещах поважнее, – предложил он. – До сих пор не понимаю, как все это могло произойти. У тебя есть объяснение? – Он перестал улыбаться и насупился. – Отец, как и ты, всегда рубит правду-матку, всегда говорит, что все знает. И чем это все обернулось? Где он теперь? Где его правда-матка? Что нам вообще делать? Что пошло не так?

Он недоуменно и с горечью растерянно посмотрел на меня.

– Мы об этом говорим все время, – тихо заметил я. – Как ты смотришь на то, чтобы сначала немного поесть?

– Да, – он не договорил, махнул рукой, налил себе стопку, опрокинул.

Мы замолчали. Я почти физически ощущал, о чем Слава думает.

Это как инфекция... Ты еще ходишь, улыбаешься, и кожа твоя светится здоровым румянцем, но в тебе уже сидит червь, подтачивающий изнутри, и ты это знаешь.

Лида вошла в гостиную, окинула стол взглядом, проверяя, все ли на месте.

– Раки! – воскликнула она, вспомнив. – Вы пока тут подзакусите, мальчики, а я сейчас раков принесу.

Она их готовила просто исключительно. Наверное, секрет заключался в магии, невероятной женской магии, рожденной стремлением угодить своему мужу – хозяину, главе семьи.

Лида выбежала из гостиной.

Слава выглядел несколько уставшим, глаза его тревожно поблескивали, словно у игрока в покер, ожидающе-

го, когда соперник раскроет карты. Невероятное желание расслабиться хотя бы на короткое время охватило меня. Я окинул взглядом стол – непастеризованное живое пиво пенилось в кувшине, лукаво искрящиеся шарики икорки, аромат свежей зелени, плывущий над столом...

– Ты, я смотрю, не на шутку разошелся, – сказал Слава, вслед за мной окинув взглядом стол, словно сошедший с полотен фламандской живописи. Не хватало только фазана с зелеными перьями.

Я махнул рукой, мол, чего ты, Слава. Но на самом деле мне было приятно. По части хлебосольства мне сполна передался талант отца. Мы налили по полной кружке пива.

– Это в качестве лекарства, – произнес я, сдувая пену и отхлебывая первый глоток. – М-м-м, – проворковал я.

Слава сглотнул слюну и еще раз наполнил свою кружку. Ничего не сказал.

– Все свежайшее. Только сегодня привезли, – я столовой ложкой плюхнул красную икру на тончайший ломтик лаваша и протянул Славе. – Чай фигуру не блюсти. Заешь.

Слава благодарно принял из моих рук бутерброд и деловито начал уплетать.

– Слава, этих раков, – пропела Лидочка, входя в гостиную, – привезли с Волги только сегодня.

Раки, икра, зелень, живое пиво – этот набор деликатесов был у нас повседневным рационом.

Лида отошла от стола и застыла в дверях, наблюдая за тем, как мы едим, рассмеялась. Ее смех был почти столь же звонок и весел, как всегда, но в нем слышались горькие ноты.

Я выдохнул, проглотил нежнейшее белое мясо, отпил глоток бархатного темного пива.

– Слава, – сказала Лида, – ты человек без вредных привычек, не равняйся на брата.

– Это я-то без вредных? – Слава посмотрел на меня своими выразительными глазами. – Игорь, если бы так

про меня думала моя жена, я был бы самым счастливым человеком на свете.

Мы оба рассмеялись, но в этом смехе было столько же фальши, сколько и в партии плохого вокалиста.

Слава снова поднял бокал, помедлил, словно спрашивая: «Не хватит ли этого олимпийского обжорства! Давай поговорим о больном».

Я чуть было не сорвался. Но что-то все же меня удержало. Некое мерцание в глазах Лиды – ярких и гордых. Она поддержала мою решимость сдержаться, никого не обвинять, не считаться с тем, кто что сделал.

– Слав, – я отставил тарелку, – коротко говоря, мы встречались с адвокатом. По его словам, он там надолго.

Меня охватило сильное желание махнуть чего-то более крепкого.

Славина рука замерла в воздухе, не дотянув вилку до рта.

– Надолго – это насколько?

– На время следствия. Пока никто ничего не знает. Предполагать что-либо бессмысленно. Адвокат готовит к худшему.

Слава опустил вилку обратно на тарелку и вскинул голову. На его лице появилось выражение упрямства.

– Ты это сейчас серьезно? Отец не такой. Он крепкий. Он выдержит. Дай Бог, чтобы выдержал.

– Ария говорит, у них на отца точно что-то есть, иначе б его не взяли. Основание есть. Но они, видимо, хотят раскрутить его на большее.

– У страха глаза велики, – выпалил Слава, тяжело сглатывая слюну, словно откусил больше, чем мог проглотить.

– Слава, это серьезно. Пребывание там может кого угодно сломать.

– Давайте не будем об этом, – вмешалась Лида.

Кажется, наш разговор начал причинять ей физическую боль.

– Слава, практически все друзья отца... Все уже там. Понимаешь? И, похоже, они уже все разболтали.

– Кто? Леня Боднев? – чуть не поперхнулся Слава. – Или Миша Гилядов?

– Слав, Слав, – предостерегающе поднял я вверх руку... – Не преуменьшай. Ты понимаешь, они там такое создали, все его дружки... С учетом папиного образа жизни...

Слава недоверчиво усмехнулся.

Я чуть не взорвался.

– Слава, у тебя есть сомнения? – Я вскочил. – А та гаражная яма? – Я сделал паузу, давая ему время осмыслить. – Кто это мог знать?

Лицо Славы стало медленно вытягиваться.

– У тебя что, есть еще сомнения? Какие к черту сомнения? Они наговорили больше, чем ты думаешь...

Я снова напомнил про наш старый гараж и про план в руках следователя.

– В отца вцепились настоящие волки. Но он молчит. Адвокат это понял по случайным фразам того начальника, с которым встречался.

– Молчит? Это же хорошо! – Слава растерянно посмотрел на меня.

– О, Господи! Ну, конечно! Но что-то на него у них точно есть. И за это «что-то» дадут срок. А вот что еще смогут доказать – большой вопрос.

– Игорь... – взгляд Славы заметался по комнате. – Что с ним будет?

– Вопрос заключается в том, сможет ли он все опровергнуть, если кто-то начнет на него стучать? Я думаю, на этот вопрос следует ответить отрицательно.

После моих слов Слава окончательно сник.

– И что из этого следует? Я вообще не понимаю, к чему ты клонишь?

Лида подошла к столу, взяла у меня почти не тронутую тарелку и молча вышла.

– Слава, понимать нечего. С ним уже все, что могло случиться, случилось. Мы должны про другое думать!

– Про что?

– Ты не понимаешь? Я размышлял над этим все утро. Если бы мы были там какие-нибудь работяги, я сказал бы «Давай наплюем на все!» Но мы – директора, как ни крути. Мы здесь в крае – не иголка в стоге сена.

– Глупости, Игорь, причем здесь мы?

– Глупости?! Ты скажи это тем, кто там сидит! И тому, вокруг кого там всех собрали!

– Ты про кого?

– Да про Тараду, Слава. Про нашего Анатолия Георгиевича. Это его обложили, не нас. А мы – только гарнир. Вот чего отец боялся. Уж вовсе-то наплевать на это обстоятельство мы не можем! Они копают под Тараду и все его окружение.

Я подчеркнул слово «все».

– Игорь, ты понимаешь, к чему ты клонишь? – Слава в волнении вскочил. Не помню, чтобы я видел его в таком состоянии. – В конце концов, получается, что нам самим что-то грозит?

– Слав, раз взялись за отца, то рано или поздно примутся и за нас.

Слава как умалишенный расхохотался.

– Слава, не думать об этом просто наивно. Все, что сейчас происходит – непредсказуемо. Ты можешь подстелить соломку в одном месте, другом, третьем. А потом случится какая-нибудь ерунда, и фьють – все пошло кувырком. И последствия никто предугадать не сможет. Ты думаешь, отец не все предусмотрел? – Я закашлялся. – Слава, он

в этом смысле гений. Но на чем он тогда попался? Спроси меня! Я не знаю. Никто не знает. Это мы бы и хотели узнать, но не можем. Пока... – Я развел руками. – Уверен, нам надо подумать о том, чтобы обезопасить тылы.

Я скорее что-то почувствовал, чем увидел. Стремительно обернулся – в дверях застыла Лида. Я даже не заметил, когда она снова вошла. Лицо ее было бледное. Она расслышала мои последние слова. Это был как удар ниже пояса.

– Я не каркаю, – продолжил я, резко меняя тон на более спокойный и уверенный. – Но пока они находятся там, а мы – здесь, надо подумать о том, как поступать. Не им, а нам! Что они сделают, чтобы выбраться оттуда?

– Ты думаешь, Тарада начнет нас сдавать? – сипло спросил Слава.

– А почему нет? Не он, так кто-нибудь другой. Что их может сдерживать? Страх и наказание – не те вещи, которые помогают сохранять душевное равновесие.

– То есть, ты хочешь сказать, что нам не удержаться?

– Я так не говорил. Мы – не при делах. По крайней мере, сейчас. Но все меняется. В любой момент может начаться катавасия. Проверки, а там и до прокуратуры, и до суда дойти может.

– О, так они не поступят! – отрешенно пробормотал Слава. – Какие у тебя варианты? – спросил он почти умоляюще.

– Никаких. Просто быть осторожными. Максимально. Вот и все. Мне не хочется больше распространяться на эту тему. Арест отца ужасен сам по себе, чтобы еще... впадать в панику. Не стоит.

Я запутался в аргументах, желая успокоить всех, и себя в том числе, потерял мысль...

– Это касается только тебя и меня.

– Ради Бога, Игорь! У нас же семьи.

– Ты думаешь, я этого не помню?! Я просто хочу, чтобы мы не прятали голову в песок.

Слава, потрясенный, замолчал. Это был самый тяжелый разговор из тех, что нам когда-либо доводилось с ним вести.

– И тогда все, может, и обойдется, – закончил я.

Слава отодвинул от себя тарелку.

– Кусок в горло не лезет. Ты извини. – Он обернулся, встретился взглядом с Лидой, потупился, будто его застали за чем-то постыдным. Лида молча подошла, убрала тарелку и пошла на кухню.

Я виновато посмотрел на Славу.

– Ты извини, что все так... Называется, поговорили. Может, останешься? Куда-нибудь сходим?

Он дико посмотрел на меня, как будто видел впервые.

– Нет. Я поеду. Надо возвращаться.

Таким растерянным, или, скорее, потерянным, я не видел Славу лет с десяти.

Руки и ноги его болтались, как у куклы, пока он шел в прихожую. Он словно утратил способность к координации движений. Глядя на его спину, я вдруг ощутил свою вину за то, что сейчас случилось. Паника охватившая его – куда там до моей! – превратила его в мальчишку, неожиданно повстречавшего в темном переулке огромного бродячего пса. По его ссутулившейся спине я понял, что теперь он будет изводить себя бесконечными сомнениями: что делать, как поступить? Пока ситуация не изменится или он сам не соберет волю в кулак.

– Ты нормально, Слав? – окликнул я его.

Он обернулся. Натянутая улыбка была самым красноречивым ответом.

– Да.

– Извини, что все это на тебя обрушил.

– Да ты при чем здесь? Ты же... Все нормально... – Он не нашелся, что еще сказать, просто судорожно вздохнул. Лож-

ное убеждение в собственной невозмутимости и хладнокровии покинуло его. Теперь и он, как совсем недавно и я, вдруг испугался будущего. Создавалось ощущение, что, высказав все опасения вслух, я упрочил нависшую над нами беду.

Я обнял его.

– Ты держись, давай. – Слава устало кивнул. – Позво-
ни, как доедешь, – потребовал я.

Он ничего не ответил.

Дверь за Славой захлопнулась.

В гостиной работал телевизор. Я даже не заметил, был ли он включен во время нашего разговора со Славой или это я сам только что автоматически подошел и включил его, чтобы разрядить тягостную атмосферу, воцарившуюся в доме.

Я снова и снова спрашивал себя, почему так все происходит, и боялся начать говорить об этом вслух. Лида, похоже, не могла больше слушать разговоры об этом.

На экране мелькали какие-то кадры, люди открывали и закрывали рты, словно рыбы.

– Мама говорила, что этот год будет сложный, – неожиданно тихо произнесла Лида, садясь рядом со мной на диван. – Я тогда не поняла, что она имеет в виду. Я ей тогда не поверила, а вот видишь как...

Я повернулся к ней лицом, взял за руку.

– Лидочка, оставь.

– Нет, нет.. – Она яростно закачала головой, словно силясь изгнать все самые ужасные мысли, не дать им превратиться во фразы, которые могли сорваться с ее уст.

Видно, все это время она пыталась до последнего сопротивляться страху, но теперь эмоции накрыли ее с головой. Она схватила стакан с водой, начала судорожно пить, посмотрела на меня. В глазах ее читалась мольба: «Не щади меня, скажи все, что ты думаешь».

Я понимал, что через час или через три дня, через три месяца или в считанные секунды, все равно – когда, но мне придется выдержать этот разговор. Только потом будет еще тяжелее отвечать на вопрос кто и когда совершил ошибку.

Лида дотронулась до моей руки.

– Игорь, я должна все знать. Не жалея меня. Так еще хуже. Давай не уходить от правды.

– Ну, хорошо.

Я посмотрел на Лиду в упор. Она замолчала, вся обратившись в слух.

– У меня есть вполне обоснованное чувство тревоги, что тот, кто там уже сидит, уже заговорил и наговорил про меня столько, что в любой момент меня могут посадить.

– Игорь, но ты же ничего не делал.

– Лидочка! Как бы то ни было, мы работали. Это сложно – удержаться от соблазнов, когда ты имеешь то, чего не имеют другие. Это вызывает у тебя определенную реакцию, как будто к твоей ноге подкатился футбольный мяч и ты не можешь устоять перед искушением садануть по нему с разбега. Теперь за это приходится отвечать. Я не паникую, я просто думаю, Лидочка. – Я накрыл ее ладонь своей. – Какие-то моменты нашего общения с Тарадой выходили за рамки закона, это точно. А это реальный повод. Теперь они пытаются нас обложить, а мы пытаемся уйти от этого...

– Игорь! – В ее голосе звучал неподдельный ужас. – Да что ты такое говоришь?!

Я ударил ладонью по спинке дивана, вскочил. Только сейчас я заметил, как жарко в нашей комнате. Пот ручьями струился по моему телу.

– Лидочка, послушай. Нужно опережать их. Во всей этой цепочке посадок мы все время опаздывали, а надо действовать на опережение.

Я облизнул пересохшие губы.

– Игорь, ты себя нормально чувствуешь? – севшим голосом спросила Лида. – Ты ведешь себя как... ненормальный.

Это было так. Я был крайне возбужден. Я перешел на шепот, словно в соседней комнате могли находиться чужие люди. Мне просто необходимо было выговориться.

– Они думают, что они нас обложили. Что мы будем сидеть и ждать, пока они нас посадят. Дудки!

Лида ойкнула, и в этом ее глубоком, неожиданно пропавшемся вздохе прозвучало самое настоящее страдание.

– Они думают, что мы наделали в штаны из-за их арестов. А это не так.

– Как это возможно, Игорь!?

В голосе Лиды появилось что-то от интонаций маленькой девочки, которую сбросила лошадь, но которая должна, несмотря на глубочайшее потрясение и бесконечный испуг, снова оседлать ее.

– А вот так... Квартиру эту могут забрать, случись что... Нужен вариант отхода.

– Какой отход, куда?

Я понял, что надо выкладывать все начистоту.

– Игорь, ты ведь себя не обманываешь? Ты не придумал лишнего? Какой отход!? У нас тут дом...

– Ну, мы же подумывали о том, чтоб жить в настоящем доме, а не в этой коробке... – Я обвел рукой панельные стены. – Может, это как раз тот самый случай, когда пришла пора так поступить. Можно поехать в Ставрополь. Это недалеко отсюда. Там есть хорошие знакомые. – Мои глаза загорелись. – Гущин... Теперь вот и Троицкий... Жорка. У меня нюх. Это самый лучший вариант. Они помогут.

– Но как это все можно? За такой короткий срок?

– Для этого надо просто туда поехать. Зайти к Гущину, поговорить с Жорой, и что-нибудь решится.

Моя рубашка промокла от пота. В этот момент я был похож на человека в горящем доме, у которого остается три минуты для того, чтобы собрать и вынести все самое ценное. И я вдруг понял, что надо делать! Я увидел цель и понял, как избежать препятствий. Все решало только время, время, которое нужно было для того, чтобы прийти в себя, пока неумолимый ход следствия не прорвет все плотины, что воздвигали мои воля и смекалка.

Я дотронулся до Лидиных прекрасных, шелковистых волос, взял ее за руку. Лида казалась отрешенной. А я слышал эхо недосказанного, ощущал паузы, что как бреши возникали в моем рассказе.

– Господи Боже мой, – сказала она наконец, подняла голову и обняла меня со всей силы.

Затем вдруг разжала руки и попробовала улыбнуться. У нее был расслабленный вид, какой бывает после пережитого стресса или крайнего физического истощения.

– Дай мне стакан воды, – попросила она.

Я принес ей воду.

– А как же я? – спросила она жестко. – Как насчет нас?

Я понял, в чем дело. Я запечатал ошибки прошлого в подвале, но стоило мне открыть дверь в неизвестность, как на нас обоих нахлынули воспоминания о том, как Лида ждала наших двойняшек, и мою душу начали одолевать страхи...

Я готов был сделать все возможное, чтобы сейчас обезопасить ее. Для этого оставалась спасительная ложь. Удастся ли мне затянуть, зацеловать раскрытую рану?

– Все будет хорошо. Я уверен.

– Тогда пообещай, что ты не будешь рисковать. Но мне надо знать, если ты что-то почувствуешь плохое.

– Зачем ты настаиваешь? Накличешь несчастье. Лида, это произошло не с нами. Это случилось с отцом, с Тародой. Все образумится. Я верю в это.

Она кивнула. Но в движении ее головы проскользнула
тень новой печали, как будто она вдруг поняла, что я был
не тем человеком, а наша квартира не тем самым местом,
с кем и где это должно было произойти.

XXVIII

Я притормозил машину.
Огромное административное здание выросло передо мной неожиданно, прямо за углом.

Я пережил скверное мгновение, входя в приемную. Каким-то чутьем, появившимся у меня после звонка Сильченко, я решил появиться здесь без предупреждения, нагрянуть как старый приятель просто так – по дороге. Секретарша испуганно подняла голову, когда я представился и напрямиком прошел к ее шефу.

В кабинете было темно, занавески задернуты.

Если бы эта весна не была для меня такой необычной, я, пожалуй, с удовольствием, не лишенным оттенка бравады, завалился бы сюда с ящиком пива или парой бутылок отличного армянского коньяка, бездумно плюхнулся бы на одни из дорогих кожаных диванов или помпезных стульев, стоящих вокруг гигантского стола для совещаний,

и с наслаждением вытянул бы ноги в ботинках, таких же блестящих, как и лак на паркете.

Стены, ковер и мебель здесь были явно недавно обновлены, придавая всему помещению невыразимый отблеск, отдающий оттенками пепельно-серого, грязно-зеленого и блекло-коричневого. Магическим алтарем светился экран телевизора. Хозяин кабинета сидел, погруженный в чтение газеты, изредка механически поднося ко рту чашку с чаем. Моего появления он как будто не заметил.

– Виктор, здравствуй!

Хозяин кабинета вздрогнул, поднял голову.

– О, Игорь, ты?

Виктор Владимирович Гушин, могущественный директор Ставропольского мясного объединения, впал в некую растерянность, словно мое появление здесь было сродни полету на Марс.

– Не ожидал, извини...

Он приподнялся.

Слова он произносил обрывками, они отскакивали от него, как шарики пинг-понга, так что я даже не слышал их окончания

– Я рад... Да ты садись, чего стоять? – Голос его стал почти не слышен на последней фразе.

– Мне следовало бы тебя предупредить, позвонить, но по телефону об этом как-то неловко разговаривать.

– Да что ты, Игорь!? Мы же свои люди, – Гушин наконец-то вышел из-за стола и уселся в кресло напротив.

Я замолчал, сам не зная, что дальше сказать, вспомнились слова отца: «Иногда лучший выход из положения – это просто резать правду-матку в лицо».

– Ты ведь слышал про отца? – спросил я.

– Да... Читал... Это чудовищное недоразумение.

– Для нас это уже реальность, Вить.

Его щека дернулась, как от нервного тика.

– Более неприятную для всех нас историю просто невозможно представить. Хорошо, что ты вот так заехал... Я переживал... – Гуштин замолчал, не зная, что еще сказать.

– Дела прямо скажем – не ахти...

– Ты виделся с отцом?

– Нет, к нему никого не пускают. Такие правила.

– Это просто чудовищно. Надеюсь, тебя не трогали? – он замешкался, подыскивая слова. – Вас? – уточнил он.

– Ну как – не трогали? Всех коснулось, но это ладно... Такой порядок. Они как муравьи. Везде заползут. Не об этом сейчас речь.

Я подвинул свой стул поближе.

– В силу обстоятельств, Виктор, – голос мой был бодр и загадочен, я взял интригующую паузу, – вполне возможно, мне придется уехать из Армавира. Помоги что-то придумать. Где-то пристроиться.

Я буквально чувствовал, как ему мучительно трудно сказать мне: «О Господи, я же ничего не могу для тебя сделать», но вместо этого он произнес.

– Игорь, э-э, понимаешь, есть несколько практических вопросов, которые в создавшейся ситуации, наверное, лучше учесть... Я, хоть ты возможно и будешь удивлен, думал о тебе на досуге.

Он дотронулся мизинцем до моей ладони, и мне как будто передался какой-то электрический импульс, говорящий, что мы с ним связаны гораздо теснее, чем я думал.

– Игорь, я действительно ошарашен, возмущен, – вдруг возвысил он голос, – всем тем, что случилось в твоей... С твоей семьей... Отцом. Но люди всегда пытаются оказывать... помогать друг другу... Люди на то и люди.

Он печально посмотрел на меня.

– Мне отвратительна даже сама мысль о том, как это дело осветили в прессе. Сегодня утром мне позвонил

один наш директор, не буду называть его имени, и сказал, что еще не понятно, что с тобой... Мол, ты-то – темная лошадка. При чем здесь ты?! Такой комбинат! Такой директор, каких свет еще не видел! Мне неприятно говорить об этом... Но придется поставить тебя в известность, кое-кто распускает слухи, что отец затянул вас в беду.

– Господи, помилуй!

– Бывает, одной газетенки хватает, – он почти зачастил, желая как можно быстрее сказать то, что было ему явно неприятно, – чтобы создалось превратное впечатление о тех, на кого еще вчера молились.... Высокий профессионализм, ответственность, показатели... И вдруг такой бред.

– Никогда не думал, что о нас ходят такие слухи, – произнес я рассудительно.

– Ты, Игорь, живая легенда, – живо откликнулся Гушин.

Его голос на двух последних словах стал почти радостным. Дисциплина, точность и порядочность были тремя составляющими натуры моего приятеля. Я испытал к Виктору огромную симпатию.

– Так вот. По поводу тебя... Мне кажется, лучшее, что сейчас для тебя может быть, это... – он задумался, точно профессор, подыскивающий наиболее подходящую формулировку, – ...это пересидеть в науке. А от производства пока надо держаться подальше. Согласен? – дружелюбно спросил он и, заметив недоумение в моих глазах, торопливо добавил. – Ты можешь сейчас этого не понимать. Но это лучший путь...

Он виновато посмотрел на меня, словно я застал его за тем, что он копался в моем белье.

– Ты ведь кандидат наук?

Я кивнул.

– Следовательно, научная работа тебе по плечу. Потянешь. У нас ведь тут ... Наш, ставропольский... Можем

хоть сейчас захватить к ректору. Он мой друг. Поговорить. Да он про тебя, наверное, уже слышал.

– Но... Виктор, я не могу решить вот сразу так... сегодня. Я еще все-таки директор.

– Понимаю, это действительно, трудно. Но ничего. Поехали. Разузнаем, пока суть да дело. История не выносит вакуума, – он посмотрел на часы и нажал кнопку селектора. – Узнайте, ректор нашего университета сейчас у себя? Предупредите о моем приезде.

Голос секретарши вежливо прочирикал:

– Хорошо.

Виктор покачал головой, молча уставился на меня, как будто затеял игру кто кого переглядит.

Селектор запищал и секретарша промурлыкала: «Ректор вас ждет».

– Вот видишь. Все один к одному. Едем.

Гущин поднялся.

Я внутренне уже не сопротивлялся. Мысли роились в голове, но я отчетливо осознавал, что через час или через три дня, или через месяц, останься я в бездействии, все может измениться. И тогда мне придется кусать локти.

Мне не хотелось сегодня встречаться с ректором, и все же я знал, что должен выполнить и эту часть сделки, заключенной мною рано утром с самим собой – делать то, что не хочется.

– А поехали!

– Идем. Только поедem на моей машине.

Несмотря на начало апреля погода стояла холодная.

Мы промчались мимо одного здания, которое я принял за институт, затем другого... Я не знал, праздновать ли мне победу или поскорее искать какое-нибудь другое укрытие.

На углу я заметил телефон-автомат, попросил затормозить, вошел в кабину и позвонил Лиде. Мне хотелось просто услышать ее голос. Она спала. Заснула вместе с Сережей. Я не стал ей ничего говорить.

В служебной машине Гупцина на меня опять нахлынуло все разом, волна за волною. Ветер усиливался. Каждый раз, когда я закрывал в машине окно, становилось невыносимо душно, но стоило его приоткрыть, как с гулом врывался ветер, звучал он протяжно и хрипло, как ветер над морем, раздирающий душу. Казалось, в самих небесах происходила какая-то нереальная трансформация всего сущего. Я откинулся на спинку сиденья, закрыв глаза, и вдруг почувствовав нечто вроде толчка, понуждения воспрянуть, оглядеться вокруг, подумать над тем, что же происходит. Я в недоумении очнулся и неожиданно осознал, что на протяжении всего этого времени удача не отворачивалась от меня, что она где-то рядом, мелькает, словно шлейф тени в подворотне, только было не ясно, предвещает ли она благополучный исход событий либо тщится притупить мою бдительность...

Было только два неясных вопроса – за что взяли отца и какие последствия ожидают всех нас. Но они уже не тяготили. Нужно было только время, которое поможет их решить.

Другое дело – первопричина всего произошедшего, то, что спровоцировало всю эту историю. Как она затронет нас? Когда мы в ней стали игроками? И кто закончит эту игру?

А вдруг мы все ошибаемся, и мы отнюдь не игроки, а только карты, которыми играют более могущественные силы? А может быть, и не было никакой тайны... Потому что и не было никакой игры. Быть может, все более банально и просто.

Мы вошли в большой холл с паласом изысканного бежевого цвета и бледно-зелеными стенами, светлыми, точно листья по весне.

Дверь в приемную ректора с надписью «Никитин Аркадий Тимофеевич» была массивная и представительная, словно на ней не доставало только родового герба. В приемной секретарша улыбнулась нам, как будто знала меня много лет, впрочем, Гущина она точно хорошо знала.

– Аркадий Тимофеевич у себя? – спросил Виктор Владимирович.

Она сдержанно улыбнулась, открывая нам путь кивком головы. На секунду меня затрясло, точно от холода. Очередное испытание, словно на коллегии у министра мясной промышленности, когда меня должны были утвердить директором Армавирского комбината. Только сейчас это повторялось как в том анекдоте: космическое от комического отделяет только одна буква.

Меня вдруг охватила жуткая тоска, уж больно кружной получался у меня путь.

Ректор был крепким мужчиной хорошего телосложения, с чрезвычайно белой кожей, не бледной, а именно белой. На вид ему было лет шестьдесят пять, и, похоже, его превосходная физическая форма была подкреплена здоровым юмором, что царит в среде генералов, политиков и подпольных цеховиков.

– Виктор Владимирович, какими судьбами? – воскликнул он, отрываясь от бумаг.

Я усмехнулся. Видимо это уже начинало входить у меня в привычку – в случае опасности появляться где бы то ни было без звонка и с сопровождаемым.

Ректор обернулся ко мне. Что-то странное появилось в его глазах, когда он меня увидел.

– Знакомьтесь. Игорь Алексеевич Бабаев, директор Армавирского мясокомбината, – представил меня Гущин.

Мы обменялись крепким рукопожатием. В воздухе повисла сдержанная напряженность, случающаяся при первом знакомстве, когда симпатия и расслабленность уступают место любопытству и настороженности. Но, должно быть, радушие, исходившее от Гущина, все же растопило атмосферу, потому что лицо Никитина вдруг приняло благостное выражение, словно он был поп на амвоне, которому досталась праздничная служба.

– Наслышан, наслышан, – отозвался ректор, отпуская мою ладонь.

Я немного удивился его благожелательности.

– Вот видишь, – обрадовано повернулся ко мне Гущин. – А ты думал, что в этом мире все дерьмово.

Он победно захохотал, смешок у него вырвался короткий, как клекот, и похлопал Никитина по плечу. Между ними промелькнула искра, проскакивающая между славными мужиками, которых связывает не столько работа, сколько множество других мелких, а может, и более крупных обстоятельств, ситуаций и дел. Улыбка Гущина светилась, как маяк во время шторма.

Он уселся напротив ректора и дотронулся до его рукава.

– Игорь Алексеевич, прежде чем стать директором, вообще-то планировал быть ученым. Но вот как жизнь поворачивается... Пришлось заняться практикой, хотя в душе ничего и не изменилось.

Он задумался, подыскивая слово, а я предоставил ему самому выкручиваться из положения, полагая, что у самого меня про науку язык не повернется говорить.

– Не сомневаюсь. Не сомневаюсь, – вдруг отозвался ректор. – Мы всегда привязываемся к истине. Для меня большая честь видеть вас у себя, Игорь Алексеевич. Мне кажется, что наша наука только бы выиграла, если бы мы могли плотнее соприкасаться с такими прак-

тиками, как вы. Это уязвимое место, что у нас нет таких кадров.

Он словно бы прокладывал мне зеленую дорожку. Ректор вышел из-за стола. Я встал из кресла.

– Спасибо, что нас приняли. Вы правы. Работа над кандидатской диссертацией действительно очень важная часть моей жизни. То, что я тогда узнал... – Я прервался, словно меня захлестнули приятные воспоминания из прошлого, и легко и счастливо засмеялся.

На ректора это странным образом подействовало – тень общих воспоминаний вдруг задела нас своим крылом, объединив, словно цементом...

Я сбился, замолчал. Гушин посмотрел на меня укоризненно.

– Аркадий Тимофеевич, я, собственно, с одной очень простой просьбой. Игорь Алексеевич – человек скромный, всего сам не скажет. Позволь, я дополню. Такие кадры на дороге не валяются. Он сейчас на перепутье. Есть ли у тебя возможность предложить ему достойное место, желательно подальше от производства?

Повисло молчание. Никогда еще Гушин не был так похож на борца, который вышел на ковер для самого решающего боя. Его настырность и нагловатая усмешка в уголках губ удивительным образом сочетались с ясным, откровенным и дружелюбным взглядом широко открытых глаз.

Ректор улыбнулся ледяной улыбкой хоккейного тренера, заключившего с соперником тайный сговор о «договорняке», затем благодушно посмотрел на меня, мол, не ломайте себе голову над нашими взаимоотношениями, вы все равно ничего не поймете, и кивнул Гушину, призывая просто продолжить речь.

С каждой минутой ректор нравился мне все больше. Все выглядело так, как будто они с Гушиным были парой борцов, и Гушин уже дожимал его на татами.

– Кандидатская его, если надо... Но он сам лучше расскажет.

Ректор поднял вверх указательный палец, как бы призывая Виктора к молчанию, подошел к бару, открыл его, достал оттуда рюмочки с ноготь величиной, налил всем по три капли и поставил перед нами. Его рука коснулась моей руки, оставив ощущение некоего состоявшегося союза.

Снова возникла пауза. Я взял стопарик в руки. От тревожности, охватившей меня в начале визита, не осталось и следа.

– Знаете, Игорь Алексеевич, – заговорил ректор, поднимая рюмочку, и голос его был вкрадчивый, как масло, – я тоже начинал свою карьеру как практик. А потом вернулся в науку. Золотое было время. Я и сейчас себя чувствую таким же практиком, словно и нет всего этого, – он кивнул на книги.

– О себе я, пожалуй, такого сказать не могу, – заметил Гущин со смехом.

Ректор молча посмотрел на него, мол, дай договорить.

– И вот что я вам скажу – люди вашей энергии очень нужны нам сегодня в науке. Иногда все это, – он опять обвел взглядом стопками лежащие на столе книги и опрокинул в себя рюмку, – ничто. Главное – напор, энергия... Игорь Алексеевич, а когда вы намерены изменить род своей деятельности?

Гущин не дал мне рта раскрыть.

– Этого не знает никто. Но, быть может, в ближайшее время.

– Тогда, как только будет известно, сообщите мне. Желательно месяца за три. Если этого времени не будет, все равно примем... Повторяю, такие люди, как вы, нужны.

Он заметил мой вопросительный взгляд.

– Я бы предложил вам должность проректора по научной работе. У нас сейчас эта позиция в штатном расписании вакантна. Прежний проректор перешел в другое

место. У нас, видите ли, кадровый голод. Хотя, – казалось, что он говорит сам с собой, – формальности тоже надо соблюдать. Поэтому и прошу заранее.

– Аркадий Тимофеевич, дорогой, я знал, что на тебя можно положиться. – Гущин обнял ректора и обернулся ко мне. – Ты учти, я своих слов на ветер не бросаю. Значит, договорились?

– Да-да, И вот что, – Никитин улыбнулся и поворотился ко мне, – вы, когда надумаете, звоните мне напрямую или через приемную, как вам будет удобнее. Я обязательно, даже если буду занят, перезвоню. И вы извините, Игорь Алексеевич, – ректор пошел провожать нас до двери, – что, может быть, лезу не в свои дела... Я слышал, что случилось у вас в семье. В стране... – он понизил голос до глубокого шепота, – словно все с ума посходили. Такого не бывало с тех пор, как... Вы понимаете... Держитесь...

Мы вышли на воздух.

– Ты чего такой перекошенный? – Гущин удивленно посмотрел на меня.

– Не могу представить себя в этой роли.

– Тю, чудака человек! Чем эта должность тебе странна!? – Гущин был неподдельно удивлен моими сомнениями.

– Проректор по научной работе! – произнес я со сдавленным смешком.

Гущин сердито махнул рукой.

– Да после твоей адовой работы это проректорство для тебя будет как ... Это же курорт! Ты что, мне не веришь? Давай, залезай в машину. Поедем.

– Не, у меня еще дела, – испуганно поднял я обе руки.

Мы домчались обратно до комбината. Я, наверное, в третий раз на прощание поблагодарил Виктора, и мы простились.

В голове не укладывалось все, что со мной происходило.

С Гущиным мы тепло простились у проходной его мясокомбината.

В воздухе была разлита какая-то мрачная, зловещая тишина, что наступает перед бурей. Я ощутил, что испытываю крайнее беспокойство, почти осязаемое физически. Я только не мог понять почему? Мысли устремлялись в противоположные стороны. Это действительно безмерная удача или дьявол таким образом играет со мной?

Я не знал, что мне делать. Точнее, знал, но какая-то томительная медлительность не покидала меня. Если я пойду пешком, то опоздаю. На такси можно попасть в аварию. Садиться за руль самому мне сейчас не хотелось, тем не менее, я пересилил себя.

Я выжал сцепление и почувствовал, как с движением, меняется мое настроение.

Обернувшись, я увидел на другой стороне улицы лениво следовавшего за мной человека. Кажется, я уже его видел сегодня раза два. Или мне показалось? А что, если это слежка? Это было почти невероятно.

За мной следят или мои нервы расстроены настолько, что я пугаюсь собственной тени?

XXIX

А-а! Ты и здесь меня достал, – прокричал Троицкий и вскочил из-за стола, едва я отворил дверь его кабинета.

В его «рабочих апартаментах» на шестом этаже было довольно просторно. Нехилая такая «каморка» квадратов на пятьдесят с дубовым столом, парой кожаных кресел и огромным диваном между двумя шкафами с картотекой и настенным календарем.

Здесь же висела и крупномасштабная карта всего Союза с помеченными на ней участками месторождений, в которых были воткнуты красные булавки.

Жора подскочил ко мне, начал хлопать по спине.

– Ты специально без предупреждения, сюрпризом!? Да!? Так знай, сюрприз удался.

– Мне захотелось повидать тебя, Георгий.

– Так я тебе и поверил! Правильнее, наверное, сказать, малость захмелеть? Тогда ты по адресу. Ты когда приехал? Впрочем, это не важно. Пойдем выпьем.

– Постой, постой, Жора, – я предостерегающе поднял руку. – Не до ресторана сейчас. Есть дела поважнее!

Он хитро прищурил глаза, как бы говоря, так я тебе и поверил.

– А я бы сейчас с удовольствием махнул за встречу, раз уж ноги принесли тебя сюда. – Он похлопал себя по ногам. – И даже два раза.

Я отрицательно покачал головой. Жора расстроился.

– Скажи, что просто не хочешь. Понимаю. Тогда давай здесь.

Он нажал на кнопку селектора. Прокричал отрывисто, склонившись к динамiku.

– Машенька, сбегай в буфет, принеси нам что-нибудь, чем не стыдно дорогого друга с дороги попотчевать.

Селектор что-то прожурчал в ответ сексапильным женским голоском.

Жорины карие глаза, чуткие и четкие, как микрометр, казались красноватыми, тусклыми и немного больными. Когда он наклонился ко мне, от него хлынула волна запаха, кисловатого и чуть приторного, как будто он одолжил этот запах у какого-то работяги. По всей видимости, Жора дневал и ночевал на работе.

Он с видимым удовольствием откинулся в кресле и, прищурившись, снова хитро посмотрел на меня. Мне было комфортно с ним, потому что Жорка был ясен мне, как открытая книга. В его глазах читался немой вопрос по поводу моего неожиданного и таинственного появления. Мой товарищ не менялся. Азарт был его постоянным спутником.

– Ну, говори, зачем приехал? – Не выдержав, Жора ткнул меня кулаком в бок.

– Ты сначала скажи, как ты здесь? Не слышал тебя сто лет!

– Мог бы и позвонить, – совершенно беззлобно заметил Жора. – Но ты же знаешь, я совершенно не могу на тебя

обижаться! – На его лице появилось выражение озабоченности, как будто он не был уверен, буду ли я слушать его дальше. – Ты знаешь, после всей этой истории с Писаревским я здесь просто как в раю. Ты был прав. Я не прислушался тогда к тебе. Но, честно говоря, я относился к нему как к другу, а там была такая зависть к моему административному превосходству! – Жора округлил глаза, словно я ничего не знал. – Он меня тогда просто сожрал. Короче говоря, Игорь, вообще-то я дико рад, что мне пришлось, – он сделал акцент на этом слове, – уехать из Армавира, если не сказать «удрать». Все-таки здесь совершенно другой воздух, здесь вообще все по-другому.

Он обернулся и воодушевленно махнул рукой на карту, что висела за его спиной. Я сделал вид, что внимательно ее разглядываю.

– Масштабы другие?

Он настороженно посмотрел на меня, но, поняв, что я говорю скорей честно, чем с подвохом, улыбнулся.

– Да дело не в масштабах, хотя они, конечно, другие. Здесь я сам себе голова. Мои полномочия выходят за пределы края. Здесь простор для... – Он помолчал, подбирая правильное слово... – инициативы. – И многозначительно побарабанил пальцами по каким-то папкам, лежащим перед ним. – Для тебя это звучит несколько странно?

– Почему же? То, что у тебя с Писарем не сложится, я с первого дня тебе сказал. Этого ты не сможешь отрицать.

– Да ты у нас еще тот предсказатель. Как в воду глядел. – Жора перестал улыбаться. – Ну а у тебя-то как? Я знаю про твоего отца. И слышал, и читал. – В голосе Жоры металлически зазвенела тревога. – На вас оказали сильное давление.

Некая тень пролегла между нами. Я мысленно перескочил от воспоминаний, связанных с обыском в Кисловодске, к огонькам в глазах Жоры... Казалось, что я нахожусь под новокаиновой блокадой от эмоциональных

перегрузок... До сей поры все воспринималось мной без всяких аффектов, так ошарашили и одурманили меня лихие повороты в ходе сегодняшней дневной гонки.

В этот момент Жора положил руку мне на плечо и жестко стиснул его, словно говоря: «Ты давай, держись».

Я дернул плечом, сбрасывая руку.

– Ну, с ним-то уже все случилось, а вот что в связи с этим будет со мной, неизвестно. Могут подкопаться, могут просто аккуратно сместить с должности. Ожидать можно всякого, ты ж понимаешь... – Я поднял голову и встретил взгляд золотисто-карих глаз Жоры, вперившихся в меня с неподдельной прямоотой.

– И?

Его вопрос заставил меня также упереться в него взглядом.

– Я подумал, если ты можешь помочь, конечно, что неплохо бы здесь осесть на какое-то время. Дом построить. Я тебе говорил, все-таки эти квартирные форматы не для меня. Можешь мне помочь найти участок?

– Вот это правильно! – Жора одобрительно выставил большой палец. – Абсолютно правильно думаешь. И молодец, что ко мне обратился.

Признаться, я не ожидал такого восторга по поводу моего возможного переезда.

– Чего там сидеть!? Перемена мест – это как зараза! Уж если охватит, то не устоишь. – Он прервал сам себя. – А помнишь наш Лагонаки? Как мы туда Писаря-то свозили... Знаешь, второй такой поездки у меня больше не будет. Нутром чую.

– Ну, ты скажешь!

Мы посмеялись, словно два заговорщика.

– Я помогу тебе, – воскликнул довольный Жора. – Себе я дом тут уже построил. Да ты сам увидишь. Сказка, а не дом. И ты построишь. Так что, вопросов нет, Игорек!

Казалось, последние несколько часов на меня сыпались подарки судьбы.

– Я тебе варианты предложу. Выберешь участок. Все остальное я беру на себя. Разрешением на строительство даже не заморачивайся. Что захочешь, то и построишь, точнее, что позволят, – он захохотал, – при всех наших сложностях и ограничениях. Поверь, можно сделать достойно. Все остальное, бумаги и прочее, проблем не будет. Главное – участок. У меня есть свой человек, толковая баба. Все эти вопросы решит. Я ей сейчас же позвоню. Дам задание. Ну как? – Он выжидающе посмотрел на меня.

Я развел руками.

– Значит, договорились. Как только что-то подвернется, я тебе позвоню.

Я кивнул.

В дверь постучались.

Хорошенькая миловидная девушка с курносым носиком внесла поднос, на котором дымились две тарелки.

– А вот и обед! Чего нам еще надо, а!? – Жора победно загоготал. – В конце концов, что наша жизнь без этих радостей, – сказал он, плотоядно охватывая взглядом два небольших бифштекса, спагетти и яичницу, лежавшие перед ним.

Я тоже накинулся на еду, лишь сейчас вспомнив, насколько я голоден. Уже за кофе с очередной сигаретой настал Жорин черед рассказывать.

Он сидел за столом в небрежно наброшенном на плечи пиджаке соломенного цвета, расстегнув галстук, и рассказывал, а я слушал о его переживаниях, связанных с Писаревским, и о том уважении, которое он быстро заработал здесь, так что перемена мест оказалась почти безболезненной. А все из-за его умения работать до изнеможения.

Я вкратце поведал Жоре обо всем, что произошло за это время на комбинате, о визите Воротникова, о том,

что удалось решить проблемы со спортивным комплексом. Слегка коснулся прошлого (мне в самом деле хотелось, чтобы он кое-что знал обо мне с тех пор как покинул Армавир), рассказал о своей делах, о том, что жду второго ребенка.

– Передай Лидочке привет, скажи, что я желаю вам с ней удачи.

– А это правда? – подначил я его.

– Я тебя сейчас убью, – вскинулся Жорка. – Клянусь, такой женщины, как она, я еще не видел. Так что, удачи вам во всем.

– Спасибо, Жорка. Я в самом деле тронут.

Он тяжело выбрался из-за стола, заключил меня в объятия и пошел провожать к дверям, смешно изображая радикулит, который его недавно прихватил, и в этот момент был похож на ползущую муху, у которой оторвали крылышки и три ноги в придачу.

– С тобой ничего не случится? – спросил он.

– Теперь – нет.

– Игорь...

– Да?

– Поосторожней с Писаревским. Для тебя мой случай – это урок. Я был с ним близок. Я знаю, что он и тебя приблизил. Поэтому – будь осторожен.

– Да ладно, – махнул я рукой, – все я про него знаю.

– Ну, не скажи... Он – хитрый жук.

Мы посмеялись. Казалось, что время повернулось вспять, в те дни, когда мы были абсолютно счастливы.

– Друг мой, может, тебя отправить на машине? – спросил Жора участливо. – Хочешь? Любое желание! Все исполню! – Жорка азартно расхохотался.

– Что ты мне можешь предложить? – усмехнулся я.

– Бесплатный совет. Садись в машину и умотай с какой-нибудь красоткой отсюда подальше.

– Я за этот совет тебе еще готов приплатить, чтобы его не воплощать, – я от души расхохотался.

– Куда-нибудь в Сочи, – гнул свое Жора, и взгляд его стал мечтательно-восторженным.

– Зачем? – я перестал смеяться.

– Потому что, если ты останешься дома, тебе придется сражаться за свою свободу всеми возможными способами.

Я махнул рукой, мол, перестань корчить из себя Сивиллу.

– Сегодня был божественный вечер, – протянул Жорка, вздохнув. Взгляд его был по-прежнему затуманен и устремлен куда-то вдаль, и я понял, что все, что он советовал мне, на самом деле было нужно ему самому.

– Ладно, я твой должник, бывай, – пробормотал я, хлопая его по спине.

– Твои долги прощены, – сказал он, открывая передо мной двери.

Я нырнул в вечерние сумерки.

Машина тускло поблескивала в темноте. Я решил сделать ставку на везение и разогнался так, как только мог. Деревья мелькали по обеим сторонам дороги на сумасшедшей скорости. Адреналин закипал в крови, в голове в унисон шуму мотора шумел алкоголь. Мать честная, я чувствовал себя всемогущим! О том, что меня могут остановить – машину с крайкомовскими номерами – не могло быть и речи! Удача словно бы распростерла надо мной крылья, невидимые в ночной мгле, и я, счастливый и опьяненный этим ощущением, мчался в неизвестное.

Мне хотелось вернуться в Армавир в самом спокойном расположении духа, но в голову поневоле лезли мысли об адвокате и его томительной медлительности. Я уже готов был погрузиться в морализаторские обвинения в том,

что я плачу ему деньги, но мои мысли вовремя увильнули от этой грязи, занятые дорогой и стремительно мелькающими поворотами, съездами, рытвинами и ухабами.

Я медленно и тщательно соскребал из своей памяти все неудачные воспоминания последних дней, вдыхая победный воздух сегодняшнего дня. Я вдруг подумал о том, что если дело пойдет так и дальше, я придумаю, как свести все невзгоды последнего времени «на нет». Но удачи, обретаемые нами, могут рождать обманы – мелькнула мысль. Бывали минуты, когда мне казалось, что я чрезмерно контролирую ситуацию.

Я не знал, что там было в тот день со мной на самом деле: в жизни каждого из нас бывают моменты, когда реальность дает сбой, словно ты едешь по мостовой и видишь перед собой широкую трещину, в которую неизбежно провалится твой автомобиль, но ты упрямо едешь вперед, понимая, что сейчас наступит неизбежный конец. Но когда колеса наезжают на зияющую под ними пустоту, с машиной ничего не происходит – она стоит на месте цела и невредима.

Нечто подобное и произошло в тот день со мной.

Мне нужен был только порыв вдохновения, чтобы сформулировать суть полета моих мыслей, но по мере приближения к Армавиру воспоминания снова начали угнетать меня, ибо в них копошился страх.

– Жорка передавал тебе привет, – сказал я, входя домой.

Лида поцеловала меня примерно таким же поцелуем, каким и провожала вчерашним утром, но в нем уже не было привкуса горечи, или было гораздо меньше, и я снова почувствовал запах жимолости, который вдохнул много лет назад, когда впервые поцеловал ее на заднем сиденье своего автомобиля, примчавшись за ней на све-

кольное поле, где студенты-фармацевты проходили свою первую практику.

– Он не думает вернуться назад?

– Зачем ему это? Скорее мы поедem к нему. – Я посмотрел на нее взглядом триумфатора. – Мне удалось обо всем договориться. Мы покупаем там дом. Сначала землю. Потом – строим дом. Жорка поможет.

Я почувствовал, как мои слова пробуждают в ней, выжженной усталостью, напряжением и опустошением последних недель, предвкушение новой жизни – пока еще неуловимой, но уже сладостной.

Я сумел опереться на собственные надежды и начал карабкаться по ним, увлеченно рассказывая, как и что мы будем делать – упомянул о визите в ставропольский политех и о том, что мне обещали должность проректора по научной работе...

Рассказывая, я видел, как в Лиде снова просыпается жизнь, но которая, однако, не в силах развести тяжелую печаль, связанную с грядущим отъездом, – ведь нам предстояло сняться с насиженного места и ехать в неизвестность в ожидании рождения ребенка.

Прочитав Лидины мысли, я тихо произнес:

– Думаю, мы все исправим.

И это мое намерение, высказанное с теплотой и уверенностью, открыли Лиду.

Она принесла мне бутылку початого коньяка. Я уже забыл, когда вот так, с удовольствием, глоточками, а не махом, потягивал эту золотистую, как мед, жидкость. Было приятно бросить лед в стакан, налить на пол пальца и смотреть, как коньяк отдает свое золото тающей воде.

Я рассказывал Лиде о своем разговоре с Гуциным, ведь именно это было первое удачное событие прошедшего дня. Я пытался вселить в нее уверенность, что мы до-

бьемся и чего-то большего, если удача от нас не отступится, чего-то, что пока неясно ни мне, ни ей.

По мере того, как я хмелел, все предметы в комнате обступали нас точно часовые, готовые незамедлительно оповестить о нежелательных визитерах. Это подспудное ожидание чего-то неожиданного не отпускало меня все последнее время.

– Значит, Жорка передал мне большой привет. Вот как? – Лида задумалась. – Что ж, если мы туда переедем, значит, снова будем видеться.

– Конечно, – улыбнулся я.

– И вы опять будете ходить в баню по субботам?

– Если переедем, придется ходить. Я не собираюсь избавляться от привычек прошлого.

– А если там закроют все бани!?

Я согнулся от хохота! Лидочка умела пошутить, произнося самые невероятные вещи самым естественным тоном.

– Тогда я не уверен, что мне стоило сегодня навещать Жору, – ответил я, продолжая хохотать. – Но, думаю, что их не закроют.

– Тебе надо узнать, – неожиданно серьезно сказала она, – за что же посадили отца. Иначе мы никогда не узнаем, что у них на уме.

Я замер.

– На самом деле, я не хочу сейчас ломать над этим голову.

– Это верно, – кивнула она грустно.

– Лучше было бы об этом забыть хоть на какое-то время.

Чтобы сохранить благостное состояние, мне нужен был еще алкоголь.

– Лидочка, – сказал я.

– Да?

Я произнес одну не очень приличную шутку, известную нам еще с институтских времен. Это неожиданно развеселило нас, и мы рассмеялись, как дети.

– Осторожней с выпивкой, тебе завтра на работу.

– Жорка на прощание предложил мне купить новую машину, обязательно новую, посадить тебя туда с ребенком и махнуть в Сочи.

– Что мы там будем делать? На что будем жить? – спросила Лида с мечтательной полуулыбкой.

– Я начну там играть на пляже в очко, и тебе придется вытаскивать меня из дурных компаний, потому что я непременно все спущу. Или заработаю кучу денег. Я всегда знаю заранее, кто выиграет, а кто проиграет. И на этих советах заработаю кучу денег. И заплачу по всем своим счетам.

– Тогда тебе придется хорошенько постараться. Но твои долги будут прощены, – неожиданно повторила Лида Жорину фразу.

И это моментально меня протрезвило. Потому что я увидел в этом знак судьбы.

Я встал, и мы пошли в спальню. Лида наградила нежным прощальным поцелуем, посулив кое-что моим фантазиям. Потом она заметила, что я гляжу на зонтик, с которым приехал, и протянула его мне.

– Теперь у тебя есть меч, – сказала она, – чтобы победить всех наших врагов.

Я заснул рядом с ней, словно придавленный спудом новых перспектив, ибо теперь я понимал, что спокойная жизнь – это не дар, а обет. Я подумал об отце и о том, как он проводит свои ночи, и на этой мысли провалился в сон.

Это был один из самых странных и ярких снов в моей жизни, словно чей-то голос возвещал мне новое знание: спокойная и размеренная жизнь, любовь и рождение ребенка, все, на чем строится и зиждется счастье каждого

человека, – все обусловлено удачей, и найти ее можно с кем угодно и где угодно. Только всегда очень трудно удержать.

И не удастся, пока ты не будешь готов за все это отчаянно рискнуть.

На следующее утро я погрузился в пучину рутинных дел. Мне хотелось загрузить себя до такой степени, чтобы не осталось места размышлениям о всех тех проблемах, что подкарауливали меня за стенами комбината.

Но странным образом я лишился одного прекрасного качества, может быть только сейчас по достоинству оцененного мной. У меня вдруг пропала радость от текущих рабочих побед, исчез тот драйв, что был спутником каждого дня на протяжении последнего года.

Даже новость о том, что показатели растут и нам присвоили во всероссийском соревновании рейтинг одного из лучших комбинатов, не отозвалась во мне ничем. Мой мозг на это не реагировал. Вкус победы затерялся за горой проблем и подспудного, но от этого не менее напряженного, ожидания известий из Москвы.

Я сидел в кабинете и бездумно смотрел в окно под аккомпанемент веселого дождя, зарядившего с утра. Он лил все сильнее, холодный, как будто в декабре.

Вроде, все шло по плану, а меня продолжала грызть жуткая тоска. Ее природу я понять не мог. Бумаги я подписывал совершенно механически, и это все напоминало бесконечный калейдоскоп ежедневных задач и рождало коварные вопросы, на который, конечно, не было ответа: «Для чего все это?» и «Что же дальше?»

Не покидало предчувствие беды. Я подспудно начинал ненавидеть засевшее во мне ощущение ступора. Мои раздумья прервал звук селектора.

– Игорь Алексеевич, начальник летного училища звонит, – звонко сообщила секретарша.

– Соединяй.

«Интересно, с чем на этот раз генерал пожаловал?» – подумал я и дотянулся до телефонной трубки.

– Алло, Игорь, здоровья желаю!

Да, генерал был явно в боевом настроении духа.

– Ты опять от меня скрываешься? Я звонил тебе и вчера, и позавчера... Секретарша уверяла, что ты на совещаниях.

Я невольно усмехнулся. Генерал даже не отягощал себя придумыванием оригинальных преамбул к своим таинственным звонкам.

– Товарищ генерал-лейтенант, ну зачем вы так? – мне ничего не оставалось, как подыграть ему. – Вы же знаете, каково у нас на производстве – то одно, то другое, то совещание, то обход, то планерка. А то и вправду совещание! – я дружелюбно расхохотался, подыгрывая собеседнику.

Я хотел было сказать правду, но кому от этого было бы лучше?

– Ну и славно! – Голос генерала зазвучал менее настороженно. – А то я уже эскадрилью собрался в воздух поднимать на поиски лучшего директора всех времен и народов! – Генерал явно был в ударе и не собирался отступать от задуманного плана. – А раз так, то имею честь пригласить вас пожаловать к нам завтра. Как всегда, часикам к семи. Приезжай, Игорь Алексеевич, чайку попьем, в баньке попаримся... С Алтая друзья-товарищи привезли. Изысканнейший, хочу я тебе сказать, букет горных трав. Такого ты еще не пробовал. Эликсир жизни, а не чай! И никакие отговорки не принимаются! Никаких совещаний. Жду во что бы то ни стало.

Было понятно, что генерал, обычно редко проявлявший настойчивость, что-то намеревался мне сказать конфиденциально. Но что он мог знать?

– Хорошо, – настороженно ответил я. – Буду к семи.

– Только не опаздывай.

Он положил трубку, а я продолжал сидеть в растерянности с трубкой у уха, слушая отрывистые монотонные гудки.

XXX

Клетному училищу я подъехал без пятнадцати минут семь. Дежурный курсант еще издали узнал машину и предупредительно поднял шлагбаум. Шофер сразу проехал к зданию спортивного комплекса. Там меня уже поджидал генерал. Его сухощавая поджарая фигура излучала здоровье, энергию и, казалось, могла принадлежать человеку только с чистой совестью.

Генерал по-отечески тепло обнял меня. Но взгляд его холодных голубых глаз оставался непроницаем.

– Пойдем поиграем в теннис. – Это больше походило на приказ. – Фигуру надо поддерживать.

Мы прошли в раздевалку. У генерала все было по уму. Теннисные ракетки ему доставляли откуда-то из Германии, равно как и сетки.

Мы вышли на корт. Ракетка приятно тяжелила руку, рукоятка ладно лежала в ладони, напрягая мышцы. Я послал первую подачу. Генерал отпасовал в правый угол, а я не успел добежать. Сет был провален. Второй тоже.

– Что-то ты, Игорь, сегодня не форме, – задорно окликнул меня генерал, ударяя по мячу и не давая мне времени опомниться. Мяч, описав кривую дугу, упал за пределами корта. Я победно потряс кулаком, а генерал сконфуженно улыбнулся, мол, что ж, бывает.

Подача снова была у меня. Я ударил изо всех сил. Мяч высоко взлетел в воздух, точно римская свеча, а затем как пушечное ядро полетел и попал точно в середину ракетки моего соперника. Что ты будешь делать?! Вот так удружил. Генерал со всей силы отбил мяч прямо на дальнюю от меня половину корта, так что имей я даже крылья, все равно не успел бы дотянуться.

– Два ноль, – победно закричал мой соперник.

– Чертова авиация, – беззлобно выругался я. Генерал был джентльмен до мозга гостей.

Затем я пропустил три подачи подряд.

– Игорек, где твоя форма? – азартно выкрикивал генерал, бегая, как мальчик, по корту. – Что с тобой стало?

Я философски развел руками. Пробовал угнаться за мячом, носился как угорелый, но фортуна была явна не на моей стороне. Генерал обыграл меня почти всухую. Принимая во внимание разницу в возрасте, радость его была неподдельной.

– Хорошо шлаки выгоняет, – радостно сообщил мне генерал, когда мы оба подошли к сетке, чтобы пожать друг другу руки.

– Ну что, поменяемся местами или как?

– Да нет, хватит на сегодня, – сказал я, отдуваясь. – Не мой день.

– Ну, ничего... Бывает, – смущенно произнес генерал.

Я не понял его смущения. Он помолчал. Я удивлено посмотрел на него.

– Игорь, я тебя вытащил неспроста. С тобой Писаревский хотел увидеться. Я по телефону не мог сказать. Извини.

Так вот оно в чем дело. Признаться, эта мысль у меня уже мелькала.

Я почему-то вдруг почувствовал, что мне лучше промолчать.

– Ну, пойдем, попаримся, – предложил генерал
Мы прошли в холл перед парной.

Из неосторожно распахнутой двери на меня пахнуло горячим воздухом и ароматным паром. Генерал заметил мою одобрительную реакцию.

– А чаек какой, Игорь, – произнес он, закатывая глаза, – я приготовил!

Я промолчал. Мне вдруг стало очень одиноко. Словно некая недосказанность и тайна начали высасывать из меня силу. Еще немного, и меня начнет кусать за бока жуткая тоска.

– Александр Сергеевич скоро подъедет, – улыбнулся генерал.

Не успел он закончить, как дверь отворилась и в холл, окутанный клубами пара, вошел адъютант.

– Товарищ генерал, разрешите обратиться.

– Докладывайте.

– Товарищ Писаревский проехал КПП.

– Свободны. – Генерал обернулся ко мне. – Жди здесь, я – мигом.

Он набросил на плечи халат и вышел встречать Писаря.

Меня пронзила резкая боль между плечом и грудью, достаточно сильная, чтобы я подумал, не потянул ли я мышцу. Но внутренний голос тут же отвлек меня от этой боли, напомнив, что встреча предстоит не простая.

Я попробовал представить, что нужно от меня Писарю и к чему такая таинственность? Мысли в голову лезли разные, и ни одной – дельной.

Я разнервничался. Все могло пойти прахом.

Дверь распахнулась, и в ярком свете проема вырос силуэт элегантно одетого Писаря. Следом за ним маячила

фигура генерала. Они секунду постояли в проеме, весело что-то обсуждая, словно давая мне насладиться эффективным зрелищем, и вошли.

– Игорь Алексеевич, привет!

Писаревский кивнул мне, словно мы расстались два часа назад. Мы горячо пожали друг другу руки. В этом рукопожатии было что-то новое. Писаревский излучал какую-то нарочитую симпатию, изумляя меня еще больше. Тут явно было что-то не так. Писаревский как будто хотел мне понравиться. Он, первый секретарь, практически царь и бог в городе, и я, простой трудяга-директор. Где логика? Кто кого должен окучивать? Нет, тут явно была какая-то тайна.

Лицо генерала вдруг приняло озабоченное выражение.

– Так, товарищи, – он улыбнулся, – вы располагайтесь, а мне надо срочно отлучиться, чаек проверить! Александр Сергеевич, эту операцию я никому доверить не могу. Одна лишняя минута – и аромат будет другой.

Его сухой тенорок на двух последних словах чуть запнулся – дисциплина и честность были у него в крови, а сейчас он явно лгал. Впрочем, эта вполне простительная человеческая слабость заставила меня почувствовать еще большую к нему симпатию. Генерал просто хотел дать нам спокойно поговорить.

– Этот новый сбор, – продолжал он, снова облачаясь в халат, – что-то с чем-то! Важно все в точности соблюсти, чтобы букет раскрылся.

Генерал двигался плавно, сохраняя выправку. Улыбка тронула мои губы. Генерал молча кивнул и вышел.

Мы с Писаревским остались наедине. Повисла многозначительная пауза.

– Собственно, я не париться и выпивать пришел, Игорь, – произнес Писаревский с оттенком легкой грусти и вздохнул. – Потолкуем?

Он посмотрел прямо мне в глаза умным и внимательным взглядом и, ощутив в моем взгляде твердость и уверенность, тотчас отвел взгляд в сторону. Не мог же он знать, к чему я только что подготовился.

– Об отце что-нибудь слышно? – спросил он через силу.

Пар из неплотно прикрытой двери все больше продолжал заползать в холл.

– Пока ничего не ясно, – я развел руками.

По лицу Писаревского промелькнула тень сочувствия, больше похожая на гримасу.

– Ты знаешь, что творится в стране... – сказал он, невесело усмехнувшись.

Это заставило меня напрячься. Подобные трюизмы как правило означали вещи не очень приятные. Это была своеобразная тактика, охотничья хитрость, о которой у меня были самые четкие представления, Жора предупреждал.

Я ничего не ответил. Молча кивнул. Писаревский тоже покивал в ответ. К чему он клонил? Я разглядел в клубах пара его напряженное лицо и понял, что он тоже нервничает, готовится к чему-то.

– Дела Медунова не прошли даром. Это раскачивает край. Тут многое не просто. – Он внимательно посмотрел на меня, желая распознать, понимаю ли я то, к чему он клонит. – Столько людей завязано.

Его брови озабоченно сошлись на переносице, он провел ладонью по столу, словно проверяя, нет ли тут пыли. А потом самым равнодушным тоном медленно произнес:

– Кстати, Игорь, имей в виду одну информацию. Поверь, о ней мало кто знает. – Он оглянулся. – Недавно Тараду привозили в край.

И остановил свой взгляд на мне. Пытливый, ищущий взгляд испуганного человека, желающего увидеть такой же испуг и во мне.

И увидел. Перехватил холодный недоуменный взгляд.

– Поверь, это абсолютно достоверно, – неправильно истолковал он мою реакцию. – Его привезли чартером. Повезли на дачу. К теще его, что ли? Не важно. Понимасшь?

Я молча кивнул.

– Можешь представить, что они с ним сделали? Словом, он заговорил. Показал место там, в саду. На его глазах все раскопали. Открыли все. Разложили, как по полочкам. Я это точно знаю. Бриллианты. Золото. Чертова куча драгоценностей. И это все на фотографиях. Все забрали и улетели. А?

Я молчал. Вообще-то, услышанное меня потрясло. Но я пытался не показать виду. Он одобрительно кивнул, как если бы моя реакция показалась ему уместной.

– Пока больше ничего не известно. – Он снова бросил на меня пытливый взгляд. – Слушай, а это не с твоим отцом связано?

Я уставился на него, словно ничего не понимая. Писаревский отвел взгляд, стал рассматривать мебель в холле перед парной, точно видел ее впервые, поводя чуть наклоненной головой по сторонам. Было очевидно, что он волнуется.

– Нет, – ответил я твердо. – У них дел не было. Отец с Тарадой был близок, это факт. Они были друзьями, и только.

– Да, да, – покивал головой Писарь. – Я понимаю. Происходит что-то совершенно непонятное. Тем не менее, Игорек, если тебе это поможет, учти, что я тебе сказал. Тарада заговорил.

Он многозначительно посмотрел на меня. Я ответил ему тем же, словно не понимаю его прозрачных намеков. Писаревский участливо дотронулся до моего локтя.

– Игорь, ты прекрасно работаешь... Я понимаю, что это не должно тебя коснуться. Но будь внимателен.

Что случилось с твоим отцом, то случилось. Ты можешь спать спокойно. А с отцом... – он развел руками. – Больно, больно, понимаю. Ты береги себя, потому что они будут цепляться за любую ниточку, – добавил он почти скороговоркой.

Я молча кивнул. Писаревский тоже кивнул в ответ, словно подытоживая, что сказал все, что хотел.

– Будь предельно осторожен. На комбинат могут обратить внимание. Если вдруг будут новости, я выйду на тебя через генерала. Если нужно будет переговорить со мной, то держи связь тоже через него. Так будет лучше нам обоим.

В эту минуту дверь отворилась, и на пороге, весь в белом, как римский патриций, появился генерал. За его спиной стоял курсант, держа на подносе распаренный чайный сервиз, источающий тонкий аромат.

– А вот и чай поспел, – ласково пропел генерал.

...Всю дорогу до дома я думал об этом странном разговоре. Честно говоря, я не до конца понимал природу продемонстрированной Писаревским заботы.

Только когда подъехал к самому подъезду, мне неожиданно открылось... А ведь не было никакой заботы. Одна туфта. Ни о чем меня Писарь не хотел предупреждать. Он себя обезопасить хотел. Дистанцироваться. За себя испугался. Связав Тараду, отца и меня – в одну линию. И подумал в первую очередь о себе. Ему было наплевать и на меня, и на отца. Его мнимая забота была не более чем откупной монетой. Он просто хотел, чтобы за всеми этими делами с отцом и Тарадой от меня не потянулась ниточка к нему, и иносказательно предлагал мне аккуратно держать язык за зубами, чтобы я и думать о нем не смел.

Это был вечер пятницы, когда я, усталый, вернулся домой и сидел на кухне, механически уплетая очередной

Лидин кулинарный шедевр. В голове мельничными жерновами еще вертелись проблемы, связанные с работой.

– Игорь, я хочу поехать навестить Ларису, – озабоченно произнесла Лида.

– Что с ней? – Я отставил ложку и внимательно посмотрел на жену.

– Чувствую, ей сейчас плохо. Очень плохо.

Я отодвинул тарелку.

– Лида, куда тебе ехать на таком сроке, а?

– Игорь, давай не будем спорить. Сейчас я чувствую себя лучше. Я ее давно не видела. Ты знаешь, как они там живут?

– Ну, вы ж общаетесь?

– Что такое телефон, Игорь? Что по нему можно сказать? Ей выговориться надо. Выплакаться. Она – одна. В доме ни одного мужика работающего не осталось.

– А отец где? А Володя?

– Отец в Ыргаклы, Володя – с ним. И вообще, при чем здесь это? Они, что ли, будут спрашивать, как Лариса себя чувствует? Появляются редко. Каждый занят. Я переживаю за отношения отца и матери. Меня это тревожит. Они стали такими одинокими...

– Ты имеешь в виду отца? Я понимаю, у него сейчас не самые лучшие времена...

– Игорь, при чем здесь это? – Она уселась напротив, горестно глядя на меня. – Ты думаешь, станица, из которой мама сбежала от папы, это просто так?! Представь, когда нет ни детей, ни внуков...

– И что?

– Годы свое дело сделали!

– Да какие их годы!?

– Я не про это. Я про то, что их связывало. Они не привыкли жить вместе, без нас – без детей и внуков. А сейчас – живут. Одни – ежедневно вместе... Глаза в глаза, и со-

вершенно разные. Я боюсь сказать – чужие. И Лариса живет среди этого. Они как будто на разных полюсах живут.

– Что ты такое говоришь?

– А вот то. Отец живет своей жизнью, мама – своей. Мы – выросли. И им – одиноко. Там всем – одиноко. Будь все по-прежнему, не заставь он ее уехать, не лишись он прежнего заработка, она бы так и жила, как раньше, запрещающая себе что-либо чувствовать, вспоминать, и прежде всего обиды, но там... Там у них что-то сломалось... Одна в четырех стенах, она что-то поняла. Они теперь чужие. Ты думаешь, Ларисе это не больно видеть? Илью потеряла, так теперь еще и это?

Я понял, что там что-то происходило. И удержать Лиду не было никакой возможности.

Надо было отпускать. Да и мне пора было проведать Нахамьё и Хаво. Старики жили в неведении о судьбе нашего отца, питаемые моими скудными увещеваниями по телефону.

Я старался вести машину как можно осторожней. Лидин живот сильно выдавался вперед, и она сидела, прикрыв его ладонями, словно щитом. Теперь она все время как будто к чему-то прислушивалась, словно в ожидании важного известия. Испарина то и дело проступала на ее лице. Лида закусывала губу. Я сразу начинал беспокойно ерзать.

– Лидочка, хочешь остановимся?

– Езжай, Игорь, все нормально.

– Я тебе говорил!? Куда тебе ехать в таком состоянии!

Лида только устало улыбалась.

– Ничего, скоро уже будем дома.

Лида очень располнела. Гормоны, лекарства, которые она принимала, когда она лежала на сохранении, сделали свое дело. То и дело подходила ко мне и, со страхом заглядывая мне в глаза, спрашивала:

– Игорь, как ты думаешь? Я снова похудею?

– Лидочка, не переживай, все это уйдет.

– Да?

Она смотрела на меня с такой доверчивостью, будто я в самом деле мог совершить что угодно.

XXXI

Дома, на Гоголя, нас с Лидой и Сережей встретила Анна Григорьевна. Обрадованно подхватила малыша на руки.

– Большой какой стал! – От нее как всегда веяло заботой и теплом, словно никакие бури не могли поколебать ее в главном – в ощущении спокойствия, когда она пребывала у своего семейного очага.

Она наклонилась ко мне, будто мы были два заговорщика, обняла, заглянула бездонными черными глазами в мои, улыбнулась.

– Усталым выглядишь. – Она провела ладонью по моей щеке и осеклась, как бы говоря, да, собственно, как иначе сейчас можно выглядеть. – От отца что-нибудь слышно?

Я отрицательно покачал головой. Анна Григорьевна вымученно улыбнулась, боясь задеть меня за живое.

– Жждалась я вас. – Она как будто хотела сказать что-то еще важное, но передумала, отложив на потом. – Вовремя вы,

– сказала она, но как будто уже о совсем другом. – Я только-только управилась. Твои любимые чуду. Думал, не помню? – Она еще раз улыбнулась. – Умывайтесь, и за стол.

Анна Григорьевна скрылась на кухне, мы остались вдвоем в большой полутемной комнате, в которой Михайловы встречали гостей.

– Лидуся! – раздался возглас, теплый и надрывный одновременно.

Из своей комнаты вышла зареванная Лариса, веки у нее были припухшими и лицо полно той неизбывной скорби, которой смерть награждает тех, кто потерял близких. Голос Ларисы был хрипловат, казалось, он прорывался сквозь дрему.

Сестры обнялись. Их объятия сказали им друг о друге больше всяких слов.

– Нормально я, Лидуся, нормально, – принялась жалостливо повторять Лариса, как бы расслышав Лидин немой вопрос, через силу улыбнулась, отстранила Лиду от себя, пытаюсь разглядеть, как же она выглядит в положении. И тяжело вздохнула, пытаюсь улыбкой осветить невеселые свои мысли.

– Молодец, – тихо прошептала она, касаясь губами щеки сестры. – Устала с дороги?

Лида отрицательно покачала головой. Ей не хотелось говорить что-либо фальшивое, ненужное и неуместное в этот миг.

Как она могла себя чувствовать после столь изматывающей душу и тело дороги? Но грузить сейчас Ларису своими проблемами ей не хотелось. Ей нужно было только, чтобы они остались вдвоем, чтобы их никто не трогал и чтобы она опять почувствовала то настоящее, что связывало их крепкими, но невидимыми узами.

На протяжении многих десятков лет она привыкла чувствовать Ларису рядом, видеть в ней друга, наставника, confidentку, которой могла все или почти все рас-

сказать. Понимая, что их надо оставить наедине, я пошел с Сержей на кухню, к Анне Григорьевне.

– Пойдем, сядешь, – потянула за собой Лариса Лиду.

Она подчинилась, затворила за собой дверь. Но садиться не стала.

– Стоять легче.

Лида внимательно посмотрела на Ларису.

В каждом ее жесте, в каждом движении сквозила растерянность, причина которой была не очень ясна Лиде. И горе, и что-то очень личное, тайное, что она выпестовала в себе, были намешаны в Ларисе, так что и не поймешь, чего больше.

– Как ты? – спросила Лида тихо, как только могла, ибо она и так все понимала.

– Ой, не знаю, – горестно вздохнула Лариса. – Не знаю, как жить после всего. Как жить, что делать, за что ни возьмусь – все из рук валится...

– А ты поплачь, поплачь, не держи в себе.

Лариса отрицательно покачала головой.

– Ты понимаешь, это все из-за пустоты. – Она ткнула себя в грудь. – Вот здесь пусто. И вокруг пусто. Мы все – одинокие. Вроде вместе, а словно в разных квартирах живем.

– Ты про маму с папой?

Лариса кивнула.

– Я папу не узнаю, – прошептала она. – После смерти Ильи как будто что-то в доме перевернулось.

– Все восстановится...

– Нет, Лида, это, – она сделала ударение на последнем слове, – не восстановится.

– Что ты такое говоришь, Лара?!

Лариса застыла, смотря куда-то в только ей видимую даль.

– Он занял позицию Юшваевых, – произнесла она каким-то глухим, не своим голосом. – Что? Почему? Вытащил все из дому.

– Как вытащил?

– А вот так... Под предлогом каких-то рабочих надобностей. Говорит, что это его дело. В доме денег нет, а он говорит, что у него какая-то работа... И все, что осталось, забирает. Я ничего не понимаю. Вообще не знаю, что делать. Он живет своей жизнью, мама – своей.

– Такое уже бывало.

– Бывало. Но не так. Они стали абсолютно чужими. Отец все время бегаёт от мамы. Все время. Когда приезжает, вечерами они остаются одни. И в глаза друг другу не смотрят.

– Что ж, они не смогут начать заново?

– Не смогут, Лида, не смогут! – почти крикнула Лариса горестно. – Папа приезжает и уезжает. Его не видно.

– А ты не думала, если это и вправду проблемы на работе... Что Володя говорит? Он с ним?

– Если б проблемы были по работе – полбеды.

– Ты о чем?

– Я все о том же... О папе с мамой.

– Ты про деньги, что ли? Ну, отдал и отдал. Мы что, бедные что ли?

– Ну, знаешь... Деньги во дворе не растут. И потом... Эти серьги... Ты знаешь...

– Что за серьги?

– В доме пропали мамины бриллиантовые серьги. Ну, как пропали? Папа сказал, что взял их для дела. Ему срочно были нужны деньги. Понимаешь? Нужны и нужны. А потом мне говорят, что видели его с какой-то девицей на свадьбе. И эта девка была в маминых серьгах.

– Этого не может быть!

– Вот и «не может». До мамы тут же дошло! А ты спрашиваешь – куда он бегаёт? Он не появляется, потому что у него кто-то есть. Все наши деньги отдал этой шлюхе, – гримаса боли и тоски исказила Ларисины черты. –

В доме одни женщины. Ни одного мужика! Я не знаю, как дальше жить...

– А мама что?

– Ты ее, что ли, не знаешь? Из мамы слова не вытащишь, но я же чувствую, Лида. Все чувствую... У них – разрыв. Полный разрыв.

Всю дорогу назад на Катыхина внутренний голос шептал мне: «Оглядись, просто посмотри, не следует ли кто за тобой, просто посмотри».

Я удивленно оглядывался, сам удивляясь тому, что я делаю.

Уже когда мы подъезжали к Кисловодску, Лида вдруг спросила:

– А Слава когда появится?

– Ближе к вечеру.

Лида согласно кивнула.

Хаво, когда я вошел в дом, месила тесто. Она обернулась ко мне и с улыбкой поспешила навстречу, шурша передником.

Она обняла меня и с облегчением вздохнула. В ее глазах икрилась надежда. Зубы, немного приоткрытые в улыбке, ласковый взгляд... Меня словно овеял ветер любви, пронизывающий самую толщу не ведающей сострадания вселенной. Я почувствовал облегчение, словно разговор Лиды с Ларисой, вселивший в меня некое беспокойство, канул далеко в прошлое, оставив по себе только горькое воспоминание.

Все это не означало, что я вдруг почувствовал себя беззаботно, нет. Подобно морским приливам предчувствия опасности стерегли мои воспоминания, не позволяя окончательно расслабиться.

Я знал, что когда-нибудь в далеком будущем мне станет понятно то, что и как надо было делать, но сейчас я всеце-

ло полагался только на свою интуицию, которая постоянно и настойчиво твердила, что освобождение или хотя бы облегчение участи отца лежит целиком на мне, и я должен постараться. А еще – оберегать Хаво и деда, ибо плохие новости о сыне могут разорвать им душу.

Я шел за Хаво, она рассказывала мне последние новости, я слушал внимательно, удивляясь про себя, что, оказывается, могу отзываться и на другие семейные дела.

После ареста отца я ежедневно тяготился всякого рода тревогами. Надо было оберегать от страхов Хаво и Нахамьё, думать о Лиде и ребенке. Все это требовало ежесекундной собранности и взвешенности – на ловушку эмоций нельзя было поддаваться.

И хотя отца сейчас не было с нами, его присутствие ощущалось во всем, словно теперь мне передалась его невероятная восприимчивость по поводу того, что нас ожидает. Мне трудно было принимать решения, внутренний голос кидал меня из стороны в сторону. И да – леденящее чувство страха и идиллическое воркованье голубей во дворе дома на Катыхина чудесным образом уживались в моей душе. И сейчас, оказавшись с Хаво с глазу на глаз, тревога за судьбу близких бредила душу.

Мне казалось, что разгадка близка, но четко сформулировать ее я не мог, не хватало ясности сознания и просто реальных фактов.

Конечно, если забота о близких и желание все предусмотреть – ваши спутники, вам не трудно это понять. Я был убежден, что предусмотрительность и осторожность – это единственное, что поможет нам преодолеть сложные времена.

– Мама, ничего пока не ясно, – тихо ответил я на столь же тихий вопрос Хаво. Стало почему-то особенно тревожно. Я посмотрел на часы. – Сейчас Слава должен приехать.

Казалось, что обострившееся чувство опасности породило во мне способность к ясновидению. Не успел

я подняться вместе с Хаво на веранду, откуда отрывался изумительный вид на балку, как увидел Славиного водителя, который шел по тропинке, таща сумки с гостинцами – я разглядел картошку, овощи... На Кубани уже появились первые овощи, и Слава все это вез нашим старикам.

Я улыбнулся, вспоминая о своем предчувствии.

Слава появился следом. Бросился к Хаво, обнял ее. Его появление всколыхнуло надежду на то, что все наши усилия и чаяния приведут к благополучному результату. Ведь страх обречен на провал. Похоже, что бывшая удачливость отца не желала отступать и облюбовала меня.

И Слава выглядел счастливым оттого, что приехал домой, что семья собралась вместе. Это читалось на его лице.

Хаво наконец отпустила Славика из своих объятий, и он бросился ко мне. Я почувствовал, как все мы счастливы. Хаво принялась хлопотать, требуя, чтобы мы шли к столу, а я хотел поговорить со Славой один на один, чтобы обсудить все без утайки.

– Мама, – я ласково обнял Хаво, – мы сейчас придем, только немного прогуляемся...

В моих словах звучала уверенность в успехе. В голове нарастал шум, увлекая за собой извечную озабоченность последнего времени.

– Слав, давай пройдемся.

Мы направились со Славой к балке. Ветер то стихал вовсе, то слегка подгонял нас вперед слабым дуновением. Мы остановились почти на краю обрыва и принялись смотреть, как в небе медленно парят огромные черные вороны.

– Ты знаешь, Исай считает, что мы кое-что упускаем.

– В каком смысле?

– Мы недооцениваем то, где сейчас отец находится. Они могут все.

– Кто они? Что ты имеешь в виду?

Слава не смог устоять перед наплывом страха, что подобно дворовому псу набросился на него.

Возле уха зажужжала пчела. Весна все охотней вступала в свои права.

– То, что они могут на него физически воздействовать. Мы даже не знаем, какие у них есть средства в арсеналах, но Исай считает, что они могут пойти на все, лишь бы своего добиться. Мы должны предусмотреть самый худший вариант.

– Какой? Если отец начнет оговаривать сам себя?

Лицо Славы словно осветили лампой.

– Ты хочешь сказать, что он заговорит?

– Его могут заставить, так Исай считает. Поэтому я тебя и вызвал. Ты понимаешь?

Слава замолчал. Уставился на небо.

– В этой ситуации бездействовать просто опасно.

– Надо перепрятать то, что лежит там, – я кивнул в глубь балки.

Может быть, в минуты опасности душа обретает способность взирать на ситуацию со стороны, как лениво парящее в воздухе перышко.

Тишина, окутавшая нас, словно взорвалась в Славе океаном чувств, и лицо его больше не в силах было сдерживать страха, выползающего из мрака словно клубок змей, таящий опасность.

Мы, как парализованные, продолжали стоять, не произнося ни слова. Слава был растерян. Из короля, уверенного и властного в своих прихотях, он в одночасье превратился в маленького мальчика, застигнутого за кражей сладостей. Спустя пару минут моего спокойного и уверенного молчания Слава совладал с собой, и атмосфера стала понемногу разряжаться. Он засунул руки в карманы брюк, словно собираясь достать оттуда что-то, но тотчас

вынул их, и, как бы в знак согласия, положил мне руку на плечо.

– Давай, действуй.

Изгиб улыбки, устремленный на меня твердый взгляд исподлобья... Слава был полон несвойственной ему доныне дерзости и решимости.

– Мы сделаем, как ты скажешь, – твердо произнес он.

Происходившее с нашим отцом в Москве, страхи преследования, возможные визиты правоохранительных органов, косые взгляды недоброжелателей, слухи и пересуды – вдруг все отошло на второй план.

– Слушай, – Слава взял меня за локоть, – а здесь все тихо? – спросил он, кивая куда-то в сторону улицы.

Я понял, что он имеет в виду. Славе с трудом верилось, что прокурорские, большей частью бывшие баклуши, не начнут активничать в диком ажиотаже, промывая как песок через сито все события жизни отца и его сыновей.

– Ты понимаешь, что без команды сверху в этом деле ничего не делается? – спросил я.

Слава кивнул.

– Все местные чиновники слишком хорошо знают нас и нашу семью, чтобы действовать самостоятельно. Если только не поступит команда сверху.

Слава неожиданно перешел на шепот.

– Иногда мне кажется, что работников прокуратуры в нашем крае стало в три раза больше с той поры, как у нас все это заварилось.

Он пытливо посмотрел на меня.

Я глубоко вздохнул, вбирая аромат весенних цветов и одурманивающего запаха оживающей после зимы земли.

Я поскользнулся на камне и чуть было не упал.

– Если Москва дала местным команду проверить нашу деятельность, – начал я говорить как можно спокойнее, –

а не дать ее они не могли, то стоит ли сейчас надеяться на их благорасположение?

– Кому? – спросил Слава, как будто не понимая.

– Мне и тебе. – И тут же, не дожидаясь, я сам и ответил. – Наши фигуры слишком заметны.

Мне надоело стоять во дворе.

– Пойдем домой.

Слава медленно, точно минер, проверяющий участок, пошел за мной. Я полуобернулся к нему на ходу.

– По мнению Исаея, друзья отца, какими бы замечательными они ни были, «там», – я красноречиво возвел глаза кверху, – обязательно станут другими. Знаешь, что... – я посмотрел на Славу. – Слепое безрассудство и хроническая неспособность держать язык за зубами им свойственны. Это не мое мнение – Исаея. Слава Богу, что каждый из них по отдельности знает очень немного.

– Ты этого боишься?

– Слава, я не боюсь. Я просчитываю ситуацию. Все варианты. Это действительно то, что может нас уберечь.

Я в самом деле был убежден в том, что Исай говорит абсолютную правду. Можно было, конечно, списать это на паранойю человека, который сидел, на его воспоминания о его прошлом опыте, или наоборот, это могла быть наша мнительность. Но разве она, эта мнительность, когда-нибудь кому-нибудь помешала в момент истинной опасности?

Мною двигала некая мудрость – я ощущал, где удача оживает под моими пальцами, а где опасность умирает, как рыба, выброшенная на берег. Интуиция балансировала на грани между радостью и отчаянием. Впервые в жизни я почувствовал себя настоящим мудрецом, который понимает законы игры, в которой мы все были пешками.

Если после ареста отца я не уехал бы из Москвы и отважился остаться там, мне не оставалось бы ничего дру-

того, как применить тактику, преподанную мне самим отцом: действовать где безжалостно и грубо, а где вкрадчиво и мягко, чтобы заполучить то, что ты хочешь. А именно – информацию, касающуюся прежде всего нас самих.

Но здесь, в Армавире и Кисловодске, все было по-другому. Здесь оставалось только жить прежней жизнью, делая вид, что ничего не произошло. Это была своеобразная игра, победой в которой могло бы быть только то, что от нас все бы резко отстали или, по крайней мере, забыли.

Благостная ситуация, цену которой ты понимаешь, только когда с ней напрямую сталкиваешься.

– Не скажу, – продолжил я, дотронувшись до Славиного локтя, – что я понимаю логику их действий. Возможно, они даже не будут нас трогать, но только потому, что еще не получали такого приказа. Более понятного объяснения мне трудно найти. Поверь, простейшее объяснение является самым правильным.

– И что ты предлагаешь?

– Отец – скала. Но, возможно, Исай прав насчет непредвиденной ситуации. Какой? Слав, я не знаю. Пытка, уколы, – лучше об этом не думать... Но, то, что в балке, надо перепрятать как можно быстрее.

Только тут я почувствовал, каким скованным во все эти дни я себя чувствовал. Меня словно заковали в броню. И только сейчас я с наслаждением распрямил затекшие плечи. Бросил взгляд на балку. В этот момент мне казалось, что из всех укромных местечек, коими так богаты наши овраги, отец выбрал для тайника едва ли не самое близкое и уязвимое.

– Оно не надежно, Слав. Если отец заговорит, единственное, что обернется против него, это то, что там, – я снова кивнул в сторону балки, – ничего не найдут. А на нет и суда нет. Всегда можно сказать, что это был самоого-

вор. Понимаешь? Любой следователь, забредший в этот овраг, а такое снова может случиться, никто не гарантирует, что этого не будет, случись им искать дотошной, запросто определит место с помощью специальных искателей.

Славу передернуло. Я вновь ощутил темное крыло нависшей над нашей семьей беды. Мы словно актеры в плохой пьесе переходили от приступов оптимизма и наигранного веселья к подозрительности и плохо скрываемому напряженному ожиданию грозного стука в калитку.

Слава безнадежно махнул рукой.

– Давай, давай действовать. – Во взгляде его читался вопрос: «Когда приступим?»

– Завтра. Идем на пикник, – усмехнулся я.

Мы поднялись на крыльцо. Сумерки потихоньку окутали землю.

– Ты думаешь, дед все это переживет? – неожиданно спросил Слава.

– Перестань, – я возмущенно посмотрел на него.

– Ну да, – Слава виновато закивал. – Плюс его опыт, – еле слышно добавил он.

Это было то, что мы понимали оба. Дед, переживший сталинские времена, был наделен особого рода воспоминаниями, которые тяжелым камнем ложились на его душу.

Мы вошли в дом.

Хаво с тоской посмотрела на нас, словно там, во дворе мы были свидетелями чего-то невероятного, о чем она еще не знала. Мы не стали посвящать ее в детали нашего плана. И так неприятностей хватало. Более того, мне каждый раз приходилось прикладывать все силы, чтобы выдержать ее пристальный взгляд, вопрошающий: «Ну что там?»

Отрицать существование опасности было трудно. После обыска она стала реальностью, но я делал вид, что ничего не произошло.

– Вы чего там делали? – не удержавшись, спросила Хаво.

– Просто разговаривали. Все нормально.

Хаво почувствовала фальшь в моем ответе. Мне трудно было не выдать себя. Меня не покидали воспоминания об обыске. Будто здесь прошла буря, оставившая после себя голую, пустынную песчаную косу.

Хаво молча пошла к плите и вдруг остановилась и стала стучать себя по лбу.

– Говорила же ему – не езжай в Москву!

Я обнял ее.

– Мам, не переживай. Я же в сотый раз повторяю: он жив, здоров – это главное. Там работает лучший адвокат.

– Ох, Игорек, – плача и продолжая бить себя кулаком по голове почти кричала она, – плохо ему, плохо, я чувствую.

– Ты деда водишь гулять? – Я попробовал переменить тему. – Води! Ему на воздухе лучше будет.

– Он дома себе не находит места... Вчера ночью кровь носом шла. Никак не могли унять.

Она замолчала и внимательно оглядела нас со Славой.

– Ну да ладно... Давайте пойдем есть... Надо есть.

Всегда, когда дело касалось треволнений, первое, что начинала делать Хаво, это инстинктивно возиться у плиты, как и ее предки, почитавшие дым от очага самой сильной защитой от дурного взгляда, напастей и даже хворей.

Все бревна, балки, доски, брусья и кровельная дранка, из которых был сложен наш дом, были пропитаны ароматами, которые источали все яства, приготовленные руками Хаво. Это была ее генетическая память, наследие ее предков, жившее в ней.

Следующий день выдался еще теплее. Светило яркое солнце. На ветках деревьев уже проклюнулись зеленые листочки.

Мы сидели в полумраке нашей уютной столовой вокруг обеденного стола с массивными ножками. Неожиданно порыв ветра ударил в окна, словно пытаясь их выбить как раз на какой-то моей шутке, которая как будто рассердила ветер. Он ухал и ухал в оконные стекла с силой, точно пытался разбить их.

Слава рассказывал про будни своего комбината, иногда почти опускаясь до шепота, но ни капли не сомневаясь, что будет услышан. Мы мирно болтали, и вдруг я осознал, что ощущение беды, поселившееся в этих стенах после прошедшего обыска, отступает, как после пронесшегося урагана, перед теплом дома и ароматами варившегося мяса. Это глубинное чувство очага воздвигло преграду нависшим бедам и хаосу.

Хаво поставила передо мной тарелку. Я молча начал есть, изредка перебрасываясь короткими замечаниями со Славой.

– Ты видел Исяя?

– Да. Он все время с Лизой. Перевез ее из Ташкента сюда.

– Как она?

– Как может быть человек в ее положении? Все понимает, держится мужественно.

Мы старательно избегали говорить о будущем, и вдруг в какой-то момент слова испарились, оказались не нужны, и теперь мы просто сидели, погруженные в молчание. Хаво тихо хлопотала у плиты.

– Почему бы тебе не подняться к деду? – спросил я ее. Хаво испуганно посмотрела на меня. – Проверить, как он там, – сказал я, как можно естественнее. – Мы позже договорим.

– А вы куда собираетесь?

– Надо сделать одно дело, – бодрым голосом ответил я.

Меня вдруг охватило какое-то нехорошее предчувствие, словно на меня, одиноко стоявшего на пустынной дороге, смотрели со всех сторон призраки. Удивленный взгляд Хаво почему-то подвиг меня к действиям, и тут же пахнуло невыносимой опасностью, точно каждая секунда промедления грозила необратимой потерей крови из кровоточащей раны. И я чуть не вскрикнул, не рассказал все Хаво, все, что мы собирались делать, словно это признание способно было избавить меня от нахлынувшей нервозности и неуверенности.

И тут произошло чудо.

– Будьте начеку, – сказала Хаво совершенно серьезно, будто давно все уже поняла.

Я кивнул. Слава начал подниматься, поняв всю неумолимость, того, что нам предстояло предпринять.

– Что вы задумали? – вдруг подозрительно спросила Хаво, как будто пробуя разубедить меня в том, что она все знает.

– Ты помнишь балку? Надо оттуда все убрать. На этом настаивает Исай. В тот раз они очень уверенно полезли в балку... Могут еще раз прийти и поискать получше.

При упоминании об отцовских сокровищах на лице Хаво отпечатался неподдельный ужас, сродни тому страху, с которым я проснулся в первое утро после приезда сюда.

А может быть, я ошибаюсь. Может, лучше оставить все, как есть!? В конце концов, откуда взялась моя уверенность в том, что они придут еще раз?

– Молодцы, что это сделаете, – вдруг произнесла Хаво на удивление спокойным голосом. И я как будто услышал голос отца.

Хаво вдруг показалась мне совершенно беззаботной, но на самом деле ей было куда как далеко до такого состояния. Просто включились древние, дремлющие в ней

до поры механизмы защиты. Ее лицо словно бы окаменело, утратило способность чувствовать.

Зато я точно был уверен, что мы должны немедленно встать, взять лопаты, и, не мешкая, все исполнить.

Этот импульс был не менее мощным, чем тот, когда Лида позвонила и крикнула мне «Гюмель». Я ощутил знакомую нервную дрожь – трепетную, почти изысканную, словно тень некоей затаенной гордости.

Слава принес из сарая лопату, мешок и какую-то ве-тошь. Мы взяли корзинки с провизией. Мы ведь шли на отдых. Пикник. Рыбалку. Копать червей, да мало ли что?

Я молча взял протянутую Славой лопату, так же молча последовал за ним во двор. Мы перепрыгнули через забор.

Был яркий полдень. Вокруг все было тихо. Я кинул взгляд на небо. Там, высоко над моей головой, светило солнце и блестела, прямо посередине солнечного дня, какая-то заблудившаяся безымянная звезда. Весь мир казался совершенно безлюдным, как если бы мы были единственными, кто остался в живых.

Я видел нас как бы со стороны – маленькие фигуры под бескрайним солнечным небом. Мы стояли совершенно одни, точно посередине какой-то сказочной долины.

Славу начал бить озноб. Я понял – еще секунда, и он найдет причину никуда не ходить, поддавшись панике. Я передернул плечами, отгоняя наваждение.

Мы должны были спуститься вниз и сделать вдвоем то, что когда-то давно делали втроем почти час. Сколько это займет у нас времени сейчас?

Я видел все совершенно отчетливо – каждое наше будущее действие так же живо, как будто это уже было раньше или я видел это во сне уже десятки раз.

Моей главной задачей было торопиться! Однако внутренний голос возразил: «Нет, никуда не спеши. Вы ведь идете на прогулку!»

Именно тогда я вдруг отчетливо понял, что мы живем не с одной душой, а с двумя, нашим отцом и нашей матерью – по меньшей мере! – ночью и днем, если хотите. Да, это не проявление двойственности, но именно две души, похожие на двух лошадей в упряжке, тянущих ее в разные стороны: когда одна говорит «да», другая говорит «нет», а решающий голос принадлежит несчастному вознице, то бишь моей собственной личности, и на этот раз мой внутренний голос прокричал: «Да расслабься! Вас же никто не видит, ты чего! Все – спокойно!»

Я знал, что Хаво и дед не переживут, если с нами что-то случится.

Мы спускались по прямо пахнувшей мокрой землей тропке, то и дело оскальзываясь. Дожди прибили прошлогоднюю траву к земле, и она была скользкой, как ледяной наст. Слава пытался шутить, рассказывая анекдот. Легкий стыд за секундный страх, пережитый им на моих глазах во дворе нашего дома, отзывался в нем ощущением некоей неловкости, которую он всячески пытался заглушить.

Он остановился, чтобы перевести дыхание, а я постарался как можно точнее определить взглядом место, куда нам нужно было идти.

Однако долго стоять я не мог – мешала объявшая меня подозрительность: а вдруг кто-то заинтересуется тем, что это мы делаем на склоне, и потому я поспешил дальше вниз по крутому склону, увлекая за собой Славу.

В один момент я поднял голову вверх и показалось, что на самом краю балки, там, где был разбит забор, маячит какая-то фигура и следит за нами. Волосы на затылке встали дыбом, сердце взвилось, точно кошка на высоковольтных проводах, казалось, что я нахожусь на пороге смерти, и до моего сознания донесся отчетливый звук человеческого голоса.

Первым импульсом было бежать. Однако вместо этого я усилием воли заставил себя замереть и еще раз взгляделся в силуэт невесты откуда появившейся при свете дня фигуры.

Но никого окрест не было. Это было видение, воплощенное моими страхами. Преодолевая себя я сделал один шаг, хотя ноги и отказывались идти. Все это было лишь игрой моих напряженных нервов.

Я молча кивнул Славе, словно приободряя: «Ну, давай, иди дальше».

Лопата задрожала в левой руке, и мне пришлось нести ее двумя руками. Я поймал Славин удивленный взгляд, но ничего объяснять не стал. Прошло не меньше пяти минут прежде чем мы добрались до чахлого кустарника, от которого надо взять на три метра правее.

Там, под еле заметным холмиком, росло, вцепившись корнями в ненадежный песчаный склон, деревце. Его ветви переплелись и скривились под натиском ветра. В отблесках яркого, бьющего прямо в глаза солнечного света деревце казалось мне человеком, упавшим на колени и в отчаянии вскинувшим руки к небу. Здесь и находился наш тайник.

Мне показалось, что мшистый дерн весь изорван; края его были сырыми, как края грязной повязки. Я вонзил лопату в твердую, совсем не податливую землю, и мы начали копать.

Копали довольно долго, изредка останавливаясь передохнуть. Рубашка моя вся промокла, порой казалось, что мы никогда не достигнем дна схрона; одолевали сомнения в том, не ошиблись ли мы местом. Как вдруг кончик лопаты царапнулся о что-то твердое – дощечку, которая была положена поверх банки. Я сунул руку в яму, принялся разгребать мягкий суглинок и наконец нащупал рукой стеклянное горло банки и вытащили ее на свет божий.

Слава скривился в торжествующей усмешке. Судя по его выражению лица, он способен был не моргнув гла-

зом убить каждого, кто попытался бы посягнуть на наше сокровище. Я покачал головой и внимательно осмотрел банку. Мои пальцы ощупывали ее с радостью змей, перескших безводную пустыню. Нигде ни трещины. Крышка плотно закрыта. Все было точно в таком виде, в каком мы ее закопали.

При слепящем солнечном свете мне показалось, что банка даже светится ярче.

Я передал ее Славе.

Он схватил ее и, не удержавшись, воскликнул:

– Ну и баночка! На вид маленькая, а тяжелая, елки...

– А ты думал, в ней воздух закупорен?

Слава аккуратно положил банку в корзину, накрыв сверху ветошью.

Мы начали быстро забрасывать яму. Я посмотрел на Славу. Волосы его были перепачканы комьями грязи. Он поймал мой насмешливый взгляд и рассмеялся в ответ:

– Думаешь, ты лучше выглядишь?

Мы еще яростней начали орудовать лопатами. Наконец нам показалось, что все удалось вернуть к первоначальному виду. Слава набросал сверху прошлогоднюю листву, я добавил какие-то сучья, что попались мне под руку, и мы поспешили обратно.

Слава то и дело настороженно оглядывался, пока мы поднимались, и это все действовало мне на нервы так, что переросло в раздражение, не поддающееся описанию.

Мы подошли к дому.

Вокруг по-прежнему было тихо. Я забрал корзину для пикника у Славы. В нашем доме хранить это было небезопасно. Оставался только дом Лидиных родителей. Там нет никого, кроме женщин и детей, там почти всегда тихо и спокойно. И туда, как я полагал, не может сунуться милиция.

Это было моей главной мыслью в ту секунду. Я добежал до гаража и рванул на себя дверь. Полумрак помещения охладил мой пыл. Словно тьма была забором, поставившем заслон страху.

Я открыл багажник. Как только корзина с сокровищами исчезла в его недрах, я с удивлением почувствовал пустоту и отрешенность, как будто с части моей души свалился тяжелый груз. Но я знал, что это умиротворение опасного и обманчивого свойства, словно ловушка, попадание в которую сулит большими бедами. Я знал – эта передышка обманчивая.

В тот момент мне казалось, что я действую как во сне. Мне не терпелось освободиться от смертельно опасного груза. Мысли работали четко и ясно.

Не успел я захлопнуть крышку багажника, как раздался голос Хаво – осторожный, испуганный.

– Игорь, что ты там делаешь?

– Мама! – Я был словно натянутая струна. – Мы едем к Михайловым.

Хаво сразу все поняла. Поплотнее подвязала косынку. В гараж вошел Слава. Он уже успел поставить все на место: лопаты, кирку, заступ – поменял сапоги на туфли и выглядел как по-настоящему хорошо отдохнувший человек..

– Слава, в машину, – коротко бросил я.

У меня не было ни сил, ни желания тянуть или обсуждать сделанное... После того, как корзина была помещена в багажник, точно в лоток холодильника (оставлять ее на виду на заднем сиденье было невозможно), я ощутил невероятное волнение. Все вокруг было словно наэлектризовано. Я метался между приступами нетерпения скорей выехать из дому и готовностью погрузиться в безмятежную протрацию, положившись на волю судьбы.

Слава уже сосредоточенно сидел на переднем сиденье. Мое нетерпение, видимо, передалось ему, он был бледен.

– Игорь, давай уже, поехали, – умоляюще произнес он.

Но страх делал свое дело. А может, стоит подождать до ночи. Поехать, когда стемнеет? Я чуть было не вцепился в эту мысль. Но тем не менее я выжал педаль газа и выехал на дорогу на малой скорости, размышляя над тем, каким испытаниям подверглась сегодня моя способность к самообладанию. И разве не самонадеянно было уповать на то, что мы доберемся до Михайловых, никого не встретив по пути? А вдруг к нам уже едут с повторным обыском? В конце концов, откуда взялась моя уверенность, что все закончилось?

Сейчас все наши мысли были только об этом. Я прямо-таки слышал, как Слава шепчет про себя: «Давай уже быстрее поедem».

Я повернул в сторону улицы Гоголя, хотя вовсе не был уверен, что следовало ехать кратчайшей дорогой – там было на два поста ГАИ больше. Соблазняла мысль поехать кружной дорогой, но более безлюдной. Мне страшно не хотелось выезжать на оживленную трассу, где мою машину могли заметить, как будто в ее багажнике тикала бомба замедленного действия, и ее тиканье зловеще разносилось окрест.

Я усмехнулся. Миновав пять кварталов, я затормозил перед светофором, стараясь не смотреть на постовых милиционеров, и попытался успокоить себя созерцанием мягких, печальных красок дня, катящегося к сумеркам, но сердце мое громко стучало.

Дорога казалась вечностью, хотя в обычные дни я даже не замечал времени, которое мне требовалось, чтобы добраться до Михайловых. Только у Лидино дома, когда я уже въезжал во двор, я почувствовал боль в ладонях и понял, как судорожно сжимал руль. Я заглушил мотор, пытаюсь обрести то безупречное чувство безопасности, которое посетило меня сегодня утром и которым одари-

вали меня прежние времена. Но ничего не вышло. Я был не в силах справиться с нервным напряжением. Жуткая подозрительность, охватившая меня с того самого момента, как я положил в багажник опасный груз, не покидала меня.

Я был очень сосредоточен, когда открывал калитку, звонил в дверь и ждал, пока ее откроют. Мне все время казалось, что за моей спиной кто-то появится и окликнет.

Солнце еще пригревало, хотя и кое-как. Но меня начал бить озноб, как будто на дворе был февраль.

Анна Григорьевна отворила сразу, как если бы ждала меня.

Выражение ее лица, ее речь были как всегда приветливы и ровны, но в это утро в ее голосе мне почудился какой-то подтекст. И смотрела она на меня как-то особенно, словно пыталась сложить в уме какую-то головоломку.

В ее лучшие времена она обладала невероятной статью победительницы. Она искрилась умом, излучала жизненную энергию, даруя окружающим ощущение, что на нее во всем можно положиться. Но все это она давала нам только взаймы. Это и составляло ее неповторимый стиль.

В последние месяцы она выглядела потерянной. Виной ли тому смерть Илюши или нечто более потаенное, связанное с ее взаимоотношениями с Ильей Владимировичем, мне неизвестно.

В памяти всплыли Лидины слова, сказанные по дороге в Кисловодск: «Игорь, не спрашивай у мамы ничего об отношениях с папой. Там полный разрыв».

Я вспомнил эти предостережения, глядя сейчас на непроницаемое лицо Анны Григорьевны. У нее были поразительно пышные, густые волосы и выразительные карие глаза, достаточно надменные и в то же время доброжелательные, как у королевы. Но главная ее красота таилась в коже – молочно-белой, тронутой нежным румянцем.

В последнее время она взяла за правило улыбаться мне с тщательно замаскированным сочувствием и тоской, что подразумевало горестные обстоятельства, связанные с арестом отца.

– Трудная была неделя, – сказал я, поздоровавшись.

– Как отец?

– Новостей нет.

– Но ведь это не означает ничего плохого, правда же, Игорь? – спросила она.

– Все знающие люди говорят, что это обычная практика. Пока идет следствие, оттуда нет вестей, никого не пускают.

Она тяжело вздохнула.

– У тебя такой вид, будто ты давно не высыпался.

– Может быть, так и есть, – уклончиво ответил я.

– Почему бы тебе не взять отпуск на неделю, чтобы пожить здесь? – спросила она и сама улыбнулась несбыточности этого предложения.

Ее лицо словно сошло с портрета кисти малых голландцев. Казалось, сами закаты и рассветы нанесли на ее кожу эти нежные розовые и палевые оттенки. Но, тем не менее, невозможно было скрыть, что Анна Григорьевна чем-то весьма озабочена. Впрочем, моя подозрительность и сама была способна сделать умозаключения по этому поводу. Глаза ее блестели.

– Ах, Игорь, – она обняла меня, словно желая излить на меня частицу своей заботы. – Ты их не встретил?

– Кого?

– Да девочек. Лара с Лидой минут десять как с детьми вышли.

– Видимо, я их пропустил.

– Да ты чего в дверях стоишь? Ты хорошо себя чувствуешь?

– Анна Григорьевна, надо машину в гараж загнать.

– Конечно, ключи помнишь где?

Я кивнул.

Их гараж пустовал со дня похорон Ильи, но внутри еще витал дух чего-то трагического, что окутало это место. Однако сейчас менее всего я был склонен к сентиментальности.

Я загнал машину в гараж. Анна Григорьевна неслышно вошла следом. Взгляд ее настойчиво пытался встретиться с моим, как будто она хотела понять причину волнения.

– Как Нахамье?

– Ничего. Держится.

Одним этим банальным вопросом она сразу лишила меня уверенности, точно усомнилась в том, смогу ли я все выдержать до конца.

– А Хаво?

Я развел руками. Мол, что спрашивать.

– Понятно... Я, ей-богу, каждый вечер молюсь за них, – Анна Григорьевна тяжело вздохнула. Заметив мою нерешительность и по-своему ее истолковав, она спросила.

– Тебе что-то нужно?

Частота моего пульса зашкалила. Я подошел к багажнику и, указав на корзину, сказал:

– Тут кое-что надо надежно спрятать. Куда это лучше положить?

Чтобы описать реакцию Анны Григорьевны, следовало бы упомянуть, что в гараже воцарилась «чреватая» тишина, которая на какое-то мгновение сплотила нас молчаливой тайной или уговором. В глазах у нее зажглись тревожные фонарики, которыми она попыталась осветить не столько меня, сколько мою душу и тайны, которые мне лучше было скрывать. Я горячо взмолился в душе, прося ее не задавать мне никаких вопросов. Она, словно услышав мой призыв, молча кивнула, тяжело вздохнув. Ее напряженное лицо и сердитый блеск в глазах свидетельствовали о том, что она все понимает.

Анна Григорьевна сделала два шага вперед, замерла, обернувшись ко мне, как бы спрашивая: «Я все правильно делаю?», потом так же молча пошла в глубь гаража и откинула почти у самой стены крышку люка. Она старалась не смотреть на меня.

– Лучше там, в погребе. Спустишься вниз, помотришь сам.

Она снова глянула на меня. Я встретился глазами с ее колким взглядом. Я стоял, не двигаясь. Анна Григорьевна, вдруг сообразив, что я дожидаюсь, чтобы она ушла, всплеснула руками и тихо вышла.

Я тихо, как только мог, словно боясь, что меня здесь услышат, спустился по лестнице вниз. Внимательно осмотрел полки с вареньем. Потом стены и пол. Углядел вполне подходящее место – под арматурой была прореха. Я согнулся в три погибели и начал расчищать проем. Бетон легко крошился. Я углубился внутрь стены на расстояние вытянутой руки и спрятал там банку. Дыру в свое хранилище аккуратно прикрыл ветошью и обрезками арматуры. Теперь, вроде, ничего не было заметно. Пусть теперь попробуют найти! На секунду я даже залюбовался своим тайником. Дело было сделано.

Я поднялся наверх. И прямо у выхода снова наткнулся на Анну Григорьевну. Она делала вид, что занята своими делами, на самом деле охраняла вход в гараж.

– Спасибо, – сказал я.

Она с недоумением посмотрела на меня.

– Иди, умойся и поешь. Я уже подаю.

Я прошел в дом. При неярком свете лампы я смыл с себя остатки пыли и посмотрел в зеркало. На меня смотрел молодой мужчина без каких либо следов волнений на лице.

Я колебался в том, открыть ли Анне Григорьевне, куда и что спрятал, но решил не обременять ее лишней

информацией и молча вернулся на кухню. Там уже сидел Слава. Не успели мы дотронуться до еды, как раздался звонок.

Анна Григорьевна удивлено посмотрела на нас.

– Девочки не могли вернуться так рано, – прошептала она, стремительно поднялась и вышла из комнаты.

Я почувствовал взрыв волнения в крови. Сидеть просто так было невозможно! Я как можно тише отодвинул стул и подошел к окну.

Слава замер, боясь даже вздохнуть. От калитки к дому шли два милиционера. Они шли уверенной походкой охотников, знающих, где находится добыча.

«Выследили!» – мелькнула страшная мысль.

На лбу выступила испарина.

Увидев напряженные лица двух милиционеров и сердитый блеск в их глазах, я решил, что они пришли по нашу душу.

Через окно, стоя за занавеской, я видел, как они стоят напротив Анны Григорьевны. Тот, кто казался старше и массивнее, смотрит на нее, не мигая, чуть наклоняя голову то в одну сторону, то в другую, словно издеваясь. Я не сразу понял, что у него просто затекли мышцы шеи и таким образом он пытается снять напряжение.

И тут раздался голос Анны Григорьевны:

– Да нет, тут только я живу, и дочь с детьми.

В ответ послышалось какое-то бормотание. Затем снова раздался ответ Анны Григорьевны.

– Они гулять ушли.

– А еще кто-нибудь в доме есть?

Я почувствовал страшную силу, навалившуюся на меня, физически столь же ощутимую, как магнитное поле. «Уходи отсюда», – настойчиво потребовал голос в моем мозгу.

Но я усилием воли заставил себя стоять и не двигаться.

– А летом отдыхающие останавливаются? – услышал я снова сухой мужской голос. Я выглянул из-за занавески. Весь облик милиционера источал какую-то жирную, приторную продажность.

Я вцепился в спинку стула двумя руками и только тут почувствовал, как не унимается бившая меня дрожь.

– Нет, что вы... Мы не сдаем ничего... Это частный дом. Да мы и не делали такого никогда. Кто вам сказал?

Повисла пауза. Потом снова раздался мужской бас. Я не мог разобрать, что он говорит. Все доносилось, как через подушку.

– Да вы в дом проходите, сами посмотрите.

– Нет! – раздался мужской голос тембром повыше. – Вовсе не обязательно.

– Ну, я же понимаю, у вас работа такая? – пела соловьем Анна Григорьевна, – проходите, смотрите, если нужно, что хотите.

– Нет-нет, спасибо! Нам ваших слов достаточно, – слышался смущенный мужской голос.

В окно я увидел, как двое в форме выходят на улицу и идут в сторону соседского дома.

– Игорь, Слава, вы куда пропали?!

Анна Григорьевна вернулась в столовую.

– Зачем они приходили? – кинулся я к ней.

– Да не волнуйся так. Они насчет жильцов спрашивали. Многие соседи сдают жилье, вот они и проверяют. Обычное дело. Ну, вот и суп твой успел остыть. Я заменю тебе, погоди.

Анна Григорьевна забрала тарелку и поспешила на кухню. От всей ее фигуры веяло неизбывным спокойствием. По всей видимости, она не поняла, что я пережил.

Я дотянулся до стопки, что стояла передо мной, лучезарно сверкая, плеснул в нее до верху из графина с ликером и махом опрокинул.

Терпкая жидкость, обволакивая, уняла волнение. Я еще раз глотнул из стопки, и ликер согрел меня молочным теплом. И страх, увлекаая за собой голос милиционера, стал выветриваться из меня, как туман, рассеиваемый утренней зарей.

И тут я услышал веселые голоса.

В комнату вбежал Сережа. Следом шла Лида. Словно вознаграждение за пережитое, я подхватил сына и прижал к себе так крепко, как только мог.

Он обхватил мою шею ручонками. Сейчас мы были одним целым. И нет таких слов, которые могли бы объяснить и описать этот миг.

– Когда мы с тобой пойдем гулять, пап?

– Еще нагуляемся. Вволю!

– Если бы ты пришел чуть пораньше, – услышал я голос Лиды, – то пошел бы с нами гулять.

Свежая, сияющая, она вошла в гостиную и застыла в дверях, с улыбкой глядя на меня и Сережу. Заметила Славу, бросилась к нему, обняла.

– Мама сказал, что мы минут на пять разминнулись.

– Больше. На десять, – усмехнулся я, осторожно опуская ребенка на пол.

Сережа рассмеялся, и его смех проник в мою душу словно Божий дар, данный за какой-то неясный мне самому подвиг.

Ликер уже полностью растворил тревогу, но сейчас, глядя на Лиду, я почувствовал, что она вернется. Наверняка вернется.

Лида подошла ко мне.

– Ты чего такой напряженный?

– Ты что, все нормально!

– В чем это у тебя руки? – она указала на грязь под ногтями.

– Лидочка, я землекопом стал.

– Кем? – Лицо ее на секунду стало холодным, сосредоточенным. Как будто она решала какую-то задачу огромной важности. Лида сокрушенно покачала головой. Ожидая ребенка она, казалось, обрела сверхъестественные способности. Только этим можно было объяснить ее невероятное единение со мной, умение читать меня, словно открытую книгу. Казалось, все мои мысли и сомнения отзывались в ней гулким эхом.

Я запомнил, как перед поездкой в Кисловодск, желая ее побереечь, я не стал ей передавать очередной разговор с Арией по телефону – ничего радостного он мне не сказал. На что Лида тогда мне заметила:

– Игорь, тебе бессмысленно что-либо скрывать от меня. Иногда я просто чувствую, о чем ты думаешь, и знаю все наперед. Это не всегда приносит радостные ощущения. Зато ты можешь говорить мне всю правду.

Сейчас я остро чувствовал, как она мне говорит: «Давай уже быстрее, не томи».

Я снова пошутил про землекопа и в двух словах посвятил ее в то, что мы со Славой только что сделали, не вдаваясь в подробности насчет того, куда мы все спрятали.

– В принципе, можем ехать домой, – закончил я.

Лида облегченно вздохнула.

– Ну и слава Богу. Насчет возвращения мне тебе надо кое-что сказать. – Лицо ее почему-то стало грустным. Она обернулась к сынуле. – Сережа, пойдем, умоемся после улицы, – Лида подхватила ребенка, понесла в ванную.

Когда она вернулась, я по-прежнему сидел за столом.

– Что случилось, Лидочка?

– Игорь, – сказала Лида, садясь... – Мне сегодня Лиза приснилась. Я подумала, что не могу так просто уехать, не повидав ее. Ты меня понимаешь.

Я всплеснул руками.

– О чем ты говоришь!

– Помнишь, о чем мы в Москве говорили? Лиза хотела всех нас увидеть. Я обещала. Она будет рада, я знаю.

Я развел руками. Это был наш долг.

В мире нет ничего более хрупкого, чем последнее прикосновение к любимому человеку.

Слава заерзал на своем месте.

– О Господи, – прошептал он тоскливо. – Тебе в твоем состоянии только себя нервировать!

Лида вспыхнула.

– Слава, это Лиза. Она ждет. Игорь, не волнуйся, – повторила Лида. – Я знаю, о чем ты думаешь, – сказала она.

Редкостная способность – понимать отца своего ребенка с полу-взгляда, но еще редкостней – знать, что за всю жизнь тебе не найти более надежного человека.

– Да, я знаю, – повторила она, – ты думаешь, что мне это сейчас совершенно ни к чему. Конечно, это неразумно, но мне всегда казалось, что у нее все пойдет на лад, если только я смогу ее обнять, поговорить с ней.

В этот момент Лида готова была вот-вот расплакаться.

– Я знаю, Игорь, нельзя на последнем месяце допускать столько волнений. Но мне просто нужно ее увидеть.

Я вновь осознал, что сострадание – великий дар Создателя, которым он наделил каждую женщину. Я молча пошел в переднюю за плащом. У двери обернулся.

– Тогда давай поедем сейчас.

Выбора не было. Возможно, хуже всего было бы запереться в самом себе и переживать ужасные ночи одну за другой.

Мы вышли на улицу втроем.

XXXII

Не могу сказать, чтобы нас не потрясло то, как выглядела Лиза. Она лежала на кровати, закрыв глаза, но едва услышав шум, приоткрыла веки. Вставать она уже не могла.

Исай обернулся, бросился к нам. Обнял каждого. От его былой кипучести здесь, в доме, не осталось и следа. Каждая минута, отпущенная ему и Лизе, казалось, только прибавляла ему растерянности.

Я посмотрел на Лизу, и в груди у меня как будто застыла огромная глыба льда.

Она была вся опухшей. Ее накачивали обезболивающими. Голова была покрыта косынкой. Она слишком заметно потеряла в весе. На скулах ярко розовел лихорадочный румянец, напомнивший мне огонь в комнате, где гуляет сквозняк.

– Результат химиотерапии, – услышал я еле слышный голос Исай, который, проследив направление моего взгляда, счел за лучшее упредить все щекотливые вопросы.

Лиза подняла веки. Заметила Лиду. На лице ее появилась радостная улыбка, словно Лидино появление наполнило ее хоть какой-то жизнью. Она что-то прошептала.

Выглядела она слабой, но лицо было спокойное, расслабленное. И я не мог понять, насколько ей плохо.

Я подошел, поцеловал ее в щеку. Она судорожно сжала мою ладонь своей маленькой сухой ладошкой.

– Ох, нет, – услышал я шепот Славы. – Зачем это все нам.

Мне показалось, что Исай заскрежетал зубами.

– Бог старается научить нас чему-то на примере того зла, что происходит с нами. Но мы не учимся...

Лиза молчала, смотря куда-то за мою спину.

– Лидочка, – прошептала она.

Лидка подошла к Лизе, поцеловала в лоб, присела на стул рядом с кроватью. Взгляды их встретились.

– Я смотрю, уже совсем скоро родишь?

– Да...

– Пусть твой ребенок будет благословен! – Лиза слабой рукой коснулась Лидиной руки. – Я пока в Москве лежала столько думала... Почему Бог не слышит наших молитв?

Лидка испуганно молчала, не зная, что сказать. Лиза как будто ее поняла, еле-еле улыбнулась.

– Давай о чем-нибудь веселом, – прошептала она. – Нам нельзя расставаться на грустном. Ты уже придумала имя?

Лидка отрицательно помотала головой.

– Я вижу по глазам – придумала. Ну, не хочешь, не говори. Мне жалко Исая. Как он будет без меня?

– Лиза, что ты такое говоришь?

– Я знаю, что говорю. Но он сможет без меня. Он – сильный. А я бы без него не смогла.

Лиза замолчала.

В этот момент, глядя в ее глаза, я почувствовал себя совершенно разбитым, таким разбитым, как никогда прежде. Даже в сильнейшей лихорадке или преодолевая позывы мерзкой тошноты после утомительной вечеринки душа может подсказать тебе: «Погляди, трусишка, что вытворяет с нами проклятая болезнь», и, услышав ее голос, ты задрожешь от ужаса. Здесь этот кошмар был наяву.

Я посмотрел на Исая. Лиза махнула рукой, как бы отпуская меня. Потом дотронулась до Лидиной руки.

– Это прекрасно, что у вас будет еще один ребенок.

– Здорово, если б была девочка.

– Ты хочешь дочку?

– Да, мечтаю об этом... А то, представляешь, будет три мужика в доме, – Лида растерянно улыбнулась, и в комнате стало как будто светлее.

Исай тронул меня за локоть, увлекая на кухню.

Я молча пошел за ним.

– Иногда мне кажется, что я живу не с человеком, а с ангелом, – неожиданно прошептал Исай. – Врачи ее обманывали, говорили, что она еще выкарабкается. А она... Сегодня, прямо перед вашим приходом, она меня позвала. По утрам у нее чуть больше сил. «Поклянись, – говорит, – мне, – что, когда я уйду, в этот дом никогда не войдет нога другой женщины». Представляешь, Игорь?

Глаза Исая наполнились слезами.

– Она знала, всегда все знала про меня и терпела, а сегодня утром потребовала, чтобы я поклялся своими детьми и внуками, что в этот дом никогда не войдет другая женщина.

Исай замолчал, потрясенный, потом посмотрел на нас со Славой.

– И я поклялся. И только я это сделал, как вы вошли. – Он судорожно вздохнул. – Я не имею права начать оплакивать Лизу, иначе сойду с ума.

Он достал стопку, плеснул туда немного водки. Залпом выпил. Опустил голову. И так сидел долго-долго. Потом поднял на меня глаза, и я первый раз в жизни увидел, что Исай плачет.

– Характер у Лизы правильный, – неожиданно подал голос Слава. – Если бы во всех женщинах было столько же пороку, сколько в ней, они правили бы мужиками, а не наоборот.

Он тяжело вздохнул. Исай сердито посмотрел на него.

– Слава, откуда в мире столько зла?

– Когда тебя начали навешать подобные мысли? – ответил Слава с испугом.

– Не бойся. Когда ты видишь результат химиотерапии, и не такое в голову прийти может. Почему ты спрашиваешь об этом?

– Иногда я думаю точно так же, – прошептал Слава и налил себе водки.

Исай покивал, как бы говоря о чем-то сам с собой, потом горячо схватил меня за руку.

– Знаешь, Игорь, как я понимаю, что дело швах? Когда мне объявили приговор, я до последнего был уверен, что сумею выкрутиться. А ночью, в камере, накануне объявления, я вдруг услышал голос. Не знаю, может быть это мне все приснилось, а может, в самом деле это была какая-то высшая сила. Этот голос сказал: «Силенки у тебя кончились, парень. Вот оно, настоящее испытание. Покажи, на что ты способен». И на следующее утро мне впаяли срок. А сейчас я сижу перед тобой, и хоть бы хны! – Исай победно вскочил, взмахнул рукой. Он напоминал полководца, готового отправить на смерть все свои войска. – Я живой, а Лиза... – Он не договорил. – Почему так случилось? А?

И плечи Исая снова затряслись. Он плакал, не стесняясь. Я молчал, не в силах это выдерживать. Он прекратил плакать так же неожиданно, как и начал.

– При желании можно найти засекреченную статистику. У шизофреников в «желтых домах» рак случается вдвое реже, чем у обычных людей. Я это так понимаю: или свихивается твое тело, или душа. Рак предохраняет от шизофрении. Шизофрения – от рака. Большинство людей не знают, как круто по ту сторону. Мне было на роду написано узнать. Так что мне нет прощения. Все, что происходит с нами или нашими близкими, это наша расплата.

Нелегко описать, какой эффект вызвали его слова.

Неужто я впервые приблизился к разгадке того, почему теплота, проявляемая им в общении с другими, всегда словно пересекала ледовые просторы?

– Ты сделал то, о чем мы говорили? – спросил он вдруг деловито, вытирая глаза.

И я почувствовал в нем прежнего Исая. Увидев молчаливый ответ в моих глазах, он удовлетворенно кивнул головой.

– Для парня, который только что обезопасил себя с тылов, ты что-то не шибко довольный. Боишься, что они нагрянут?

Я отрицательно покачал головой.

– Чего бояться! Сейчас этого нет – и довольно. А будет – так будет. Надо думать о том, что зависит только от нас, – произнес я жестко.

– Я вижу, ты готов ко всему.

– Не уверен, что ко всему, – хмуро ответил я.

– Мы себя до конца не знаем, Игорь! – воскликнул Исай, и в первый раз за этот вечер в глазах его промелькнули столь свойственные ему искорки.

– Да, насчет Ставрополя... – Я почесал затылок. – Там все готово. – Я загадочно улыбнулся. – Друзья уже участок подыскали.

– Ты серьезно, Игорь! Все?

– Почти все!

– Ну, вот видишь! Я же говорю: «Не вешай нос».

– Если бы я это делал, я бы сейчас здесь не сидел...

– Да, – кивнул он, глядя на меня своими холодными черными зрачками, – за тебя можно не волноваться.

– Волноваться, наверное, нужно всегда, только в меру.

А я меру знаю.

– Что ж, славно. Я на это и надеялся.

– Послушай, Исай, – сказал я и наклонился к нему, – думаешь, пронесет? И мы всех перехитрим?

– Я верю в нашего адвоката. Он мужик ушлый.

– Ну, ушлый, не ушлый, а кроме как держаться, дорогой, нам больше ничего не остается, – сказал я очень серьезно и положил свою руку ему на плечо. Почему-то мне в моем голосе послышалась какая-то фальшь. – Настоящая драчка еще впереди, сейчас это так, игрушки, – пробормотал я.

– Семен человек толковый. Он их заставит повозиться, – покачал головой Исай.

Я ощутил, как растрavляются все мои старые раны, давно зализанные и давно забытые. Неудивительно, что отец так ценил Исая как друга и советчика. Иногда он просто удивлял.

Забрезжило предчувствие, что спустя годы – если мне суждено их прожить – воспоминание об этом разговоре будет приходить мне на память.

Однако мне не хотелось жалеть отца. Чертово сострадание! Оно перечеркивало в моих глазах его образ длинной тенью.

Ибо теперь мне вновь показалось, что всего, что сейчас происходит с нами, можно было бы избежать, не допустить кто-то из нас ошибку. Но только когда и какую? Как часто в последние дни и недели я вплотную подходил к ответу на этот вопрос! И каждый раз подавлял свое желание знать – чтобы не столкнуться с горькой правдой.

И тогда я понял, что должен довериться Исаю. Его интуиции. А дальше – будь все как будет.

Домой мы возвращались уже за полночь.

Я вел машину, стараясь не гнать, изредка посматривая в зеркало заднего вида на Лиду с Сережей. Они мирно спали, уткнувшись друг в друга. Лида выглядела утомленной. Вот не хотел же ее брать с собой, но ее не переспоришь.

Меня охватило беспокойство. Я заерзал, сбавил скорость. Что не так? Почему? И тут четкая и ясная мысль осенила сознание – я запечатал ошибки прошлого в подвале. Но что я сделал для того, чтобы обезопасить наше будущее? Что я сделал для Лиды? Мы старались следить за ее здоровьем, как могли. Бесконечные анализы, посещения медицинских светил, сохранение... Но не допустил ли я ошибку, что все-таки повез ее в Кисловодск? Сколько же ей пришлось испытать!

Арест отца. Обыск на улице Новаторов. Потом – обыск в Кисловодске. Разлад между отцом и матерью. Гибель Ильи. Это последняя встреча с Лизой. Как она все это выдержит? На меня накатила панический страх.

По возвращению домой Лида сонно посмотрела на меня, а потом пожаловалась:

– Игорь, у меня какая-то слабость, ноги не держат.

В ее взгляде сквозили беспокойство и беспомощность.

Что я наделал! «Все обойдется, – утешал я себя. – Это просто тяжелая дорога». Лида еще пыталась что-то поделать по дому, но я это пресек, велел немедленно лечь в постель.

– Давай ложись, давай! Брось все дела! Завтра доделаешь.

Сережа уже спал. Я уложил Лиду в постель. Но ко мне сон не шел.

«Она же здоровая, поводов для беспокойства нет» – вспомнились слова Хаво и на этой мысли успокоился.

Я повторял их как заклинания, а сам украдкой прислушивался к Лидиному дыханию. Один раз я не выдержал, приподнялся и стал всматриваться в темноте в ее лицо. Поводов для беспокойства не было. Она безмятежно спала, и постепенно я сам уверовал в то, как смешны мои страхи.

Она выглядела просто бледной и уставшей.

На этой мысли я провалился в глубокий сон.

Утром я проснулся как обычно рано. За окном уже рассвело, дворники шаркали метлами по асфальту. Я зевнул, вышел на кухню. Лида уже стояла у плиты.

– Лидочка! – Я подошел к ней, обнял. – Как ты себя чувствуешь?

– Сегодня смотрела на себя. Я такая большая... Скажи, я смогу снова стать, как раньше!

Я понял, что ее беспокоит. Она невероятно располнела, и ее гложет страх, что она не сможет вернуться в прежнюю форму.

– Лидочка, но ведь это ради ребенка... Родишь, все будет как раньше, уверяю тебя.

– Да?

Она вздрогнула, точно испугалась, потом повернулась ко мне, улыбаясь, и я заметил, что ее губы дрожат.

– Игорь, мне что-то плохо. Может, не выспалась. Пойду лягу.

Она снова попыталась робко улыбнуться, но ее улыбка словно что-то скрывала от меня.

– Ты нормально? – я взял ее за руку.

В наступившей тишине я услышал, как отчетливо тикают настенные часы.

– Не знаю... Плохо. Боюсь, ты был прав... Не надо было ехать.

Я почувствовал себя виноватым. И испугался. Что я наделал?!

Но уже поздно корить себя.

– Ты только сам не волнуйся, – вдруг испуганно произнесла Лида. – У меня сейчас все пройдет. Это же обычное дело на последнем месяце! Каждый день что-то новое.

В ее глубоком, почему-то враз севшем голосе, звучало истинное страдание. В нем открылись бездны страха, который, казалось, уже давно покинул ее сознание.

– Ох, Игорь, – еле вымолвила она, – принеси воду и помоги дойти до кровати.

Она охнула и судорожно схватила меня за руку.

Я чувствовал себя совершенно беспомощным. Ощущая бешеное биение сердца, довел до кровати, усадил.

– Ты, главное, сама не волнуйся, да? Скажи, что дать? Я сейчас все принесу. Таблетки? У тебя есть какие-то таблетки на этот случай?

– Обожди, не кричи.

Я даже не заметил, что кричу. Лидино лицо скривила гримаса боли. Ей сейчас было очень плохо. Но почему все так? Все же было хорошо?

Лида ничего не говорила, только закусил губу.

Я бросился к записной книжке, лихорадочно отыскал номер нашего московского врача, который наблюдал Лиду, пока она лежала на сохранении. Лишь бы только она была дома!

Моя мольба была услышана. После трех гудков трубку подняли, и я услышал суровый женский голос:

– Слушаю!

Я представился, извинился за столь ранний звонок и торопливо, сбиваясь, не находя нужных медицинских терминов, обрисовал нашу ситуацию.

Голос ее был осторожным.

– Я думаю, вам, Игорь Алексеевич, нужна сейчас госпитализация.

– Значит, я ее в Москву к вам везу, – не понял я ее, лихорадочно соображая, что у меня со временем и на какой рейс я успеваю.

– Что вы?! Какая Москва? На таком сроке? Хотите, чтобы она у вас в дороге родила? У себя кладите. Срочно!

Она простилась, и я положил трубку в полной растерянности. У меня как будто отобрали надежду. В Москву лететь было нельзя, но и оставаться в Армавире не хотелось.

– Игорь, Игорь, – услышал я голос Лиды. – Что она сказала?

Выбора не было.

– Лидочка, нужно ехать в больницу. Срочно.

Лида не сопротивлялась.

Медленно, фразу за фразой, я вытягивал из нее слова о том, как она себя чувствует.

Лида не хотела меня пугать, но было видно, что она сама не понимает, что с ней творится, и полна почти панических предчувствий.

Каждые несколько предложений перемежались плачем. Иногда я не мог понять, что мешает ей говорить – предчувствия или реальная боль?

Мы оставили Сережку на попечение нашей Тамары, а сами помчались в больницу.

Я действовал как во сне. Несмотря на то, что все были уже предупреждены, я куда-то бегал, требовал, кричал, торопил, пока за Лидой не вышла санитарка с каталкой. Ее уложили и увезли.

Последнее, что я увидел, было ее бледное лицо, обращенное ко мне.

– Не волнуйся, все будет хорошо, – крикнул я ей.

Я остался в холле один. Вся больница была поставлена на ноги, все занимались только Лидой.

Главный врач вышел минут через двадцать. Он стремительно бросился ко мне через весь холл. Я понял по его

лицу, что он смертельно меня боится, как будто в потайном кармане я припас нож.

– Игорь Алексеевич, – губы его дрожали, когда он смотрел на меня, – мы посмотрели вашу жену. Все обошлось. Успели вовремя.

– Что с ней?

– Сейчас ей лучше дать отдохнуть, – доктор заискивающе улыбнулся. – Кризис миновал. Мы сделали все, что нужно.

– Что с ней было? – Я сорвался на крик.

– Игорь Алексеевич, не волнуйтесь. Сейчас все в порядке. Была угроза преждевременных родов. Собственно, она еще и сейчас остается, но на таком сроке это уже не так страшно. Мы будем следить за вашей женой. Все обойдется.

– Сделайте все, что можете! – воскликнул я.

– Да, да, – частил он. – Меня предупреждали. Вы не волнуйтесь. Она будет под нашим неусыпным наблюдением.

– Скажите, она может сейчас родить?

Он вздохнул, как будто не знал, что сказать, чтобы не вызвать новый шквал вопросов. Потом уклончиво покачал головой...

– Ну, опасность есть всегда. – Доктор теперь говорил медленно, тщательно подбирая слова. – Но чаще всего на таком сроке все заканчивается благополучно. Мы начнем проводить терапию, можете не волноваться.

Он взял меня за локоть, как бы давая понять, что больше сказать ему нечего, а мне лучше заняться своими делами.

Я молчал, понимая, что только мешаю сейчас, и согласен кивнул.

– Сообщайте мне сразу, если будут какие-то изменения в ее состоянии.

Доктор испуганно закивал и вымученно улыбнулся.

XXXIII

Семен Львович дошел почти до конца коридора, постучался и отворил дверь кабинета Германа Каракозова.

Миниатюрный радиоприемник, примостившийся на стоящем в углу столе, самопроизвольно то возвышал голос, то переходил глухой на шепот. У Арии возникла бредовая мысль, будто приемник беседует сам с собой.

Каракозов как будто его ждал.

– Привет, Семен Львович, – сказал он, приглашая рукой садиться, – давно не виделись.

Брови Арии взметнулись, как бы говоря: «Шутите!»

– Как у вас тут? – заинтересованно спросил адвокат, пытаясь настроиться на дружескую волну Каракозова, чтобы растопить лед, витающий в атмосфере кабинета.

– Порядок. Голова только кругом, а вообще – порядок, – усмехнулся Каракозов.

– Другого я и не ожидал, – любезно заметил Ария.

Каракозов убрал в стол пухлую папку.

Твердый взгляд его синих глаз впился в Арию, словно буравя насквозь.

– Перейду сразу к сути дела. – Герман был чем-то озабочен. – Семен Львович! Алексей Наумович, твой подзащитный, не понимает, что сам себе копает еще большую яму.

Ария взметнул на следователя удивленный взор.

Каракозов махнул рукой.

– Ты извини, у меня нет времени долго говорить. Но зашел ты по адресу. Значит, так. Поговори со своим клиентом. Давайте найдем компромисс.

Каракозов говорил твердо, безжалостно, в голосе не было и следа былой приветливости.

– Семен Львович, у нас есть все, я повторяю, все для того, чтобы оставить его очень надолго. Нестыковок не будет. – Он поднял указательный палец. – У нас есть абсолютно доказанный эпизод, и это перевесит все остальное. Но если твой Бабаев пойдет нам навстречу, то в этой ситуации, безусловно, будет какое-то смягчение... – Каракозов вдруг хлопнул рукой по столу. – Сам знаешь: содействие следствию – реальный способ помочь себе.

В эту минуту Каракозов походил скорее на отпетого мошенника, чем на генерала милиции. Дала о себе знать многолетняя практика общения с карманниками, медвежатниками, грабителями и убийцами, каждого из которых в итоге ожидала камера.

И Ария все понял. Ему не стоило лезть на рожон. Он закашлялся.

– Я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь подзащитному. Есть только одно «но». Я все еще не встречался со своим клиентом, – произнес Ария и ничего не выражающим взглядом в упор посмотрел на Каракозова.

– О! Семен Львович! – широко улыбнулся тот. – За этим дело не станет. Если мы поняли друг друга, то ты

хоть завтра увидишь Бабаева. И... – Герман Каракозов решительным жестом подтащил к себе какой-то листок и подписал его широким размашистым росчерком, словно говоря: «Видишь? Всего и дел-то». – Все! Уже завтра можешь с ним увидеться. – Он победно посмотрел на Арию, усмехнулся и добавил: – Хороший ты мужик, Львович, и, главное, понятливый.

Ария сдержанно улыбнулся в ответ.

– Ну что ж, не смею задерживать.

Ария поднялся.

– Я в любом случае буду делать все, что способно помочь моему подзащитному.

Каракозов молча проводил его взглядом.

XXXIV

Наутро я влетел в свой кабинет и с удивлением огляделся по сторонам. Такое ощущение, что меня здесь не было целую вечность – на столе лежала гора неподписанных документов. Мне даже показалось, что на них лежал толстый слой пыли.

Если доктор был прав, то я мог не волноваться. Все, что надо, я сделал. Но как поведет себя Лидин организм? Я был прав, когда не хотел везти ее в Кисловодск. Впрочем, что толку об этом сейчас думать?

Я попытался сосредоточиться на бумагах, которые держал в руках. Или всему виной беспокойство за судьбу отца?

Пожалуй, лучше гнать такие мысли.

Собрав волю в кулак, я углубился в документы. Часа полтора разгребал завалы накладных, отчетов, отвечал на бесконечные звонки. Когда я взял в руки последнюю накладную, в селекторе опять раздался голос моей помощницы:

– Игорь Алексеевич, Георгий Троицкий звонит.

– Я отвечу, переводи.

Внутренний голос взмолился: «Троицкий, хоть ты меня не подведи!»

– Здравствуй, Жор! – приветствовал я, пытаюсь улыбаться.

В трубке раздалось сопение, а потом послышался трубный баритон.

– Ты меня слышишь? Игорь, слушай, в общем, мы нашли хороший вариант.

– Я слушаю. Говори, да!

Голос Жоры звучал как камнедробилка, особенно, когда он смеялся.

– Участок – соток двадцать. Немного вытянутый! Но это неплохо. Одной стороной уходит в зеленую зону...

Меня словно иглой пронзило. Я испугался, что мой телефон на прослушке.

– Жора, я понял, – перебил я его.

– То есть, с той стороны ничего нет, представляешь?!

Я почти закричал в трубку:

– Жора! Я завтра-послезавтра к тебе подскочу. Я все понял. Давай не по телефону, – как можно спокойнее добавил я.

– А-а! – догадливо воскликнул он.

Что ж он такой непонятливый. Ведь меня же могут слушать! Не дай Бог узнают, что я что-то покупаю в Ставрополе.

«Дошло», – подумал я. Словно поняв наконец мои мысли, Жора проямлил.

– Когда тебя ждать?

– В понедельник подъеду. И тебе будет удобно, и мне.

Я положил трубку.

Как ни странно, Жорин звонок подействовал на меня как холодный душ. Я отошел от телефона с прояснившейся го-

ловой, более собранный и целеустремленный, чем был. Хорошие новости обладают целительным эффектом.

А может быть, сказывалась отцовская закваска? Я склонен считать оптимизм самой действенной чертой своего характера. Очень хотелось думать, что все складывается именно так, как я хочу. Но нет ли здесь подвоха? Какая опасная самонадеянность!

Я помчался домой.

Дома с Сережей возилась Тамара. Пока Лида лежала на сохранении эта заботливая женщина вела домашнее хозяйство, следила за нашим малышом, делала все, чтобы мы могли чувствовать себя комфортно на домашнем фронте.

Впрочем, мне в голову пришла другая мысль.

– Тамара, в понедельник надо будет съездить в Ставрополь. Сможешь?

Тамара привыкла к подобным неожиданным поручениям, покорно кивнула и вопросительно посмотрела на меня, ожидая пояснений. Я, опуская подробности, в двух словах сообщил:

– Я дом собираюсь купить. На себя не хочу пока оформлять. Сейчас это лишнее, понимаешь?

Тамара кивнула, как будто и в самом деле все понимала.

– Давай я оформлю дом на тебя, как-нибудь договоримся.

– Как скажете, Игорь Алексеевич!

Я думал меньше секунды, как будто в мозгу поселился некто третий, кто знал все наперед.

– Ким! – ударил я по столу. – Я сейчас же звоню Киму, он отвезет нас в Ставрополь, а с Сережкой посидит его Валя. Сережка знает ее, так что все будет в порядке.

Словно в подтверждении моего решения громогласно зазвонил телефон. В испуге, что это звонок из больницы, я схватил трубку, но услышал глухой мужской голос:

– Игорь?

Поначалу я даже не узнал его, и только через секунду до меня дошло:

– Исай?!

– Лизы не стало.

Он зарыдал. Я замер с трубкой у уха. Надо было что-то сказать Исаю, но я не нашел слов.

– О Господи, Господи, – только и смог произнести я.

Я понимал, что рано или поздно услышу эти слова, но все равно оказался неготовым к ним.

– Ничего не надо говорить, – прошептал Исай, и я ощутил бескрайнюю безысходность, охватившую его.

– Она страшно мучилась последние дни... Так что я даже не знаю, что лучше...

И он снова зарыдал. Я второй раз слышал его рыдающим. Вынести это было не под силу.

– Исай, я сейчас же выезжаю в Кисловодск.

– Не надо. – Голос Исаия стал тверже.

– Ты знаешь, Лиза была набожна, и, может быть, ей дано сейчас услышать мою молитву. Я молюсь. Я верю, что она... – Он не договорил.

Я молчал и ждал, когда он снова возьмет себя в руки.

– Завтра утром подъедешь. Ты лучше позвони сейчас адвокату. Пусть он попросит отпустить Лешу на похороны. Они же не изверги. Должны понять.

Голос его опять предательски дрогнул.

– Когда это случилось?

– Час назад.

– Обязательно позвоню. И завтра приеду. Лида в больнице.

– Что с ней?

– Да... – Волнение заставило голос напрячься, я не знал что ответить, чтобы не добавить горя Исаю, – переживания эти на пользу не идут. С ней сейчас врачи. Надеюсь, все обойдется.

– Может, тебе лучше с ней остаться? – голос Исаея стал далеким, тревожным.

– Нет! Я буду обязательно.

– Как знаешь.

Я чувствовал, как ему мучительно трудно говорить со мной, и повесил трубку. Мысли метались в разные стороны. Теперь я просто не понимал, что надо делать в первую очередь.

Адвокат! Он – лучший советчик. Я набрал номер Арии.

– Семен Львович? Это Бабаев.

– Игорь, – отозвался он, – так рад, хотел вам звонить. – Он что-то почувствовал в интонации моего голоса и спросил. – Игорь Алексеевич, у вас все нормально?

– Семен Львович, мне только что позвонили. У моего отца умерла любимая сестра. Только что. В Кисловодске. Это катастрофа для семьи.

Ария отреагировал с профессиональным сочувствием. От его слов так и веяло заученными фразами.

– Более неприятного для всех нас известия просто невозможно представить. Примите мои соболезнования.

– Спасибо. Она тяжело болела. Но для отца – это все равно удар. Ему необходимо проститься с ней. Вы можете что-то сделать? Он же ее родной брат.

– Я сегодня же подготовлю прошение, – голос Арии на минуту утратил официальную чопорность. – Я понимаю, каким это будет ударом для вашего отца, Игорь. Я попытаюсь что-нибудь сделать, обещаю. Но... – он замолчал.

Я чувствовал, как ему мучительно трудно сказать мне: «Но от меня ничего не зависит», и произнес:

– Я понимаю.

Мы оба молчали.

– Полагаю, у вас хватит сил со всем справиться?

– Да, конечно.

Я положил трубку. Задумчиво посмотрел в окно. Он еще ни разу не виделся с нашим отцом, а уже оказался человеком, вовлеченным в самую гущу наших семейных проблем и тайн.

Я вздохнул. Многовато для одного дня – Лидина госпитализация, звонок Жоры о приобретении участка, и вот – ужасное сообщение от Исаея.

На следующий день дома, в Армавире, я проснулся, как в тумане. Несмотря на долгую болезнь, поверить в смерть Лизы было невозможно. Казалось, будто она не умерла, а просто перестала жить.

Что-то подсказывало мне, что не стоит сейчас думать об Исае с Лизой. Именно сейчас не стоит. И я поднялся с кровати и пошел в ванную умыться.

Может быть, сказалось страшное напряжение последних дней. Ванная словно была залита фиолетовым светом, и где-то на краю моего зрения по кафелю проходила радуга.

Стоило мне закрыть глаза, как водопад бархатного дождя, красного, как обивка коробочки, обрушился на мою сетчатку.

Я вспомнил крепкое рукопожатие Исаея и слова, что я ему говорил...

Потом я ощутил как будто прикосновение Лидиной руки. Как она там? Что с ней?

Я сорвал майку и залез под душ. Кусок мыла, словно живое существо, выскользнул у меня из рук и шлепнулся обратно в мыльницу с низким, глухим звуком. В руке у меня уже было полотенце, и его прикосновение к пальцам напоминало прикосновение к трухе, в которую превращаются поздней осенью листья.

И прикосновение к рубашке принесло необычные ощущения. Казалось, я никогда раньше и не знал, что та-

кое рубашка. Каждый из скопившихся в ней запахов моего тела возвращал меня на секунду в прошлое.

Итак, я облачил в рубашку собственное тело с торжественностью кардинала, водружающего на голову тиару, а затем завязал галстук так, словно пришвартовывал корабль к причалу. Черный галстук был грубоват на ощупь, но я знал, что он необходим.

Почему-то мной овладело состояние безмятежного покоя. Доводилось ли вам слушать ночную тишину комнаты или великое молчание лесных чаш? Нечто похожее нахлынуло и не меня. Я стоял в ванной, закрыв кран, и вслушивался в молчание вселенной. Где-то на нижних этажах включилось радио и зашуршал голос диктора, во дворе шаркали дворники своими метлами. Звуки, казалось, давят, теснят друг друга, толпятся, как дикие звери, желая подавить, преодолеть это вековое молчание, овладевшее моим сознанием. Я посмотрел в зеркало, словно пытаюсь разгадать загадку собственного лица, – таким видеть себя мне никогда не доводилось

Из нашего дома мы помчались к Киму, моему водителю, жену которого Валю Сережа хорошо знал и принимал как родную, так что на этот счет я мог быть абсолютно спокоен.

– Сережа, ты побудешь с тетей Валей, пока я съезжу по делам. А как только я освобожусь, сразу тебя заберу. Хорошо? – сказал я Сереже, оставляя его на попечение Вали, и обнял его. – Обещаешь себя хорошо вести?

Сережа повис на моей шее, я пощекотал его за животик. Он засмеялся, и меня охватило ощущение невероятного счастья, заключенного в этих простых минутах общения отца с сыном.

Валя подхватила Сережу на руки.

– Ну, что, разбойник! Долгие проводы – лишние слезы. Отпустим папу?

Я поцеловал сынишку в лоб и вышел из квартиры. Сейчас главное было все выдержать. Дорогу в Кисловодск, прощание с Лизой, а потом – в Ставрополь.

Я сделал невозможное – сразу после Кисловодска помчался к Троицкому. Там меня уже должна была ждать Тамара. Каким-то образом мне удалось пережить жуткий час в доме Исае. Море скорби, которое выплескивалось во двор, слова соболезнования. Я был словно мраморная статуя, ничего не чувствуя, ничего не ощущая.

Исае я предупредил, что разговаривал с Арией и тот сказал, что отца не отпустят. Исай кивнул. Его лицо было похоже на трагическую маску.

Я молча простился с Лизой и незамедлительно помчался в Ставрополь.

Дорога показалась мне совершенно не утомительной. С Троицким мы встретились у него дома.

– Ты на крыльях, что ль, летаешь? – заведя меня, воскликнул он. – Давай сейчас перекусим, а потом поедем, покажу, что мы нашли. Это надо видеть!

Его супруга Жанна быстро накрыла на стол. Действовала она слаженно, быстро, однако от меня не укрылось, что выглядит она неважно. После родов ее мучили проблемы со щитовидкой, она постоянно охала и ахала, но это не мешало ей быть радушной и ухаживать за гостями мужа.

Мы наскоро перекусили, хотя я был совсем не голоден, и поспешили по делам.

В машине Троицкий тут же начал рассказывать какой-то анекдот, а потом неожиданно серьезно посмотрел на меня.

– Не знаю, как ты на это все посмотришь, но мне участок понравился. Знаешь, место – отличное. И потом, самое главное, это не Армавир. Уматывай ты оттуда к чертовой матери. Здесь – жизнь! Краевой центр, не твоя глухомань. Как вспомню, так вздрогну. Целых двадцать

соток. Одна часть всегда солнечная. А тыл – в зелень уходит. Уютно, тихо. Разве не рай?

Он говорил, смеялся, сам себя перебивал, а я не мог не порадоваться его неистощимому оптимизму. Троицкий оставался верен самому себе.

Машина остановилась у какого-то покосившегося забора. Я огляделся. Пусто. Тихо.

Мы вышли. В воздухе пахло свежестью. Какие-то пичуги встречали нас своей оголтелой песней.

– Вот, отсюда и до сюда, все твои владения будут, – Жора широко взмахнул руками в обе стороны, приглашая оценить то, что он для меня сделал.

– А это что? – я показал рукой вглубь участка.

– Да какая разница? Все равно снесешь и под себя построишь. Считай, сарай.

Там за ровными купами яблоневых деревьев примостился маленький домик с покосившейся крышей.

Я огляделся, пытаюсь оценить плюсы и минусы участка. Земля под ногами была упругая, от нее исходил какой-то дурманящий запах. Место мне нравилось, в нем была какая-то магическая притягательность.

– А электричество и газ есть?

Жора снисходительно посмотрел на меня.

– Старик, за это не волнуйся. Мощности есть, все под рукой, даже не думай об этом.

Я еще раз посмотрел на землю. Взгляд сам собой поднялся выше, под облака, и уперся в пролетающую птичью статью. Птицы летели в свои родные края.

Родные!

«Может быть, здесь и будет мой новый дом!» – мелькнула мысль. Надо было решаться. Сейчас или никогда. Я уперся взглядом в землю, словно осматривая носы своих вычищенных до блеска ботинок. Право выбора было за мной.

Новый дом!..

Жора выжидающе смотрел на меня как рефери на ринге на боксера, отправленного в нокаут – сможет подняться или нет?

– Давай оформлять, – выпалил я. И рубанул рукой по воздуху.

Жорка смотрел на меня секунду, а потом хлопнул по спине рукой.

– Молодчина! Дружище, ты не прогадал! Увидишь!

Он был доволен. Кипел энергией не хуже динамо-машины. Даже начал напевать что-то себе под нос, как будто бы это он купил этот дом и землю, а не я.

– Ну что, старик, тогда поехали оформлять, – бросил довольный Жора и потащил к машине.

Оформление документов заняло не больше часа. У Жоры все везде было схвачено, так что нам оставалось только переходить из кабинета в кабинет и ставить подписи под документами.

К обеду все необходимые бумаги были собраны, а мы – свободны. Тамару я оставил в доме.

Можно было отправляться в обратный путь. Только теперь мои мысли были уже не в Ставрополе, а совсем в другом месте.

Той ночью мне приснилась Лида. Раннее утро, я еще не очнулся ото сна, и она целует меня.

Прямо от Жоры я велел ехать к Киму, поцеловал Сережу, пообещал, что скоро мы его заберем, и напрямик помчался к Лиде.

Лида лежала на белоснежной постели. Ее милое личико светилось напряженным ожиданием будущего. Я подошел к ней, нежно взял за руку. Это было прикосновение, которое не оставляло места словам. Да я и не хотел ничего спрашивать. Выражение ее лица было красноречивее всех слов.

Ощущение невероятно счастья охватило меня, когда я понял, что доктор не обманул: они сделали все, что надо, и опасность отступила.

Лида подняла на меня взгляд своих влажных, волшебных глаз. Словно два лучика осветили меня, выжигая все темное, что успело скопиться за дни и часы, проведенные без нее.

Я поцеловал ее. Мы не произносили ни слова. Лида словно источала любовь и нежность. Меня охватило совершенно новое ощущение, и хотелось только одного – чтобы оно больше никогда не покидало меня. Она удивленно посмотрела на меня.

– Игорь, ты чего?

– Что врачи говорят? Что это было? – Я присел на краешек кровати, взял ее ладонь в свою, провел рукой по ее волосам, убирая непослушный локон с щеки.

– Переутомление. Не волнуйся. Ты лучше сам с ним поговори. Думаешь, они мне что-либо скажут? Я же для них пациент. А это не человек. Большая разница.

– Я понял. Поговорю.

– Ты хотел что-то сказать. Говори!

– Я могу тебя обрадовать. У нас с тобой случилось важное событие. – Она улыбнулась. Теперь я в ней видел свою прежнюю Лиду – лукавую, озорную. Лида молчала, ожидая окончания моего наивного спектакля.

– Я... – выдержал я паузу, – купил ... для... нас... – каждое слово вылетело из меня как пушечное ядро, медленно, гулко, весомо, – дом в Ставрополе. Как обещал.

Лида удивленно расширила глаза. Промолчала. Хотела что-то сказать, но решила смолчать. Вместо этого ее рука еще крепче сжала мою.

– Игорь!

Я чувствовал себя великаном, богатырем, самым счастливым мужчиной на земле в этот миг, потому что сумел ее обрадовать.

– Когда успел? – настороженно спросила она.

– Сегодня утром. Там главное – участок. А воздух!... И вообще, представь! Все это прямо почти в центре города. А Ставрополь – краевой центр. Не чета Армавиру.

Лида слушала молча и улыбалась. Думала, наверное, что я нисколько не меняюсь.

– Там еще какая-то халупа стоит, но ее сносить надо. И сад прекрасный.

– Много там строить нужно? – спросила она, когда я закончила.

– Жорка поможет. Он уже и разрешение на строительство делает.

– Значит, будет собственный дом? Как у родителей?

– Еще лучше. Для всех нас, и для... – я дотронулся рукой до ее животика.

Лида благодарно прикрыла своей ладонью мою.

Я замолчал. Она быстро уставала, и мой напор утомлял ее. Я почему-то вспомнил, как встречал ее по утрам в Анапе, когда она бежала купаться в море. Как давно все это было!..

И всякий раз я хотел до нее дотронуться, преисполниться невероятной изящности ее совершенных форм.

В палату вошел врач. Я поднялся.

– Здравствуйте, доктор. Каково состояние моей супруги?

Доктор почесал затылок, раскрыл медицинскую карту, которую держал в руке.

– Анализы хорошие. Сейчас никаких отклонений и угроз нет. Так что, не вижу смысла далее задерживать ее у нас.

Я не поверил своим ушам.

– Я могу забрать ее домой?

– Да, конечно. Только надо быть осторожными. И помните: из города – никуда. Совсем немного осталось.

Последующие дни и часы были похожи на гонку, которую прервал звонок Арии. Это произошло в обеденный перерыв, когда я сидел за рабочим столом, наслаждаясь мгновениями отдыха.

– Игорь, я встречался с вашим отцом. Когда вы можете быть в Москве? Все – только лично, не по телефону.

Голос его был сух и напряжен, что само по себе отвергало все вопросы.

– Я вечером уже смогу прилететь, – понимающе ответил я.

– Хорошо. Буду вам признателен. Позвоните из аэропорта, как прилетите. Жду.

XXXV

Мы встретились в ресторане. Официантки бесшумно положили перед нами меню, приняли заказ и растаяли.

Адвокат был весь как на иголках. Он как-то настороженно пожал мне руку.

– Надеюсь, вы не сердитесь, что я так неожиданно вас вызвал.

Он улыбнулся профессиональной улыбкой, в которой было столько же доброжелательности, сколько и предостережения.

– Какие новости, Семен Львович?

– Да, да, соловья баснями не кормят, – он позволил себе пошутить. «Может быть, у него хорошие новости» – мелькнула у меня надежда.

– Во-первых, Игорь Алексеевич, вашего отца содержат в изоляторе КГБ в Лефортово. На данный момент ни о свиданиях, ни о передачах не может быть и речи. Все

мои просьбы отклонили. Но я был у него, – он выразительно посмотрел на меня. – И имел с ним беседу.

Ария нахмурился, как будто вспоминая в мельчайших деталях все, что там произошло.

– Сидит он в одиночке. Нет худа без добра. Условия там значительно лучшие, чем в Бутырке. Там, конечно, гробовая тишина, но...

Он развел руками. Я понимал, что все эти слова – прелюдия.

Ария внимательно посмотрел на меня, вздохнул, как пловец, готовый к погружению, и медленно продолжил.

– Игорь, ты понимаешь, почему я тебя вызвал? – он неожиданно перешел на «ты», отчего у меня засосало под ложечкой. – Я чувствую, что я не нужен.

Я оторопело посмотрел на него, словно услышал самую невероятную вещь на земле, а он несколько раз кивнул головой, как бы подтверждая сказанное.

– Я разговаривал с твоим отцом. Я понял, что он – такой кремень, что ему никакой адвокат не нужен.

Я на секунду даже потерял дар речи.

– Он может защищать себя сам.

Ария возвысил голос, словно пробуя достучаться до моего сознания.

– Я не нужен! – повторил он визгливо.

Я смотрел на него, совершенно ничего не понимая.

– Он отсекает меня! – раздосадовано воскликнул Ария. И я понял, как он не хотел проявлять эту свою досаду, уж слишком личной, слишком мелкой она выглядела. – Я ему говорю, Алексей Наумович, поверьте мне, чудес не бывает. Прокуратура так просто не берет. – Ария произнес это уже почти спокойно. – А он, и в этом вся проблема, он недоволен моими действиями. Я это ясно понял.

Выражение его лица свидетельствовало о крайней растерянности. Я помолчал, кажется, угадав суть проблемы.

– Я пытался с ним вступить в диалог, но у меня ничего не получилось.

Он откинулся на спинку стула, слегка прищурился и пристально посмотрел, пытаюсь предугадать мою реакцию, и, оставив свою сдержанность, очень медленно и тихо продолжил:

– Я ему сказал самое главное: «Есть у них, Алексей Наумович, какой-то материал, позволивший... им вас... на законных основаниях..., – он хотел доконать меня своими паузами, – арестовать». Я ему говорю: «Они за что-то зацепились. И нашли этому доказательства». А вы знаете наш закон: рубль или миллион украл – определение одно и то же: дача взятки. И вы знаете, что я услышал в ответ на это? – Ария взял паузу и медленно, почти по слогам произнес, смотря прямо мне в глаза: – «Мне не о чем с вами, Семен Львович, говорить. Мне нечего с вами обсуждать, потому что я... себя... не чувствую.. в чем-то виноватым».

Ария еще раз пристально уставился на меня и прочел в моих глазах, что я не знаю, как это прокомментировать.

– Он как отрезал. Понимаете? Собственно, поэтому я вас и пригласил.

Ария перестал теребить в руках нож и вилку и в недоумении замолк, словно бы говоря: «Я с таким первый раз сталкиваюсь!» И тут же доброжелательно добавил:

– Ну, а чего вы будете тратить деньги? Зачем я вам нужен?

Глаза Арии превратились в две амбразуры. Ох, не прост был Семен Львович...

– Он действительно уверен в своей невинности. На что я ему сказал: «Алексей Наумович, я не хочу сейчас это обсуждать. Дай Бог, чтобы так оно и было на самом деле, но сюда так просто не попадают».

Ария закатил глаза, вспоминая снова что-то, ущемившее его адвокатский гонор, что-то, что сказал ему мой отец, и сейчас он за то мне выговаривает, но моменталь-

но изменил выражение лица и по-отечески доверительно продолжил:

– Вы от меня, Игорь, чего-то ждете, – почти горестно воскликнул он, – но в ситуации, когда ваш отец играет со мной в кошки-мышки, я ему помочь не в силах. Он отвергает азбучные истины защиты. И я вам вот что скажу, – он вдруг отбросил маску сдержанности. – Я ведь прежде, чем получить доступ к вашему отцу, имел встречу с Германом Петровичем Каракозовым, – я невольно подался вперед, – начальник следственного управления надеется на то, что я помогу им, что... – он помедлил, – ваш отец пойдет на сделку со следствием. А тогда, – вторая невыносимая пауза, – ему смогут смягчить наказание.

Это было серьезно. Мне потребовалось время, чтобы суммировать и разложить по полкам эту ошеломляющую информацию. Арию нельзя было терять, но самолюбивую натуру адвоката можно было умаслить.

Я прокашлялся.

– Семен, – голос мой набрал силу, в нем зазвенел металл уверенности, – независимо от результата, я хочу вам сказать: вы будете защищать моего отца. И я не хочу к этому вопросу больше возвращаться. Точка.

Я стукнул ладонью по столу так, что тарелки зазвенели. Арии моя реакция понравилась. Он несколько секунд изучающее смотрел на меня, проверяя свое впечатление, потом удовлетворенно кивнул. Моя напористость, предназначением которой, вероятно, и было протащить меня сквозь большинство тяжелых ситуаций, и на этот раз позволила мне сорвать куш.

– Ты должен понимать, Игорь, что твой отец – скала, его сломить невозможно. – Адвокат дотронулся ладонью до моей руки и тут же отдернул, как обжегшись. – Его не сломить. Я в этом глубоко уверен. Бесполезно.

И он хитро улыбнулся.

Я задумался. Огорошившее меня поначалу заявление адвоката на самом деле имело и положительный смысл: отец был на коне, отец был готов бороться.

На этой странной ноте мы с Арией и простились.

Я поехал на квартиру отца. Надо было все обдумать. Звонить Исаю я сейчас не мог, не хотел. А совет его мне был очень необходим.

Впрочем, этот звонок мог и подождать.

Валя тут же набросилась на меня с расспросами. Мне не хотелось распространяться на эту тему. Я тепло обнял ее, прошел на кухню.

– Адвокат говорит, что свой срок отец все же получит, – ответил я сухо. – Сейчас остается только ждать.

Она молча приняла это страшное сообщение.

– А когда я смогу его увидеть?

– Когда дело закончат. Сейчас нельзя ни передачу передать, ни свидание попросить, его даже на похороны Лизы не отпустили.

Я обескуражено развел руками, как бы говоря, вот, собственно, и все. Валя удивленно посмотрела на меня, словно я о чем-то умолчал, не сказал самого главного, того, не просил ли отец передать что-то лично ей. Но, не дождавшись, покорно кивнула.

– Все на столе. Ешь, – произнесла она и ушла к себе.

Мне стало ее жалко. Может быть, я поступил жестоко, так мало рассказав ей об отце и не упомянув о том, что он хотя бы раз вспомнил о ее существовании. Мне трудно было изменить свое к ней отношение.

Я изображал беззаботность, но на самом деле мне было куда как далеко до такого состояния. Когда я думал про отца, я понимал, что одновременно несу ответственность и за Хаво, за Нахамьё, за весь наш род.

Я понял, что должен немедленно позвонить Арии, заставить его действовать. Этот импульс был не менее мощным, чем тот, что проник сквозь туман моей усталости. Я ощутил знакомый страх – трепетный, почти изысканный, словно тень некоей затаенной гордости, страх за молчание, исходившее из Армавира. Как там Лида?

С этой мыслью я провалился в тяжелый, глухой, без сновидений сон. А в самом конце этого сна я услышал Лидин крик.

Проснулся я от того, что меня кто-то тряс за плечо:

– Игорь! Игорь! Проснись!

– А? Что?! – Я вскочил с кровати, движения мои были неловки. За окном было еще темно. – Милиция?

Рядом в темноте стояла Валя. Ее силуэт в темноте казался абсолютно плоским, словно его вырезали из картона и приставили к моей кровати.

– Поздравляю тебя! – каким-то сдавленным то ли спросонок, то ли от слез голосом воскликнула она. – Лида родила!

– Что?

Сон слетел с меня. Я посмотрел по сторонам, словно сейчас здесь должны были находиться все те, кому я был обязан этим великим известием. Но я был один. Застигнутый врасплох, я вдруг испугался спутать явь со сном.

– Игорь, ты что глухой? – Раздался звонкий Валин голос. – Ты отец!

– Когда это случилось? – я вскочил с кровати.

– Только что звонила Тамара, сказала, что ночью Лиде стало плохо.

– Как плохо?

– Да послушай ты меня... Ей вызвали скорую и забрали, воды начали отходить. Успели довести. Там же ее ждали? В общем, она родила. Ты же знаешь, какая у нас связь.

Может быть, она что-то еще говорила, я ничего не разобрала. У тебя родился сын!

Я чувствовал, что она улыбается. Господи, ты снова обернулся лицом к роду Бабаевых. Какая великая весть!

Я посмотрел на темное небо. Мне показалось, что там, за горизонтом, восходит солнце. Солнце моей радости.

Все остальное моментально отошло на второй план. Мир взорвался миллионом радуг. Это было то, что я так долго ждал, о чем запрещал себе думать, чего боялся и что теперь, в одну секунду стало радостной явью, которую невозможно описать словами, будто каждая клеточка твоего тела возвещает миру: «Ты – отец! Ты – бессмертен!»

Облако из миллиона благодарственных слов миру и Создателю взрывает твой мозг. Я в одну секунду стал больше на целый мир, на еще одну жизнь, мое «я» обрело еще одну душу в этом счастливейшем из миров, в котором свершилось еще одно чудо – родилась новая жизнь! Я был бесконечно благодарен этому миру и Создателю за это мгновение, за эту неизбывную радость.

Только что с Лидой? Как она себя чувствует?

Ее лицо предстало передо мной. Я бросился к телефону – стал набирать наш армавирский номер. Связи не было. Да и кто мне мог ответить в такую рань. Я наспех собрался и выскочил из дому.

– Валя, прощай! – крикнул я ей на ходу. – Я позвоню.

Такси моментально домчало меня до Внуково. Во время перелета я с трудом высидел на месте. Казалось, что я персонаж какого-то замедленного кинофильма. Почему же люди этого не понимают? Почему не разделяют моего счастья?!

Из аэропорта я помчался прямо в роддом. Только бешеная скорость могла соответствовать моему внутреннему состоянию. Только скорость и мощь. Только бесконечное и безграничное будущее, дарованное отцовством. Лида

родила! И в этом мне виделось величие собственного «я»! А то, что я не в силах был выразить переполнявшие меня эмоции словами, придавало моему состоянию еще больше остроты. Мне хотелось смеяться, как сумасшедшему, хотелось оповестить весь мир о своем счастье. Все преграды сейчас казались мне смешными.

И вот наконец-то появился Лидин лечащий врач. Такой румяный и довольный... Плохие новости, если они есть, сразу угадываются по лицу врача. У подошедшего ко мне мужчины лицо было лошеное, уверенное и такое же радостное.

– Это не рано произошло? – желая отсечь опасения, прокричал я ему, даже не поздоровавшись.

Тот улыбнулся.

– Родила раньше срока, но вы не волнуйтесь... И мама, и малыш чувствуют себя хорошо. Такое бывает. Ничего страшного.

– Что-нибудь нужно?

– Нет, спасибо. У них все есть. Если только то, что пожелает ваша супруга.

– Я могу их увидеть?

– Супругу – можете, а ребенка – попозже.

Я накинул халат и, путаясь в широченных полах, бросился к Лиде в палату. Каким-то чудом в моих руках оказался огромный букет роз. Я даже сам не помнил, где и как успел его купить. Но разве можно быть Бабаевым и не совершать чудеса для своих любимых!

Лида лежала на кровати, словно завершившая тяжелую работу. Лицо ее светилось.

Я замер, ослепленный стеной света, восставшей передо мной.

– Игорь! – Я тотчас заметил красные точки кровоизлияний после родовых схваток.

– Господи! Лидочка, родная! Как ты себя чувствуешь?! – вскричал я.

– Все хорошо, Игорь, – прошептала она одними губами.

Я подбежал к ней. Сел на краешек кровати.

– Я прямо с дороги. Только примчался!

Лида кивнула.

– Вот это сюрприз! Ты это специально? Так неожиданно!

Лида еле заметно улыбнулась.

– Прости.

– Все хорошо, все хорошо, – зашептал я.

Бог услышал мои молитвы. Он нашел самый простой способ сделать меня счастливым, забыть о всех неприятностях. Если бы я только умел молиться, чтобы Он услышал мои слова!

– Все прошло хорошо, – повторила она. – Быстро. Он такой хорошенький! Игорь... Я его видела. Он... Он на тебя похож.

Я взял ее нежно за руку, чуть-чуть сжал теплые, тонкие пальчики.

– Лидочка! – я засмеялся. Я не знал, что говорить. Мне хотелось только кричать от радости. Но я сдерживал себя. И Лида все это прочитала на моем лице. – А ты боялась... – только и прошептал я.

– Это ты боялся, – тут же парировала Лида. – Я знала, что все будет хорошо. Она всегда и везде оставалась самой собой.

Меня душили чувства. Я не хотел проявлять их здесь, на глазах у всех, но внутри меня бушевал огонь.

– Ты что-то хочешь? Тебе что привезти?

– Здесь все есть! – Она улыбнулась. – Привези что хочешь! Я ... – она сама и не знала, чего ей хочется, и это неведение только радовало ее, ибо самое главное было уже позади.

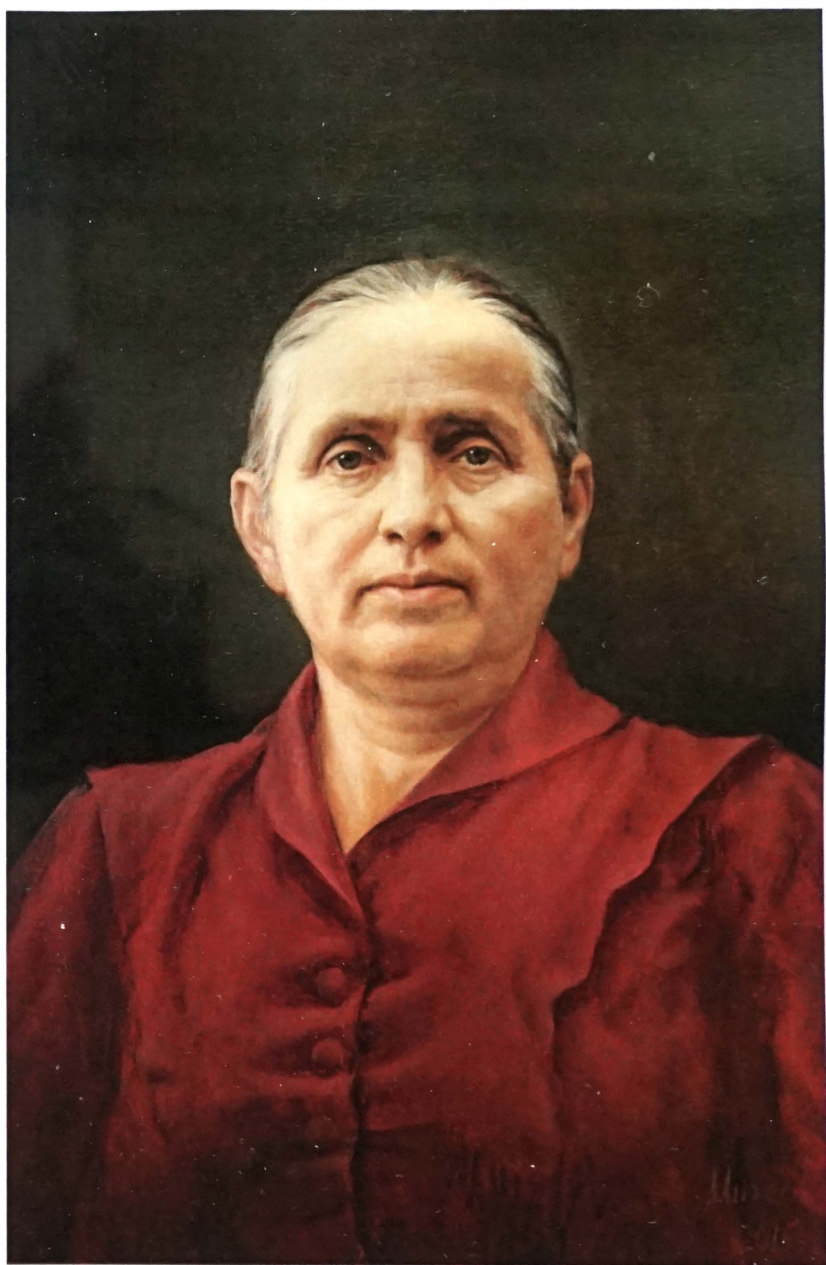
Великий труд, великое чудо рождения свершилось, и теперь надо было только ему соответствовать. Словно это была награда, незаслуженно обретенная нами.

Я возвращался домой как пьяный. Тело мое было словно воздушным. Но сознание и дух были обостренны и чутки как никогда. Плоть чувствовала себя обновленной. Ноги не касались земли. Ходьба доставляла удовольствие, было приятно чувствовать, как при каждом шаге напрягается каждая мышца. Свежий воздух, проникая в ноздри, наполнял ощущением неизъяснимого счастья, дарованного небесами. И никаким невзгодам прошлого не дано было его растоптать. И тут я явственно услышал вдалеке над городом яростный звук шофара, возвещающий миру весть о рождении моего сына!

Теперь мне ничего не было страшно!

Божий промысл свершился!

Игорь Алексеевич Бабаев

НАСЛЕДИЕ

Книга четвертая

Нахамьё и Хаво

УДК 821. 161.1-94

ББК 84 (2Рос-Рус)6

Б12

Б 12 Бабаев И. А.

Наследие: Книга четвертая: Нахамьё и Хаво. –
М.: 2016. – 456 стр.

